
ЖЮЛЬ ВЕРН
Упрямец Керабан
•
Вторжение моря

Annotation

«Упрямец Керабан» — одна из самых увлекательных и веселых книг великого фантаста Ж. Верна. Приключения, описанные на ее страницах, происходят в Турции, в Крыму, на Кубани, в Грузии.

- Жюль Верн
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава первая,
    - Глава вторая,
    - Глава третья,
    - Глава четвертая,
    - Глава пятая,
    - Глава шестая,
    - Глава седьмая,
    - Глава восьмая,
    - Глава девятая,
    - Глава десятая,
    - Глава одиннадцатая,
    - Глава двенадцатая,
    - Глава тринадцатая,
    - Глава четырнадцатая,
    - Глава пятнадцатая,
    - Глава шестнадцатая,
    - Глава семнадцатая,
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава первая,
    - Глава вторая,
    - Глава третья,
    - Глава четвертая,
    - Глава пятая
    - Глава шестая,
    - Глава седьмая,
    - Глава восьмая,
    - Глава девятая,
    - Глава десятая,
    - Глава одиннадцатая,
    - Глава двенадцатая,
    - Глава тринадцатая,
    - Глава четырнадцатая,
    - Глава пятнадцатая,
    - Глава шестнадцатая,
- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45

- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90

- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135

- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180

- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225

- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270

- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315

- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352

Жюль Верн
УПРЯМЕЦ КЕРАБАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая,

в которой ван Миттен и его друг Бруно гуляют, смотрят, беседуют, не понимая, что происходит.

В тот день, 16 августа, в шесть часов вечера площадь Топ-Хане в Константинополе[1] обычно многолюдная и оживленно гомонящая, была молчаливой, мрачной и почти пустынной. С высоты спускающейся к Босфору[2] лестницы открывался чудесный вид, но ему явно недоставало людей. Только несколько иностранцев, облаянных сворой бездомных собак, спешили взобраться по узким и грязным улочкам в предместье Пера. Именно там, на холме, находился квартал, специально отведенный для чужеземцев. Его каменные дома выделялись белизной на черном фоне кипарисов.

И все же она очень живописна, эта площадь. Даже без разноцветной пестроты костюмов. Живописна и как бы создана, чтобы ласкать взгляд. Чего тут только нет! Мечеть[3] Махмуда со стройными минаретами[4]; прелестный фонтан в арабском стиле. Лавки — здесь продаются шербеты и тысячи других сладостей. Витрины завалены тыквами, дынями Смирны[5] и виноградом Скутари[6]. Они успешно соперничают с лотками торговцев благовониями и продавцов четок. А лестница! К ней причаливают сотни живописных каиков[7], их двойные весла в скрещенных руках каиджи[8] не бьют, а ласкают голубые воды Золотого Рога[9] и Босфора.

Но где же находились в этот час праздные завсегдатаи площади Топ-Хане? Персы, кокетливо увенчанные астраханскими колпаками? Греки, не без элегантности покачивающие своей фустанеллой[10] с тысячью складок? Черкесы, в их неизменной одежде военного покроя? Грузины, остающиеся русскими даже за границей? Арнауты[11], чей густой загар просматривается в вырезах их вышитых курток? И наконец, турки, эти османы, сыновья древнего Византия[12] и старого Стамбула! Где они?

Наверняка не имело смысла спрашивать об этом у двух западноевропейцев, которые настороженно прогуливались по площади, почти в полном одиночестве. Они явно не нашлись бы, что ответить.

Более того. И в самом городе, за пределами порта и с другой стороны Золотого Рога царили столь же непонятные тишина и пустынность. Безмолвно синела глубокая открытая впадина между старым Сераем[13] и пристанью Топ-Хане. Понтонные мосты, соединяющие правый и левый берега, образовывали огромный амфитеатр[14] Константинополя — и он тоже казался уснувшим. Неужели никто, и впрямь, не бодрствовал в эти минуты во дворце Серай-Бурну? И куда исчезли все верующие, хаджи[15] в мечетях Ахмеда, Баязида, Святой Софии, Сулеймана? Похоже, бесконечно длился послеобеденный отдых надзирателя Сераскирекой башни, равно как и его коллеги из Галатской башни. А ведь обоим им вменялось в обязанность следить за началом пожаров, столь частых в городе!

Да вправду ли это знаменитый Константинополь — гроза Востока, воплощенная в действительность волей Константина[16] и Мехмеда II[17]? Вот о чем спрашивали себя иностранцы, бродившие по площади — двое голландцев из Роттердама. Странная прихоть судьбы привела Яна ван Миттена, с его лакеем Бруно, на самый край Европы.

Всем известный ван Миттен имел внешность столь же непримечательную, сколь и

располагающую. Ему было под пятьдесят. Белокурый, с небесно-голубыми глазами, светлыми бакенбардами и бородкой, без усов. Щеки — наливное яблочко, нос чуть вздернут. Широкоплечий, высокий, он, возможно, был задуман как спортсмен, но давний замысел природы оказался перечеркнут уже появившимся животиком. Одним словом, он представлял собой доброго малого — типичный голландский бюргер.

Кому-то мягкий и общительный ван Миттен, всегда готовый уступить в спорах, прямо-таки созданный для компромиссов, возможно, показался бы немного слабохарактерным. Но о таких обычно говорят: меньше упрямства — больше обаяния. Или еще так: шелк приятней железа! Только один раз за всю жизнь ван Миттен, доведенный до крайности, позволил вовлечь себя в спор, последствия которого расхлебывал до сих пор. Наверное, доброму малому в тот роковой раз действительно следовало уступить. Если бы он знал, что уготовило ему будущее! Не станем, однако, забегать вперед, — назидание не должно опережать действия.

— Итак, хозяин? — заговорил Бруно, когда оба добрались до площади Топ-Хане.

— Итак, Бруно?

— Вот мы и в Константинополе…

— Да, в Константинополе, иначе говоря, в нескольких тысячах лье[18] от Роттердама.

— Согласитесь, наша Голландия сейчас далековата!

— Я никогда не смог бы находиться от нее слишком далеко, — вполголоса промолвил ван Миттен так, словно Голландия могла его расслышать.

В лице Бруно ван Миттен имел самого преданного слугу, который даже внешне стал на него походить. За двадцать лет слуга и господин, вероятно, не разлучались ни на один день. Если Брутто и не поднимался до положения друга, то, уж во всяком случае, был чем-то значительно большим, нежели просто лакеем. Службу свою он исполнял умно и методично, не стеснялся давать советы, из которых ван Миттен мог бы извлечь пользу. Случалось, даже делал замечания, которые хозяин охотно принимал. Больше всего расстраивало слугу то, что его господин находился как бы у всех под каблуком и не мог сопротивляться желаниям других, одним словом, не проявлял характера.

«Это принесет вам беду, — частенько повторял он, — вам и мне тоже!»

Здесь нужно добавить, что Бруно, который достиг к тому времени сорокалетнего возраста, по природе своей был домоседом и не переносил разъездов. Перемещения утомляют, нарушают равновесие в организме, и человек начинает уставать и худеть, а Бруно, имевший привычку взвешиваться каждую неделю, очень дорожил своим представительным видом. Поступив на службу к ван Миттену, он весил менее ста фунтов[19] что для голландца — унизительно мало. Но затем благодаря прекрасному распорядку жизни в новом доме менее чем за год прибавил фунтов тридцать. Теперь-то он мог, не стесняясь, появляться в любом обществе! К моменту, о котором идет речь, Бруно весил уже сто шестьдесят семь фунтов — чем не среднестатистический голландец! Но скромность — прежде всего, поэтому достичь двухсот фунтов он собирался лишь в пожилом возрасте.

В общем, будучи привязанным к дому, своему родному городу и стране, Бруно ни за что без серьезных причин не согласился бы покинуть ни свое обиталище на канале Ниуе-Хавен, ни добрый Роттердам — первый, по его понятиям, город среди всех городов, ни свою Голландию — самое прекрасное королевство в мире.

Все это так, но не менее верно также и то, что в день, о котором мы говорим, Бруно находился в Константинополе — древней Византии, Стамбуле турок, столице оттоманской.

Кем же, в конце концов, был ван Миттен? Богатым купцом из Роттердама. А если точнее — торговцем табаком, консигнатором[20] лучшей продукции Гаваны, Мериленда, Виргинии, Варинаса, Пуэрто-Рико и особенно Македонии, Сирии и Малой Азии.

Уже двадцать лет, как ван Миттен осуществлял солидные сделки с константинопольской фирмой Керабана, которая отправляла свои знаменитые сорта Табаков во все пять частей света. Благодаря длительной переписке с этой солидной компанией голландский негоциант[21] в совершенстве выучил турецкий язык, или османский (как его тогда называли на всей территории империи), и разговаривал на нем, как настоящий подданный падишаха или амир-ал-муминина[22]. По этой же причине и Бруно, который, как упоминалось выше, был зеркальным отражением своего хозяина, говорил по-турецки не хуже, чем тот.

Между нашими двумя оригиналами существовал даже уговор, что, находясь в Турции, они будут говорить только по-турецки, чтобы ничем не отличаться от остальных. И действительно, если бы не костюмы европейского покроя, то их можно было бы принять за двух османцев старинного рода. Это, между прочим, нравилось ван Миттену, хотя и вызывало некоторое неудовольствие у Бруно.

И, тем не менее, как послушный слуга он каждое утро говорил хозяину: «Efendim, emriniz ne dir?»

Что значило: «Что вам угодно, господин мой?»

Хозяин, в свою очередь, отвечал ему на хорошем турецком: «Sitrimi pantalounymi fourtcha».

И это означало: «Почисти щеткой мой сюртук и брюки».

Из всего сказанного становится вполне понятным, почему ван Миттен и Бруно так свободно расхаживали по Константинополю: во-первых, они очень прилично разговаривали на местном языке; затем, им не могла не оказать дружеского приема фирма Керабана. Глава этой фирмы уже бывал в Голландии и теперь, по закону гостеприимства, выказывал расположение своему роттердамскому корреспонденту. Это как раз и послужило основной причиной того, что ван Миттен покинул свою страну и обосновался в Константинополе, а Бруно послушно последовал за ним, и того, наконец, что оба они расхаживали теперь на площади Топ-Хане.

В этот уже поздний час по улицам фланировали[23] и несколько других прохожих. Кроме иностранцев, можно было увидеть и двух-трех подданных султана, разговаривавших друг с другом. Хозяин кофейни, в центре площади, не спеша расставлял столики, в ожидании посетителей.

— Через час, — заметил один из турок, — солнце закатится в воды Босфора, и тогда…

— И тогда, — подхватил второй, — мы сможем есть, пить и, особенно, вдоволь курить.

— Все же он излишне долог, этот пост рамадана[24].

— Как и все посты.

Со своей стороны, двое иностранцев, гуляя перед кофейней, обменивались замечаниями.

— Они удивительны, эти турки, — рассуждал один. — Если бы какой-нибудь путешественник посетил Константинополь в столь скучный пост, он унес бы с собой поистине грустное представление о столице Мехмеда Второго!

— Ба! — возразил другой. — Воскресный Лондон не веселее. Если турки постятся днем, то ночью они наверстывают упущенное. Вот раздастся пушечный выстрел на закате —

и, увидите, вместе с запахом жареного мяса, ароматом напитков, дымом чубуков[25] и сигарет, улицы снова примут свой обычный вид.

Словно в подтверждение его слов, в тот же момент хозяин кофейни позвал своего слугу, крича:

— Живей, поворачивайся! Через час нахлынут постящиеся и начнется столпотворение!

Двое иностранцев продолжили разговор:

— Мне кажется, что Константинополь интереснее наблюдать как раз в рамадан. Если день здесь грустен, хмур и угрюм, как и в среду[26] нашего поста, то ночи — веселы, шумны и разгульны, как в карнавальный вторник.

— О да, вы правы.

Пока оба иностранца обменивались замечаниями, турки не без зависти поглядывали на них.

— Хорошо этим иностранцам, — говорил один. — Могут пить, есть и курить, если хочется.

— Без сомнения, — поддержал другой, — если что-нибудь раздобудут! Но сейчас им не отыскать ни кебаба из баранины, ни плова из цыпленка с рисом, ни ломтя баклавы[27], ни даже куска арбуза или огурца. Мы постимся по закону, а они — поневоле!

— Да просто они не знают хороших местечек. За несколько пиастров[28] всегда можно найти покладистых торговцев, которые получили у Мухаммада освобождение от поста.

— Ей-богу, мои сигареты попусту сохнут в кармане! — воскликнул один из турок. — И пусть не говорят, что я потерял добровольно хоть несколько крупиц латакие[29].

Рискуя вызвать неодобрение, этот правоверный, мало стесняемый заповедями Корана[30] достал сигарету, зажег ее и сделал две-три быстрые затяжки.

— Смотри, — предостерег его товарищ, — если пройдет кто-либо из малотерпимых улемов[31], ты…

— Ладно, — отмахнулся тот, — я спасусь тем, что проглочу дым, и никто ничего не заметит.

Оба приятеля продолжили прогулку, слоняясь по площади, а затем и по соседним улицам, поднимающимся к предместьям Пера и Галата[32].

— Да, хозяин, это странный город! — воскликнул Бруно, поглядывая направо и налево. — После того как мы покинули гостиницу, я вижу только тени обитателей. Настоящие призраки Константинополя! Какое-то сонное царство. Даже эти тощие желтые собаки не пошевелятся, чтобы укусить тебя за икры… Ну и ну! Что бы там ни рассказывали путешественники, странствия ничего не дают. Я предпочитаю наш добрый Роттердам и серое небо старой Голландии.

— Терпение, Бруно, терпение! — спокойно заметил ван Миттен. — Мы приехали только несколько часов назад. Должен, однако, признать, что это вовсе не тот Константинополь, о котором я мечтал. Человек воображает, что окажется на настоящем Востоке, погрузится в сказку из «Тысячи и одной ночи», а на самом деле становится узником…

— …огромного монастыря, — докончил Бруно, — посреди людей, хмурых, как отшельники.

— Мой друг Керабан объяснит нам, что это значит! — утешил слугу ван Миттен.

— Но где же мы сейчас находимся? — спросил Бруно. — Что это за площадь? Что за

набережная?

— Если я не ошибаюсь, — ответил ван Миттен, — мы на площади Топ-Хане, на самом краю Золотого Рога. Перед нами — Босфор, который омывает берег Азии, а с другой стороны порта ты можешь увидеть верхушку Серая и турецкий город, — вон он, громоздится ярусами.

— Серай! — воскликнул Бруно. — Это и есть тот дворец султана, где он живет со своими восемьюдесятью тысячами одалисок[33]?

— Восемьдесят тысяч, Бруно, — это слишком, даже для турка. В Голландии, как ты знаешь, и с одной-то женой порядка в доме не жди.

— Ладно, ладно, хозяин! Постараемся не говорить об этом совсем, а уж если придется, то как можно меньше.

Затем, повернувшись к по-прежнему пустующей кофейне, Бруно заметил:

— Но вот, по-моему, уютный уголок. Мы замучились, пока спускались в предместье Пера. Турецкое солнце совсем нас зажарило, и я не удивлюсь, если хозяин захочет освежиться.

— Это способ сказать мне, что ты сам хочешь пить, — улыбнулся ван Миттен. — Хорошо, зайдем в эту кофейню.

И оба направились к маленькому столику перед заведением.

— Каваджи! — крикнул Бруно, похлопав на европейский манер.

Никто не появился.

Бруно позвал еще раз, но уже громче.

Хозяин возник в глубине кофейни, но не проявил никакой готовности подойти.

— Иностранцы… — бормотал он, заметив обоих клиентов перед столиком. — Они в самом деле думают, что…

Наконец он приблизился.

— Каваджи, дайте нам бутылочку вишневой. И свежей! — попросил ван Миттен.

— С пушечным выстрелом, — ответил хозяин.

— Как это «вишневая с пушечным выстрелом»? — удивился Бруно. — С мятой, с мятой!

— Если у вас нет вишневой, — сказал ван Миттен, — дайте стакан розового рахат-лукума[34]. Говорят, что он превосходен.

— С пушечным выстрелом, — повторил владелец кофейни, пожимая плечами.

— Но что он имеет в виду под своим пушечным выстрелом? — спросил Бруно у хозяина.

— Посмотрим, — ответил тот, все еще не теряя спокойствия. — Если у вас нет рахат-лукума, дайте нам чашку мока[35]… шербета[36]… что угодно, друг мой.

— С пушечным выстрелом!

— С пушечным выстрелом? — недоумевает ван Миттен.

— Не раньше, — сказал хозяин.

И без дальнейших церемоний он вернулся в свое заведение.

— Вот что, хозяин, — сказал Бруно, — уйдемте-ка отсюда. Здесь нечего делать. Посмотрите только на этого невежу-турка, который отвечает вам «пушечными выстрелами».

— Верно, Бруно, — согласился ван Миттен. — Мы несомненно найдем какую-нибудь кофейню получше.

И оба вернулись на площадь.

— Решительно, хозяин, — сказал Бруно, — пора бы нам встретить вашего друга, господина Керабана. Без него нам тут ни за что не разобраться, что к чему.

— Да, Бруно. Но немного терпения. Нам было сказано, что встретим его на этой площади…

— Не ранее семи часов, хозяин! Это сюда, к лестнице Топ-Хане, должен причалить каик и перевезти его на другую сторону Босфора, на виллу в Скутари.

— Действительно, Бруно, и этот уважаемый негоциант сумеет ввести нас в курс того, что здесь происходит. Уж он-то — настоящий осман! Неколебимый приверженец старотурецкой группировки. Эта группировка знать не знает никаких новшеств в промышленности, и, поверишь ли, господин Керабан предпочитает дилижанс[37] железной дороге и тартану[38] пароходу. За те двадцать лет, что мы вместе ведем дела, я не замечал никаких перемен в его мышлении. Помню, три года назад он посетил меня в Роттердаме. Приехал в почтовой карете и вместо восьми дней потратил на езду целый месяц. Да, Бруно, за всю жизнь я видел много упрямцев, но такого — никогда.

— Он очень удивится, встретив вас здесь, в Константинополе, — заметил Бруно.

— Я думаю! — улыбнулся ван Миттен. — Мне так и хотелось — преподнести ему такой сюрприз. По крайней мере, в его компании мы окажемся в настоящей Турции. Да! Мой друг Керабан никогда не согласится надеть снова костюм Низама, синий сюртук и красную феску[39] этих новых турок.

— Когда они снимают свою феску, — засмеялся Бруно, — то становятся похожими на откупоренные бутылки.

— Ах, этот милый и неизменный Керабан! — сказал ван Миттен. — Помню, как он выглядел, когда был у меня, на другом краю Европы: расширяющийся тюрбан[40], желтый или коричневого цвета кафтан… В этом наряде я его увижу и здесь!

— Так одеваются торговцы финиками! — воскликнул Бруно.

— Да, но он мог бы продавать золотые финики и даже питаться исключительно ими. Вот так! Керабан занимался коммерцией, вполне подобающей для этой страны. Торговец табаком! Да и как не разбогатеть в городе, где все курят с утра до вечера и даже с вечера до утра?

— Как, курят? — удивился Бруно. — Но где это вы видите курящих, хозяин? Никто не курит, никто! А я-то ожидал, что всюду перед дверями будут группы турок с наргиле[41] или с длинными вишневыми трубками в руках и с янтарными мундштуками во рту. Но нет! Ни одной сигары, ни хотя бы сигареты…

— Действительно, что-то непонятное, Бруно, — согласился ван Миттен, — в Роттердаме на улицах табачного дыма больше, чем в Константинополе!

— А вы уверены, хозяин, — спросил Бруно, — что мы не ошиблись дорогой? Это в самом деле столица Турции? Вдруг мы уехали в противоположную сторону, и это вовсе не Золотой Рог, а Темза со своими бесчисленными пароходами? Смотрите, вон та мечеть — не Святая София, а Святой Павел! Это Константинополь? Никоим образом! Это Лондон!

— Успокойся, Бруно, — похлопал слугу по плечу ван Миттен. — Мне кажется, что ты слишком нервничаешь для голландца. Будь спокойным, терпеливым, флегматичным, как твой хозяин, и не удивляйся ничему. Мы покинули Роттердам из-за… того, что ты знаешь…

— Да! Да! — поспешил согласиться Бруно.

— Мы добирались через Париж, Сен-Готард[42], Италию, Бриндизи[43], Средиземное море, и нет оснований полагать, что транспортный пакетбот[44] доставил нас после

восьмидневной поездки на Лондонский мост, а не на мост Галаты.

— Однако… — попытался возразить слуга.

— Прошу, даже приказываю тебе не допускать таких шуток в присутствии моего друга Керабана. Обидится, чего доброго! Начнет спорить, заупрямится…

— Постараюсь, хозяин, — ответил Бруно. — Но раз уж нельзя здесь освежиться, то, я думаю, закурить трубку не возбраняется? Вы не возражаете?

— Нет, Бруно. Для меня, торговца табаком, нет ничего более приятного, чем вид человека с трубкой. Жаль, что природа дала нам только один рот. Правда, есть еще нос, чтобы нюхать табак…

— И зубы, чтобы его жевать, — дополнил Бруно. Разговаривая таким образом, он набил свою огромную трубку из раскрашенного фарфора, зажег и с видимым удовольствием сделал несколько затяжек.

В этот момент на площади появились уже знакомые нам приятели — турки, которые протестовали против ограничений рамадана. И тот из них, который не постеснялся закурить сигарету до заката, заметил Бруно, прогуливающегося с трубкой во рту.

— Ей-богу, — сказал он своему спутнику, — вот еще один из этих проклятых иностранцев, он осмеливается пренебречь запрещением Корана! Я этого не потерплю…

— Потуши, по крайней мере, свою сигарету, — заметил второй.

— Да.

И, отбросив сигарету, он направился прямо к достойному голландцу, никак не ожидавшему подобного вмешательства.

— С пушечным выстрелом, — процедил сквозь зубы турок и грубо вырвал у чужестранца трубку.

— Э, моя трубка! — запротестовал Бруно. Хозяин безуспешно пытался удержать его.

— С пушечным выстрелом, христианская собака!

— Сам ты — турецкая собака!

— Спокойно, Бруно, — урезонил его ван Миттен.

— Пусть он, по крайней мере, отдаст мою трубку! — кипятился Бруно.

— С пушечным выстрелом! — повторил турок в последний раз, и трубка исчезла в складках его кафтана.

— Пошли, Бруно, — сказал ван Миттен. — Никогда не нужно оскорблять обычаи страны, по которой путешествуешь.

— Воровские обычаи!

— Пошли, говорю я тебе. Мой друг Керабан не появится на этой площади раньше семи часов. Продолжим прогулку; придет время, и мы встретимся с ним.

И ван Миттен увлек за собой Бруно, вконец раздосадованного потерей трубки, которой он, как заядлый курильщик, очень дорожил.

А в это время турки говорили друг другу:

— Эти иностранцы думают, что им все можно.

— Даже курить до захода солнца!

— Дать тебе огня? — спросил один.

— Давай, — ответил другой и зажег сигарету.

Глава вторая,

в которой интендант[45] Скарпант и капитан Ярхуд разговаривают о планах, которые полезно знать.

В то время, как ван Миттен и Бруно шли по набережной Топ-Хане, некий турок появился со стороны моста Валиде-Султане, соединяющего Галату через Золотой Рог со Старым Стамбулом, быстро обогнул угол мечети Махмуда и остановился на площади.

Было шесть часов. В четвертый раз за день муэдзины[46] поднялись на балконы минаретов. Их голоса медленно плыли над городом, призывая правоверных к молитве и посылая в пространство священную формулу: «Ля иляха илля-ллах ва Мухаммадум расулю-ллах!» («Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха!»)

Турок оглядел редких прохожих, а затем стал нетерпеливо всматриваться в улицы, выходящие на площадь, стараясь увидеть, не идет ли тот, кого он ожидал.

— Этот Ярхуд не придет-таки, — бормотал турок. — Хотя и знает, что обязан быть здесь в условленный час.

Он прошелся еще несколько раз по площади, приблизился к северному углу казармы Топ-Хане, посмотрел в сторону мастерской по литью пушек, топнул ногой как человек, который не любит ждать, и вернулся к кофейне, в которой напрасно надеялись отдохнуть ван Миттен и его слуга. Затем незнакомец присел к одному из свободных столиков, ничего не прося у хозяина, так как хорошо знал, что еще не наступило время для подачи разнообразных напитков оттоманских винокурен.

Этот турок был не кем иным, как Скарпантом, интендантом господина Саффара — богатого оттомана, жившего в Трапезунде[47], той части азиатской Турции, которая образует южное побережье Черного моря. Господин Саффар путешествовал по южным районам России. Побывав затем и на Кавказе, он собирался вернуться в Трапезунд, в полной уверенности, что Скарпант, которому он не так давно кое-что поручил, добился полного успеха. Саффар никогда и мысли не допускал, что кто-либо из служащих может потерпеть неудачу при выполнении важного задания. Его задания! Он любил показывать могущество, которое всюду и везде давали ему деньги, что называется, распускал павлиний хвост, с той характерной хвастливостью, что присуща малоазиатским набобам. Интендант его, о котором уже упоминалось, был, в свою очередь, человеком дерзким, не отступающим ни перед какими препятствиями, готовым правдами и неправдами удовлетворять любые прихоти своего хозяина. Именно для этого Скарпант прибыл в этот день в Константинополь и ждал теперь в условленном месте некоего мальтийского[48] капитана — субъекта такого же сорта, что и он сам.

Этот капитан, по имени Ярхуд, командовал тартаной «Гидара» и регулярно плавал по Черному морю. Кроме обычной коммерции, он занимался и гораздо менее благовидной торговлей — черными рабами из Судана, Эфиопии или Египта, а также черкесскими и грузинскими невольниками. Рынок для такого рода сделок находился как раз в квартале Топ-Хане, а правительство очень мило закрывало на это глаза.

Итак, Скарпант ждал, а Ярхуд все не появлялся. И хотя внешне интендант продолжал оставаться невозмутимым, в нем уже начинало закипать раздражение.

— Где эта собака? — бормотал он. — Не наткнулся ли капитан на какую-нибудь неожиданность? Он должен был покинуть Одессу позавчера! Ему полагалось бы уже быть здесь, на этой площади, в этой кофейне, в этот назначенный мною час!

Пока он все больше выходил из себя, на углу набережной появился некий мальтийский моряк. Это и был Ярхуд. Посмотрев направо и налево, он заметил Скарпанта. Тот сразу же поднялся, вышел из кофейни и направился к капитану «Гидары».

— Я не привык ждать, Ярхуд! — сказал Скарпант тоном, в значении которого невозможно было ошибиться.

— Пусть Скарпант простит меня, — ответил Ярхуд, — но я прилагал все старания, чтобы не опоздать.

— Ты только что прибыл?

Только что, по железной дороге Янболи — Адрианополь[49], и если бы поезд не задержался…

— Когда ты покинул Одессу?

— Позавчера.

— А твое судно?

— Оно ожидает меня в порту Одессы.

— Ты уверен в экипаже?

— Абсолютно уверен! Это — мальтийцы, как и я, преданные тем, кто им хорошо платит.

— Они будут тебе повиноваться?

— В этом, как и во всем.

— Хорошо! Какие у тебя новости, Ярхуд?

— Одновременно хорошие и плохие, — ответил капитан, немного понизив голос.

— Выкладывай сначала плохие, — потребовал интендант.

— Молодая Амазия, дочь банкира Селима из Одессы, должна скоро выйти замуж. Теперь из-за этого будет гораздо больше трудностей с похищением. И нужно поторопиться!

— Этого замужества не будет, Ярхуд! — воскликнул Скарпант немного громче, чем следовало. — Нет, клянусь Мухаммадом[50], оно не состоится!

— Я не говорил, что оно состоится, Скарпант, — ответил Ярхуд, — а лишь сказал, что замужество должно состояться.

— Пусть так, — ответил интендант, — но не пройдет и трех дней, как господин Саффар узнает, что эта девушка отплыла в Трапезунд. Если это кажется тебе невозможным…

— Я не утверждаю, что это невозможно, Скарпант. Деньги и дерзость чего не смогут? Просто теперь обделать дельце будет труднее, вот и все.

— Труднее! — ухмыльнулся Скарпант. — Разве это — первый случай, когда турецкая или русская девица исчезает из отчего дома в Одессе?

— И не последний, — заметил Ярхуд. — Или капитан «Гидары» ничего не смыслит в своем деле.

— А кто собирается жениться на молодой Амазии? — спросил Скарпант.

— Один молодой турок из ее же рода.

— Одесский турок?

— Нет, константинопольский.

— Его имя?..

— Ахмет.

— И что он представляет собой?

— Племянник и единственный наследник богатого негоцианта из Галаты, господина Керабана.

— А чем занимается этот Керабан?

— Торговлей табаком. На этом он сколотил неплохие денежки. В Одессе у него есть корреспондент[51] — банкир Селим. Они ведут вместе большие дела, частенько посещают друг друга. Благодаря этому Ахмет и познакомился с Амазией. Ну а дальше отец девушки и дядя молодого человека решили их поженить.

— Где должна состояться свадьба? — спросил Скарпант. — Здесь, в Константинополе?

— Нет, в Одессе.

— И когда?

— Не знаю, но молодой Ахмет нетерпелив — боюсь, это произойдет со дня на день.

— Значит, нам нельзя терять ни минуты?

— Ни единой!

— Где сейчас Ахмет?

— В Одессе.

— А Керабан?

— В Константинополе.

— Ты видел этого молодого человека в Одессе?

— Конечно, я не упустил случая с ним познакомиться.

— Ну и каков он?

— Это юноша, как будто созданный, чтобы нравиться. И он действительно нравится дочери банкира Селима.

— Как считаешь, стоит нам его опасаться?

— Говорят, он очень смел и решителен. Так что, сами понимаете, невесту увести из-под носа у него будет трудновато…

— Что же, он богат, независим? — продолжал допытываться Скарпант, которого молодой Ахмет определенно беспокоил.

— Нет, Скарпант, — ответил Ярхуд. — Жених зависит от своего дяди и опекуна, господина Керабана, который любит его как сына и вскоре сам отправится в Одессу для заключения этого брака.

— Нельзя ли задержать отъезд Керабана?

— Чего бы лучше! Это развязало бы нам руки… Только вот как задержишь?

— Это ты обязан придумать, Ярхуд, — заключил Скарпант. — В любом случае, по желанию господина Саффара, молодая Амазия должна быть перевезена в Трапезунд. Не впервые тартане «Гидара» посещать побережье Черного моря по его делам. И ты знаешь, как он оплачивает услуги…

— Знаю, Скарпант.

— В Одессе господин Саффар всего на миг увидел эту девушку, но ее красота поразила его. Ей не придется жаловаться, когда она сменит дом банкира Селима на дворец в Трапезунде! Амазия будет похищена если не тобой, Ярхуд, то кем-либо другим.

— Мной! Можете быть уверены! — горячо воскликнул мальтийский капитан. — Я сообщил вам плохие новости, но есть и хорошие.

— Говори, — приказал Скарпант, в раздумье пройдясь туда-сюда и снова вернувшись к Ярхуду.

— Если замышляемая свадьба затрудняет похищение девицы, поскольку Ахмет все время при ней, то она же предоставляет удобный случай проникнуть в дом банкира Селима. Я ведь не только капитан, но и торговец. На «Гидаре» богатый груз: шелковые ткани, венгерки[52] из куницы и соболя, парча[53], украшенная алмазами, позументы[54], сработанные лучшими золотых дел мастерами Малой Азии; сотни вещиц, могущих заинтересовать молодую девушку. Невесты легко поддаются таким соблазнам накануне свадьбы, и я, без сомнения, смогу завлечь ее на борт. А дальше мы воспользуемся благоприятным ветром и выйдем в море, прежде чем узнают о похищении.

— Хорошо придумано, Ярхуд, — похвалил Скарпант, и я не сомневаюсь в твоем успехе. Но все это должно быть проделано в строжайшей тайне.

— Не беспокойтесь, Скарпант, — ответил Ярхуд.

— У тебя достаточно денег?

— Да. И всегда будет хватать при таком великодушном господине, как ваш.

— Не теряй времени. Ведь если состоится свадьба, Амазия станет женой Ахмета. А это совсем не то, на что рассчитывает господин Саффар.

— Понятное дело.

— Итак, как только дочь банкира Селима окажется на борту «Гидары», ты отплывешь?

— Да, я постараюсь дождаться устойчивого западного бриза.

— И сколько тебе, Ярхуд, понадобится времени, чтобы доплыть из Одессы в Трапезунд?

— Если считать возможные задержки, летние штили и частые на Черном море перемены направления ветров, то, думаю, недели три.

— Хорошо! — похвалил Скарпант. — К этому времени я вернусь в Трапезунд и мой хозяин тоже не замедлит прибыть.

— Я надеюсь оказаться там раньше вас.

— Приказы господина Саффара недвусмысленны и предписывают тебе оказывать этой девушке должное уважение. Никаких грубостей и насилия, когда она будет на борту.

— Уважение будет оказано подобающее — как если бы это был сам господин Саффар.

— Рассчитываю на твое рвение, Ярхуд.

— Оно полностью в вашем распоряжении, Скарпант.

— И на твою ловкость.

— Я был бы более уверен в успехе, — заметил Ярхуд, — если бы свадьба была отсрочена. А это стало бы возможным, если бы что-то помешало немедленному отъезду господина Керабана.

— Ты его знаешь, этого торговца?

— Всегда нужно знать своих врагов или тех, кто должен ими стать, — ответил мальтиец. — Поэтому, когда я прибыл сюда, моей первой заботой было заглянуть в его галатскую контору под предлогом делового визита.

— Ты его видел?

— Какое-то мгновение, но этого хватило и…

В этот момент Ярхуд неожиданно придвинулся к Скарпанту и тихо сказал ему:

— Скарпант, вот странный случай. А может быть, и счастливая встреча.

— В чем дело?

— Этот толстый человек, что спускается по улице Пера в сопровождении слуги…

— Уж не он ли это?

— Он самый, Скарпант, — ответил капитан. — Давайте будем держаться в стороне и не

упускать их из виду. Знаю, что каждый вечер он возвращается в свой дом в Скутари. Чтобы выяснить, как скоро он собирается уехать, я, если потребуется, отправлюсь за ним на другую сторону Босфора.

Смешавшись с прохожими, число которых на площади Топ-Хане непрерывно возрастало, Скарпант и Ярхуд последовали за Керабаном на таком расстоянии, чтобы можно было слышать, о чем он говорит. Это было достаточно легко, так как «господин Керабан», как его обычно называли в Галате, разговаривал громким голосом, отнюдь не стараясь скрыть, что он — значительная персона.

Глава третья,

в которой господин Керабан очень удивлен встречей со своим другом ван Миттеном.

Господин Керабан не зря считался, что называется, «человеком видным». Взглянувший на его лицо дал бы ему сорок лет, оценив его дородность — добавил бы еще десяток годков, а на самом деле тому было сорок пять. Взгляд — умный, осанка — величественная. Уже седеющая небольшая раздвоенная борода и черные острые глаза, столь же чуткие к различным движениям души, как чаша ювелирных весов к минимальной разнице в весе. Добавим к этому волевой квадратный подбородок, нос, подобный клюву попугая, который отлично гармонировал с остротой взгляда. Сжатые губы открывались лишь для того, чтобы явить ослепительную белизну зубов. Хорошо очерченный высокий лоб пересекала вертикальная складка — истинная морщина упрямства между черными бровями. Все это вместе создавало облик человека оригинального, независимого, и выдающегося, которого нельзя уже было забыть, даже если вы увидели его только один раз.

Что же до костюма господина Керабана, то он был в стиле старых турок, оставшихся верными одежде времен янычар[55]: широкий тюрбан, обширные развевающиеся штаны, ниспадающие на сафьяновые пабуджи[56]; жилет, украшенный шелковым галуном и большими, в форме фасеток[57], пуговицами; пояс из шали, гармонично охватывающий живот, и, наконец, светло-желтый кафтан с роскошными складками. В общем, в этой старинной манере одеваться не было ничего европейского, и она сильно контрастировала с тем, как выглядит одежда жителей Востока в наше время.

Это было своеобразным протестом против вторжения индустриализации, в пользу местных обычаев; вызовом, брошенным постановлениям султана Махмуда[58], властно предписывавшим носить современный османский костюм.

Излишне добавлять, что слуга господина Керабана, юноша двадцати пяти лет по имени Низиб, также носил старинную турецкую одежду. Ни в чем не противореча своему хозяину — самому упрямому из людей, — он следовал его примеру и в этом. Преданный слуга вообще был полностью лишен какой-либо самостоятельности. Он всегда говорил «да» заранее и, как эхо, бессознательно повторял концовки фраз грозного негоцианта — самый надежный способ быть того же мнения, что и хозяин, и не слышать его резких окриков, на которые господин Керабан был очень щедр.

Хозяин и слуга вышли на площадь Топ-Хане по одной из узких, покрытых рытвинами улиц, которые спускались из предместья Пера. По своему обыкновению господин Керабан говорил громким голосом, нимало не заботясь, что его могут слышать посторонние.

— Ну нет! — сказал он. — Да сохранит нас Аллах[59], но со времен янычар каждый имеет право действовать, как ему нравится, когда наступает вечер. Нет! Я не подчинюсь их новым полицейским правилам и буду ходить по улицам без фонаря в руках, если мне это нравится, даже рискуя свалиться в какую-нибудь яму или быть укушенным за икры бродячей собакой.

— Бродячей собакой!.. — повторил, как эхо, Низиб.

— Тебе незачем утомлять мой слух своими глупыми замечаниями, или, клянусь Мухаммадом, я так вытяну твои уши, что тебе позавидует любой осел со своим хозяином.

— Со своим хозяином… — привычно повторил слуга без тени обиды или укора.

— И если начальник полиции оштрафует меня, — продолжал наш упрямый герой, — то я заплачу. Если он отправит меня в тюрьму, я пойду туда. Но не уступлю ни в этом, ни в чем-либо другом!

Низиб кивнул в знак согласия. Он был готов последовать за хозяином и в тюрьму, если бы дошло до ареста.

— А! Господа новые турки, — воскликнул господин Керабан, увидев проходящих мимо константинопольцев, одетых в прямые рединготы[60] и красные фески. — А! Вы хотите устанавливать законы и нарушать древние обычаи? Отлично! Пусть бы я даже был последним протестующим… Низиб, ты сказал моему каиджи, чтобы он находился со своим каиком у лестницы Топ-Хане с семи часов?

— С семи часов!

— Почему его там нет?

— Почему его там нет? — повторил Низиб.

— Правда, еще нет семи часов.

— Нет семи часов.

— А ты откуда это знаешь?

— Потому что вы говорите, хозяин.

— А если бы я сказал, что сейчас пять часов?

— То было бы пять часов, — ответил Низиб.

— Глупее не бывает.

— Нет, глупее не бывает.

— Этот парень, — пробормотал Керабан, — стараясь быть ангелом, кончит тем, что мне осточертеет!

В этот момент ван Миттен и слуга снова появились на площади, и Бруно повторил несколько раз разочарованным тоном:

— Уйдем отсюда, хозяин, уйдем отсюда и уедем с первым же поездом. Ох уж этот Константинополь! Это столица Повелителя верующих? Никогда не поверю.

— Спокойно, Бруно, спокойно! — одернул слугу ван Миттен.

Наступал вечер. Солнце, прячась за холмами древнего Стамбула, начало погружать площадь Топ-Хане в сумерки. Так что ван Миттен не узнал господина Керабана, который шел навстречу по направлению к набережной Галаты. Случилось даже так, что, следуя в противоположных направлениях, оба столкнулись, стараясь обойти друг друга то слева, то справа. Получилось забавное полуминутное колебание.

— Эй, сударь! Я пройду, — сказал Керабан, который был не из тех, что уступают хотя бы пядь занятого пространства.

— Но…. — сказал ван Миттен, безуспешно стараясь вежливо посторониться.

— Я все же пройду!

— Но… — повторил ван Миттен.

Внезапно узнав того, с кем имел дело, он воскликнул:

— О, мой друг Керабан!

— Вы?.. Вы!.. Ван Миттен! — вскричал Керабан в крайнем удивлении. — Вы! Здесь? В Константинополе?

— Я самый!

— С какого времени?

— С сегодняшнего утра.

— И ваш первый визит не ко мне?

— Напротив, как раз к вам, — заулыбался голландец. — Я уже заходил в контору, но вас там не было, и мне сказали, что в семь часов я найду господина Керабана на этой площади…

— Вам верно сказали, ван Миттен! — воскликнул торговец, пожимая руку своего роттердамского корреспондента с радостью, похожей на буйство. — А! Мой дорогой, никогда, нет, никогда я не ожидал увидеть вас в Константинополе! Почему было не написать мне?

— Я покинул Голландию так внезапно.

— Деловая поездка?

— Нет… развлекательная. Я не был знаком ни с Константинополем, ни с Турцией, и захотелось вернуть здесь ваш роттердамский визит ко мне.

— Это хорошо! Но, по-моему, я не вижу с вами мадам ван Миттен?

— Действительно… она осталась дома, — проговорил голландец не без некоторого колебания. — Мадам ван Миттен не любит переездов. Поэтому пришлось приехать только с моим лакеем Бруно.

— А! Этот малый? — Господин Керабан слегка кивнул в сторону Бруно, который как раз собрался поклониться ему на турецкий манер и поднес обе руки к шляпе, наподобие двух ручек амфоры[61].

— Да, — продолжил ван Миттен, — этот добрый малый уже хотел покинуть меня и уехать в…

— Уехать! — воскликнул Керабан. — Уехать без моего разрешения?

— Да, друг. Он ожидал увидеть веселой и радостной эту столицу Османской империи…

— Гробница! — заметил Бруно. — В магазинах — никого. На площади ни одной коляски. Лишь тени, которые ходят по улицам и воруют вашу трубку…

— Но сейчас — рамадан, ван Миттен! — сказал Керабан. — Самый разгар рамадана!

— А! Вот оно что! — оживился Бруно. — Тогда все ясно. Впрочем, не совсем… Что это такое, рамадан?

— Время поста и воздержания, — ответил Керабан. — На всем его протяжении запрещается пить, курить и есть между восходом и заходом солнца. Но через полчаса, с пушечным выстрелом, который возвестит о конце дня…

— А! Вот что они хотели сказать своим «пушечным выстрелом»! — воскликнул Бруно.

— В течение всей ночи люди вознаградят себя за дневное воздержание.

— Итак, — повернулся Бруно к Низибу, — вы с утра еще ничего не ели, потому что сейчас рамадан?

— Потому что сейчас рамадан, — машинально ответил слуга Керабана.

— Э, вот что заставило бы меня похудеть! — воскликнул Бруно. — Вот что стоило бы мне фунта в день, как минимум!

— Как минимум, — повторил Низиб.

— Ну, вы увидите все, ван Миттен, с заходом солнца, — продолжил Керабан, — и придете в восхищение! Это будет магическое перевоплощение мертвого города в живой! А, господа новые турки, вы еще не сумели заменить эти старинные обычаи своими абсурдными нововведениями! Коран стойко держится против ваших глупостей. Пусть покарает вас Мухаммад!

— Прекрасно, друг Керабан, — одобрил ван Миттен, — я вижу, что вы по-прежнему

верны древним обычаям.

— Это больше чем верность, ван Миттен, это упорство! Но скажите, мой достойный друг, вы ведь останетесь на несколько дней в Константинополе?

— Да… и даже…

— Отлично, вы — мой! Я завладею вами! Вы меня больше не покинете.

— Пусть так! Я буду ваш!

— А ты, Низиб, займешься этим парнем, — прибавил Керабан, указывая на Бруно. — Я поручаю тебе, в частности, изменить его представление о нашей чудесной столице.

Низиб согласно кивнул и увлек Бруно в центр толпы, которая становилась все более густой.

— А знаете! — воскликнул неожиданно господин Керабан. — Вы вовремя прибыли, ван Миттен! Через шесть недель вы не нашли бы меня в Константинополе.

— Вас, Керабан?

— Меня. Я уехал бы в Одессу.

— Вот как?

— Отлично! Если вы все еще будете здесь, то мы поедем вместе! В самом деле, почему бы вам не сопровождать меня?

— Но… — замялся ван Миттен.

— Вы будете меня сопровождать, говорю вам!

— Я рассчитывал отдохнуть здесь от поездки, которая была чересчур стремительной…

— Пусть так! Отдохнете здесь, а затем в течение целых трех недель — в Одессе!

— Друг Керабан, вы считаете…

— Я так считаю, ван Миттен! Вы не собираетесь, полагаю, противоречить мне сразу же, с самого приезда? Ведь когда я прав, то легко не уступаю.

— Да… Я знаю, — засмеялся ван Миттен.

— Впрочем, — сказал Керабан, — вы не видели моего племянника Ахмета. Нужно вас познакомить с ним.

— Вы как-то упоминали о вашем племяннике…

— Можно сказать, моем сыне, ван Миттен, поскольку у меня нет детей. Дела, знаете, дела! Я никогда не мог найти и пяти минут, чтобы жениться.

— Минуты достаточно, — с видом знатока заключил ван Миттен. — Часто даже и минуты излишне много.

— Таким образом, вы встретитесь с Ахметом в Одессе, — сказал Керабан. — Это очаровательный юноша! Он ненавидит дела, немного художник, немного поэт, но очарователен… очарователен! Совсем непохож на своего дядю, однако беспрекословно повинуется ему.

— Друг Керабан…

— Да, да. Я знаю ему цену. Из-за его свадьбы мы и поедем в Одессу.

— Его свадьбы?

— Именно так. Ахмет женится на милой девушке, молодой Амазии, дочери моего банкира Селима, истинного турка. У нас состоятся празднества. Получится великолепно! Вы там будете.

— Но я предпочел бы… — задумчиво начал ван Миттен. Он хотел привести еще одно, последнее возражение.

— Договорились! — хлопнул в ладоши Керабан. — Вы ведь не намерены оказывать мне

сопротивление, верно?

— Я хотел бы… — опять тянул с ответом ван Миттен.

— Вам не удастся!

Скарпант и мальтийский капитан, которые прогуливались в глубине площади, приблизились как раз в тот момент, когда господин Керабан говорил своему спутнику:

— Решено! Через шесть недель — самое позднее — мы оба отправимся в Одессу!

— И свадьба состоится? — спросил ван Миттен.

— Сразу же по нашему прибытию, — ответил Керабан.

Ярхуд наклонился к уху Скарпанта.

— Шесть недель. У нас есть еще время для действий.

— Да, но чем раньше, тем лучше, — напомнил Скарпант. — Не забывай, Ярхуд, что до исхода шести недель господин Саффар вернется в Трапезунд.

И оба продолжили прогулку, приглядываясь и прислушиваясь.

А в это время господин Керабан разговаривал с ван Миттеном:

— Мой друг Селим, всегда спешащий, и племянник Ахмет, еще более нетерпеливый, готовы были сыграть свадьбу немедленно. И я должен сказать, что у них есть для этого весомое основание. Нужно, чтобы дочь Селима вышла замуж до достижения семнадцати лет, или она потеряет около ста тысяч турецких лир[62], которые старая сумасшедшая тетка завещала ей при этом условии. Но такой пожар ни к чему, семнадцать лет ей исполнится только через шесть недель. Поэтому я их урезонил, говоря: «Нравится вам это или нет, но свадьба не состоится до конца будущего месяца».

— И ваш друг Селим сдался? — спросил ван Миттен.

— Естественно.

— А молодой Ахмет?

— Не так легко, — улыбнулся Керабан. — Он обожает милую Амазию, день и ночь мечтает о ней. К тому же парень не занят делами… Да вам нетрудно это понять, друг ван Миттен. Вы ведь женились на прекрасной мадам ван…

— Мой друг Керабан, — сказал голландец. — Это было уже так давно, что я почти и не помню.

— Но в самом деле, друг ван Миттен, если в Турции непристойно спрашивать у турка, как поживают женщины его гарема, то это не запрещено по отношению к иностранцу… Как мадам ван Миттен чувствует себя?

— О, очень хорошо, очень хорошо! — ответил ван Миттен, которого вежливость его друга несколько смущала. — Да… очень хорошо! Постоянно хворает… Вы знаете… женщина.

— Ну нет, я не знаю! — воскликнул господин Керабан, громко смеясь. — Женщина? Никогда! Вот дела — сколько угодно! Табак из Македонии для тех, кто курит сигареты, табак из Персии — для наших курильщиков наргиле. И корреспондентов из Салоник, Эрзерума, Латакии, Бафры, Трапезунда, не считая моего друга ван Миттена из Роттердама. За тридцать лет я отправил столько тюков табака в четыре конца Европы!

— И столько курили, — подсказал ван Миттен.

— Да, курил… как заводская труба. И я вас спрашиваю: есть ли что-нибудь лучшее в мире?

— Конечно нет, друг Керабан.

— Вот уж сорок лет, как я курю, друг ван Миттен, и верен своему чубуку и наргиле! Вот

и весь мой «гарем». Нет женщины, которая стоила бы трубки табака!

— Вполне согласен с вашим мнением, — заметил голландец.

— Кстати, — снова заговорил Керабан, — коль скоро вы мне попались, я вас больше не покину. Сейчас подойдет каик, чтобы перевезти нас через Босфор. Будем обедать на моей вилле в Скутари…

— Но…

— Да, я вас увожу, повторяю. Вы что же, собираетесь теперь церемониться со мной?

— Нет, я согласен, друг Керабан! — поспешил согласиться ван Миттен. — Принадлежу вам душой и телом.

— Вы увидите, — продолжал негоциант, — какое очаровательное жилище я себе создал под черными кипарисами, посреди склона холма Скутари, с видом на Босфор и всю панораму Константинополя. А! Настоящая Турция находится все же на азиатском берегу! Здесь — Европа, а там Азия. И наши прогрессисты в рединготе еще далеки от того, чтобы насадить и на том берегу свои идеи. Они утонули бы, пересекая Босфор. Итак, мы обедаем вместе!

— Вы делаете со мной все что хотите.

— И не надо этому мешать! — притворно нахмурился Керабан.

Затем, повернувшись, он спросил:

— А где же мой слуга? Низиб! Низиб!

Лакей, который прогуливался вместе с Бруно, услышал голос хозяина, и тут же оба прибежали.

— Ну, — спросил Керабан, — этот каиджи так и не появится со своим каиком?

— Со своим каиком… — повторил Низиб.

Я непременно прикажу бить его палками! — воскликнул Керабан. — Да, сто ударов палками.

— О! — воскликнул ван Миттен. Пятьсот!

— О! — покачал головой Бруно.

— Тысяча! Если мне противоречат!

— Господин Керабан, — заговорил Низиб, — я вижу вашего каиджи. Он только что отплыл от Серая и через десять минут причалит к лестнице Топ-Хане.

Негоциант выходил из себя, сжимал от нетерпения руку ван Миттена. А тем временем Ярхуд и Скарпант непрерывно наблюдали за ним.

Глава четвертая,

в которой господин Керабан, упрямясь еще более, чем обычно, оказывает сопротивление оттоманским властям.

Тем временем каиджи прибыл и уведомил господина Керабана, что каик ждет его у лестницы.

Тысячи каиджи насчитываются на водах Босфора и Золотого Рога. Их двухвесельные лодки из буковых или кипарисовых досок, с резьбой и раскраской внутри, ровно удлиненные спереди и сзади, чтобы двигаться, при необходимости, в любом направлении, похожи на полозок в пятнадцать-двадцать футов[63] длиной. Необычайно приятно — наблюдать, с какой быстротой эти стройные суденышки скользят, пересекают путь, обгоняют друг друга в этом великолепном проливе, разделяющем побережья двух континентов. Солидная корпорация каиджи занимается своим ремеслом на просторах от Мраморного моря до замка Европы и замка Азии, которые возвышаются один напротив другого на севере Босфора.

Чаще всего каиджи — это милые люди в фесках, одетые в буруджук, нечто вроде рубашки из шелка, в йелек яркой расцветки, обшитый сутажом их золотой вышивки, и штаны из белой хлопковой ткани.

Если каиджи господина Керабана — тот, который каждый вечер отвозил его в Скутари, а утром доставлял назад, если этот человек был плохо встречен из-за опоздания на несколько минут, то что теперь делать! Флегматичный моряк, впрочем, не слишком и взволновался, хорошо понимая, что такому превосходному клиенту следует дать покричать. Поэтому он ничего не ответил, а только указал на пришвартованный к лестнице каик.

Итак, господин Керабан направлялся к лодке. Его сопровождал ван Миттен, а за ним следовали Бруно и Низиб. В это время в толпе на площади Топ-Хане произошло некоторое замешательство.

Негоциант остановился:

— В чем дело?

И тут на площади появился начальник полиции квартала Галата, окруженный стражниками, которые раздвигали толпу. Его сопровождали барабанщик и трубач. Один — производил грохот, другой — призывно трубил, и толпа, состоявшая из разнородных (азиатских и европейских) зевак, мало-помалу стала успокаиваться.

— Еще какое-нибудь бессмысленное воззвание! — пробормотал господин Керабан тоном человека, который везде и всегда умеет постоять за свои права.

Начальник полиции достал бумагу с печатями и громким голосом зачитал следующее постановление:

«По приказу Мушира, председателя Совета полиции, начиная с сего дня установлен налог в десять пара[64] на каждого, кто захочет переправиться через Босфор, направляясь из Константинополя в Скутари или из Скутари в Константинополь, как на каиках, так и на других парусных или паровых судах. Отказавшийся уплатить этот налог подлежит тюремному заключению и штрафу.

Составлено во дворце шестнадцатого числа текущего месяца.

Подписано: *Мушир*».

Недовольный ропот раздался в ответ на новый побор, равный приблизительно пяти французским сантимам с человека.

— Хорош новый налог! — воскликнул один старый турок, который, однако, давно уже должен был бы привыкнуть к финансовым капризам падишаха.

— Десять пара! Цена полчашки кофе! — подхватил другой.

Начальник полиции, хорошо знавший, что в Турции, как и всюду, пороптав, все же будут платить, уже собрался уйти с площади, когда господин Керабан приблизился к нему.

— Итак, новый налог для всех, кто захочет переправиться через Босфор? — спросил торговец.

— По указанию Мушира, — ответил начальник полиции.

Затем он прибавил:

— Как? Это возражает богач Керабан?

— Да, богач Керабан.

— У вас-то ведь все благополучно, господин негоциант.

— Все благополучно… как и у собирателей налогов. Итак, это постановление подлежит исполнению?

— Безусловно… Сразу же после оглашения.

— И если сегодня вечером я захочу отправиться… в Скутари на моем каике, как я делаю это обычно?..

— Вы заплатите десять пара.

— И раз я переправляюсь через Босфор и утром и вечером?

— То это будет стоить вам двадцать пара в день, — разъяснил начальник полиции. — Безделица для богача Керабана.

— В самом деле?

— Мой хозяин, кажется, ввязывается в плохое дело, — прошептал Низиб Бруно.

— Нужно, чтобы он уступил.

— Он? Ну, вы его не знаете!

Господин Керабан скрестил руки и, смотря прямо в глаза начальнику полиции, сказал ему свистящим голосом, в котором уже начинало проскальзывать раздражение:

— Отлично. Каиджи только что сказал, что каик в моем распоряжении. Поскольку я увожу с собой друга, его слугу и моего…

— Это составит сорок пара, — сообщил начальник полиции. — Еще раз повторяю, что у вас достаточно средств заплатить.

— Что у меня хватило бы средств платить не только сорок пара, а сотню, тысячу, сто тысяч и даже полмиллиона, — это возможно, но я ничего не буду платить и все-таки переправлюсь.

— Я сожалею, что приходится возражать господину Керабану, — сдержанно заметил начальник полиции, — но без оплаты никак нельзя.

— Обойдемся без оплаты!

— Нет!

— Да!

— Друг Керабан… — сказал ван Миттен в похвальном намерении призвать к разумности самого несносного из людей.

— Оставьте меня в покое, ван Миттен! — остановил гостя Керабан раздраженным

голосом. — Этот налог несправедлив, это притеснение! Ему нельзя подчиняться. Никогда, никогда правительство старых турок не посмело бы возложить налог на босфорские каики!

— Ну, а правительство, которое нуждается в деньгах, без колебаний сделало это, — ответил начальник полиции.

— Посмотрим! — воскликнул Керабан.

— Стража, — распорядился начальник полиции, обращаясь к сопровождавшим его солдатам, — позаботьтесь об исполнении нового постановления.

— Пошли, ван Миттен, — воскликнул Керабан, топнув ногой, — идем, Бруно, и следуй за нами, Низиб!

— Это будет стоить сорок пара… — повторил начальник полиции.

— Сорок палочных ударов! — воскликнул господин Керабан, чье возбуждение дошло до предела.

Однако в тот момент, когда торговец направился к лестнице Топ-Хане, стражники окружили его.

— Оставьте нас! — закричал он, отбиваясь. — Пусть никто из вас не тронет меня даже пальцем! Я пройду, клянусь Аллахом! И пройду, не выложив из кармана ни одного пара!

— Да, вы пройдете, но только через ворота тюрьмы, — предупредил начальник полиции, который начал раздражаться в свою очередь, — и заплатите хорошенький штраф, чтобы выйти оттуда!

— Я поеду в Скутари!

— Но не через Босфор. А так как туда нельзя добраться иначе…

— Вы полагаете? — ухмыльнулся, сжав кулаки, господин Керабан, при этом лицо его стало приобретать апоплексическую красноту. — Вы полагаете? Хорошо, я поеду в Скутари, не пересекая Босфора, и не буду платить…

— В самом деле?

— Даже если… Да! Даже если мне придется плыть по Черному морю.

— Семьсот лье, чтобы сэкономить десять пара! — воскликнул начальник полиции, пожимая плечами.

— Семьсот лье, тысяча, десять тысяч, сто тысяч лье, — распалял себя Керабан. — Даже если бы речь шла о пяти, двух, одном-единственном пара!

— Но, мой друг… — попытался вмешаться ван Миттен.

— Еще раз, оставьте меня в покос!.. — оборвал Керабан.

«Ну, вот он и разгорячился!» — сказал про себя Бруно.

— Я пройду по Турции, переберусь через Херсонес[65] пересеку Кавказ, перешагну Анатолию[66] и прибуду в Скутари, не заплатив ни одного пара вашего несправедливого налога!

— Ну, это мы еще увидим, — возразил начальник полиции.

— Все и так уже видно! — закричал господин Керабан в крайней ярости. — И я отправлюсь сегодня же вечером!

— Черт возьми! — воскликнул капитан Ярхуд, обращаясь к Скарпанту, который не упустил ни слова из неожиданно возникшего спора. — Это может помешать нашему плану!

— Действительно, — согласился Скарпант. — Упорствуя в своем намерении, этот упрямец проедет через Одессу. И если по пути он решит заключить этот брак!..

— Однако!.. — заговорил еще раз ван Миттен, желая помешать Керабану совершить подобное безумие.

— Оставьте меня, говорю я вам!

— А свадьба вашего племянника Ахмета?

— Как раз о ней и идет речь.

Скарпант отвел Ярхуда в сторону:

— Нельзя терять ни часа!

— Верно, — подтвердил мальтийский капитан, — и завтра утром я отправлюсь в Одессу по адрианопольской железной дороге.

Затем оба заговорщика удалились.

В этот момент господин Керабан резко повернулся к своему слуге.

— Низиб!

— Да, хозяин?

— Следуй за мной в контору!

— В контору, — ответил Низиб.

— И вы тоже, ван Миттен, — прибавил Керабан.

— Я?

— И вы, Бруно.

— Чтобы я…

— Мы отправимся вместе.

— Хм! — промычал Бруно, становясь внимательным.

— Да! Я пригласил вас пообедать в Скутари, — сказал господин Керабан ван Миттену, — и, клянусь Аллахом, вы будете обедать в Скутари… когда мы вернемся!

— Но это будет не так скоро… — улыбнулся голландец, смущенный предложением.

— Даже если это будет через месяц, через год, через десять лет! — отрезал Керабан тоном, не допускавшим ни малейшего возражения. — Но вы приняли приглашение на обед и будете у меня обедать!

— У этого обеда будет время остынуть, — пробормотал Бруно.

— Но позвольте, друг Керабан…

— Я ничего не позволю, ван Миттен. Пошли!

И торговец сделал несколько шагов в глубь площади.

— Невозможно сопротивляться этому дьявольскому человеку! — сказал ван Миттен Бруно.

— Как, хозяин? Вы собираетесь уступить подобному капризу?

— Поскольку я здесь, а не в Роттердаме, Бруно!

— Но…

— И раз я следую за своим другом Керабаном, то и тебе ничего другого не остается, как идти за мной.

— Вот еще осложнение!

— Поехали, — приказал господин Керабан.

Затем, обращаясь в последний раз к начальнику полиции, чья насмешливая улыбка легко могла вывести его из себя, он сказал:

— Я отправляюсь и, вопреки всем вашим постановлениям, доберусь до Скутари, не пересекая Босфора!

— Мне доставит большое удовольствие присутствовать при вашем возвращении из столь занимательного путешествия, — заверил начальник полиции.

— Для меня тоже будет истинной радостью встретиться с вами! — с трудом сдерживая

себя, процедил господин Керабан.

— Но я предупреждаю вас, — прибавил начальник полиции, что, если налог будет еще в силе…

— Ну?

— То я не разрешу вам переправиться через Босфор, чтобы вернуться в Константинополь иначе, чем за десять пара с человека.

— Если ваш несправедливый налог будет еще в силе, — ответил господин Керабан тем же тоном, — то я сумею вернуться в Константинополь без того, чтобы вам достался хоть один пара из моего кармана!

После этого, взяв под руку ван Миттена, господин Керабан сделал знак Бруно и Низибу следовать за ними и исчез в толпе, которая криками приветствовала известного сторонника старотурецкой партии, столь упорного в защите своих прав.

В этот миг вдалеке раздался пушечный выстрел. Солнце только что скрылось за горизонтом Мраморного моря. Ежедневный пост был закончен, и верные подданные падишаха могли вознаградить себя за долгое дневное воздержание. Неожиданно, как по мановению жезла некоего мага[67] Константинополь преобразился. Тишина на площади Топ-Хане уступила место крикам радости и удовольствия. Сигареты, чубуки, наргиле зажглись, и воздух наполнился их ароматным дымом. В кофейни сразу же устремились проголодавшиеся и жаждущие посетители. Жаркое разных видов, йогурт[68], каймак[69], кебаб[70], лепешки из баклавы, рисовые биточки, завернутые в виноградные листья, вареная кукуруза, бочонки черных оливок и черной икры, плов с цыплятами, блины с медом, сиропы, шербеты, мороженое, кофе — все, что едят и пьют на Востоке, появилось на столиках в то время, как маленькие лампы, подвешенные на медных спиралях, поднимались и опускались, подергиваемые время от времени хозяевами кофеен. Затем, как по волшебству, старый город и новые кварталы ярко осветились. Мечети Святая София, Сулеймана, султана Ахмета, все религиозные и гражданские строения от Серай-Бурну до холмов Эюпа засверкали многоцветными огнями. Пылающими письменами, от минарета к минарету, были начертаны в темном небе строки Корана. Босфор, изборожденный каиками с причудливо раскачивающимися фонарями, искрился, как если бы в него попадали все звезды с небосвода. Дворцы по его краям, виллы на азиатском и европейском берегах, Скутари, старый Хризополис с домами, расположенными амфитеатром, казались теперь только линиями огней, удваивающимися отражением в воде.

Вдали слышались звуки барабана, лютни, гитары, табурки, ребеля и флейты, сливаясь с монотонным пением вечерних молитв. С верхушек минаретов взывали муэдзины. На трех нотах обращали они к праздничному городу свой последний призыв из одного турецкого и двух арабских слов: «Allah hækk kebir!» («Бог, Бог, велик!»)

Глава пятая,

в которой господин Керабан в присущей ему манере высказывается о том, как он понимает путешествия… и покидает Константинополь.

Европейская Турция в настоящее время делится на три главные части: Румелию (Фракия и Македония), Албанию и Фессалию, а также зависимую провинцию Болгария. По трактату 1878 года[71] королевство Румыния (Молдавия, Валахия и Добруджа), княжества Сербия и Черногория были объявлены независимыми, а Австрия оккупировала Боснию, за исключением санджака Нови-Пазар[72].

Поскольку господин Керабан решил проследовать по периметру Черного моря, то его маршрут к русской границе должен был проходить вдоль побережья Румелии, Болгарии и Румынии. Оттуда, пройдя через Бессарабию, Херсонес, Тавриду[73] или же через области черкесов по Кавказу и Закавказью, этот маршрут огибал северный и восточный берега древнего Понта Эвксинского[74] и доходил до пределов, отделяющих Россию от Оттоманской империи[75].

В дальнейшем по анатолийскому южному берегу Черного моря самый упрямый из османов рассчитывал достичь Босфора и Скутари, не заплатив нового налога.

Все вместе это составляет шестьсот пятьдесят турецких агачей — около двух тысяч восьмисот километров, или семьсот лье. Ну а поскольку с 17 августа до 30 сентября — сорок пять дней, то за сутки нужно было преодолевать по пятнадцати лье при желании вернуться хотя бы к самому крайнему сроку свадьбы Амазии. В случае опоздания — прощайте сто тысяч ливров тетки! Однако использование таких быстрых средств передвижения, как железная дорога, давало возможность легко выиграть время и сократить путь. Например, отправившись из Константинополя по железной дороге в Адрианополь и — по ее ответвлению — в Янболи. Далее к северу ветка из Варны в Рущук соединяется с железнодорожными путями Румынии, а они, в свою очередь, проходя по южной России через Яссы, Кишинев, Харьков, Таганрог, Нахичевань[76] упираются в Кавказский хребет. Наконец, ветка из Тифлиса в Поти проходит до побережья Черного моря почти у турецко-русской границы. Правда, затем в турецкой Азии нет железнодорожной связи с Бурсой, но уже от нее проходит ветка до Скутари.

Однако нечего было и надеяться довести все эти доводы до понимания господина Керабана. Забраться в железнодорожный вагон, ему, приверженцу старой Турции, который в течение сорока лет всеми силами сопротивлялся вторжению европейских изобретений? Никогда! Скорее он отправится пешком.

Неудивительно, что тем же вечером, как только ван Миттен и господин Керабан вошли в галатскую контору, между ними сразу начался спор по этому вопросу.

На первые же слова голландца об оттоманских и русских железных дорогах господин Керабан ответил сперва пожатием плеч, а затем решительным отказом.

— Однако!.. — задумчиво произнес ван Миттен, который уже заранее смирился со всем и настаивал лишь для формы.

— Если я сказал «нет», значит, «нет»! — возразил господин Керабан. — К тому же вы — мои гости, я отвечаю за вас и мне должна быть предоставлена свобода действий!

— Пусть так, — сказал ван Миттен, — но, может быть, вместо железной дороги найдется какое-нибудь простое средство вернуться в Скутари, не пересекая Босфора и не плавая по Черному морю?

— Ну и какое же? — спросил Керабан, хмуря брови. — Если оно хорошее, я приму, если плохое, откажусь.

— Оно превосходно. — ответил ван Миттен.

Говорите быстро! Нам нужно готовиться к отъезду. Нельзя терять ни часа!

— Друг Керабан, мы можем добраться до самого близкого к Константинополю черноморского порта, зафрахтовать пароход…

— Пароход! — воскликнул господин Керабан, которого слово «пар» обычно выводило из себя.

— Нет, судно. Простое парусное судно, — поспешил поправиться ван Миттен, — шебек [77], тартану, каравеллу — и направимся в один из портов Анатолии, например, Кирпих[78]! Оказавшись на этом пункте побережья, мы за один день спокойно доберемся по суше до Скутари и там весело выпьем за здоровье Мушира!

До этого момента господин Керабан слушал своего друга не перебивая, и тот, вероятно, уже воображал себе, что его предложение будет принято, тем более что оно никак не задевало хозяйского самолюбия. Однако после того, как господин Керабан его выслушал, глаза торговца загорелись, а пальцы сжались в кулаки.

— Итак, ван Миттен, — сказал он, — ваш совет сводится к тому, чтобы сесть на корабль на Черном море и, таким образом, не пересекать Босфор?

— По-моему, это было бы хорошим ходом, — ответил ван Миттен.

— Вы когда-нибудь слышали о морской болезни?

— Конечно, друг Керабан.

— И вы, разумеется, никогда от нее не страдали?

— Никогда! Впрочем, в такой короткой поездке…

— Такой короткой! — воскликнул Керабан. — Вы, кажется, сказали — «в такой короткой поездке»?

— Едва шестьдесят лье.

— Да пусть хоть пятьдесят, двадцать, десять, пять! — закричал господин Керабан, которого противоречие, как обычно, начинало раздражать. — Хоть два, хоть одно — все равно это слишком много для меня!

— Поразмыслите, однако…

— Вы знаете Босфор?

— Да.

— Перед Скутари он едва в пол-лье шириной?

— Действительно.

— Так вот, ван Миттен, стоит только подняться небольшому бризу[79], когда я передвигаюсь по морю в моем каике, и у меня морская болезнь.

— Морская болезнь?

— Она настигает меня в пруду. В ванной! Осмельтесь теперь еще говорить о таком пути! Или предлагать мне шебек, тартану, каравеллу и иную, подобную по мерзости посудину! Осмельтесь только!

Само собой, что достойный голландец не осмелился, и вопрос о плавании по морю был закрыт.

Какие же возможности для путешествия оставались еще? Поездки по собственно Турции достаточно затруднены, но вообще возможны. На дорогах существуют почтовые станции, и ничто не мешает путешествовать на лошади со своими припасами и проводником, если, конечно, не пытаться следовать за почтовым курьером, называемым «татарин», что было бы крайне утомительно. Разумеется, не собирался этого делать и господин Керабан. Да, он поедет быстро, но одновременно и комфортабельно. Вопрос был только в деньгах, а это, конечно, никак не могло остановить богатого негоцианта из Галаты.

— Хорошо, — сказал, покорившись, ван Миттен. — Но раз мы не поедем ни по железной дороге, ни на корабле, то как же будем передвигаться, друг Керабан?

— В почтовой карете.

— С вашими лошадьми?

— С лошадьми почтовых станций.

— Да, если они будут в вашем распоряжении на всем пути!..

— Будут!

— Это вам дорого обойдется!

— Это мне обойдется во столько, во сколько обойдется! — ответил господин Керабан, опять начиная приходить в возбужденное состояние.

— Вы не отделаетесь тысячью турецких лир, а возможно, и полутора тысячами!

— Пусть так! Тысячи, миллионы! — воскликнул Керабан. — Да! Миллионы, если нужно! Ваши возражения исчерпаны?

— Да! — ответил голландец.

— Давно бы так!

Эти последние слова были произнесены таким тоном, что ван Миттен промолчал.

Тем не менее он все же заметил своему властному хозяину, что для подобного путешествия потребуются большие затраты; что он ждет из Роттердама значительную сумму, которую рассчитывает вложить в Константинопольский банк; что на данный момент у него нет больше денег и что… В ответ на это господин Керабан заставил его умолкнуть, говоря, что все расходы на поездку касаются лишь его одного; что ван Миттен — его гость; что богатый негоциант квартала Галата не привык заставлять своих гостей платить и что… и так далее.

Услышав это «и так далее», голландец счел за благо замолчать окончательно.

Если бы господин Керабан не обладал старинным экипажем английского производства, испытанным в деле, то для этой долгой и трудной поездки он ограничился бы и турецкой арбой, в которую чаще всего впрягают быков. Но старая почтовая карета, в которой он ездил в Роттердам, находилась по-прежнему в отличном состоянии. Она была комфортабельно оборудована для трех путешественников. Спереди, между S-образно изогнутыми рессорами, передок поддерживал огромный кофр для провизии и багажа; позади основного кузова был установлен второй кофр, более высокий, чем кабриолет. В нем могли очень уютно расположиться двое слуг. Места для кучера, однако, не было, так как карета предназначалась для почты[80].

Все это могло показаться безнадежно устаревшим и наверняка вызвало бы смех у знатоков каретного дела. Тем не менее экипаж был солидным, на хороших осях и колесах с широкими ободьями и густыми спицами. Рессоры из первоклассной стали делали его совершенно неуязвимым, так что тряски даже на самых ужасных сельских дорогах бояться не приходилось.

Таким образом, ван Миттен и его друг Керабан в комфортабельном кузове с застекленными окнами и ставнями, а Бруно с Низибом, забравшиеся в кабриолет с подъемной рамой, — все четверо в этом средстве передвижения вполне могли бы добраться и до Китая. К счастью, Черное море не простирается до тихоокеанского побережья, иначе ван Миттен вполне мог бы познакомиться и с Небесной империей[81].

Приготовления начались немедленно. Не имея возможности поехать в тот же вечер, как он обещал в пылу спора, господин Керабан хотел отправиться в путь, по крайней мере, с наступлением утренней зари. Но одна ночь — это не слишком много времени, чтобы принять должные меры и уладить дела. Поэтому все служащие конторы были созваны как раз в тот момент, когда они собрались отправиться в какой-нибудь кабачок, чтобы прийти в себя после долгого дневного поста. Кроме того, на месте находился и Низиб, очень проворный в подобных случаях.

А Бруно должен был вернуться в гостиницу «Пест» на проспекте Пера, где его хозяин и он остановились утром, чтобы немедленно перенести в контору весь багаж ван Миттена и собственный. Сам же податливый голландец, которого Керабан не терял из виду, не осмеливался покинуть строптивого набоба ни на минуту.

— Итак, мой хозяин, это решено? — спросил Бруно перед уходом из конторы.

— А как же иначе может быть с таким чертом! — ответил ван Миттен.

— Мы отправимся в путешествие к Черному морю?

— По крайней мере, если мой друг Керабан по пути не изменит планов, а это маловероятно.

— Из всех турецких голов, изготовленных для того, чтобы их колотили на ярмарках, — съязвил Бруно, — едва ли найдется такая же жесткая, как эта.

— Твое сравнение, Бруно, хоть и неуважительно, но верно. И поскольку я разбил бы себе кулак об эту голову, то на будущее воздержусь от того, чтобы колотить по ней.

— Между тем, хозяин, я надеялся отдохнуть в Константинополе, — продолжал Бруно. — Но путешествие…

— Это не путешествие, Бруно, — возразил ван Миттен. — просто другая дорога, по которой мой друг Керабан предпочитает вернуться обедать к себе.

Такой способ видеть вещи не вернул Бруно спокойствия. Он не любил перемещений, а теперь нужно будет передвигаться в течение недель, возможно, месяцев по разным землям, что мало интересовало его. Кроме того, из-за присущей таким долгим поездкам утомительности слуге придется похудеть и, следовательно, потерять те благоприобретенные шестьдесят семь фунтов, которыми он так дорожил.

И тогда хозяин услышал вечный жалобный рефрен[82] Бруно:

— С вами случится несчастье, сударь, повторяю вам, с вами случится несчастье.

— Увидим, — ответил голландец. — Иди же, однако, за багажом, пока я куплю путеводитель, чтобы изучить эти разнообразные земли, и записную книжку для записи впечатлений. Затем ты вернешься сюда, Бруно, и отдохнешь…

— Когда?

— Когда мы закончим черноморское путешествие, коль скоро нам предназначено судьбой совершить его.

В ответ на это фаталистическое[83] рассуждение, которое одобрил бы любой мусульманин, слуга покачал головой, покинул контору и отправился в гостиницу. Воистину это путешествие не сулило ему ничего хорошего.

Через два часа Бруно вернулся с несколькими носильщиками, снабженными крюками, которые удерживались у них на спине при помощи крепких ремней. Они были из тех самых туземцев, одетых в подбитую войлоком материю, покрытых калахами[84], вышитыми разноцветным шелком, и обутых в двойную обувь, одним словом, из тех хаммалей[85], которых Теофиль Готье[86] так верно назвал «двуногими безгорбыми верблюдами». Наши же носильщики были и горбатыми из-за множества тюков, которые они переносили на себе. Весь их груз был сложен во дворе конторы, и сразу же началась загрузка почтовой кареты, предварительно вытащенной из сарая.

А в это время господин Керабан, как и полагается старательному негоцианту, приводил в порядок свои дела. Он проверил состояние кассы и свой дневник, дал инструкции начальнику служащих, написал несколько писем и взял большую сумму в золоте, поскольку бумажные деньги обесценились в 1862 году и больше не котировались. Нуждаясь в российских деньгах для того отрезка пути, который следовал по побережью Московской империи, Керабан намеревался обменять турецкие лиры у своего друга, банкира Селима, коль скоро его маршрут пролегал через Одессу.

Приготовления были быстро закончены. Провизию поместили в кофры кареты. Кое-какое оружие также положили внутрь экипажа, так как никогда не известно, что может произойти, и нужно быть готовыми к любым неожиданностям. Кроме того, не забыли, разумеется, два наргиле: один для ван Миттена, другой для Керабана. Ведь это принадлежности, без которых никак не обойтись турку, особенно если он к тому же — и торговец табаком.

Лошади были заказаны еще вечером и их должны привести на заре. От полуночи до наступления дня оставалось несколько часов, которые сперва были посвящены ужину, а затем — отдыху. На следующий день, когда господин Керабан дал сигнал к пробуждению, все повыскакивали из постелей и оделись по-дорожному.

Почтовая карета была запряжена, загружена, а ямщик, сидя в седле, ожидал путешественников.

Господин Керабан повторил еще раз свои последние распоряжения конторским служащим. Оставалось только отправиться в путь.

Ван Миттен, Бруно и Низиб безмолвно ожидали на просторном дворе конторы.

— Итак, это решено? — спросил в последний раз ван Миттен своего друга Керабана.

Вместо ответа последний показал на экипаж, дверца которого была открыта.

Голландец поднялся по подножке и устроился в глубине кузова слева. Господин Керабан сел рядом с ним. Низиб и Бруно забрались в кабриолет.

— А мое письмо! — воскликнул Керабан в момент, когда великолепный экипаж уже был готов покинуть контору.

И, опустив оконное стекло, он вручил одному из служащих письмо, которое приказал отправить по почте этим же утром. Письмо было адресовано повару с виллы в Скутари и содержало лишь следующие несколько слов:

«Обед откладывается до моего возвращения. Измените меню: суп из простокваши, баранья лопатка с пряностями. И не слишком прожаренная».

Затем карета тронулась, спустилась по улицам предместья, пересекла Золотой Рог по мосту Султана Валида и выехала из города через Ени-Капы — «Новые ворота».

Господин Керабан уехал! Да хранит его Аллах!

Глава шестая,

в которой путешественники начинают испытывать некоторые трудности, особенно в дельте Дуная.

С административной точки зрения, европейская Турция делится на вилайеты — губернаторства, или департаменты, управляемые вали — генерал-губернатором (нечто вроде префекта[87]) назначаемым султаном. Вилайеты подразделяются на санджаки, или округа, под началом мутешшарифа[88]; а также казы, или районы, с каймаканом[89] во главе; на наие, или общины, с мудиром, или избираемым мэром[90]. Это почти та же самая административная система, которая установлена во Франции.

В общем, господину Керабану не нужно или почти не нужно было иметь каких-либо дел с властями вилайетов Румелии, которые пересекает дорога из Константинополя к границе. Этот путь менее всего отклонялся от побережья Черного моря и сокращал поездку наилучшим образом.

Стояла прекрасная для путешествия погода, воздух освежался морским бризом, беспрепятственно проносившимся по этой достаточно равнинной территории. Там были поля кукурузы, ячменя, ржи, а также процветающие во многих областях Оттоманской империи виноградники. Затем показались рощи из дуба, сосны, бука, березы, растущие там и сям группами платаны, лавры, смоковницы, цератонии и, совсем недалеко от моря, гранаты и оливы, подобные тем, что можно увидеть на той же широте в Южной Европе.

Выехав из ворот Ени-Капы, карета направилась по дороге из Константинополя в Шумлу, от которой идет ответвление на Адрианополь через Кырккилиссе. Этот боковой путь пересекает в нескольких местах железную дорогу — она соединяет Адрианополь, главный город европейской Турции, со столицей Османской империи.

Когда почтовая карета ехала вдоль железной дороги, по ней как раз проходил поезд. Один из пассажиров неожиданно высунул голову из окна своего вагона и мог заметить экипаж господина Керабана, быстро уносимый мощной упряжкой. Этим пассажиром был не кто иной, как мальтийский капитан Ярхуд, направлявшийся в Одессу, куда благодаря быстроте поездов он должен был прибыть гораздо раньше, чем дядя молодого Ахмета.

Ван Миттен не смог удержаться, чтобы не указать своему другу на мчащийся на всех парах состав. Но тот по своей привычке лишь пожал плечами.

— Э, друг Керабан, можно быстро доехать, — сказал ван Миттен.

— Да, если доедешь! — ответил господин Керабан.

Нужно отметить, что в течение первого дня путешествия не было потеряно ни одного часа. Благодаря деньгам на почтовых станциях не возникало никаких трудностей. Лошади не заставляли себя упрашивать, когда их запрягали, а ямщики без задержек везли господина, который платил так щедро.

Путешественники проехали через Чаталджу, через Бююк-Хан на водоразделе рек, впадающих в Мраморное море, через долину Чорлу, деревню Еникёй, долину Галата, в которой, если верить легенде, были пробурены подземные каналы, некогда снабжавшие водой столицу.

С наступлением вечера карета на час остановилась в местечке Серай. Поскольку

провизия, погруженная в кофры, предназначалась лишь про запас для мест, где даже посредственную пищу трудно достать, то ее следовало приберечь. Поэтому, пообедав, и даже сносно, в Серае, путешественники снова отправились в дорогу. Возможно, с точки зрения Бруно, проводить ночь в кабриолете было не слишком приятно, однако Низиб смотрел на это как на вполне естественную вещь и спал столь заразительно спокойным сном, что в конце концов ему последовал и напарник.

Ночь прошла без происшествий благодаря длинному извилистому изгибу, который делает дорога на подступах к Визе. Это дает возможность избежать крутых откосов и болотистых мест долины. Так что ехали спокойно. Вот только, к своему великому сожалению, ван Миттен не смог, таким образом, увидеть сам Визе — городок с семью тысячами жителей — почти исключительно греков, — который служит резиденцией[91] для православного епископа[92]. Впрочем, он и приехал сюда не для того, чтобы смотреть на что-то, но чтобы сопровождать властного господина Керабана, мало заботящегося о полноте и разнообразии путевых впечатлений.

К пяти часам вечера, после того как путешественники проехали через деревни Бунар-Хиссан, Ени, Ускюп, они обогнули небольшую рощу, усеянную могилами. В них покоятся останки жертв, убитых бандой разбойников, которая некогда орудовала в этих местах. Затем путники прибыли в Кырккилиссе, достаточно значительный город с шестнадцатью тысячами жителей. Его название «Сорок церквей» говорит само за себя. Строго говоря, это нечто вроде небольшой долины с домами (расположенными в глубине и по краям); ван Миттен в сопровождении верного Бруно исследовал ее за несколько часов. Карета была поставлена во дворе достаточно приличной гостиницы, в которой господин Керабан и его спутники провели ночь. Выехали на рассвете.

Днем 19 августа ямщики миновали деревню Карабунар и очень поздно вечером прибыли в город Бургас, расположенный у залива с тем же названием. Путешественники переночевали в «хане» — очень примитивной разновидности постоялого двора, безусловно не заслуживавшего посещения их почтовой карсты.

Утром следующего дня дорога, отклонившись от побережья, привела их к Айтосу, а вечером — в Паравади[93], одну из станций железной дороги Шумла[94] — Варна. Теперь они пересекали провинцию Болгария по югу Добруджи, у подножия последнего отрога Балканского хребта[95]. Здесь им пришлось с большими трудностями передвигаться то посреди болотистых долин, то сквозь заросли буйно разросшихся водных растений. Продирались с величайшим трудом, вспугивая при этом тысячи уток, бекасов, куликов, укрывавшихся на этой пересеченной местности.

Известно, что Балканы образуют важный горный хребет, который проходит между Румелией и Болгарией к Черному морю. Многочисленные отроги тянутся от водораздельного хребта к Дунаю.

Здесь терпение господина Керабана подверглось суровому испытанию. Потребовалось пересечь край хребта, чтобы снова спуститься в Добруджу. Склоны здесь почти неприступной крутизны, повороты столь резкие, что не позволяли упряжке держаться вместе, узкие дороги с пропастями по краям — все это отняло много времени, приводило к дурному настроению и непрерывным препирательствам. Несколько раз приходилось распрягать лошадей и подкладывать клинья под колеса, чтобы выбраться из какого-нибудь трудного прохода. Особенно много «клиньев» нужно было «подкладывать» в виде пиастров, попадавших в карманы ямщиков. А если нет — так не угодно ли вернуться?!

Так что господин Керабан получил прекрасный повод лишний раз обругать нынешнее правительство, которое так плохо присматривало за состоянием дорог и не заботилось об удобствах проезда через провинции. Диван[96], однако, не церемонился, когда речь шла о податях, налогах и всяческих притеснениях, и кто-кто, а господин Керабан отлично это знал! Десять пара, чтобы переправиться через Босфор! Он все время возвращался к этому, как одержимый навязчивой идеей. Десять пара! Десять пара!

Ван Миттен воздерживался от того, чтобы отвечать своему спутнику. Даже видимость противоречия могла бы привести к какой-нибудь сцене. Поэтому, чтобы утихомирить торговца, он, в свою очередь, начинал ругать все правительства вообще и турецкое — в частности.

— Невозможно, — говорил Керабан, — чтобы в Голландии имели место такие злоупотребления!

— Напротив, они есть, друг Керабан, — отвечал ван Миттен, который прежде всего хотел успокоить своего сотоварища.

— А я вам говорю, что нет! — возражал последний. — Утверждаю: только в Константинополе возможны подобные несправедливости! Могли ли когда-либо в Роттердаме даже помыслить о том, чтобы обложить налогом каики?

— У нас нет каиков.

— Не важно!

— Как не важно?

— Да! Если бы они у вас были, то ваш король никогда не решился бы наложить на них налог. Будете уверять меня теперь, что правительство этих новых гурок — не самое плохое правительство в мире?

— Несомненно, самое плохое! — согласился ван Миттен, желая прервать начинающий разгораться спор. И, чтобы удобнее закончить то, что пока еще не перешло рамки простого разговора, он достал свою длинную голландскую трубку. Это вызвало у господина Керабана желание также найти забвение в фимиаме[97] наргиле. Кабина немедленно заполнилась дымом, и пришлось опустить стекла, чтобы дать ему выход. Но в той никотиновой дремоте, которая в конце концов овладевала им, упрямый путешественник оставался безмолвным и спокойным лишь до того момента, пока какое-нибудь происшествие не возвращало его к реальности.

За неимением места для стоянки в этой полудикой стране, ночь с 20 на 21 августа провели в почтовой карете. Только к следующему утру последние отроги Балкан были пройдены и путешественники очутились за румынской границей, на территории с самыми удобными дорогами в Добрудже.

Эта область представляет собой почти остров, образованный широкой петлей Дуная. Повернув сначала на север к Галацу, река поворачивает оттуда опять на восток к Черному морю, в которое впадает через несколько рукавов. Некое подобие перешейка, соединяющего этот «остров» с Балканским полуостровом, ограничивается той частью провинции, расположенной между Чернаводой и Кустендже[98], где проложена небольшая железнодорожная ветка длиной не более 15–16 лье. Но на южном отрезке железнодорожного пути местность, с топографической точки зрения, очень похожа на ту, которую путник видит на севере. И можно сказать, что равнины Добруджи зарождаются у последних отрогов Балкан.

«Добрая земля» — так турки называют этот кусок плодородной почвы, на котором

земля принадлежит первому занявшему ее. Если она и не заселена полностью, то по ней кочуют татары-пастухи, а область, прилегающую к реке, обживают валахи. Оттоманская империя владеет там огромной территорией, на которой долины едва углубляются в почти плоскую поверхность земли. Многочисленные холмы простираются до лесов, покрывающих дельту Дуная.

В этом районе дороги без резких подъемов и крутых спусков позволяли карете перемещаться значительно быстрее. Начальники почтовых станций не имели права браниться, видя, как запрягают их лошадей, а если даже они и делали это, то лишь по привычке.

Итак, путешественники ехали быстро и благополучно. 21 августа, в полдень, сменили лошадей в Кослидехе, а в тот же вечер в Базарджике. Там господин Керабан решил провести ночь, чтобы дать отдых всей компании, за что Бруно был ему очень признателен, хотя из осторожности и не говорил этого.

На следующее утро с ранней зарей запряженная свежими лошадьми карета катила по направлению к озеру Карасу. Озеро это — некое подобие обширной воронки, содержимое которой, питаемое глубинными источниками, выплескивается в Дунай в период максимального понижения уровня воды в реке. Почти двадцать четыре лье были преодолены за двенадцать часов, и к восьми часам вечера путешественники остановились перед железнодорожной линией Кустендже — Чернавода, возле станции Меджидия — совершенно нового города, насчитывающего уже двадцать тысяч жителей и обещающего стать еще более значительным.

Там, к своему великому неудовольствию, господин Керабан не смог сразу же перебраться через дорогу, чтобы попасть на постоялый двор, где он собирался провести ночь. Дорога была занята поездом, и нужно было ждать добрую четверть часа, пока не освободился проезд.

Понятно, что последовали новые жалобы и упреки администрации железных дорог, которая считает, что ей все дозволено, и, в частности, не только давить путешественников, имеющих глупость воспользоваться их транспортом, но и заставлять опаздывать тех, кто отказывается это сделать.

— Во всяком случае, — сказал негоциант ван Миттену, — со мной железнодорожная авария никогда не случится.

— Неизвестно, — неосторожно ответил ему достойный голландец.

— Мне известно, мне! — воскликнул господин Керабан тоном, который резко прерывал какую бы то ни было дискуссию.

Наконец поезд покинул станцию Меджидия, шлагбаум открылся, карета проехала, и путешественники расположились отдыхать на достаточно комфортабельном постоялом дворе этого города, чье название было выбрано в честь султана Абдул-Меджида[99].

На следующий день, беспрепятственно проехав по пустынной равнине, путешественники прибыли в Бабадаг, но так поздно, что удобнее было продолжать путь ночью. Вечером, к пяти часам, остановились в Тулче, одном из самых значительных городов Молдовы.

В этом населенном пункте с тридцатью — сорока тысячами жителей, где живут вперемешку черкесы, ногаи, персы, курды, болгары, румыны, греки, армяне, турки и евреи, господин Керабан мог легко найти вполне сносную гостиницу. Он это и сделал. Что до ван Миттена, то, с разрешения своего спутника, он получил возможность посетить Тулчу, очень

живописный амфитеатр которого раскрывается на северном склоне небольшой возвышенности, вырастающей над широкой речной заводью почти напротив города Измаила[100].

На следующий день, 24 августа, карета переправилась через Дунай перед Тулчей и отважно продвигалась по речной дельте, образованной двумя крупными рукавами — «гирлами». Первое гирло называется Сулинским, по нему плывут паровые суда; второе, более северное, проходит Измаил, затем Килию и еще ниже достигает Черного моря, разветвляясь по дороге на пять проток. Это то, что именуется дельтой Дуная.

За Килией раскинулась Бессарабия, которая на протяжении пятнадцати лье тянется на северо-восток и проходит по части черноморского побережья.

Само собой разумеется, что происхождение названия Дунай, послужившее причиной многих научных споров, вызвало дискуссию чисто географического характера между господином Керабаном и ван Миттеном. Знали ли его греки времен Гесиода[101] под именем Истрос или Гистрос; было ли название Данувиус принесено римскими армиями и был ли Цезарь[102] первым, кто ввел его в оборот. Правда ли, что в языке фракийцев[103] слово «Дунай» значит «облачный»; происходит ли оно из кельтского[104], санскрита[105], зендского [106] или греческого; был ли прав профессор Бопп и не ошибся ли профессор Виндишманн, когда они спорили о происхождении этого названия.

Наконец господин Керабан вывел название Дунай из зендского слова «асдану», означающего «быструю реку» и, как и всегда, заставил своего оппонента замолчать[107].

Но сколь бы «быстрой» эта река ни была, ее течения недостаточно, чтобы увлечь всю массу воды, задерживаемую в различных руслах. И приходится считаться с крупными наводнениями. Ну а упрямый господин Керабан принять чужие доводы, разумеется, не пожелал и вопреки всем предостережениям направил карету через широкую дельту.

Он не был одиноким в этой глуши: изрядное число уток, диких гусей, ибисов, цапель, лебедей, пеликанов как бы составляло его кортеж[108]. Но негоциант забыл, что если природа создала водоплавающих птиц голенастыми[109] или перепончатокрылыми, то это значит: нужны ходули или перепонки для посещения области, столь часто затопляемой в период больших паводков.

Ну а лошади, всякий с этим согласится, были существами скорее сухопутными, чем водоплавающими, и с трудом передвигались по земле, размокшей из-за последних паводков. За пределами этого гирла Дуная, впадающего в Черное море у Сулины, расстилалось только обширное болото, сквозь которое едва просматривалась почти непроходимая дорога. Вопреки советам ямщиков, к которым присоединился ван Миттен, господин Керабан дал приказ продвигаться вперед. И пришлось ему подчиниться. А привело это к тому, что карета, естественно, увязла в грязи и лошади никак не могли ее оттуда вытащить.

— Дороги недостаточно хорошо содержатся в этой местности, — счел нужным заметить ван Миттен.

— Они такие, какие есть! — не упустил случая Керабан. — Они таковы, какими только и могут быть при подобном правительстве!

— Может быть, нам лучше вернуться и направиться по другому пути?

Напротив, нам лучше продолжать продвигаться и ничего не менять в маршруте!

— Но каким образом?

Нужно послать за вспомогательными лошадьми в ближайшую деревню. — ответил

упрямый герой. — А ночь проведем либо в карете, либо на постоялом дворе.

Возражать на это было нечего. Ямщик и Низиб отправились на поиски ближайшей деревни. Вернуться они могли, вероятно, только к восходу солнца. Так что господин Керабан, ван Миттен и Бруно должны были подчиниться необходимости провести ночь посреди этой обширной степи, столь же безлюдной, как если бы они оказались в самой глубине пустынь центральной Австралии. К счастью, карета, погрузившись в тину до втулок колес, как будто не собиралась увязнуть еще глубже.

Между тем ночь была непроглядной. Массивные, очень низкие облака в стадии конденсации[110], пригнанные ветрами с Черного моря, неслись по небу. Хотя дождя не было, сильная влажность исходила от земли, перенасыщенной водой, и подобно полярному туману смачивала все вокруг. Уже в десяти шагах ничего нельзя было разглядеть. Только два фонаря кареты отбрасывали слабенький свет сквозь болотные испарения, и, возможно, лучше было бы их погасить.

В самом деле, этот свет мог привлечь каких-либо нежелательных пришельцев. Но когда ван Миттен высказал свое соображение на этот счет, его несносный спутник счел должным оспорить его, и предложение голландца не имело последствий.

Тем не менее рассудительный ван Миттен был прав, и если бы он оказался похитрее, то предложил бы своему сотоварищу фонарей не гасить: очень вероятно, что в этом случае они как раз были бы погашены.

Глава седьмая,

в которой увязшие почтовые лошадки доказали, что их собственный страх сильнее, чем хлыст ямщика.

Было десять часов вечера. Керабан, ван Миттен и Бруно, поужинав взятой из кофра провизией, курили и около получаса прогуливались по узкой тропинке с твердой почвой.

— Теперь, — сказал ван Миттен, — я думаю, друг Керабан, что вы не имеете ничего против того, чтобы мы пошли спать, пока не прибудут лошади?

— Не имею ничего против, — подтвердил Керабан, чуть поразмыслив, прежде чем дать этот ответ, немного странный со стороны человека, у которого в запасе всегда хватало возражений.

— Мне хотелось бы думать, — добавил голландец, — что мы в безопасности посреди этой абсолютно пустынной равнины?

— Мне тоже хотелось бы.

— Нечего опасаться какого-либо нападения?

— Нечего.

— Если не считать нападения москитов, — заметил Бруно, который только что сильно хлопнул себя по лбу, чтобы раздавить полдюжины этих несносных диптеров[111].

И действительно, тучи прожорливых насекомых, которых, видимо, привлекало мерцание фонарей, начали нахально крутиться вокруг кареты.

— Гм, — заметил ван Миттен, — здесь жуткое количество москитов, и противомоскитная сетка нам не помешала бы.

— Это не москиты, — возразил господин Керабан, почесывая нижнюю часть затылка, — и вовсе не противомоскитной сетки нам не хватает!

— Чего же тогда? — спросил голландец.

— Противокомарной сетки, — ответил Керабан, — потому что эти мнимые москиты — на самом деле комары.

«Черт меня побери, если я нахожу в них различие», — подумал ван Миттен, не считая, правда, уместным начинать дискуссию по этому чисто энтомологическому[112] вопросу.

— Любопытно, — заметил Керабан, — что только самки этих насекомых нападают на человека.

— Узнаю их, этих представительниц прекрасного пола, — сострил Бруно, потирая икры.

— Я думаю, что мы поступим разумно, если вернемся в карету, — сказал ван Миттен, — иначе нас сейчас сожрут.

— Действительно, — ответил Керабан, — равнины нижнего Дуная просто оккупированы комарами, и с ними можно бороться, только посыпая на ночь кровать и рубашку, а днем и носки пиретрумом…

— Которого, к несчастью, у нас нет как нет, — договорил голландец.

— Нет как нет, — ответил Керабан. — Но кто мог предвидеть, что мы окажемся в бедственном положении в болотах Добруджи?

— Никто, друг Керабан.

— Я слышал, друг ван Миттен, о колонии крымских татар, которым турецкое правительство предоставило обширную концессию в дельте этой реки. Так вот, полчища этих комаров вынудили их покинуть ее.

— Судя по тому, что мы видим, друг Керабан, это вполне вероятно!

— Давайте вернемся в карету.

— Мы слишком опоздали, — ответил ван Миттен, мечущийся среди жужжащих крыльев, вибрирующих миллион раз в секунду.

Когда господин Керабан и его товарищ собрались подняться в карету, первый из них остановился.

— Хотя вроде нечего опасаться, — сказал он, — но хорошо было бы, если бы Бруно посторожил, пока не вернется ямщик.

— Он не откажется, — заверил ван Миттен.

— Я не откажусь потому, что мой долг — не отказываться, — сказал Бруно, — но сейчас меня заживо сожрут.

— Нет! — возразил Керабан. — Я слышал, что комары не кусают дважды в одно и то же место, так что скоро Бруно будет избавлен от их нападения.

— Да?.. После того, как буду изрешечен тысячью укусов?

— Именно это я и имел в виду, Бруно.

— Но я могу, по крайней мере, посторожить в кабриолете?

— Безусловно, только чтоб не спать.

— Как можно спать посреди этого ужасного роя москитов?

— Комаров, Бруно, — поправил Керабан. — Простых комаров!

После этого замечания господин Керабан и ван Миттен поднялись в кузов, предоставив Бруно заботу сторожить своего хозяина или, вернее, хозяев, так как со времени встречи негоцианта с голландцем он вполне мог сказать, что теперь у него двое хозяев.

Удостоверившись, что дверцы кареты надежно закрыты, Бруно осмотрел упряжку. Лошади, изнуренные усталостью, лежали на болотной жиже и с шумом дышали.

— Сам дьявол не вытащит их отсюда, — говорил себе слуга. — Блестящая же идея пришла господину Керабану выбрать именно этот путь. В конце концов, его это и забота!

Бруно поднялся в кабриолет и опустил застекленную раму, сквозь которую он мог видеть дорогу сквозь ореол фонарных лучей.

Что оставалось делать слуге ван Миттена, кроме как мечтать с открытыми глазами? Борясь со сном, он размышлял о череде приключений, в которую его вовлек хозяин, последовав за самым упрямым из османов.

Итак, он, дитя древней Батавии[113] любитель шататься по роттердамским улицам, завсегдатай набережной Мааса, искусный рыбак, ротозей с каналов, разрезавших его родной город, оказался на другом краю Европы, сделав гигантский шаг из Голландии в Оттоманскую империю. После высадки в Константинополе судьба забрасывает Бруно в степи нижнего Дуная. И вот он видит себя здесь, взгромоздившимся в кабриолет почтовой кареты посреди болот Добруджи, затерянным в глубокой ночи и, кажется, пустившим корни в эту землю более прочно, чем готическая башня Зёйдекерка! И все это — потому что слуга обязан повиноваться своему хозяину, который точно так же, хотя и по доброй воле, подчиняется господину Керабану.

— О, превратности человеческой жизни! — твердил Бруно. Вот совершаю путешествие вокруг Черного моря, и все ради того, чтобы сэкономить десять пара, которые я охотно

заплатил бы из собственного кармана тайком от самого нетерпимого из турок. Но для этого мне следовало быть более предусмотрительным. Ах, упрямец, упрямец! После отъезда я похудел уже на два фунта! За четыре дня! Что же будет через четыре недели? Ну вот, опять эти проклятые насекомые!

Сколь ни плотно Бруно закрыл раму, несколько дюжин комаров все же смогли проникнуть в кабриолет и теперь остервенело набрасывались на беднягу. Сколько шлепков и почесываний это вызвало! Как изощрялся он, обзывая их москитами, раз господин Керабан не мог его слышать.

Таким образом прошел час, затем еще один. Если бы не надоедливые атаки этих насекомых, то, уступая усталости, Бруно, может быть, и заснул бы. Но кто мог бы спать в таких условиях?!

Наверное, было уже за полночь, когда Бруно пришла в голову запоздалая идея. Она должна была бы гораздо раньше прийти к нему, чистокровному голландцу, который, рождаясь, ищет сначала руками курительную трубку, а потом уж губами — грудь кормилицы. Идея заключалась в том, чтобы бороться с вторжением комаров затяжками табачного дыма. Как он не подумал об этом до сих пор! Если эти насекомые сумеют противостоять тому маленькому никотиновому аду, который он сейчас устроит в своем кабриолете, то, значит, их комариная жизнь в болотах нижнего Дуная воистину сурова!

Итак, Бруно достал из кармана свою фарфоровую трубку с эмалевыми цветочками — точную копию той, которую у него так бесстыдно украли в Константинополе. Он набил ее, как если бы это было огнестрельное оружие, которое он собирался разрядить по вражеским войскам. Затем высек огонь огнивом, зажег трубку и стал вдыхать дым превосходного голландского табака и выдыхать его огромными клубами.

Комариный рой сперва усилил жужжание, удваивая взмахи крыльев, а потом постепенно рассеялся в самых темных углах кабриолета. Бруно мог поздравить себя с придуманным маневром. Батарея, только что пущенная им в дело, совершила чудо: нападавшие отступили в беспорядке. Но так как он не стремился брать пленных, то быстро открыл раму, чтобы дать выход находящимся внутри кабриолета насекомым, хорошо понимая, что его дымовые залпы препятствовали проникновению наглых кровососов снаружи.

Теперь, когда Бруно освободился от легиона[114] несносных двукрылых, он мог даже рискнуть как следует осмотреться по сторонам. Кругом было все еще очень темно. Налетали сильные порывы бриза и раскачивали карету, которая, впрочем, была очень устойчивой. Поэтому оснований опасаться, что она перевернется, не было.

Смотря вперед, Бруно старался увидеть, нет ли каких-либо огней на северном горизонте, свидетельствовавших о возвращении ямщика с запасными лошадьми. Полная темнота, мрак, тем более глубокий вдали, что передняя часть почтовой кареты четко вырисовывалась в свете, отбрасываемом фонарями. Затем Бруно оглянулся по сторонам, и ему показалось, что на расстоянии около шестидесяти футов появились какие-то яркие точки, которые быстро и бесшумно перемещались во мраке то на уровне земли, то на два-три фута выше.

Первым делом Бруно спросил себя, не было ли это простой фосфоресценцией[115] блуждающих огоньков на поверхности болота, где всегда хватает сероводорода[116]. Однако, если его рассудочное предположение могло оказаться ошибочным при определении степени опасности непонятного явления, то лошадей-то их инстинкт не мог обмануть! А они начали

при виде этого феномена проявлять признаки волнения, принюхиваясь и фыркая необычным образом.

«Что это? — спросил себя Бруно. — Без сомнения, какая-нибудь новая неприятность. Может, волки?»

Не было ничего невероятного в том, что это и впрямь сверкали глазами волки. Еще бы! Они могли учуять лошадей! Стаи всегда голодных серых хищников часто встречаются в дельте Дуная.

— Вот черт! — пробормотал Бруно. — Это было бы похуже, чем москиты или комары нашего упрямца. И табачным дымом здесь ничего не сделаешь.

Тем временем лошади испытывали живейшее беспокойство, и в этом невозможно было ошибиться. Они пытались брыкаться в густой грязи, становились на дыбы и сильно дергали карету. К этому моменту светящиеся точки заметно приблизились и — что за странность? — нечто вроде глухого хрюканья стало примешиваться к свисту ветра.

«Думаю, — сказал себе Бруно, — что самый раз предупредить господина Керабана и хозяина».

И действительно, медлить было опасно. Поэтому Бруно осторожно соскользнул на землю, опустил подножку кареты, открыл дверцу и снова закрыл, очутившись внутри кабины, где двое друзей спокойно спали, лежа рядом друг с другом.

— Хозяин… — позвал Бруно тихим голосом, положив руку на плечо ван Миттена.

— К черту того, кто меня будит, — пробормотал голландец, протирая глаза.

— Сейчас не до того чтобы людей так далеко посылать, особенно если черт, возможно, рядом, — ответил Бруно.

— Это кто со мной разговаривает?

— Я, ваш слуга.

— А! Бруно! Это ты? Впрочем, ты хорошо сделал, что разбудил меня. Понимаешь, приснилось, что госпожа ван Миттен…

— Хочет поругаться с вами, — продолжил Бруно. — Но сейчас не до этого.

— А в чем дело?

— Вы не могли бы разбудить господина Керабана?

— Разбудить?

— Да! Как раз пора.

Не спрашивая ничего больше, голландец, который и сам еще находился в полусне, потряс своего спутника.

Ничто не сравнимо со сном турка, если у него полный желудок и спокойная совесть. А именно таким безмятежным сном спал спутник ван Миттена. Пришлось потрясти его несколько раз. Господин Керабан, не поднимая век, стал ворчать и брюзжать, как человек, который вовсе не собирается кому бы то ни было подчиняться. Упрямец наяву — он и во сне не меньший упрямец, и, видимо, следовало предоставить ему спать дальше. Тем не менее ван Миттен и Бруно проявили такую настойчивость, что господин Керабан все же потянулся, открыл глаза и сказал все еще сонным голосом:

— Что? Вспомогательные лошади с ямщиком и Низибом уже прибыли?

— Нет еще, — ответил ван Миттен.

— Так зачем же меня будили?

— Потому что, если лошади еще и не прибыли, — ответил Бруно, — то другие очень подозрительные животные окружают карету и собираются напасть на нее.

— Что за животные?

— Посмотрите.

Стекло дверцы кареты было опущено, и Керабан высунулся наружу.

— Да поможет нам Аллах! — воскликнул он. — Здесь целое стадо диких кабанов.

Ошибки быть не могло! На карсту надвигались действительно кабаны, — в дунайской дельте их было немало. Нападение кабанов крайне опасно, и они могут быть отнесены к категории хищных зверей.

— Что будем делать? — спросил голландец.

— Сохранять спокойствие, если они не нападут, — ответил Керабан. — Защищаться, если животные бросятся в атаку.

— Зачем кабанам нападать на нас? — удивился ван Миттен. — Насколько мне известно, они не плотоядны.

— Да, конечно, — согласился Керабан. — Но если нам не угрожает опасность быть сожранными, то вспороть животы кабаны вполне могут.

— Одно другого стоит, — философски заметил Бруно.

— Поэтому будем готовы к любому ходу событий.

Сказав это, господин Керабан стал приводить в порядок оружие. У ван Миттена и Бруно было по шестизарядному револьверу и некоторое количество патронов. У него же — старого турка, открытого противника любого современного новшества, — имелось только два пистолета отечественного производства со стволами, украшенными насечкой, с рукоятками, инкрустированными черепашьим панцирем и драгоценными камнями, пригодными больше всего для того, чтобы украшать пояс какого-нибудь аги[117]. Но как прикажете из этого украшения стрелять? Таким образом, ван Миттен, Керабан и Бруно могли воспользоваться только перечисленным выше оружием и должны были действовать им без промаха.

Тем временем кабаны, которых было добрых два десятка, приблизились и окружили карету. В свете фонарей, их несомненно и привлекшего, можно было видеть, как они бешено метались и взрывали землю ударами своих клыков. Это были огромные звери чудовищной силы. Каждый из них был способен повспарывать животы целой своре собак. Так что положение путешественников продолжало оставаться тревожным, и они в любой момент могли подвергнуться нападению со всех сторон еще до наступления дня. Лошади упряжки хорошо это чувствовали. Под хрюканье стада они храпели и кидались в сторону так, что оглобли кареты только чудом не ломались, а постромки — не рвались.

И тут раздался грохот. Это ван Миттен и Бруно выстрелили по два раза из своих револьверов в кабанов, бросившихся в атаку. Раненые животные яростно ревели и катались по земле. Но другие, рассвирепев, бросились к карете и напали на нее, нанося удары клыками. Стенки были пробиты во многих местах, и стало очевидным, что еще немного — и они будут уничтожены.

— Черт! Вот черт! — бормотал Бруно.

— Огонь! Огонь! — повторял господин Керабан, разряжая свои пистолеты, которые обычно давали осечку, хотя он этого упорно не признавал. Револьверы Бруно и ван Миттена ранили еще нескольких ужасных зверей, устремившихся прямо к упряжке. Это еще больше испугало лошадей. Им угрожали клыки кабанов, а они, не имея свободы движения, могли отвечать только брыканием. Если бы лошади были отвязаны, то бросились бы сквозь поле и получили бы возможность соревноваться в скорости с напавшим на них диким стадом. Изо всех сил они старались порвать постромки. Но сбруя, сделанная из крученого шнура, не

поддавалась. Это угрожало тем, что передок экипажа разлетится вдребезги или что карета перевернется в грязи.

Господин Керабан, ван Миттен и Бруно хорошо это понимали. Больше всего они опасались, что карета будет опрокинута. Тогда кабаны, которых выстрелы уже не сдерживали, набросились бы сверху и с пассажирами было бы покончено. Но что сделать, чтобы предотвратить такую возможность? Разве не были они во власти яростного стада? Однако хладнокровие не покинуло путешественников, и они не жалели патронов.

Вдруг еще более сильный удар потряс карету, как если бы оторвался передок.

— А, тем лучше, — воскликнул Керабан. — Пусть наши лошади ускачут в степь! Кабаны погонятся за ними и оставят нас в покое.

Но передок прочно держался с надежностью, делавшей честь этому древнему произведению английского каретного дела. Итак, он не уступал. А вот карета уступила. Сотрясения стали столь сильными, что вырвали ее из глубокой колеи, в которую она была погружена до осей. Последний рывок ошалевших от ужаса лошадей вытащил карету на более твердую почву, и вот она уже быстро увлекается прочь упряжкой, ничем не направляемой посреди глубокой ночи.

Кабаны, однако, не отступили. Они мчались, нападая сбоку, одни — на лошадей, другие — на карету, которая никак не могла обогнать их.

Господин Керабан, ван Миттен и Бруно были отброшены в глубь кабины.

— Или мы перевернемся… — тревожился ван Миттен.

— Или мы не перевернемся, — острил Керабан.

— Нужно постараться поймать вожжи, — рассудительно заметил Бруно. И, опустив передние стекла, он поискал вожжи рукой, но, видимо, барахтаясь, лошади порвали их, и теперь не оставалось ничего другого, как положиться на волю случая в этой бешеной скачке по болотистой местности. Чтобы прекратить бег упряжки, было лишь одно средство: остановить разъяренное стадо, которое ее преследовало. Ну, а огнестрельное оружие помочь здесь не могло, так как пули просто терялись в движущейся массе. Путешественники, которых бросало друг на друга или в разные углы кабины при каждом толчке, не тратили больше слов. Один покорился судьбе как истинный мусульманин, другой остался верен себе как всякий флегматичный голландец.

Добрый час прошел таким образом. Карета продолжала нестись, а кабаны не отставали.

— Друг ван Миттен, — сказал наконец Керабан, — мне рассказывали, что в подобных обстоятельствах один путешественник, за которым гналась стая волков в российских степях, спасся благодаря возвышенной преданности своего лакея.

— Каким образом? — спросил ван Миттен.

— О, ничего проще, — ответил Керабан. — Лакей обнял своего хозяина, поручил душу Богу, выскочил из кареты, и, пока волки задержались, чтобы сожрать его, хозяин сумел умчаться и был спасен.

— Очень жаль, что здесь нет Низиба! — спокойно заметил Бруно.

После этого все трое снова впали в глубокое безмолвие.

Упряжка продолжала мчаться среди ночи со страшной скоростью, а кабаны никак не могли настичь ее. Если не случится ничего особенного, не сломается колесо, слишком сильный толчок не перевернет карету, то господин Керабан и ван Миттен сохранят некоторый шанс на спасение даже без того варианта преданности, на который Бруно чувствовал себя неспособным.

Кроме того, нужно сказать, что, направляемые инстинктом, лошади чувствовали себя гораздо увереннее в этой части степи, с которой были уже знакомы. Поэтому они неуклонно направлялись по прямой линии к ближайшей почтовой станции. И когда первые проблески дня стали вырисовывать линию горизонта на востоке, карета находилась не далее, чем в нескольких верстах от нее.

Стадо кабанов продолжало преследование еще в течение получаса, затем постепенно отстало. Однако упряжка ни на миг не замедляла своего движения и остановилась, только будучи совершенно разбитой. Лошади тут же свалились в нескольких сотнях шагов от почтовой станции.

Господин Керабан и оба его спутника были спасены. Бог христиан и бог неверных[118] были одинаковым образом возблагодарены за то покровительство, которое они оказали голландским и турецкому путешественникам в течение этой опасной ночи.

В то время, когда карета прибыла на станцию, Низиб и ямщик, не отважившись выехать в темноте, находились все еще там и как раз собирались отправляться, взяв с собой вспомогательных лошадей.

Заменили упряжку, за что господину Керабану пришлось заплатить хорошую цену. Затем, не получив даже часового отдыха, путники после починки постромок снова отправились в путь и устремились по дороге на Килию.

Что сказать об этом маленьком городе, укрепления которого русские разрушили, прежде чем отдать его Румынии? Он является также и дунайским портом, расположенным на рукаве реки, носящем то же название. Вот, пожалуй, и все.

Карета без новых приключений добралась до него вечером 25 августа. Изнуренные путешественники остановились в одной из лучших гостиниц города и хорошим двенадцатичасовым сном вознаградили себя за утомление от предшествовавшей ночи.

На следующий день они выехали с зарей и быстро прибыли на русскую границу.

Здесь, однако, снова возникли трудности. Оскорбительные формальности таможни московитов[119] подвергли суровому испытанию терпение господина Керабана, который благодаря своим деловым связям, к несчастью или счастью — как хотите, — довольно хорошо владел местным языком, чтобы быть понятым. В один из моментов можно было даже предположить, что его упрямство при оспаривании не совсем приличного поведения таможенников помешает ему перейти через границу.

Однако ван Миттен с трудом, но сумел его успокоить. Керабан согласился подвергнуться досмотру и позволить перерыть все свои чемоданы. Он заплатил и таможенную пошлину, правда высказав при этом не единожды следующее совершенно справедливое рассуждение:

— Решительно, все правительства одинаковы и не стоят арбузной корки!

Наконец румынская граница была перейдена, и карета устремилась через ту часть Бессарабии, которая составляет северо-восточное побережье Черного моря.

Теперь господин Керабан и ван Миттен находились не более чем в двадцати лье от Одессы.

Глава восьмая,

в которой читатель охотно познакомится с молодой Амазией и ее женихом Ахметом.

Молодая Амазия, единственная дочь банкира Селима, турчанка по происхождению, прогуливалась и разговаривала со своей камеристкой Неджеб в галерее очаровательного обиталища, простиравшегося террасами до берега Черного моря.

С последней террасы, ступени которой омывались водами, спокойными в этот день, но часто волнуемыми ветрами древнего Понта Эвксинского, в полулье на юг можно было видеть Одессу во всем ее блеске.

Этот город — оазис посреди окружающей его обширной степи — являет собой великолепную панораму дворцов, церквей, гостиниц, домов, построенных на крутом прибрежном утесе, основанием вертикально уходящим в море. Из жилища банкира Селима можно было даже разглядеть большую площадь, обсаженную деревьями, и монументальную лестницу, над которой возвышается памятник герцогу де Ришелье[120]. Этот крупный государственный деятель был основателем города и оставался его управителем вплоть до того времени, когда ему пришлось вернуться на родину и посвятить себя делу освобождения французской территории, захваченной европейской коалицией.

Климат города под влиянием северных и восточных ветров крайне сух, и богатые жители этой столицы Новороссии[121] вынуждены в период знойного сезона искать свежесть в тени хуторов. Это объясняет, почему на берегу так много вилл, предназначенных для удовольствия тех, кому дела не позволяют провести несколько месяцев курортной жизни под небом Южного Крыма. Здесь же можно было увидеть и виллу банкира Селима, которую ее расположение избавляло от неудобств чрезмерной сухости.

Если зададут вопрос, почему название «Одесса» (то есть «город Одиссея»[122]) дали небольшому местечку, которое вместе со своими укреплениями во времена Потемкина[123] было известно как Хаджи-Бей, то ответ на него есть, и весьма занятный. Поселенцы, привлеченные сюда привилегиями, пожалованными новому городу, попросили императрицу Екатерину II[124] дать ему название. Императрица обратилась за советом в Санкт-Петербургскую академию. Академики порылись в истории Троянской войны[125]. Их «раскопки» выявили более или менее проблематичное существование города Одессоса, некогда находившегося в этой части побережья. Отсюда и название Одесса, возникшее во второй трети восемнадцатого века[126].

Одесса была торговым городом, остается им и можно думать, что всегда будет. Ее сто пятьдесят тысяч жителей — это не только русские, но и турки, греки, армяне, — в общем, космополитический[127] набор весьма деловых людей. Ну а поскольку коммерция, особенно связанная с экспортом, не делается без коммерсантов, то она также не обходится и без банкиров. Отсюда и возникновение банковских домов с самого начала становления нового города. А среди них — сперва скромный, но теперь в ряду наиболее уважаемых — банк Селима.

Чтобы лучше представить себе его хозяина, следует знать, что Селим принадлежал к более многочисленной, чем обычно думают, категории моногамных[128] турок. Став вдовцом, он посвятил себя воспитанию единственной дочери, Амазии. Она-то и стала невестой

молодого Ахмета, племянника господина Керабана. Наконец, Селим был корреспондентом и другом самого упрямого османа.

Свадьба Ахмета и Амазии, как известно, должна была праздноваться в Одессе. Дочь банкира Селима не предназначалась на роль первой жены в гареме, разделяющей с большим или меньшим числом соперниц-гинекей[129] эгоистичного и капризного турка. Нет! Она должна была вместе с Ахметом вернуться в Константинополь, в дом его дяди, и одна, без соперниц, жить там вместе с любимым мужем, который с детства боготворил ее. Каким бы странным ни казалось такое будущее молодой турецкой женщины в стране ислама, тем не менее это было так, и Ахмет был не тем человеком, который стал бы отступать от обычаев своей семьи.

Мы уже упоминали, что тетя Амазии, сестра ее отца, умирая, завещала ей огромную сумму в сто тысяч турецких лир при условии, что она выйдет замуж прежде, чем ей исполнится семнадцать лет. Это был каприз старой девы, решившей, что замужество никогда не будет слишком ранним для ее племянницы. Срок истекал через шесть недель. В противном случае наследство, составлявшее большую часть состояния девушки, отошло бы к дальним родственникам.

Амазия была очаровательной даже в глазах европейца. Если бы soniadomac, или вуаль из белого муслина[130], а также покрывавший ее голову убор из затканной золотом материи и тройной ряд цехинов[131] на ее лбу были сдвинуты, то можно было бы увидеть, как развеваются локоны чудесных черных волос. Амазия не применяла для подчеркивания своей красоты ни одного из известных в Турции способов: ханум[132] не подрисовывал ей брови, хол[133] не окрашивал ресницы, хна[134] не оттеняла веки, лицо не подрисовывалось висмутовыми белилами и кармином, жидкий кермес[135] не румянил губ. Западная женщина, подчиняясь жалкой современной моде, была бы накрашена гораздо больше. Но природная элегантность дочери Селима, гибкость талии, грация походки угадывались под фередже[136], широким плащом из Кашмира, который подобно далматике[137] драпировал ее от шеи до ног.

В тот день Амазия находилась в галерее, примыкавшей к садам, и была одета в длинную шелковую рубашку, спадавшую поверх широких шальвар[138] с пристегнутой к ним вышитой курточкой и энтари[139] с шелковым шлейфом, разрезанную в рукавах и украшенную позументом из ойа — разновидности кружева, производимого только в Турции. Пояс из Кашмира удерживал шлейф, облегчая ходьбу. Сережки и кольцо были единственными украшавшими ее драгоценностями. Элегантные паджубы прикрывали нижнюю часть ног, а ступни исчезали в обуви, сутажированной[140] золотом. Ее камеристка Неджеб, преданная спутница, можно даже сказать, почти подруга, была в тот момент рядом. Она расхаживала туда-сюда, разговаривала, смеясь, и Амазия получила искреннее удовольствие от общения с жизнерадостной девушкой.

Неджеб происходила из цыган и вовсе не была рабыней. Хотя на некоторых рынках империи и можно еще увидеть выставленными на продажу эфиопов или чернокожих суданцев, в принципе рабство здесь все же отменено. В домах важных турок количество слуг может быть значительным, а в Константинополе, например, оно составляет треть всего мусульманского населения, но эти люди не низведены до рабского положения; обычно они заняты в какой-то конкретной сфере и им не приходится много работать. Так же приблизительно обстояло дело и в доме банкира Селима. Что же до Неджеб, то после того, как еще ребенком ее приютили в этой семье, она занимала особое положение, состояла

исключительно при Амазии и не имела ничего общего с обычной прислугой.

Слушая свою наперсницу, Амазия полулежала на диване, покрытом богатой персидской материей. Она улыбалась, но при этом рассеянно смотрела вдоль бухты в сторону Одессы. И ее собеседнице было понятно, почему…

— Дорогая хозяйка, — Неджеб села на подушку у ног молодой девушки, — господин Ахмет еще не пришел? Чем же он занят?

— Он отправился в город, — отозвалась Амазия, — и, может быть, принесет нам письмо от своего дяди Керабана.

— Письмо! Письмо! — с разочарованием воскликнула молодая камеристка. — Сейчас нам не письмо, а сам дядя нужен. А он заставляет себя ждать.

— Немного терпения, Неджеб!

— Вам легко говорить, моя дорогая хозяйка. На моем месте вы не были бы такой терпеливой!

— Сумасшедшая! — улыбнулась Амазия. — Можно подумать, что речь идет не о моем, а о твоем замужестве.

— А вы считаете, что это недостаточно серьезная вещь — перейти на службу к даме после работы у молодой девушки?

— Из-за этого я не буду любить тебя больше, чем сейчас, Неджеб!

— И я тоже, моя милая хозяйка! Но я буду видеть вас такой счастливой, такой счастливой, когда вы станете женой господина Ахмета, что и мне перепадет частичка вашего счастья!

— Милый Ахмет, — прошептала девушка, на какой-то момент закрывшая глаза при воспоминании о женихе.

— Ну вот! Вам приходится закрывать глаза, чтобы увидеть его, моя возлюбленная хозяйка! — язвительно воскликнула Неджеб. — А если бы он был здесь, то вам достаточно было бы открыть их.

— Я повторяю тебе, Неджеб, что он пошел познакомиться с корреспонденцией в банке и безусловно принесет нам письмо от своего дяди.

— Да! Письмо от господина Керабана, в котором тот, по своему обыкновению, повторит, что дела удерживают его в Константинополе, что он еще не может покинуть свою контору, что цены на табак поднимаются или падают, что он непременно приедет через неделю, если не через две… А время не терпит! У нас не более шести недель, чтобы вы вышли замуж, иначе все ваше состояние…

— Ахмет любит меня не из-за состояния.

— Да, конечно… Но все же это промедление ему во вред. О, этот господин Керабан! Если бы он был моим дядей…

— И что бы ты с ним сделала?

— Ровно ничего, дорогая хозяйка, потому что, кажется, с ним — или из него — ничего нельзя сделать! И все же если бы он был здесь, то уже сегодня или самое позднее завтра мы пошли бы регистрировать свадебный контракт у судьи. А послезавтра, после молитвы имама, продолжали бы празднества на вилле. И так в течение пятнадцати дней, а господин Керабан уехал бы еще до их окончания, если бы ему это потребовалось.

Несомненно, что все и могло бы так произойти, при условии, что дядя Керабан без дальнейшего промедления покинул бы Константинополь. Регистрация контракта, по которому будущий муж обязуется предоставить жене мебель, одежду и кухонные

принадлежности, — дело недолгое. Да и религиозная церемония — тоже. Все эти формальности ничто не помешало бы выполнить за день-другой, о чем и говорила Неджеб. Но для этого нужно было, чтобы господин Керабан урвал из своих дел толику времени, которую во имя своей прекрасной хозяйки требовала от него нетерпеливая цыганка. Ведь он — опекун жениха, его присутствие необходимо для узаконения брака.

Вдруг молодая камеристка воскликнула:

— Посмотрите! Посмотрите-ка на это небольшое судно, которое только что бросило якорь прямо перед садами.

— Любопытно! — откликнулась Амазия.

И обе девушки направились к лестнице, спускавшейся в море, чтобы лучше разглядеть небольшое, грациозное судно, бросившее якорь поблизости. Это была тартана, парус которой висел теперь на гитове[141]. Легкий бриз позволил ей пересечь Одесский залив. Якорная цепь удерживала ее менее чем в кабельтове[142] от побережья, и тартана слабо покачивалась на докатывавшихся до лестницы и угасавших здесь волнах. Красный турецкий флаг с серебряным полумесяцем развевался на ее мачте.

— Ты можешь прочитать ее название? — спросила Амазия у Неджеб.

— Да, — ответила девушка. — Смотрите, оно написано на корме: «Гидара».

Действительно, «Гидара» капитана Ярхуда только что стала на якорь в этой части бухты. Но экипаж, кажется, не собирался находиться здесь долго, так как паруса не были убраны и любой моряк предположил бы, что судно вот-вот отплывет.

— Было бы восхитительно, — сказала Неджеб, — прогуляться на этой симпатичной тартане по голубому морю при легком ветерке, который заставляет ее наклоняться иод белым крылом паруса.

Вскоре девушки вернулись в дом. Заметив шкатулку на маленьком столике из китайского лака, стоявшем рядом с диваном, молодая цыганка подошла, открыла ее и достала несколько драгоценностей.

— А! Это прекрасные вещи, которые господин Ахмет прислал для вас! — воскликнула она. — Мне кажется, что мы уже очень много времени не рассматривали их.

— Ты думаешь? — прошептала Амазия, беря ожерелье и браслеты, засверкавшие в ее пальцах.

— Этими драгоценностями господин Ахмет надеется сделать вас еще более красивой, но ему это не удается.

— Что ты говоришь, Неджеб! — удивилась Амазия. — Какая женщина не похорошеет, надев такие великолепные украшения? Посмотри на алмазы из Висапура. Это огненные драгоценности, и кажется, что они смотрят на меня как прекрасные глаза жениха.

— Э, дорогая хозяйка, когда на него смотрят ваши глаза, разве тогда вы не делаете ему подарка, еще более драгоценного?

— Сумасшедшая! — засмеялась Амазия. — А этот сапфир из Ормуза, жемчужины из Офира, бирюза из Македонии…[143]

— Бирюза за бирюзу! — ответила Неджеб с веселым смехом. — Господин Ахмет на этом не потеряет!

— К счастью, Неджеб, его нет здесь, и он тебя не слышит.

— А что такого? Если бы он был здесь, милая хозяйка, то сам сказал бы вам все это, и его слова были бы иначе оценены вами.

Затем, взяв в руки пару домашних туфель, находившихся возле шкатулки, Неджеб снова

заговорила:

— А эти красивые тапочки, покрытые блестками и позументом, сделаны для двух маленьких ножек, которые я знаю. Разрешите мне примерить их на вас.

— Примерь на себя, Неджеб.

— На меня?

— Разве иногда ты уже не делала это, чтобы доставить мне удовольствие…

— Безусловно, безусловно, — согласилась Неджеб. — Да! Я уже примеряла ваши прекрасные туалеты и даже собиралась показаться на террасе виллы… Но в таком виде меня могли бы принять за вас, дорогая хозяйка. А этого не должно быть, и сегодня — тем более. Ну, наденьте же эти красивые туфли.

— Ты так хочешь?

И Амазия любезно подчинилась капризу Неджеб, которая надела на нее сверкающие туфли, достойные оказаться на ювелирной витрине.

— Ах, как только решаются ходить в такой обуви! — воскликнула молодая цыганка. — И кто теперь будет испытывать ревность?

— Ваша голова, дорогая хозяйка! Ей поневоле придется ревновать к вашим ножкам всякого, у кого есть глаза!

— Ты смешишь меня, Неджеб, — заулыбалась Амазия. — И однако…

— А руки! Эти прекрасные руки, которые вы оставляете совсем обнаженными! Чем они досадили вам? Господин Ахмет их не забыл. Я вижу здесь браслеты, которые к ним великолепно подойдут. Бедные ручки, как с вами обращаются! Но, по счастью, я здесь…

И, продолжая смеяться, Неджеб надела на кисти девушки два великолепных браслета, еще более ослепительных на белой и теплой коже, чем в футляре.

Амазия ей не мешала. Все эти драгоценности напоминали ей об Ахмете и как бы разговаривали с ней под непрерывную болтовню Неджеб.

— Милая Амазия!

Услышав эти слова, девушка стремительно поднялась. Молодой человек, чьи двадцать два года хорошо гармонировали с семнадцатью годами невесты, стоял рядом с ней. Темноволосый, рост — чуть выше среднего, осанка — одновременно изящная и гордая. Блестящие черные глаза красноречиво говорили о нежности и страсти. Тонкие усики, очерченные по албанской моде, контрастно подчеркивали, при улыбке, белизну зубов. В общем, — вид очень аристократический, если этот эпитет можно применить в стране, в которой он не употребляется, поскольку наследственной аристократии здесь не существует.

Ахмет был одет истинно по-турецки. Да и могло ли быть иначе с племянником человека, который считал бесчестием европеизацию одежды на манер государственных чиновников? Куртка, вышитая золотом, шаровары[144] безупречного покроя, не отягощенные позументом дурного вкуса, пояс, грациозно обвивавший стан, феска, отделанная сарыком[145] из хлопка, сапоги из сафьяна — в таком облачении юноша выглядел чрезвычайно выигрышно.

Ахмет подошел к девушке, взял ее за руки и ласково усадил в кресло.

— Господин Ахмет, нет ли вестей из Константинополя? — спросила Неджеб.

— Никаких, — ответил Ахмет. — От дяди Керабана нет даже деловых распоряжений.

— Что за человек! — воскликнула молодая цыганка.

— Я нахожу необъяснимым, — продолжал Ахмет, — что курьер не привез корреспонденции даже из его конторы. Сегодня как раз тот день, когда дядя регулярно

улаживает дела со своим одесским банкиром. И что же? Ваш отец, милая Амазия, не получил никакого письма по этому поводу!

— В самом деле, дорогой Ахмет. Со стороны негоцианта, столь аккуратного в делах, как ваш дядя Керабан, это удивительно! Может быть, телеграмма?..

— Ему! Посылать телеграмму! Но, милая Амазия, вы хорошо знаете, что дядя не посылает сообщений по телеграфу, как и не ездит по железной дороге! Никакая коммерческая выгода не заставит его использовать эти современные изобретения… Я думаю, что он предпочел бы получить плохую новость в письме, чем хорошую в виде телеграммы! О, дядя Керабан!

— Однако вы ему писали, дорогой Ахмет? — спросила девушка, нежно глядя на своего жениха.

— Я десять раз писал, чтобы ускорить его прибытие в Одессу, и просил установить более близкую дату для празднования нашей свадьбы. Я повторял ему, что он варвар, а не дядя…

— Хорошо! — воскликнула Неджеб.

— Бессердечный дядя, хоть и хороший.

— Ну. — Неджеб скептически усмехнулась, покачав головой.

— Черствый человек, а ведь он мне — как родной отец… На все это дядя мне ответил, что, кроме прибытия до истечения шести недель, ничего другого от него требовать нельзя.

— Так что нам придется ждать проявления его доброй воли, Ахмет.

— Ждать, Амазия, ждать!.. — развел руками бедный жених. — Он крадет у нас столько счастливых дней!

— И при этом безнаказанно! В то время, как арестовывают воров, да, воров, которые причиняют гораздо меньше вреда! — воскликнула Неджеб, топнув ногой.

— Что вы хотите! — сказал Ахмет, — Я все-таки еще раз попробую смягчить дядю Керабана. Если завтра он не ответит на мое письмо, то я поеду в Константинополь и…

— Нет, милый Ахмет, — ответила Амазия, схватив молодого человека за руку и как бы желая удержать его. — Я буду больше страдать от вашего отсутствия, чем получу удовольствия от нескольких выигранных дней для нашей свадьбы. Нет! Останьтесь! Кто знает, не изменят ли какие-либо обстоятельства решение вашего дяди.

— Изменить решение дяди Керабана! — ответил Ахмет. — С таким же успехом можно пытаться нарушить ход светил, поместить луну на место солнца, изменить законы неба.

— Ах, если бы я была его племянницей! — воскликнула Неджеб.

— И что бы ты сделала? — спросил Ахмет.

— Я… Я так ухватила бы его за кафтан, что…

— Что порвала бы ему кафтан, Неджеб, и ничего больше.

— Ну, так сильно дернула бы его за бороду…

— Что его борода осталась бы у тебя в руке.

— И все же, — сказала Амазия, — господин Керабан — лучший из людей.

— Конечно, конечно, — ответил Ахмет. — Но до того упрямый! Если бы он стал тягаться в упрямстве с мулом, то я не поставил бы в этом споре на мула[146].

Глава девятая,

в которой немногого недостает для того, чтобы план капитана Ярхуда исполнился.

В одной из боковых дверей галереи появился слуга.

— Господин Ахмет, — обратился он к молодому человеку, — там иностранец, который хочет с вами поговорить.

— Кто такой? — спросил жених.

— Некий мальтийский капитан. Он очень настаивает, чтобы вы его приняли.

— Хорошо! Я иду…

— Мой дорогой Ахмет, — сказала Амазия, — примите его здесь, если, конечно, он не прибыл с секретной миссией.

Это, наверное, капитан вон той очаровательной тартаны? — заметила Неджеб, указывая на маленькое судно, бросившее якорь прямо перед домом.

— Возможно! — ответил Ахмет. — Пусть войдет.

Слуга удалился, и через мгновение иностранец появился в дверях галереи.

Это действительно был капитан Ярхуд, командир тартаны «Гидара» — быстроходного корабля грузоподъемностью в сотню тонн, столь же приспособленного для каботажного плавания по Черному морю, как и для навигации в масштабе всего Леванта[147].

К крайнему огорчению Ярхуда, ему пришлось немного задержаться. После своего разговора со Скарпантом, интендантом господина Саффара, он, не теряя ни часа, перебрался из Константинополя в Одессу по железным дорогам Болгарии и Румынии. Таким образом, капитан на несколько дней опережал господина Керабана, который при своей старотурецкой медлительности одолевал от силы пятнадцать — шестнадцать лье в сутки. Но погода в Одессе была такой плохой, что мальтиец не рискнул вывести «Гидару» из порта, и ему пришлось ждать, пока ветер с северо-востока не опалит немного землю Европы. И лишь только этим утром его тартана смогла стать на якорь напротив виллы. Отсюда и опоздание, которое было ему очень невыгодно и сводило почти к минимуму его преимущество во времени перед господином Керабаном.

Теперь Ярхуд был вынужден действовать, не теряя ни дня. План его был разработан до мелочей: сперва хитрость, а если не удастся, тогда — сила. В любом случае требовалось, чтобы в этот же вечер «Гидара» покинула одесский рейд с Амазией на борту. Прежде чем будет поднята тревога и тартану начнут преследовать, она уже окажется вне досягаемости благодаря северо-западным бризам.

Похищения подобного рода все еще осуществляются в некоторых районах побережья, при этом чаще, чем принято думать. Если бы речь шла только об Анатолии! Подобные дела творятся под носом российских властей. Всего несколько лет назад именно Одесса пострадала от серии похищений, исполнители которых остались неизвестными. Несколько молодых девушек, принадлежавших к высшему одесскому обществу, исчезли, и было совершенно ясно, что их заманили на борт кораблей, специализировавшихся на мерзкой торговле рабами для рынков Малой Азии.

Вот что ловкие негодяи проделали в столице южной России. И теперь Ярхуд собирался повторить это в интересах господина Саффара. «Гидара» впервые участвовала в подобном предприятии, и ее капитан рассчитывал получить большую «коммерческую» выгоду.

План Ярхуда заключался в следующем: завлечь молодую девушку на борт «Гидары», чтобы показать и продать ей разные ценные ткани, купленные на лучших фабриках побережья. Очень вероятно, что Ахмет будет сопровождать Амазию при нервом посещении, но, может быть, она придет еще раз с Неджеб? Тогда можно будет выйти в море раньше, чем кто-либо окажет невесте помощь. Если же Амазия не соблазнится предложениями Ярхуда и откажется прийти на борт, то мальтийский капитан попытается похитить ее силой. Усадьба банкира Селима располагалась достаточно уединенно в небольшой бухточке, врезавшейся в берег большого залива, и ее обитатели, конечно, не смогли бы дать отпор экипажу тартаны. Но все-таки — шум, борьба, огласка… А это, понятно, не входило в интересы похитителей.

— Господин Ахмет? — Капитан Ярхуд, которого сопровождал один из его матросов с несколькими отрезами тканей в руках, вопросительно взглянул на юношу.

— Да, это я, — ответил Ахмет. — А вы кто?

— Капитан Ярхуд, командир тартаны «Гидара». Видите, она стоит на якоре вон там, перед домом банкира Селима.

— И что вы хотите?

— Господин Ахмет, — ответил Ярхуд, — я слышал о вашей скорой свадьбе…

— Вы, капитан, слышали о самом важном для меня.

— Я понимаю, — ответил Ярхуд, оборачиваясь к Амазии. — Поэтому мне пришла в голову мысль предложить вам выбрать кое-что из тех богатств, которые я везу, для вашей невесты.

— О, капитан Ярхуд, вам пришла очень даже хорошая мысль! — ответил Ахмет.

— Мой милый Ахмет, у меня есть все, что нужно, — сказала девушка.

— Кто знает? — ответил жених. — У этих левантийских капитанов бывают действительно редкие и ценные вещи. Нужно посмотреть…

— Да! Нужно посмотреть и купить, — воскликнула Неджеб. — Нам стоило бы разорить господина Керабана, чтобы наказать его за опоздание.

— Что же вы везете, капитан? — спросил Ахмет.

— Ценные ткани, разыскиваемые мною в местах их производства. Этим я обычно торгую, — ответил Ярхуд.

— Отлично! Пусть моя невеста и ее камеристка посмотрят. Они разбираются в этом гораздо лучше меня. Я буду счастлив, моя дорогая Амазия, если у капитана «Гидары» среди его груза окажутся ткани, которые вам понравятся.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Ярхуд. — Впрочем, мы принесли с собой образцы, с ними можно ознакомиться еще до того, как вы подниметесь на борт.

— Посмотрим! Посмотрим! — воскликнула Неджеб. — Но я предупреждаю вас, капитан, что нет ничего, что было бы слишком красиво для моей хозяйки!

— Действительно ничего! — подтвердил Ахмет.

По знаку Ярхуда матрос разложил несколько образцов, и капитан тартаны стал показывать их молодой девушке.

— Вот шелка из Бурсы, вышитые серебром, — сказал он. — Они только что появились на базарах Константинополя.

— Это действительно хорошая работа, — ответила Амазия, разглядывая ткани, которые в ловких пальцах Неджеб сверкали, как если бы они были сплетены из светящихся лучей.

— Посмотрите! Посмотрите! — повторяла молодая цыганка. — Мы не нашли бы лучших даже у одесских купцов!

— Действительно, кажется, что они специально для вас сделаны, моя милая Амазия, — подтвердил Ахмет.

— Я приглашаю вас также хорошенько рассмотреть эти муслины Скутари и Тырново [148]. По этому образцу вы можете судить о совершенстве работы. Но, лишь поднявшись на борт, вы сможете по-настоящему оценить все разнообразие рисунков и блеск этих материалов.

— Решено, капитан, мы посетим «Гидару», — воскликнула Неджеб.

— И вы не пожалеете, — ответил Ярхуд. — Но разрешите мне показать вам еще кое-что. Вот парча, украшенная алмазами, ткани для фередже, муслины для яшмаков[149], персидские шали для пояса, тафта для панталон.

Амазия не переставала любоваться великолепными тканями, которые радужно переливались в ловких руках мальтийского капитана. Да, сомневаться не приходилось, если только Ярхуд был таким же хорошим моряком, как и торговцем, то «Гидара» должна отлично чувствовать себя в плавании! Любая женщина — и турчанки не составляют исключения — соблазнилась бы при виде этих тканей с лучших фабрик Востока.

Ахмет прекрасно видел, с каким восхищением его невеста рассматривает их. И действительно, как сказала Неджеб, базары Одессы и Константинополя, даже магазины знаменитого армянского купца Людовика, не предложили бы более великолепного выбора.

— Милая Амазия, — сказал Ахмет, — вы ведь не захотите, чтобы этот добрый капитан хлопотал впустую? Раз он вам показывает такие чудесные ткани, а на его тартане есть еще более прекрасные, то мы отправимся посетить его судно.

— Да, да! — закричала Неджеб, которая не могла стоять на месте и уже чуть ли не бежала к морю.

— И мы, конечно, найдем там шелковые изделия, что так нравятся этой сумасшедшей Неджеб.

— Э! Разве они не должны делать честь хозяйке, — заметила Неджеб, — в тот день, когда будут праздновать ее свадьбу со столь великодушным господином, как господин Ахмет?

— И особенно со столь добрым! — добавила молодая девушка, протягивая руку своему жениху.

— Ну вот и решено, капитан, — сказал Ахмет. — Вы встретите нас на борту своей тартаны.

— В котором часу? — спросил Ярхуд. — Я ведь хочу быть там, чтобы самолично показать вам все мои богатства.

— Ну… после полудня.

— Почему не сейчас же? — воскликнула Неджеб.

— О, нетерпеливая! — улыбнулась Амазия. — Она еще больше, чем я, торопится посетить этот плавающий базар. Не зря Ахмет обещал ей шелк, который сделает ее еще более кокетливой.

— Кокетливой! — воскликнула Неджеб своим ласкающим голосом. — Я хочу услаждать лишь ваши взоры, моя дорогая хозяйка!

— Только от вас, господин Ахмет, зависит, — сказал капитан Ярхуд, — когда посетить «Гидару». Я могу хоть сейчас окликнуть мою шлюпку. Она причалит у подножия террасы, несколько взмахов весла — и она доставит вас на борт.

— Действуйте, капитан, — ответил Ахмет.

— Да… на борт! — воскликнула Неджеб.

— На борт, раз Неджеб так хочет! — добавила Амазия.

Капитан Ярхуд приказал своему матросу упаковать все образцы, которые он привез. Сам он направился к балюстраде. По его протяжному оклику на палубе тартаны тотчас же началось движение. Большая шлюпка, подвешенная с левого борта, была спущена в море. Затем, меньше чем через пять минут, эта длинная и легкая лодка, движимая четырьмя веслами, причалила к нижним ступеням террасы. Капитан Ярхуд сделал Ахмету знак, что шлюпка в его распоряжении.

Сколь ни велико было самообладание Ярхуда, он все же испытывал сильное волнение. Не использовать ли этот момент для похищения? Время поджимало, так как господин Керабан мог прибыть с часа на час. К тому же ничто не доказывало, что прежде, чем совершить свое сумасшедшее путешествие вокруг Черного моря, он не пожелает отпраздновать в самый короткий срок свадьбу Амазии и Ахмета. Ну, а Амазия, ставшая женой Ахмета, — это совсем не та молодая девушка, которую ожидал дворец господина Саффара!

Да! Капитан Ярхуд внезапно почувствовал желание применить силу. Это как нельзя более соответствовало его грубой натуре, не знавшей осторожности. Кроме того, обстоятельства были благоприятны, ветер — попутный. Тартана, выбравшись из залива, оказалась бы в открытом море прежде, чем возникнет мысль о преследовании, даже если исчезновение молодой девушки будет сразу же замечено. Конечно, если бы не Ахмет, капитан не поколебался бы отплыть в открытое море, пока Амазия и Неджеб доверчиво занимались бы выбором его товаров. Девушек легко сделать узницами нижней палубы, заглушив их крики до выхода из бухты. В присутствии Ахмета все это проделать труднее… Хотя — и это возможно! Ну, а вопрос о том, как освободиться потом от энергичного молодого человека, капитана не смущал. Убийство? Так что ж! И ему есть своя цена. Похищение будет оплачено господином Саффаром еще дороже. Только и всего.

Итак, Ярхуд ждал на ступенях террасы, размышляя, как лучше поступить, когда господин Ахмет со своими спутницами сядут в шлюпку «Гидары».

Ахмет уже помогал Амазии сесть на заднюю скамью шлюпки, когда дверь на галерее открылась. Человек лет пятидесяти, в полутурецком, полуевропейском одеянии, стремительно вошел, крича:

— Амазия?.. Ахмет?

Это был банкир Селим, отец молодой невесты, корреспондент и друг господина Керабана.

— Дочь моя? Ахмет? — зовуще повторил Селим.

Амазия, с помощью жениха, вновь вышла из лодки и устремилась на террасу.

— Папа, что случилось? — спросила она. — Что вас заставило так быстро вернуться из города?

— Большая новость!

— Хорошая? — спросил Ахмет.

— Великолепная! — ответил Селим. — Только что в контору явился нарочный, посланный моим другом Керабаном!

— Возможно ли? — воскликнула Неджеб.

— Нарочный возвещает о прибытии своего господина, — ответил Селим. — И будет это вот-вот!

— Мой дядя Керабан! — повторял Ахмет. — Мой дядя Керабан покинул Константинополь?

— Да, и я жду его здесь.

К большому счастью капитана «Гидары», никто не заметил гневного жеста, от которого он не смог удержаться. Немедленное прибытие дяди Ахмета было серьезнейшим препятствием для осуществления его планов.

— Ах, этот добрый господин Керабан! — воскликнула Неджеб.

— Но зачем он приезжает? — спросила молодая девушка.

— Из-за вашей свадьбы, дорогая хозяйка! — ответила Неджеб. — Иначе что бы ему делать в Одессе?

— Должно быть, так, — согласился Селим.

— Я тоже так думаю, — ответил Ахмет. — Зачем бы ему еще покидать Константинополь? Он, наверное, одумался, мой достойный дядя. Покинул контору, дела, неожиданно, не предупреждая! Это сюрприз, который он захотел нам сделать.

— Какой достойный прием мы ему окажем! — воскликнула Неджеб.

— А нарочный ничего не сказал вам, отец, о причине приезда? — спросила Амазия.

— Ничего, — ответил Селим. — Он просто взял лошадь на почтовой станции Маяки[150], — там остановилась для смены упряжки карета моего друга Керабана. И прискакал объявить мне, что мой друг приедет прямо сюда, не останавливаясь в Одессе. Так или иначе, — с минуты на минуту Керабан появится здесь.

Можно легко догадаться, что отсутствующий друг банкира Селима, дядя — для Амазии и Ахмета, господин Керабан — для Неджеб мог бы услышать в этот момент самые теплые благопожелания в свой адрес. Его появление означало, что свадьба состоится в ближайшее время и счастье жениха и невесты — не за горами. Больше никаких отсрочек столь долгожданного союза! Так что, господин Керабан, будучи самым упрямым, оказался еще и самым лучшим из людей.

Ярхуд бесстрастно присутствовал при всей этой семейной сцене и не отсылал свою шлюпку. Ему было важно теперь узнать, каковы истинные намерения господина Керабана и действительно ли следовало опасаться, что он пожелает отпраздновать свадьбу Амазии и Ахмета прежде, чем вновь продолжит свою поездку вокруг Черного моря.

В этот момент снаружи послышались голоса, один из которых перекрывал все остальные. Дверь открылась, и появился господин Керабан, за которым следовали ван Миттен, Бруно и Низиб.

Глава десятая,

в которой Ахмет принимает энергичное решение, обусловленное, впрочем, обстоятельствами.

— Здравствуй, друг Селим! Здравствуй! Да сохранит Аллах тебя и весь твой дом!

Сказав это, негоциант крепко пожал руку своего одесского корреспондента.

— Здравствуй, племянник Ахмет!

И господин Керабан прижал своего племянника Ахмета к груди в мощном объятии.

— Здравствуй, моя маленькая Амазия!

Торговец поцеловал в обе щеки молодую девушку, которая должна была стать его племянницей.

Все это произошло так быстро, что никто не успел даже ответить.

— А теперь до свидания… и в дорогу! — продолжил господин Керабан, поворачиваясь к ван Миттену.

Флегматичный голландец даже не был представлен — до того господин Керабан спешил. Со своим бесстрастным выражением лица ван Миттен казался каким-то нереальным персонажем во всей этой фантасмагорической сцене.

Видя, как господин Керабан расточает поцелуи и рукопожатия, присутствующие не усомнились, что он прибыл, чтобы ускорить бракосочетание. Но, услышав восклицание «в дорогу», они были ошеломлены.

Первым пришел в себя и вмешался в разговор Ахмет:

— Как «в дорогу»?

— Да, племянник, в дорогу!

— Вы снова уезжаете, дядя?

— Тотчас же!

Это заявление вызвало еще большее изумление, а ван Миттен прошептал на ухо Бруно:

— Чему тут удивляться! Происходящее — вполне в духе моего друга Керабана!

— Вполне, — кивнул Бруно.

Тем временем Амазия продолжала смотреть на Ахмета, тот глядел на Селима, а Неджеб просто не спускала глаз с этого невероятного дяди — человека, способного уехать, даже не приехав как следует!

— Пойдемте, ван Миттен, — сказал господин Керабан, направляясь к двери.

— Сударь, вы мне объясните, в чем дело? — обратился Ахмет к ван Миттену.

— Что я могу к этому добавить? — пожал плечами голландец, который уже шел по пятам за своим другом.

Однако, уже почти выходя, господин Керабан неожиданно остановился и спросил, обращаясь к банкиру:

— Кстати, друг Селим, вы обменяете мне несколько тысяч пиастров на рубли по их стоимости?

— Несколько тысяч пиастров?.. — переспросил Селим, даже не пытаясь уже что-либо понять.

— Да, Селим, мне нужны русские деньги для проезда по российской территории.

— Но, дядя, что случилось, наконец? — воскликнул Ахмег, к которому присоединилась

молодая девушка.

— По какой расценке их сегодня обменивают? — спросил господин Керабан.

— Три с половиной за сто, — ответил Селим, в котором на момент проснулся банкир.

— Что? Три с половиной?

— Курс рубля идет на повышение, — ответил Селим. — Он пользуется спросом на рынке…

— Ладно, для меня, друг Селим, будет только три с четвертью! Вы слышите? Три с четвертью!

— Для вас, да!.. Для вас, друг Керабан, даже без каких-либо комиссионных!

Очевидно, банкир Селим не понимал больше, что он говорит и делает.

Само собой разумеется, что из глубины галереи Ярхуд наблюдал всю эту сцену с предельным вниманием, взвешивая возможные последствия для своих планов.

В этот момент Ахмет схватил дядю за руку, остановил его на пороге и не без труда вынудил вернуться.

— Дядя, — сказал он ему, — вы обняли всех нас в момент, когда приехали…

— Вовсе нет, вовсе нет, племянник, — ответил Керабан. — В момент, когда я уже уезжал!

— Пусть так, дядя! Не хочу вам противоречить… Но, по крайней мере, скажите нам, зачем вы приехали в Одессу.

— Я приехал в Одессу, — ответил негоциант, — только потому, что этот город на моем пути. Если бы Одесса не была на этом маршруте, то я не оказался бы здесь! Верно, ван Миттен?

Голландец удовольствовался тем, что сделал утвердительный знак, медленно опустив голову.

— А, да! Вы не были представлены, и мне нужно это сделать, — спохватился господин Керабан. — Мой друг ван Миттен, — представил он, обращаясь к Селиму, — корреспондент из Роттердама, которого я везу обедать в Скутари.

— В Скутари? — удивился банкир.

— Да… кажется… — проронил ван Миттен.

— И его лакей Бруно, — прибавил Керабан, — добрый слуга, который не пожелал расстаться со своим хозяином.

— Кажется… — отозвался, как верное эхо, Бруно.

— А теперь в дорогу!

Но тут в разговор снова вмешался Ахмет.

— Пусть так, дядя, — сказал он, — и поверьте, что ни у кого здесь нет желания спорить с вами… Но если вы приехали в Одессу, потому что она находится на вашем пути, то каким же маршрутом вы хотите следовать, чтобы добраться из Константинополя в Скутари?

— Маршрутом, который идет вокруг Черного моря.

— Вокруг Черного моря! — воскликнул Ахмет.

Последовала минутная тишина.

— Ну да, — снова заговорил Керабан. — А что такого необычного, удивительного в том, что я еду из Константинополя в Скутари вокруг Черного моря?

Банкир Селим и Ахмет переглянулись. Не сошел ли богатый негоциант из Галаты с ума?

— Друг Керабан, — начал Селим, — мы вовсе не собираемся вам возражать…

Это была обычная фраза, которой предусмотрительно начинали любой разговор с

упрямым героем.

— Мы не хотим вам возражать, но нам кажется, чтобы прямо двигаться из Константинополя в Скутари, нужно всего-навсего пересечь Босфор.

— Нет больше Босфора!

— Как это нет?.. — поразился Ахмет.

— По крайней мере, для меня. Он есть только для тех, кто хочет подчиниться и платить несправедливый сбор в десять пара с человека. Налог, которым правительство новых турок только что обложило эти воды, до сего дня свободные от любых сборов!

— Что? Новый налог? — воскликнул Ахмет, который в один миг понял, в какую авантюру неискоренимое упрямство ввергло его дядю.

— Да, — продолжил господин Керабан, возбуждаясь все больше и больше. — В тот момент, когда я собирался сесть в свой каик, чтобы отправиться пообедать в Скутари… с моим другом ван Миттеном, этот налог в десять пара был как раз и установлен! Естественно, я отказался платить. Тогда мне решили воспрепятствовать. А я сказал, что смогу съездить в Скутари, не пересекая Босфора. Они заметили, что ничего не получится. Я ответил, что получится. И получится! Клянусь Аллахом! Скорее отрежу себе руку, чем полезу в карман за этими десять пара. Нет! Клянусь Мухаммадом! Клянусь Мухаммадом! Они не знают Керабана!

Очевидно, они действительно не знали Керабана. Но зато друг Селим, племянник Ахмет, ван Миттен, Амазия знали его и хорошо понимали, что после всего происшедшего было невозможно заставить торговца изменить решение. Так что нужно было принимать ситуацию как она есть и не спорить, поскольку это только еще больше усложнило бы положение.

Все было столь ясно, что не требовалось никакого обсуждения.

— Ну что ж, дядя, вы правы, — сказал Ахмет.

— Абсолютно правы, — добавил Селим.

— Всегда прав! — подтвердил Керабан.

— Нужно сопротивляться несправедливым притязаниям, — сказал Ахмет, — сопротивляться, даже если бы это стоило вам состояния.

— И жизни! — прибавил Керабан.

— Так что вы хорошо сделали, отказавшись платить налог и показав, что вы сумеете добраться из Константинополя в Скутари, не пересекая Босфор…

— И не тратя десять пара, — добавил Керабан, — даже если бы это стоило мне пятьсот тысяч.

— Но я думаю, что вы не слишком торопитесь уехать? — спросил Ахмет.

— Слишком тороплюсь, племянник, — ответил Керабан. — Нужно, и ты знаешь почему, чтобы я вернулся до истечения шести недель.

— Хорошо! Но, милый дядя, вы могли бы уделить нам какие-нибудь восемь дней в Одессе?..

— Ни пяти дней, ни четырех, ни одного, — ответил Керабан, — даже ни одного часа!

Ахмет, видя, что натура Керабана берет верх, сделал Амазии знак вмешаться.

— А наша свадьба, господин Керабан? — сказала девушка, беря его под руку.

— Твоя свадьба, Амазия, — ответил Керабан, — никоим образом не будет отложена. Нужно, чтобы она состоялась до конца будущего месяца. Отлично, она состоится! Мое путешествие не отсрочит ее ни на день… при условии, что я уеду, не теряя ни мгновения.

Так рухнула постройка из надежд, которую все возвели на основе неожиданного прибытия господина Керабана. Свадьба не будет ни ускорена, ни отсрочена, говорит он. Но кто может поручиться, что случайности столь долгого и трудного путешествия не помешают задуманному?

Ахмет не смог удержать жест досады, который, к счастью, не был замечен его дядей. Не увидел Керабан и облачка, омрачившего лоб Амазии, как не слышал бормотание Неджеб:

— Вот негодный дядя!

— Впрочем, — прибавил торговец тоном человека, не привыкшего к возражениям, — впрочем, я рассчитываю, что Ахмет будет меня сопровождать.

— Черт! Вот прямой удар, который трудно парировать! — сказал вполголоса ван Миттен.

— Его и не парируют, — ответил Бруно.

В самом деле, Ахмет как будто получил удар в солнечное сплетение. Амазия, пораженная объявлением об отъезде своего жениха, неподвижно застыла рядом с Неджеб. А та, в свою очередь, готова была вырвать глаза у господина Керабана.

В глубине галереи капитан «Гидары» не пропустил ни слова из этого разговора. Было очевидно, что дела принимали благоприятный оборот для его планов.

Хотя у Селима было мало надежды изменить решение своего друга, он все же счел себя обязанным вмешаться и сказал:

— Это необходимо, Керабан, чтобы ваш племянник путешествовал вокруг Черного моря?

— Необходимо? Нет, — ответил Керабан, — но я думаю, что Ахмет без колебаний захочет сопровождать меня.

— Но… — заговорил снова Селим.

— Но? — переспросил дядюшка, уже начиная стискивать зубы, как это случалось с ним в начале всякого спора.

Минутная тишина, последовавшая за последними словами господина Керабана, показалась бесконечной. Ахмет так и не решился возразить дяде и попытался успокоить Амазию. Он шепнул ей, что, как ни огорчителен этот отъезд, лучше все же не сопротивляться. Без него в путешествии могут произойти всякого рода задержки. А при его участии поездка, напротив, может закончиться гораздо быстрее: ведь он в совершенстве знает русский язык, и это поможет не потерять ни дня, ни часа. Кто, как не он, Ахмет, сумеет заставить дядю ехать быстрее, чего бы это ему самому ни стоило? В любом случае Керабан окажется на левом берегу Босфора до конца будущего месяца, и ничто не помешает Амазии в свой срок получить по теткиному завещанию значительное состояние.

У невесты не было силы, чтобы сказать «да», но и она понимала, что это будет лучшим решением.

— Хорошо, дядя, договорились, — сообщил Ахмет. — Буду вас сопровождать и готов ехать, но…

— А! Никаких условий, племянник!

— Пусть так, без условий! — ответил Ахмет, а про себя он добавил: «Я сумею заставить тебя побегать, даже если от воплей зайдешься, упрямейший из дядей!»

— В дорогу же, — сказал Керабан.

И, обернувшись к Селиму, с новой энергией вопросил:

— А рубли в обмен на мои пиастры?

— Я вручу их в Одессе, до которой буду сопровождать вас, — ответил Селим.

— Вы готовы, ван Миттен? — спросил Керабан.

— Как всегда.

— Итак, Ахмет, — продолжил Керабан, — поцелуй свою нареченную, поцелуй ее хорошенько, и поехали!

Ахмет уже обнимал невесту, и Амазия не могла сдержать слез.

— Ахмет, мой дорогой Ахмет, — повторяла она.

— Не плачьте, дорогая Амазия! — уговаривал Ахмет. — Если наша свадьба не ускорилась, то она не будет и отложена. Обещаю вам это… Я булу отсутствовать только несколько недель.

— Дорогая хозяйка, — сказала Неджеб, — хоть бы господин Керабан сломал себе ногу или обе, прежде чем выйти отсюда! Хотите, чтобы я занялась этим?

Но Ахмет приказал молодой цыганке соблюдать спокойствие, и хорошо сделал: Неджеб была способна на все, чтобы остановить этого несносного дядюшку.

Наконец последние возгласы прощаний и поцелуи закончились. Все чувствовали себя взволнованно. Даже голландец испытывал нечто вроде сердечного стеснения. Один господин Керабан не видел или не хотел видеть всеобщей растроганности.

— Карета готова? — спросил он у Низиба, который как раз в этот момент вышел на галерею.

— Карета готова, — ответил Низиб.

— В дорогу! — сказал негоциант. — А, господа современные османы, одевающиеся по-европейски! А, господа новые турки, не умеющие больше быть жирными!

Именно в этом, очевидно, и заключался непростительный грех в глазах господина Керабана.

— А, господа ренегаты[151], подчиняющиеся предписаниям Махмуда! Я покажу, что есть еще старые верующие, над которыми вы никогда не восторжествуете!

Никто господину Керабану не противоречил, и тем не менее он воодушевлялся все больше и больше.

— А, вы стремитесь монополизировать Босфор для своей выгоды! Отлично, я обойдусь без пролива! Наплевать мне на ваш Босфор! Что, ван Миттен?

— Я ничего не говорю, — пожал плечами ван Миттен, который и правда даже рта не раскрывал.

— Ваш Босфор! Их Босфор! — продолжал господин Керабан, протягивая руку в сторону юга. — К счастью, там Черное море! У него есть побережье. И оно существует не только для водителей караванов. Я пойду по нему, обогну его! Э, друзья мои, можете ли вы только представить себе кислую гримасу, которую состроят правительственные служащие, когда они увидят меня на высотах Скутари! Меня, не бросившим даже полпара в их чашку нищих администраторов!

Нужно признать, что господин Керабан был великолепен, произнося эти грозные проклятия.

— Идемте, Ахмет! Идемте, ван Миттен! — воскликнул он. — В дорогу! В дорогу! В дорогу!

Он был уже в дверях, когда Селим остановил его.

— Друг Керабан, — сказал он, — одно простое соображение.

— Никаких соображений!

— Хорошо, одно простое замечание, которое я хотел бы сделать вам.

— А у нас есть время?

— Послушайте меня, друг Керабан. Закончив это путешествие вокруг Черного моря и прибыв в Скутари, что вы будете делать?

— Я?.. Ну я… я…

— Вы, я полагаю, не собираетесь обосноваться в Скутари навсегда, забыв о Константинополе, где, как-никак, ваш торговый дом?

— Нет… — ответил Керабан, поколебавшись какое-то время.

— В самом деле, дядя, — заметил Ахмет, — коль скоро вы упорствуете в том, что больше не пересечете Босфор, наша свадьба…

— Друг Селим, нет ничего проще! — заговорил Керабан, хотя чувствовалось, что заданный ему вопрос продолжает затруднять его. — Кто помешает вам приехать вместе с Амазией в Скутари? Всего десять пара с каждого — и вы переберетесь через их Босфор. Ведь ваша честь не вовлечена в это дело, в отличие от моей!

— Да, да! Приезжайте в Скутари через месяц! — воскликнул Ахмет. — Будете нас там ждать, милая Амазия, а мы постараемся не задерживаться слишком долго.

— Хорошо! Отправляйтесь в Скутари, — ответил Селим. — Именно там мы отпразднуем свадьбу. Но, друг Керабан, вы, значит, не вернетесь в Константинополь после свадьбы?

— Я вернусь, — воскликнул Керабан, — конечно же я вернусь!

— А как?

— Ну… Или этот оскорбительный налог будет отменен, и я перееду через Босфор, не платя…

— А если он не будет отменен?

— Если он не будет отменен… — ответил господин Керабан с величественным жестом. — Клянусь Аллахом, я вернусь по этому же пути и повторю путешествие вокруг Черного моря!

Глава одиннадцатая,

в которой в эту фантастическую историю о путешествии начинает примешиваться драматический момент.

Все уехали, покинув виллу. Господин Керабан — чтобы совершить путешествие, ван Миттен — сопровождать своего друга, Ахмет — следовать за дядей, Низиб и Бруно — потому, что они не могли поступить иначе. Дом опустел, если не считать пяти или шести слуг, занимавшихся своими обязанностями. Сам банкир Селим уехал в Одессу, чтобы вручить путешественникам рубли в обмен на их турецкие пиастры.

Две молодые девушки, Амазия и Неджеб, остались на вилле почти одни.

Мальтийский капитан хорошо знал это. Все перипетии[152] предшествовавшей сцены прощания наблюдались им с интересом, который легко понять. Отложит ли господин Керабан свадьбу Амазии и Ахмета до своего возвращения? Он отложил ее — вот первая счастливая карта в игре капитана. Согласится ли Ахмет сопровождать своего дядю? Согласился — вторая счастливая карта!

Наконец, и третья — самая главная: Амазия и Неджеб остались теперь в одиночестве на вилле или, по крайней мере, в галерее, выходившей прямо на море. Тартана находилась в полукабельтове. Шлюпка ждала у подножия лестницы. Матросы повиновались по первому знаку. Теперь все зависело от его желания.

Было очень соблазнительно применить силу, чтобы завладеть Амазией. Но, — осторожность прежде всего! Не полагаясь на волю случая и решив к тому же не оставлять никаких следов похищения, Ярхуд принялся размышлять.

Был самый разгар дня. Если он попытается действовать силой, то Амазия позовет на помощь. К этому присоединит свои крики Неджеб. Они могут быть услышаны слугами. А те увидят, как «Гидара» торопится покинуть Одесский залив. И это наведет на след… Нет! Лучше, пожалуй, дождаться ночи. Важно, чтобы отсутствовал Ахмет. А его не будет!

Поэтому мальтиец остался сидеть в отдалении, на корме своей шлюпки, которую частично скрывала балюстрада[153], и продолжал следить за обеими девушками, не подозревавшими о присутствии этой опасной личности.

А вообще-то, если бы, как условились, Амазия и Неджеб прибыли на борт тартаны закупить ткани, там было бы видно — уместно ли действовать сразу или все-таки дожидаться ночи. К такому выводу пришел наконец Ярхуд.

После отъезда Ахмета Амазия, сраженная этим неожиданным событием, молчаливо и задумчиво смотрела на далекий горизонт, уходивший в сторону севера. Там вырисовывалось побережье. По нему должны были упорно следовать путешественники; там была дорога, на которой задержки и, возможно, опасности подвергали испытанию господина Керабана и всех, кого он увлек за собой, вопреки их воле. Если бы свадьба уже состоялась, то она не поколебалась бы сопровождать Ахмета! Дядя не захотел бы противодействовать. Нет! Ей казалось, что, став племянницей Керабана, она обрела бы влияние на него. Уж тогда-то ей удалось бы остановить дядю на том опасном пути, по которому его увлекало упрямство. А теперь, оставшись в одиночестве, невеста должна ждать много недель… Только после этого они встретятся с Ахметом на вилле в Скутари, где совершится их бракосочетание.

Но если Амазия грустила, то Неджеб была в ярости от этого упрямца — причины всех разочарований. О, если бы речь шла о ее собственном браке, молодая цыганка не позволила бы вот так похитить своего жениха! Она смогла бы противостоять самодуру! Нет! Все было бы по-другому.

Неджеб подошла к Амазии. Взяла ее за руку, подвела к дивану, заставила сесть и, подхватив подушку, устроилась у ног госпожи.

— Милая хозяйка, — начала она, — на вашем месте вместо того, чтобы сокрушаться о господине Ахмете, я обрушила бы проклятья на голову господина Керабана.

— Какой смысл? — спросила Амазия.

— По-моему, это было бы не так грустно, — сказала Неджеб. — Если хотите, мы обрушим на него целую гору проклятий! Он их заслуживает, и уверяю вас, что я примерно его накажу!

— Нет, Неджеб, — остановила служанку Амазия. — Поговорим лучше об Ахмете. Я должна думать только о женихе. Лишь о нем!

— Ну что ж, поговорим, дорогая хозяйка, — согласилась Неджеб. — Это действительно самый очаровательный жених, о каком может мечтать девушка. Но дядя его! Этот деспот[154], эгоист мог сказать только одно слово, но не сказал! Ему надо было уделить нам только несколько дней, а он отказался! Поистине такой господин заслуживает…

— Давай говорить об Ахмете.

— Да, милая хозяйка! Как он вас любит! Какой счастливой вы с ним будете! О, Ахмет был бы совершенством, если бы не подобный дядя! Из чего он только сделан? Знаете, Керабан хорошо поступил, что не взял себе жену. Одну или нескольких. Своим упрямством он взбунтовал бы всех, вплоть до рабов своего гарема!

— Опять ты о нем говоришь, Неджеб? — упрекнула Амазия, мысли которой шли совсем по другому пути.

— Нет, нет!.. Я буду говорить о господине Ахмете! Как и вы, думаю только о вашем женихе. Но знаете, я на его месте не сдалась бы, настаивала… Раньше мне казалось, что он более энергичен.

— Кто сказал тебе, Неджеб, что Ахмету было легче уступить настояниям дяди, чем воспротивиться им? Если выбирать из двух зол, то все же лучше ему участвовать в поездке. По крайней мере, он сможет ускорить ее и предупредить возможные опасности, с которыми господин Керабан рискует столкнуться из-за своего обычного упрямства. Уехав, Ахмет подтвердил свою смелость и дал мне новое доказательство своей любви!

— Вы, наверное, правы, дорогая хозяйка! — ответила Неджеб, с трудом усмиряя свою бунтующую цыганскую кровь. — Да, господин Ахмет, уезжая, показал себя энергичным человеком… Но было бы еще более достойным — помешать своему дяде уехать!

— А это разве возможно, Неджеб? — спросила Амазия. — Я тебя спрашиваю, было ли это возможно?

— Да! Нет! Может быть! — ответила Неджеб. — Нет такого железного стержня, который нельзя было бы согнуть… или сломать, если нужно. Ох уж этот дядя Керабан! Именно за него надо браться. И если произойдет какое-нибудь несчастье, то он один будет виноват во всем. Чтобы не платить десять пара, этот господин причиняет несчастье господину Ахмету, вам и, следовательно, мне. Я хотела бы… Да, хотела, чтобы Черное море вышло из берегов и разлилось до края мира… А мы посмотрели бы, будет ли он и тогда упрямиться, желая совершить свою поездку.

— Он совершил бы ее, — ответила Амазия тоном глубокой убежденности. — Но давай говорить об Ахмете, Неджеб, и только о нем!

В этот момент Ярхуд, покинув свою шлюпку, незаметно подходил к обеим девушкам. При шуме его шагов они обернулись. Появление капитана вызвало у них удивление, смешанное с легким испугом.

Неджеб первой пришла в себя.

— Вы, капитан? — спросила она. — Что вы здесь делаете? Что вы хотите?

— Я ничего не хочу, — ответил Ярхуд, делая вид, что удивлен таким приемом. — Разве что предоставить себя в ваше распоряжение, чтобы…

— Чтобы? — повторила Неджеб.

— Чтобы отвезти вас на борт тартаны, — ответил капитан. — Разве вы не решили осмотреть ее груз и выбрать то, что вам подошло бы?

— Верно, дорогая хозяйка, — воскликнула Неджеб. — Мы обещали капитану…

— Мы обещали, когда Ахмет был еще здесь, — заметила Амазия. — Теперь он уехал, и нам не подобает посещать судно без него.

Капитан нахмурился, но через минуту сказал самым спокойным голосом:

— «Гидара» не может долго задерживаться в Одесском заливе, и, возможно, я приду завтра или, самое позднее, послезавтра. Если невеста господина Ахмета все же хочет приобрести некоторые ткани, образцы которых ей, кажется, понравились, то нужно будет воспользоваться этой возможностью. Моя шлюпка вон там, и в считанные минуты мы сможем оказаться на борту.

— Мы благодарим вас, капитан, — холодно ответила Амазия, — у меня мало желания заниматься подобными прихотями в отсутствие Ахмета. Он должен был сопровождать нас на «Гидару», помочь своими советами… Но его нет, а без него я не могу и не хочу ничего делать.

— Сожалею, — ответил Ярхуд, — тем более что не сомневаюсь: вернувшись, господин Ахмет был бы приятно удивлен, если бы вы сделали эти покупки.

— Возможно, капитан, — ответила Неджеб, — но сейчас, я думаю, вам лучше не настаивать на этом.

— Хорошо, — откланялся Ярхуд, — Однако хочу надеяться, что, если через несколько недель случай приведет «Гидару» в Одессу, вы не забудете, что обещали посетить ее.

— Мы не забудем, капитан, — ответила Амазия, давая понять мальтийцу, что ему пора удалиться.

Ярхуд попрощался с обеими девушками и сделал несколько шагов к террасе. Затем, остановившись, как если бы ему неожиданно пришла некая идея, вернулся к Амазии как раз в тот момент, когда она собиралась покинуть галерею.

— Еще одно слово, — сказал он, — или, вернее, предложение, которое не может не понравиться невесте господина Ахмета.

— О чем идет речь? — спросила Амазия, уже испытывавшая некоторое раздражение от того упрямства, с каким мальтийский капитан навязывал ей на вилле свое общество.

— Случайно я стал свидетелем той сцены, которая предшествовала отъезду господина Ахмета.

— Случайно? — переспросила Амазия, становясь подозрительной в силу некоего предчувствия.

— Только случайно! — приложил руку к груди Ярхуд. — Я был там, в моей шлюпке,

продолжавшей ожидать вас…

— Какое предложение вы хотите нам сделать, капитан? — резко прервала его объяснения девушка.

— Очень естественное предложение, — ответил Ярхуд. — Я видел, насколько дочь банкира Селима была огорчена этим неожиданным отъездом, и думаю, что ей было бы приятно еще раз увидеть господина Ахмета?

— Увидеть еще раз! Что вы хотите сказать? — заволновалась Амазия.

— Я хочу сказать, — продолжал Ярхуд, — что через час экипаж господина Керабана неизбежно проедет рядом с оконечностью небольшого мыса, который вы там видите.

Амазия подошла и посмотрела на легкий изгиб берега в месте, на которое указывал капитан.

— Там? Там? — спрашивала она.

— Да.

— Дорогая хозяйка, — воскликнула Неджеб, — вот если бы мы могли добраться до этой оконечности!

— Нет ничего легче, — заметил Ярхуд. — Благодаря попутному ветру «Гидара» за полчаса может достичь этого мыса. Если хотите взойти на борт, то мы сразу же снимемся с якоря.

— Да! Да! — воскликнула Неджеб, которая видела в этой прогулке но морю лишь возможность для Амазии увидеть еще раз своего жениха.

Но Амазия стала размышлять. Видя это колебание, капитан не смог удержаться от движения, которое не укрылось от Амазии. Ей пришла в голову мысль, что выражение физиономии Ярхуда не говорит в его пользу, и она снова стала недоверчивой.

Покинув балюстраду, на которой она стояла, облокотившись на локоть, чтобы лучше видеть линию берега, Амазия вернулась на галерею вместе с Неджеб, руку которой держала в своей.

— Жду ваших приказаний, — сказал капитан.

— Приказаний не будет, — ответила Амазия. — Думаю, я доставлю своему жениху больше огорчения, чем радости, если увижу его в столь печальных обстоятельствах.

Ярхуд, понимая, что ничто не заставит девушку переменить решение, молча удалился.

Через миг лодка с мальтийским капитаном и его людьми уже отчаливала. Затем она пристала к тартане, пришвартовавшись к ее левому борту, развернутому в сторону открытого моря.

Обе девушки оставались на галерее в одиночестве еще в течение часа. Амазия снова вернулась к балюстраде, упрямо продолжая смотреть на ту точку побережья, которую показывал Ярхуд и где должна была проехать карета господина Керабана.

Неджеб тоже всматривалась в этот изгиб берега, протянувшийся примерно на лье к северу. Через час молодая цыганка воскликнула:

— О, дорогая хозяйка, посмотрите, посмотрите! Видите карету, которая следует по дороге там, на вершине скалы?

— Да, да! — оживилась Амазия. — Это они! Это он, он!

— Господин Ахмет не может вас видеть…

— Не важно! Я чувствую, что его взгляд устремлен сюда.

— Не сомневайтесь, дорогая хозяйка! — защебетала Неджеб. — Господин Ахмет зорок, как орел, и сможет разглядеть среди деревьев виллу в глубине бухты и, возможно, нас…

— До свидания, мой Ахмет! До свидания! — сказала в последний раз девушка, как будто ее голос мог достичь жениха.

После того, как почтовая карета исчезла за поворотом дороги на дальнем склоне скалы, Амазия и Неджеб покинули галерею.

На палубе тартаны Ярхуд видел, как они удалились в глубину дома, и приказал вахтенному следить, когда они снова появятся, возможно, ближе к ночи. Вот тогда-то и придется применить силу, коль скоро не удалась хитрость!

Разумеется, после отъезда Ахмета и при том удачном обстоятельстве, что свадьба состоится не раньше, чем через шесть недель, с похищением молодой девушки можно было особенно не спешить. Но как не считаться с нетерпением господина Саффара, который вот-вот вернется в Трапезунд?! Кроме того, из-за трудностей плавания в Черном море их парусное судно рискует и опоздать дней на пятнадцать — двадцать. Следовательно, требовалось отплыть как можно раньше, если Ярхуд хотел прибыть ко времени, назначенному интендантом Скарпантом. Ярхуд, безусловно, был мерзавцем, но при этом пунктуальным. Отсюда и его планы действовать, не теряя ни мгновения.

Сложившиеся обстоятельства чрезвычайно ему благоприятствовали. К вечеру, еще до возвращения ее отца из банка, Амазия снова вошла в галерею. На этот раз она была одна. Не дожидаясь наступления ночи, девушка пожелала еще раз посмотреть на далекую панораму скал, закрывавших горизонт с севера. Именно туда стремилось ее сердце. Девушка снова подошла к балюстраде и облокотилась на нее. Некоторое время она оставалась задумчивой и взгляд ее блуждал где-то очень далеко. Поэтому, погруженная в свои мысли, Амазия не заметила лодки, которая отделилась от «Гидары», уже едва видимой в сгущающихся сумерках. Не видела, как эта лодка бесшумно приблизилась, проплыла, огибая лестницу террасы, и остановилась у первых ступенек, омываемых водами бухты.

Ярхуд в сопровождении трех матросов проскользнул ползком по ступеням.

Молодая девушка, погруженная в свои мысли, по-прежнему ничего не замечала.

Внезапно Ярхуд прыгнул на нее и схватил с такой силой и так ловко, что сопротивляться не было никакой возможности.

— Ко мне! Ко мне! — смогла все же крикнуть бедная девушка.

Ее крики были сразу же заглушены, но их успела услышать Неджеб, искавшая хозяйку. Едва молодая цыганка появилась в галерее, как двое из матросов бросились на нее. Она не смогла ни шевельнуться, ни даже вскрикнуть.

— На борт! — скомандовал Ярхуд.

Обе девушки оказались в лодке, немедленно отчалившей по направлению к тартане.

«Гидара», якорь и парус которой были подняты, в мгновение ока приготовилась к отплытию со своими пленницами. Амазию и Неджеб поместили в кормовой каюте так, что они не могли ни видеть что-либо, ни кричать.

Вскоре тартана уже шла при попутном ветре, накренившись под большим парусом…

Но сколь ни быстро было совершено насилие, оно все же привлекло внимание нескольких слуг, работавших в садах. Один из них услышал крик Амазии и тотчас же поднял тревогу.

В это время банкир Селим возвращался домой. Ему сообщили о происшедшем. Крайне взволнованный, он бросился искать дочь. Но та исчезла. Видя, как тартана продвигается, чтобы обогнуть южную оконечность маленькой бухточки, Селим понял все и побежал сквозь сады по побережью — он знал, где, совсем близко, должна была пройти «Гидара», чтобы

избежать скал.

— Негодяи! — кричал он. — Похищают мою дочь! Моя дочь! Амазия! Остановите их! Остановите!

Выстрел с палубы «Гидары» был единственным ответом на его призыв.

Раненный пулей в плечо, Селим упал. Через несколько мгновений тартана, уносимая свежим вечерним бризом, исчезла в открытом море.

Глава двенадцатая,

в которой ван Миттен рассказывает историю о тюльпанах, которая, возможно, заинтересует читателя.

Запряженная свежими лошадьми почтовая карета покинула Одессу около часа после полудня. Господин Керабан занимал левый угол кабины, ван Миттен — правый, Ахмет поместился посередине. Бруно и Низиб устроились в кабриолете, где большую часть времени они посвящали сну.

Веселое солнце оживляло сельский пейзаж, а вода моря темной голубизной контрастировала с сероватой поверхностью скал побережья.

В кабине царила такая же тишина, как и в кабриолете, но если наверху дремали, то внизу размышляли.

Господин Керабан с наслаждением погружался в свои мечтания и думал только о той шутке, которую он собирался сыграть с оттоманскими властями.

Ван Миттен раздумывал о непредвиденном путешествии и все время спрашивал себя, почему он, гражданин батавских провинций, оказался заброшенным на прибрежные черноморские дороги, когда мог спокойно остаться в предместье Пера в Константинополе.

Ахмет, как известно, добровольно принял участие в этой поездке. Он твердо решил не жалеть кошелька своего дяди во всех случаях, когда при помощи денег можно будет избежать задержки или препятствия. При этом ехать возможно более коротким путем и — быстрее, быстрее!

Молодой человек перебирал в уме все эти возможности. И тут, огибая маленький мыс, он заметил в глубине бухты виллу банкира Селима. Его взгляд задержался на ней, вероятно, в тот момент, когда глаза Амазии были устремлены на него и, возможно, их взгляды пересеклись.

Затем, решив затронуть одну из деликатнейших проблем, Ахмет обратился к своему дяде с вопросом, достаточно ли тщательно тот наметил все детали маршрута.

— Да, племянник, — ответил Керабан. — Мы все время будем следовать по дороге, огибающей побережье.

— И сейчас мы направляемся…

— В Коблево, в дюжине лье от Одессы. Я рассчитываю прибыть туда сегодня вечером.

— А побывав в Коблево? — продолжал спрашивать Ахмет.

— Мы будем ехать всю ночь, племянник, чтобы прибыть в Николаев[155] завтра к полудню.

— Отлично, дядя Керабан! Ехать нужно быстро. Но после Николаева не хотите ли вы всего за несколько дней добраться до кавказских уездов?

— Но как?

— Воспользовавшись железными дорогами юга России, которые через Александровск [156] и Ростов позволят нам пройти добрую треть нашего пути.

— Железные дороги? — воскликнул Керабан.

В этот момент ван Миттен слегка толкнул локтем своего молодого спутника.

— Бесполезно, — сказал он ему вполголоса. — Бессмысленное обсуждение.

Отвращение к железным дорогам…

Ахмет знал, разумеется, каковы были мысли его дяди об этих средствах передвижения, слишком современных для верного сторонника старотурецкой партии. Но ему казалось, что в этих обстоятельствах господин Керабан мог бы, в конце концов, хотя бы раз пожертвовать своими драгоценными предубеждениями.

Уступить, хоть на миг, в одном каком-либо вопросе? Но тогда Керабан не был бы больше самим собой.

— Ты говоришь о железной дороге, я полагаю? — спросил он.

— Конечно, дядя.

— И хочешь, чтобы я, Керабан, согласился сделать то, что никогда еще не позволял себе?

— Мне кажется, что…

— Тебе хочется, чтобы я, Керабан, глупейшим образом разрешил тащить себя паровой машине?

— Когда вы попытаетесь…

— Ахмет, ты не подумал о том, что имеешь дерзость предлагать мне!

— Но, дядя…

— Я говорю, что ты не подумал, коль скоро позволяешь себе подобное предложение!

— Уверяю вас, дядя, что в этих вагонах…

— Вагонах? — ухмыльнулся Керабан, повторяя это иностранное слово с интонацией, которую невозможно передать.

— Да… эти вагоны, которые скользят по рельсам…

— Рельсам? — поспешно спросил Керабан. — Что это за ужасные слова? И на каком языке мы разговариваем, сударь?

— На языке современных путешественников.

— Скажи-ка, племянник, — ответил упрямый герой, начиная уже раздражаться, — разве у меня вид современного путешественника, который согласился бы подняться в вагон и дать тянуть себя машине? И что за необходимость скользить по рельсам, если я могу катиться по дороге?

— Но когда торопятся, дядя…

— Ахмет, посмотри мне в лицо и запомни: если не будет больше карет, я поеду на телеге; не отыщется телеги — сяду на лошадь; не достану лошади — поеду на осле, исчезнут все ослы — пойду пешком; не смогу идти — поползу на коленях; лишусь колен…

— Друг Керабан, остановитесь Бога ради! — воскликнул ван Миттен.

— …поползу на животе! — выкрикнул возбужденный господин Керабан. — Да! На животе!

И, схватив Ахмета за руку, он продолжил:

— Слышал ли ты когда-нибудь, что Мухаммад ехал в Мекку[157] по железной дороге?

Ясно, что на последний аргумент возражать было нечего. Ахмет мог сказать, что если бы во времена Мухаммада были железные дороги, то он ими пользовался бы. Но промолчал, в то время как господин Керабан продолжал брюзжать в своем углу, с удовольствием искажая все известные ему слова из железнодорожного жаргона[158].

Хотя карета и не могла соревноваться в скорости с экспрессом, но шла она легко. Упряжка несла ее галопом по довольно хорошей дороге, и жаловаться было не на что. Лошадей на подстанциях было достаточно. Ахмет, с согласия дяди занимавшийся всеми

расходами, платил чаевые ямщикам с царской щедростью. Кредитные билеты буквально вылетали из его кармана.

Таким вот образом двигаясь вдоль побережья, карета в тот же день проехала через местечки Шумирка и Александровка[159]. Вечером прибыли в Коблево. Оттуда — всю ночь продвигались в глубь провинции, с целью пересечь Буг у Николаева. Путешественники легко добрались до этого города к полудню 28 августа.

Около трех часов карета простояла перед довольно сносной гостиницей. Путешественники подкрепились неплохим обедом, большая часть которого досталась Бруно. Ахмет воспользовался задержкой и написал банкиру Селиму, что поездка проходит в приемлемых условиях. Не забыл он конечно же при этом и добавить нежные слова для Амазии. Что же до господина Керабана, то все время стоянки было им употреблено для поглощения душистого мока и вдыхания ароматов наргиле. Наконец, ван Миттен и Бруно, считавшие, что это странное путешествие должно хотя бы пополнить копилку их дорожных впечатлений, хотели было немного осмотреться в Николаеве. Замечу, кстати, что процветание этого города возрастает за счет его соперника Херсона до такой степени, что его претензия — в будущем дать свое имя в качестве названия всей губернии[160] — не кажется пустой похвальбой. Но для знакомства с Николаевом лишнего времени у голландцев так и не оказалось.

Ахмет первым дал сигнал к отъезду. Ван Миттен был далек от того, чтобы его удерживать. Господин Керабан выдохнул последние клубы табачного дыма, ямщик сел в седло, и карета покатила по дороге, спускающейся к Херсону.

Путешественникам предстояло проделать семнадцать лье по малоплодородной территории. Кругом виднелись тутовые деревья, тополя, ивы. Ближе к Днепру, текущему на протяжении около четырехсот лье[161] и оканчивающемуся у Херсона, раскинулись обширные равнины, покрытые камышом и васильками. Но «васильки» улетали, взмахнув крыльями, едва грохочущая карета подъезжала к ним поближе. Это были голубые сойки. Их весьма неприятный писк не компенсировался даже чудесным переливом оперения.

Двадцать девятого августа на рассвете господин Керабан и его спутники после ночи, прошедшей без происшествий, прибыли в Херсон, столицу губернии, основанную Потемкиным. Путешественники могли только порадоваться существованию этого детища фаворита Екатерины II. Они нашли там хорошую гостиницу, в которой задержались на несколько часов, и магазины, достаточно обеспеченные провизией, чтобы пополнить запас в карете. Этим занялся Бруно, значительно более расторопный, чем Низиб, и прекрасно справился со своей задачей.

Через несколько часов путешественники сменили лошадей в довольно большом селе Алешки и направились к Перекопскому перешейку, соединяющему Крым с южным побережьем России.

Надо ли говорить, что, находясь в Алешках[162], Ахмет не позабыл послать оттуда очередное письмо в Одессу. Когда спутники уже заняли место в карете и упряжка мчалась во весь опор по дороге на Перекоп, господин Керабан спросил племянника, не забыл ли он послать его и свои наилучшие пожелания банкиру Селиму.

— Безусловно, не забыл, дядя, — ответил Ахмет. — И даже прибавил, что мы делаем все возможное, чтобы добраться до Скутари как можно раньше.

— Ты хорошо сделал, племянник. Нужно давать знать о себе с каждого почтового отделения, где бы оно нам ни встретилось.

— К несчастью, мы никогда не знаем заранее места очередной стоянки, — заметил Ахмет, — поэтому все наши письма останутся без ответа.

— Действительно, — подтвердил ван Миттен.

— Да, кстати, — обратился Керабан к своему роттердамскому другу, — мне кажется, вы не слишком спешите послать весточку госпоже ван Миттен. Что подумает эта превосходная жена о вашей небрежности?

— Госпожа ван Миттен? — переспросил голландец в некотором замешательстве.

— Да!

— Госпожа ван Миттен, безусловно, порядочная женщина. В этом смысле мне не в чем упрекнуть свою жену. Но как подруга жизни… Да, но, друг Керабан, почему мы говорим о госпоже ван Миттен?

— Э… Да потому, что, насколько я помню, это очень милый человек.

— Да? — произнес ван Миттен, как если бы ему сообщили нечто совершенно новое для него.

— Помнишь, Ахмет, как я отзывался о ней в самых лучших выражениях, когда вернулся из Роттердама?

— Помню, дядя.

— И во время моей поездки я был очарован ее приемом.

— Да? — повторил ван Миттен.

— Но, — продолжил Керабан, — должен признать, что иногда у нее бывают странные идеи, капризы, причуды. Но это вообще свойственно слабому полу. Даже если нельзя уступать женщинам, то не стоит и упрекать их. Именно так я всегда и поступал.

— И вы действовали вполне разумно, — поддержал друга ван Миттен.

— Она все так же страстно любит тюльпаны, как, впрочем, и полагается истинной голландке?[163] — спросил Керабан.

— Страстно.

— Ну, ван Миттен, давайте говорить откровенно. Я чувствую в вас какой-то холодок по отношению к жене.

— «Холодок» — было бы еще слишком теплым выражением того, что я к ней испытываю.

— Что вы говорите? — воскликнул Керабан.

— Я никогда не разговаривал с вами серьезно о госпоже ван Миттен. Но коль скоро речь зашла на эту тему и представляется удобный случай, то сделаю одно признание.

— Признание?

— Да, друг Керабан! Мы с госпожой ван Миттен разошлись.

— Разошлись! — воскликнул Керабан. — С обоюдного согласия?

— С обоюдного согласия.

— И навсегда?

— Навсегда.

— Расскажите-ка мне об этом, если, конечно, волнение…

— Волнение? — удивился голландец. — С чего бы мне волноваться?

— Тогда говорите, говорите, ван Миттен! — попросил Керабан. — Как турок я очень люблю всякие истории, а как холостяк особенно обожаю семейные.

— Хорошо, друг Керабан, — продолжал голландец тоном, каким он стал бы рассказывать о приключениях кого-то другого. — Вот уже несколько лет, как отношения

между мной и госпожой ван Миттен стали непереносимыми. Бесконечные споры по любому поводу: когда встать, когда ложиться, что есть, что не есть, что пить, что не пить, о том, какой погода будет, и о том, какой была, о мебели, которую лучше поставить не здесь, а там, об огне, который надлежит зажечь в этой, а не в той комнате, об окне, которое нужно открыть, и о двери, которую нужно закрыть, о растениях, которые следует посадить в саду или, наоборот, выдернуть с корнем…

— Все шло чудесно! — вставил Керабан.

— Да, но положение становилось все хуже и хуже, потому что, по сути, у меня очень чувствительный и покорный нрав, и я во всем уступал, стараясь избегать ссор.

— Возможно, это было самым разумным, — вмешался Ахмет.

— Напротив, это было самым неразумным, — возразил Керабан, уже готовый спорить.

— Ничего не могу сказать по этому поводу, — сказал ван Миттен, — но как бы то ни было, а при нашем последнем споре я решил возражать… Да, я возражал как настоящий Керабан!

— Во имя Аллаха! Это невозможно! — воскликнул знавший себя дядя Ахмета.

— Даже больше, чем Керабан, — прибавил ван Миттен.

— Да сохранит меня Мухаммад! — возвысил голос Керабан. — Но претендовать на то, что вы более упрямы, чем я…

— Это совершенно невероятно! — подхватил Ахмет таким убежденным тоном, что он проник в самую глубь сердца его дяди.

— Сейчас сами увидите, — спокойно продолжал ван Миттен, — и…

— Мы ничего не увидим! — закричал Керабан.

— Дослушайте меня, пожалуйста, до конца. Этот спор возник между мной и госпожой ван Миттен по поводу цветов, тех самых прекрасных любительских тюльпанов «Genners», которые держатся так прямо на своих стеблях. Их насчитывается более ста разновидностей. Все тюльпаны этого сорта, которые имелись у меня, стоили не менее чем по тысяче флоринов[164] за луковицу.

— Восемь тысяч пиастров, — вздохнул Керабан, привыкший все пересчитывать на турецкие деньги.

— Да, приблизительно восемь тысяч пиастров, — подтвердил голландец. — И вот однажды госпоже ван Миттен приходит вдруг в голову вырвать «Валенсию», чтобы заменить ее на «Солнечный глаз»! Это переходило всякие пределы! Я воспротивился… Она упорствовала. Не успел я задержать жену, как она бросилась к «Валенсии»… Вырвала ее…

— Восемь тысяч пиастров! — воскликнул Керабан.

— Тогда, — продолжал ван Миттен, — я подбежал в свою очередь к ее «Солнечному глазу» и растоптал его.

— Уже шестнадцать тысяч пиастров! — расстроился Керабан.

— Затем она набросилась на вторую «Валенсию», — сказал ван Миттен.

— Двадцать четыре тысячи пиастров! — произнес Керабан таким тоном, как будто он читал в своей кассовой книге.

— Я ответил ей вторым «Солнечным глазом»…

— Тридцать две тысячи!

— Тут баталия разгорелась вовсю, — продолжал ван Миттен. — Госпожа ван Миттен уже не владела собой. Я получил по голове двумя великолепными и чрезвычайно дорогими луковицами…

— Сорок восемь тысяч пиастров!

— Она получила от меня тремя другими луковицами прямо в грудь.

— Семьдесят две тысячи!

— Это был настоящий дождь из тюльпановых луковиц, какого, наверное, никто еще никогда не видел! Схватка продолжалась полчаса! На это пошел весь сад, а затем и оранжерея! От моей коллекции не осталось ничего!

— И, наконец, сколько же это вам стоило? — спросил Керабан.

— Дороже, чем если бы мы обменивались только оскорблениями, как экономные герои Гомера[165]. Что-то около двадцати пяти тысяч флоринов.

— Двести тысяч пиастров![166] — выкрикнул подавленный Керабан.

— Да, но я показал себя.

— И не продешевили!

— После этого, — продолжал ван Миттен, — я уехал, отдав указания обратить в деньги мою часть имущества и поместить их в Константинопольский банк. Затем я сбежал из Роттердама с моим верным Бруно, решив не возвращаться домой до тех пор, пока госпожа ван Миттен не переселится в лучший мир…

— Или не перестанет нападать на тюльпаны, — поддержал голландца Ахмет.

— Ну, друг Керабан, — снова заговорил ван Миттен, — часто ли вы были столь упрямы, чтобы это стоило вам двести тысяч пиастров?

— Я? — вскинулся Керабан, слегка задетый этим замечанием своего друга.

— Ну, конечно же, — вставил Ахмет, — у моего дяди были подобные случаи, я знаю доподлинно, по крайней мере, об одном.

— И о каком же, будьте любезны? — спросил голландец.

— Ну, вот это самое упрямство, которое заставляет его совершить поездку вокруг Черного моря, чтобы не платить десять пара! Это будет ему стоить дороже, чем ваш ливень тюльпанов.

— Это будет стоить столько, сколько будет стоить! — возразил господин Керабан сухим тоном. — Но я нахожу, что мой друг ван Миттен заплатил за свою свободу не такую уж высокую цену. Вот что значит иметь дело лишь с одной женой. Мухаммад хорошо знал этот очаровательный пол, когда разрешал своим последователям брать столько жен, сколько они смогут!

— Конечно! — подхватил ван Миттен. — Я думаю, что десятью женами легче управлять, чем одной-единственной.

— А что еще легче, — прибавил Керабан назидательным тоном, — так это совсем не иметь жен.

После этого замечания разговор прекратился.

Карета прибыла на почтовую станцию. Лошадей перепрягли и всю ночь ехали дальше. В полдень следующего дня достаточно усталые путешественники, проехав через Великие Копани и Каланчак, добрались до поселка Перекоп в глубине залива с тем же названием, в самом начале перешейка, соединяющего Крым с южной Россией.

Глава тринадцатая,

в которой рассказывается, как путешественники наискось пересекают древнюю Тавриду и с какой упряжкой они из нее выезжают.

Крым! Этот Херсонес таврический древних! Четырехугольник или, вернее, неправильный ромб, который кажется похищенным у самого очаровательного из побережий Италии. Почти остров, из которого Фердинанд Лессепс[167] сделал бы остров всего лишь двумя движениями перочинного ножа. Уголок земли — заветная цель всех народов, жаждущих безраздельной власти над Востоком. Древнее Боспорское царство[168], которым последовательно владели Гераклиды[169] за шестьсот лет до христианской эры, затем Митридат[170], аланы[171], готы[172], гунны[173], венгры, татары[174], генуэзцы[175] и, наконец, богатая, зависимая от империи Мехмеда II провинция, которую уже Екатерина II присоединила к России в 1791 году[176].

Каким же образом эта область, благословенная богами и оспариваемая друг у друга смертными, могла бы не войти в легенды и мифы? Разве не пытались найти в болотах Сиваша[177] следов титанической деятельности проблематичного народа атлантов[178]? Разве античные поэты не помещали вход в ад возле Керберова мыса, три дамбы которого как бы представляли собой Кербера[179] с тремя головами? Разве Ифигения[180], дочь Агамемнона и Клитемнестры, став жрицей Дианы в Тавриде, не была уже готова принести в жертву целомудренной богине своего брата Ореста, заброшенного ветрами на берег мыса Партениум?

И теперь одна только южная часть Крыма стоит больше, чем все засушливые острова архипелага. Плато Чатырдага[181] на высоте полутора тысяч метров могло бы вместить застолье всех олимпийских богов[182]. А лесные амфитеатры, чей зеленый покров простирается до самого моря? Все эти заросли диких каштанов, кипарисов, иудина дерева, олив, миндаля, ракитника, поистине необозримы. Как поистине восхитительны каскады, воспетые Пушкиным. Этот край — прекраснейшая жемчужина провинций, простирающихся от Черного моря до Арктики. Здесь, в живительном и умеренном климате, русские как с севера, так и с юга находят: одни — убежище от суровости северной зимы, другие — укрытие от иссушающих летних ветров. Именно там, вокруг мыса Айя[183], этого бараньего лба, противостоящего волнам Понта Эвксинского на самом острие Тавриды, основаны колонии замков, вилл, коттеджей. Великолепны Ялта, Алупка, которые принадлежат князю Воронцову; равно, как неотразимо феодальное владение снаружи, греза восточного воображения внутри — Кызыл-Таш[184] графа Понятовского; Артек князя Андрея Голицына; Массандра, Ореанда, Ериклик — императорская собственность… Наконец. Ливадия — восхитительный дворец со своими родниками, причудливыми потоками, зимними садами — любимое прибежище самой императрицы. Сколь угодно любознательный, сентиментальный, художественный, возвышенный ум нашел бы удовлетворение в этом уголке земли — истинном микрокосме[185] в котором встречаются Европа и Азия. Там мирно существуют татарские деревни и греческие поселки. В восточных городах с мечетями и минаретами, муэдзинами и дервишами соседствуют православные монастыри. Здесь же — ханские дворцы, фиваниды[186], известные рядом романтических приключений. Сюда, к

святым местам, устремляются паломники — к еврейской горе, принадлежащей племени караимов[187], и Иосафатской долине[188], прорытой как бы в качестве филиала знаменитой Кедронской[189]. Той самой, где сонмища подсудимых должны, при звуке трубы, предстать на Страшный суд[190].

Сколько чудес мог бы увидеть ван Миттен! Сколько впечатлений осталось бы у него от этой страны, в которую его увлекала странная судьба! Но его друг Керабан путешествовал не для того, чтобы услаждать зрение, а Ахмет уже знал все великолепие Крыма и не предоставил бы голландцу и часа даже для беглого осмотра.

«И все же, может быть, несмотря ни на что, — говорил себе ван Миттен, — мне удастся мимоходом составить хотя бы самое общее представление об этом, столь древнем, справедливо прославленном, Херсонесе?»

Но его мечтам не суждено было сбыться. Карете следовало двигаться по самой короткой дороге, косо с севера на юго-запад, минуя как центр южного побережья, так и древнюю Тавриду. Таков был маршрут, намеченный на совещании, в котором голландец не имел даже совещательного голоса. Правда, проезд через Крым избавлял от необходимости ехать вокруг Азовского моря, протянувшегося на сто пятьдесят лье[191]. Кроме того, некоторый выигрыш в расстоянии давало и то, что маршрут пролегал прямо с Перекопа[192] к Керченскому полуострову[193]. Затем с другой стороны пролива Еникале[194] Таманский полуостров[195] открывал прямой путь к кавказскому побережью.

Так что карета катилась по узкому перешейку, с которого Крым свисает, как великолепный апельсин с ветки дерева. С одной стороны был Перекопский залив, с другой — болото Сиваш, более известное под названием Гнилого моря — нечто вроде огромного пруда в два миллиарда квадратных метров, питаемого водами Тавриды и Азовского моря; последние попадают в Сиваш через Генический пролив.

Проезжая, путешественники рассматривали Сиваш, глубина которого не превышает метра. Соленость воды здесь в некоторых местах почти достигает степени насыщения. Ну, а поскольку при таких условиях соль начинает осаждаться в виде кристаллов, то из этого Гнилого моря вполне можно было бы сделать одну из самых производительных солеварен на планете.

Однако тут же нужно сказать, что если взглянуть на Сиваш и стоит, то обоняние при этом несомненно страдает. Сероводород — этим все сказано! Рыбы, попадая в Сиваш, почти сразу же погибают. Так что это нечто вроде аналога палестинского Асфальтового озера[196].

Вот посреди таких болот и проложено полотно железной дороги, идущей из Александровска в Севастополь. Поэтому, к своему ужасу, господин Керабан мог слышать в ночи оглушительные свистки локомотивов, пробегающих по рельсам, на которые иногда накатываются тяжелые воды Гнилого моря.

Впрочем, картины ада вскоре сменились почти райскими видениями.

В течение следующего дня, 31 августа, дорога пролегала посреди зеленеющей сельской местности. Это были заросли олив, листья которых, вращаясь на ветру, казались трепещущими, как ртуть; темно-зеленые, почти черные кипарисы, великолепные дубы, высокие земляничные деревья. Повсюду на холмах располагались ярусами линии виноградных лоз, вино из которых почти не уступает продукции французских виноградников.

Тем временем благодаря настойчивости Ахмета и пригоршням рублей, которые он расточал, лошади всегда были готовы, а ямщики ехали по кратчайшей дороге. Вечером

миновали поселок Дорте и через несколько лье оказались на берегу Гнилого моря.

Здесь примечательная лагуна[197] отделяется от Азовского моря только невысокой песчаной полосой в четверть лье шириной.

Полоса именуется Арабатской стрелкой. Она протянулась от одноименного села на юге и до северного Геническа. Материк прорезан в этом месте проливов в три сотни футов шириной, через который, как уже говорилось, поступает вода из Азовского моря.

С приходом дня господин Керабан и его спутники смогли разглядеть вокруг себя плотные и нездоровые испарения, которые затем постепенно рассеялись под действием солнечных лучей.

Местность здесь была менее лесистой и более пустынной. Кое-где свободно паслись высокие дромадеры[198], что превращало эту область в некий придаток Аравийской пустыни. Проезжавшие по ней тележки, сделанные только из дерева без единого куска металла, производили оглушающий шум, скрипя на своих осях, натертых смолой. Все это выглядело очень примитивно. Зато в деревенских домах и одиночных фермах еще встречалось чистосердечное и самое широкое татарское гостеприимство. Каждый может войти туда, сесть за хозяйский стол, наесться и напиться вволю и уйти с простым «спасибо» в качестве вознаграждения.

Само собой, наши путешественники никогда не злоупотребляли простотой старинных обычаев, которые несомненно недолго продержатся. Ахмет был верен своему первоначальному намерению не жалеть дядиного кошелька, поэтому благодарность путников неизменно оказывалась достаточно щедрой. Вечером упряжка, измученная долгим пробегом, остановилась в поселке Арабат, на крайнем юге стрелки.

Там на песке возвышается укрепление, у подножия которого построены дома, без какого-либо порядка. Везде — заросли укропа, являющиеся истинным прибежищем для ужей, и поля арбузов, урожай которых чрезвычайно обилен.

Было девять часов вечера, когда карета остановилась перед гостиницей достаточно жалкого вида. Но нужно признать, что она была лучшей в этом месте, а в затерянных глухих районах Херсонеса не следовало проявлять излишнюю привередливость.

— Племянник Ахмет, — сказал господин Керабан, — вот уже несколько ночей и дней мы несемся, останавливаясь только на почтовых станциях. Так что я не прочь полежать несколько часов на кровати, пусть это будет даже гостиничная койка.

— А я просто был бы счастлив, — прибавил ван Миттен, приподнимаясь на сиденье.

— Что? Потерять двенадцать часов! — воскликнул Ахмет. — Двенадцать часов из шестинедельного путешествия!

— Ты хочешь, чтобы мы начали спор по этому поводу? — спросил Керабан тем несколько агрессивным тоном, который был для него так характерен.

— Нет, дядя, нет! — ответил Ахмет. — Раз вам требуется отдых…

— Да, требуется. Ван Миттену — тоже. И Бруно, я полагаю. И даже Низибу, который не пожелал бы ничего лучшего.

— Господин Керабан, — подтвердил Бруно, — я рассматриваю эту идею как одну из самых удачных, какие у вас когда-либо были. Особенно если хороший ужин подготовит нас к крепкому сну.

Замечание Бруно пришлось очень кстати. Запасы провизии были почти полностью исчерпаны. А то, что оставалось в сундуках, трогать было нельзя до прибытия в Керчь, известный город на полуострове с тем же названием, где запасы можно обильно пополнить.

К сожалению, если кровати гостиницы Арабата еще были сносными даже для таких важных путешественников, то кладовые оставляли желать лучшего. Туристы, рискующие отправиться к крайним пределам Тавриды, в любое время года немногочисленны. Несколько купцов и торговцев солью, чьи лошади и тележки освоили дорогу Керчь — Перекоп, — таковы основные клиенты гостиницы в Арабате. Непривередливые люди, умеющие спать на жестких постелях и есть что придется.

Таким образом, Керабан и его спутники должны были довольствоваться достаточно бедным меню, то есть пловом — традиционным национальным блюдом, в котором было больше риса, чем курятины, и больше костей, чем мяса. Кроме того, птица была такой старой и, естественно, жесткой, что оказала сопротивление даже самому Керабану. Но прочные коренные зубы упрямого героя победили в конце концов ее неподатливость, так что и в этом случае он отступил не больше, чем обычно.

За пловом последовала миска йогурта, или квашеного молока, которая была очень кстати после борьбы с куриными костями. Затем появились достаточно аппетитные лепешки, известные здесь под названием катламас.

Бруно и Низиб получили приблизительно такие же кушанья, как и хозяева, за исключением того, что на их столе плов был заменен некой черноватой субстанцией[199] дымящейся, как чугунная плита камина.

— Что это такое? — спросил Бруно.

— Не могу сказать, — пожал плечами Низиб.

— Но вы же местный житель.

— Я не местный житель.

— Ну, почти, поскольку вы — турок, — заметил Бруно. — Итак, дружище, попробуйте-ка эту высушенную подошву и скажите мне, что о ней можно подумать.

Всегда послушный Низиб впился зубами в кусок упомянутой «подошвы».

— Ну? — спросил Бруно.

— Это совсем невкусно, но все же можно есть.

— Да, Низиб, когда умирают от голода и больше нечего положить в рот.

И Бруно решительно попробовал кушанье в свою очередь, пойдя на риск из страха похудеть.

В общем блюдо было съедобным, особенно при нескольких стаканах пива, что и доказали оба сотрапезника.

Но неожиданно Низиб воскликнул:

— Да поможет мне Аллах!

— Что с вами, Низиб?

— А если то, что я съел, было из свинины?

— Не исключено! — подтвердил Бруно. — Бедняга Низиб! Хороший мусульманин, как вы, не должен питаться мясом этого нечистого животного. Но мне думается, что если это неизвестное блюдо — из свинины, то вам остается только одно.

— Что же именно?

— Спокойно переварить его, коль скоро оно уже съедено.

Это, однако, не успокоило Низиба, скрупулезно соблюдавшего законы Пророка[200], и поскольку он был сильно встревожен, то Бруно отправился за разъяснениями к хозяину гостиницы.

После этого Низиб успокоился и смог без упреков совести предаться перевариванию

съеденного. Кушанье оказалось даже не мясом, а рыбой чебак[201], которую разрубают надвое вдоль как треску, сушат на солнце, коптят, подвешивая над очагом, а также едят сырой или почти сырой. Она является важным экспортным товаром на всем побережье вплоть до Ростова, находящегося на крайнем северо-востоке Азовского моря.

Итак, слуги и хозяева вынуждены было довольствоваться этим скудным ужином в гостинице Арабата. Постели показались им еще более жесткими, чем подушки кареты. Однако здесь они не тряслись по ухабам, и сон в этих не очень комфортабельных комнатах все же избавлял от накопившейся усталости.

На следующий день, 2 сентября, с восходом солнца Ахмет был уже на ногах и отправился на поиски почты, чтобы взять там сменных лошадей. Предыдущая упряжка, измученная долгим и тяжелым перегоном, не смогла бы отправиться в путь без, по крайней мере, двадцатичетырехчасового отдыха.

Ахмет рассчитывал привести к гостинице уже запряженную карету, чтобы его дяде и ван Миттену оставалось бы только подняться в нее и следовать по дороге на Керченский полуостров. Почта находилась на краю поселка, но там не было и следа свежих лошадей. Конюшня оказалась пустой, и начальник не смог бы этого изменить даже за золото.

Чрезвычайно разочарованный этим препятствием, Ахмет вернулся в гостиницу. Господин Керабан, ван Миттен, Бруно и Низиб, уже готовые к отбытию, ожидали карету. А один из них — излишне говорить который — даже начинал уже подавать видимые признаки нетерпения.

— Ну, Ахмет, — воскликнул он, — ты возвращаешься без ничего? Нам что же, самим идти за каретой на почту?

— К сожалению, это бесполезно, дядя, — ответил Ахмет. — Там нет ни одной лошади.

— Ни одной? — удивился Керабан. — И они будут только завтра.

— Вот как?

— Да! Это потеря двадцати четырех часов!

— Ну нет, ни за что! — воскликнул Керабан. — Я не хочу терять ни десяти, ни пяти, ни даже одного часа!

— Но, — заметил голландец своему другу, который уже начинал «заводиться», — если лошадей нет?

— Будут! — ответил господин Керабан.

И по его знаку все последовали за ним. Через четверть часа путешественники добрались до станции и остановились перед дверью. Начальник стоял на пороге с равнодушным видом человека, который отлично знает, что нельзя заставить его дать то, чего нет.

— У вас нет лошадей? — спросил Керабан уже достаточно вызывающим тоном.

— У меня только те, которые доставили вас вчера вечером, — ответил начальник почты, — и они совсем обессилены.

— А почему, будьте любезны объяснить, у вас нет свежих лошадей на конюшнях?

— Потому что их взял один турецкий господин, который едет в Керчь, а оттуда — в Поти[202] через Кавказ.

— Один турецкий господин! — воскликнул Керабан. — И конечно же, один из этих европеизированных османов. Мало того, что они путаются под ногами на улицах Константинополя, так нужно еще, чтобы они встречались на дорогах Крыма! И кто он?

— Мне известно, что его имя господин Саффар, вот и все, — спокойно доложил

начальник почты.

— Ну и почему вы позволили себе отдать остававшихся у вас лошадей этому господину Саффару? — спросил Керабан с сильнейшим презрением.

— Потому что этот путешественник прибыл на станцию вчера утром, за двенадцать часов до вас, и, поскольку стояли свободные лошади, у меня не было никаких причин отказать ему.

— Напротив, они были!

— Были? — удивился начальник.

— Без сомнения, поскольку сюда ехал я!

Что можно ответить на подобные аргументы? Ван Миттен хотел вмешаться, но получил от своего друга резкую отповедь. Что до начальника, то, насмешливо посмотрев на господина Керабана, он вознамерился вернуться в дом, когда негоциант остановил его, говоря:

— В конце концов, все это не важно. Есть у вас лошади или нет, но нужно, чтобы мы отправились сейчас же!

— Сейчас же? — переспросил начальник станции. — Повторяю вам, у меня нет лошадей.

— Найдите!

— Их нет в Арабате.

— Найдите две, найдите одну, — напирал Керабан, начинавший уже терять самообладание, — найдите пол-лошади… Но найдите!

— Но если их нет? — посчитал нужным сказать мягким голосом ван Миттен.

— Надо, чтобы они были!

— Может, вы найдете нам упряжку из мулов? — спросил Ахмет у хозяина станции.

— Хорошо! Пусть будут мулы! — прибавил господин Керабан. — Мы будем довольны и ими.

— Я никогда не видел в провинции мулов, — ответил начальник почты.

— Ну, одного-то он сегодня видел, — шепнул Бруно на ухо хозяину, явно имея в виду Керабана, — и знаменитого!

— Тогда ослы? — спросил Ахмет.

— Их нет, как и мулов.

— Нет ослов! — вскричал господин Керабан. — Ах, так! Вы насмехаетесь надо мной, господин начальник почты. Как не может быть ослов! Не из чего собрать хоть какую-нибудь упряжку? Так-таки и некого перезапрячь в карету?

Выкрикивая это, наш упрямый герой бросал гневные взгляды направо и налево, на дюжину местных жителей, которые собрались у почты.

— Он способен запрячь в свою карету даже их, — сказал Бруно.

— Да! И их и нас, — согласился Низиб, как человек, хорошо знающий своего хозяина.

Между тем, поскольку не было ни лошадей, ни мулов, ни ослов, становилось ясно, что выехать не удастся. Отсюда — необходимость смириться с двадцатичетырехчасовой задержкой. Ахмет, которому это было так же неприятно, как и его дяде, тем не менее уже собрался убедить его смириться с абсолютной невозможностью, когда господин Керабан воскликнул:

— Сто рублей тому, кто доставит мне упряжку!

Некоторый трепет пробежал среди собравшихся жителей Арабата. Один из них

решительно выступил вперед.

— Господин турок, — сказал он, — у меня есть два дромадера на продажу.

— Я покупаю их! — ответил Керабан.

Дромадеров, запряженных в почтовую карету, еще никто никогда не видел. Увидели на этот раз.

Меньше чем за час сделка была завершена. Дромадеры обошлись в кругленькую сумму. Но это было не важно: господин Керабан заплатил бы и гораздо больше. Итак, на двоих животных надели сбрую, впрягли их в оглобли, и благодаря обещанной доплате их бывший владелец превратился в ямщика и устроился перед горбом одного из этих жвачных. Затем, к великому изумлению жителей Арабата и к крайнему удовлетворению путешественников, карета спустилась на дорогу в Керчь и поехала при ускоренной рыси странной упряжки.

К вечеру без каких-либо помех прибыли в поселок Аржин, в двенадцати лье от Арабата.

Сменных лошадей опять не было, и все из-за того же господина Саффара. Пришлось пойти на ночевку в Аржине, чтобы дать дромадерам отдых.

На следующее утро, 3 сентября, карета снова отправилась в путь. В течение дня было пройдено расстояние между Аргином[203] и поселком Мариенталь, то есть около семнадцати лье. Проведя ночь в Мариентале и покинув его на заре, путешественники проехали двенадцать лье и вечером прибыли в Керчь без каких-либо аварий, но не без хорошей тряски из-за разболтанности хомутов на мощных животных, плохо подготовленных к такой езде.

В общем, господин Керабан и его спутники, отправившись 17 августа, за девятнадцать дней прошли три седьмых всего пути — приблизительно триста лье. Таким образом, они достигли почти середины маршрута и за остававшиеся до 30 сентября двадцать шесть дней должны были завершить поездку вокруг Черного моря.

— И все-таки, — часто повторял Бруно своему хозяину, — у меня предчувствие, что это кончится плохо.

— Для моего друга Керабана?

— Для вашего друга Керабана… или для тех, кто его сопровождает.

Глава четырнадцатая,

в которой господин Керабан показывает, что он более силен в географии, чем предполагал его племянник Ахмет.

Город Керчь расположен на полуострове с тем же названием, на восточной оконечности Тавриды. Над ним величественно возвышается гора, на которой некогда находился акрополь. Это гора Митридата. Имя страшного и неумолимого врага римлян, чуть было не прогнавшего их из Азии, отважного полководца, выдающегося полиглота[204] и легендарного знатока ядов, вполне справедливо связано с городом, бывшим когда-то столицей Боспорского царства. Именно здесь боспорский царь, грозный Евпатор, велел галльскому[205] воину пронзить себя мечом после нескольких неудачных попыток отравить свое железное тело, которое он сам же и приучал к ядам.

Таков был краткий исторический экскурс, который ван Миттен счел нужным сделать для своих спутников во время получасовой стоянки. И услышал следующее:

— Митридат действовал неумело.

— Почему? — спросил ван Миттен.

— Если он серьезно желал отравиться, то ему нужно было лишь пообедать в Арабатской гостинице.

После этого голландец счел правильным не расхваливать больше супруга прекрасной Монимы, но пообещал самому себе обязательно посетить его столицу за те несколько часов, которые оставались.

Карета со своим странным экипажем пересекла город, к великому удивлению его смешанного населения, состоящего из большого числа евреев, а также из татар, греков и немногих русских — всего около двенадцати тысяч человек.

По прибытии в гостиницу «Константин» первой заботой Ахмета было узнать, можно ли достать лошадей на завтрашнее утро. К его крайнему удовлетворению, на этот раз в конюшнях почтовой станции лошадей хватало.

— Счастье, — заметил Керабан, — что господин Саффар не забрал все на этой станции.

Нетерпеливый дядя Ахмета не склонен был проявить снисходительность к несносному субъекту, позволявшему себе опережать на дорогах его, господина Керабана, и отнимать у него лошадей.

Поскольку больше необходимости в дромадерах не было, их перепродали предводителю каравана, отправлявшегося к проливу Еникале. Однако уже по цене, скорее подходившей не живым, а мертвым животным. Эту достаточно ощутимую потерю мстительный Керабан мысленно также поставил в счет господину Саффару.

Само собой разумеется, что упомянутого Саффара в Керчи не было, что, без сомнения, спасло его от серьезнейшего спора с конкурентом. Уже два дня назад он покинул город и выехал по дороге на Кавказ. Счастливое обстоятельство, благодаря которому он не должен был теперь опережать наших путешественников, решивших следовать по побережью.

Хороший ужин в гостинице «Константин» и ночь, проведенная в достаточно комфортабельных комнатах, заставили и хозяев и слуг забыть о прошлых неприятностях.

Поэтому в письме, отправленном Ахметом в Одессу, говорилось, что поездка проходит нормально.

Поскольку отъезд на следующий день, 5 сентября, намечался только на десять часов утра, то добросовестный ван Миттен поднялся с первым лучом солнца, чтобы успеть осмотреть город. На этот раз Ахмет был готов сопровождать его.

Они пошли вдоль тротуаров, по широким мощеным улицам Керчи. Первое, что них поразило, — великое множество бродячих собак. Избавляться от них ударами палки входило в обязанность некоего цыгана — признанного мастера этого ночного низменного ремесла. Но палач, без сомнения, пьянствовал предыдущей ночью, и теперь Ахмет и голландец с большим трудом избегали больших клыков опасных животных.

Каменная набережная, построенная в глубине бухты и протянувшаяся до берегов пролива, значительно облегчила их прогулку. Путешественники миновали дворец губернатора и таможню. Полюбовались, как немного дальше в открытом море — из-за недостатка глубины — становятся на якорь суда. Керченский порт представляет для них хорошую якорную стоянку поблизости от карантинного пункта. Этот порт стал играть значительную роль в торговле после передачи города России в 1774 году. Знали наши путники и то, что в нем находится просторный пакгауз[206] для соли, поставляемой перекопскими солеварами.

— У нас есть время подняться туда? — спросил ван Миттен, указывая на гору Митридата, на которой ныне возвышается греческий храм, украшенный трофеями из курганов, столь многочисленных в керченской провинции, — храм, заменивший древний акрополь[207].

— Гм! — сказал Ахмет. — Не стоит рисковать, заставляя ждать дядю Керабана.

— А также и его племянника, — улыбнулся ван Миттен.

— Верно, — сказал Ахмет, — во время путешествия я думаю только о нашем возвращении в Скутари. Вы понимаете меня, господин ван Миттен?

— Да, понимаю, мой юный друг, — ответил голландец, — хотя муж госпожи ван Миттен имеет полное право и не понять.

После этого рассуждения, слишком хорошо оправданного роттердамскими домашними делами, оба спутника начали все-таки взбираться на гору Митридата, имея в запасе два часа до отъезда. С этого возвышенного места открылся великолепный вид на бухту Керчи. На юге виднелись очертания оконечности полуострова. К востоку закруглились две полосы земли, окружающие Таманский залив по ту сторону пролива Еникале. Достаточно чистое небо позволяло разглядеть различные неровности местности и ее курганы, или древние могилы, которыми она буквально усеяна.

Когда Ахмет счел момент подходящим для возвращения в гостиницу, он показал ван Миттену на монументальную лестницу, украшенную перилами со стойками. Эта лестница спускается с горы Митридата к городу и оканчивается на рыночной площади. Через четверть часа оба присоединились к господину Керабану, который как раз спорил с хозяином, чрезвычайно невозмутимым татарином. Кончилось тем, что Керабан стал раздражаться, не находя повода, чтобы разгневаться.

В карету были запряжены хорошие лошади персидского происхождения — важный предмет торговли в Керчи. Каждый занял свое место, и упряжка помчалась галопом, не заставлявшим жалеть об утомительной рыси дромадеров.

Приближаясь к проливу, Ахмет стал ощущать некоторое беспокойство. Дело в том, что,

как уже говорилось, в Херсоне маршрут был изменен и, по настоянию племянника, господин Керабан согласился не ехать вокруг Азовского моря, а выбрать кратчайший путь по Крыму. Но, дав свое согласие, он, наверное, думал, что дорога все время будет идти только по материку. Он ошибался, и Ахмет ничего не сделал, чтобы развеять его заблуждение.

Можно быть очень хорошим турком, прекрасным торговцем табаком и не иметь достаточных познаний в географии. Дядя Ахмета, вероятно, не знал, что протока из Азовского моря в Черное представляет собой широкий пролив — тот древний Боспор Киммерийский, который ныне носит название пролива Еникале, и что со всей неизбежностью ему предстояло пересечь этот пролив между Керченским и Таманским полуостровами.

Ну, а господин Керабан испытывал к морю отвращение, о котором его племянник давно знал. Что он скажет, когда окажется перед этой переправой, если из-за течения или небольшой глубины придется переправляться через пролив в его самом широком месте, которое может достигать двадцати миль?[208] А если он упрямо откажется рискнуть? Или прикажет снова пройти по всему восточному берегу Крыма, чтобы следовать по побережью Азовского моря до первых отрогов Кавказа? Сколько потерянного времени! Как тогда оказаться в Скутари к 30 сентября?

Вот каковы были размышления Ахмета в то время, как карета катилась по полуострову. Через два часа она достигнет пролива, и дядя поймет, в чем дело. Стоило ли уже сейчас подготовить его к этому тяжкому испытанию? Но тогда сколько же ловкости нужно проявить, чтобы разговор не перешел в спор, а спор — в ссору! Если господин Керабан будет упрямиться, то ничто не заставит его переменить мнение, и поневоле придется повернуть карету на дорогу в Керчь.

Таким образом, Ахмет никак не мог принять решения. Если он признается в своей хитрости, то рискует вывести дядю из себя. Не лучше ли, даже рискуя прослыть невеждой, разыграть абсолютное удивление, натолкнувшись на пролив там, где предполагался материк?

— Да поможет мне Аллах! — говорил Ахмет.

И он стал смиренно ждать, что бог мусульман пожелает вывести его из затруднения.

Керченский полуостров разделяет длинный ров, вырытый в античные времена. Его именуют валом Акос. Дорога, которая частично следует вдоль него, достаточно хороша между городом и карантинным пунктом. Но затем она становится тяжелой и скользкой, спускаясь со склонов к побережью.

Так что утром карета не смогла продвигаться слишком быстро, и это позволило ван Миттену получить более полное представление об этой части Херсонеса.

В общем, это была русская степь в своей предельной обнаженности. Несколько караванов, пересекая ее, нашли убежище вдоль вала Акос, расположившись лагерем с восточной живописностью. Бесчисленные курганы покрывали землю и придавали ей маловеселящий вид огромного кладбища. Это были могилы, которые кладоискатели перекопали на всю глубину. Добытые там богатства: этрусские вазы, камни кенотафов[209], древние драгоценности — украшают теперь стены храма и залы музея в Керчи.

К полудню на горизонте показалась большая квадратная башня с четырьмя башенками по бокам. Это была крепость, возвышающаяся на севере города Еникале. На юге, замыкая Керченскую бухту, вырисовывался мыс О-Бурум, господствующий над Черноморским побережьем. Затем пролив открывался двумя оконечностями, образующими лиман или бухту

Тамань. Вдали, на азиатском берегу, первые очертания Кавказа составляли как бы гигантскую рамку Босфора Киммерийского[210].

Этот пролив конечно же был морским, и ван Миттен, знавший об антипатии своего друга Керабана, посмотрел на Ахмета с большим удивлением.

Тот сделал ему знак, призывающий к молчанию. По счастью, в этот момент дядя дремал и не видел вод Черного и Азовского морей, смешивающихся в этом проливе, самая узкая часть которого достигает пяти или шести миль в ширину[211].

— Черт! — сказал себе ван Миттен.

Безусловно, очень досадно, что господин Керабан не родился на несколько сот лет позже! Если бы путешествие проходило в это время, то у Ахмета не было бы оснований беспокоиться, как в тот момент. Дело в том, что пролив имеет тенденцию засыпаться песком и в дальнейшем станет только узким протоком с быстрым течением. Если сто пятьдесят лет назад суда Петра великого смогли преодолеть его, направляясь к Азову, то теперь коммерческие корабли вынуждены ожидать, пока воды, подгоняемые южными ветрами, не создадут им необходимую глубину в десять — двенадцать футов.

Но события происходили в 1882 году, а не в году 2000-м, и нужно было принимать гидрографические условия такими, какими они были.

Тем временем карета спустилась со склонов, доходящих до Еникале. При этом она вспугивала оглушительно кричащих дроф[212], прятавшихся в высокой траве. Наконец карета остановилась у главной гостиницы поселка, и господин Керабан проснулся.

— Мы на станции? — спросил он.

— Да, на станции Еникале, — ответил Ахмет.

Все вышли из кареты и вошли в гостиницу. Тем временем экипаж отправился на почту. Оттуда карета должна была прибыть на причал. Там находится паром для перевозки как пеших пассажиров, так и приехавших на лошадях и в телегах. А также — для переправки караванов, приходящих из Европы в Азию и из Азии в Европу.

Еникале представляет собой поселок, где ведется прибыльная торговля солью, икрой, салом и шерстью. Греческое население занято также ловлей осетров и тюрбо[213]. Моряки осуществляют мелкое каботажное судоходство в проливе и у соседнего побережья на легких суденышках, оснащенных двумя косыми парусами. Еникале имеет важное стратегическое положение, почему русские и укрепили его, отняв у турок в 1771 году[214]. Это один из портов Черного моря, которое имеет таким образом два ключа к безопасности: с одной стороны Еникале, с другой — Тамань.

После получасовой остановки господин Керабан дал своим спутникам сигнал к отъезду, и они направились к набережной, где их ждал паром.

Едва взглянув направо и налево, Керабан издал восклицание.

— Что с вами, дядя? — спросил Ахмет, не слишком спокойно себя чувствующий.

— Это что, река? — указал на пролив Керабан.

— Река, действительно! — ответил Ахмет, решивший оставить своего дядю в заблуждении.

— Река! — повторил Бруно.

Знак хозяина дал ему понять, что он не должен заострять внимания на этом вопросе.

— Но нет! Это… — начал было Низиб.

Он не смог закончить. Сильный толчок локтя Бруно оборвал его речь как раз, когда он собирался квалифицировать гидрографическую ситуацию.

Однако господин Керабан все продолжал разглядывать эту реку, преграждавшую ему дорогу.

— Она широкая, — заключил торговец.

— Действительно… довольно широкая… наверное, из-за какого-нибудь паводка, — лепетал Ахмет.

— Паводка… вызванного таянием снега, — прибавил ван Миттен, чтобы поддержать своего молодого друга.

— Таяние снега… в сентябре? — протянул Керабан, оборачиваясь к голландцу.

— Несомненно… таяние снега… старого снега… снега Кавказа, — ответил ван Миттен, который уже не слишком хорошо понимал, что говорит.

— Но я не вижу моста, по которому можно перебраться через эту реку, — продолжал Керабан.

— Действительно, дядя, его больше нет, — ответил Ахмет, приложив согнутую руку к глазам и всматриваясь в невидимый мост предполагаемой реки.

— Однако должен быть мост, — сказал ван Миттен. — Мой путеводитель упоминает о его существовании.

— А! Ваш путеводитель упоминает о существовании моста? — спросил Керабан, хмуря брови и смотря прямо в лицо своему другу ван Миттену.

— Да… этот знаменитый мост… — пробормотал голландец. — Вы хорошо знаете… Понт Эвксинский, Pontus Euxenos древних…[215]

— Такой древний, — сказал Керабан, у которого слова со свистом прорывались сквозь полу сжатые губы, — что он не мог устоять перед паводком, вызванным таянием снега… древнего снега.

— Кавказа! — смог добавить ван Миттен, но его фантазия уже исчерпалась.

Ахмет держался немного в стороне. Он уже не знал, как отвечать дяде, чтобы не вызвать спора, который, очевидно, кончился бы плохо.

— Ну, племянник, — сказал Керабан сухим юном, как мы переберемся через эту реку, раз нет или, вернее, больше нет моста?

— О! Мы конечно же найдем брод! — небрежно сказал Ахмет. — Воды так мало!..

— Едва можно намочить каблуки, — прибавил голландец, которому лучше было бы промолчать.

— Отлично, ван Миттен, — воскликнул Керабан, — засучите ваши брюки, входите в реку, а мы последуем за вами.

— Но… я…

— Давайте! Засучивайте! Засучивайте!

Верный Бруно счел нужным выручить хозяина.

— Это излишне, господин Керабан, — сказал он. — Мы переправимся, не намочив ног. Есть паром.

— А! Есть паром? — ухмыльнулся Керабан. — Это очень удачно, что позаботились поместить его на этой реке… вместо унесенного моста… этого знаменитого Понта Эвксинского! Почему же было сразу не сказать о нем? И где он, этот паром?

— Вот он, дядя, — ответил Ахмет, указывая в сторону набережной. — Наша карета уже на нем.

— В самом деле?

— Да! И полностью запряженная.

— Полностью запряженная? А кто приказал?

— Никто, дядя! — ответил Ахмет. — Начальник почты отвел ее туда сам, как он все делает…

— С тех пор, как больше нет моста, не так ли?

— Впрочем, дядя, другого способа продолжить нашу поездку и не было.

— Был и другой способ, племянник Ахмет! Можно было вернуться и проехать вокруг Азовского моря с севера.

— Двести лишних лье, дядя! А моя женитьба? А тридцатое число? Вы забыли тридцатое число?

— Вовсе нет, племянник, и я намерен вернуться как раз до этой даты. Поехали!

Какое-то время Ахмет сильно волновался. Не приведет ли дядя в исполнение свой безумный план вернуться через полуостров? Или, наоборот, он согласится занять место на пароме и пересечь пролив Еникале?

Господин Керабан направился к парому. Ван Миттен, Ахмет, Низиб и Бруно последовали за ним, не желая давать никакого повода для грозившей начаться бурной дискуссии.

Керабан в течение минуты, показавшейся очень долгой, стоял на набережной и смотрел вокруг себя.

Его спутники остановились.

Керабан взошел на паром.

Спутники последовали за ним.

Керабан поднялся в карету.

Остальные также.

Затем паром отчалил, и вскоре течение понесло его к противоположному берегу.

Керабан молчал, молчали и остальные.

К счастью, воды были очень спокойны, и перевозчики без затруднений направляли свой паром, действуя то длинными баграми, то широкими веслами, в зависимости от глубины.

Был, однако, момент, когда можно было опасаться, что произойдет авария. Дело в том, что легкое течение, отклоненное южной косой Таманской бухты, захватило паром. Вместо того чтобы пристать к этой оконечности, его понесло в глубину бухты. Это значило, что возникла опасность вместо одного лье преодолевать пять, а господин Керабан, нетерпение которого проявлялось заметным образом, может отдать приказание повернуть назад. Однако паромщики, которым Ахмет перед посадкой пообещал щедрое вознаграждение, маневрировали так ловко, что сумели справиться с течением.

Поэтому через час после отплытия из бухты Еникале путешественники, лошади и карета причалили к оконечности косы, которая по-русски называется Южной[216].

Карета без труда была выгружена на берег, и моряки получили изрядный капиталец.

В прошлом коса образовывала два острова и один полуостров, то есть она разрезалась потоком в двух местах, и ее невозможно было пересечь в карете. Но в настоящее время прорези эти занесены. Поэтому упряжка смогла в один прием пройти четыре версты, отделяющие оконечность от городка Тамань. Через час она уже въезжала в него, и господин Керабан ограничился тем, что сказал племяннику:

— Воды Азовского и Черного морей недурно уживаются в проливе Еникале.

Вот все, что он сказал. И никогда больше не поднимался вопрос ни о реке племянника Ахмета, ни о Понте Эвксинском друга ван Миттена.

Глава пятнадцатая,

в которой господин Керабан, Ахмет, ван Миттен и их слуги играют роль саламандр.

Тамань — это довольно жалкий городишко. Неуютные дома, с выцветшими от времени соломенными крышами. Деревянная церковь, колокольня, постоянно закрытая непроглядной стаей ворон.

Карета пересекла Тамань не останавливаясь. Так что ван Миттен не смог посетить ни важный военный пост, ни крепость Фанагорию, ни развалины Тмутаракани[217].

Если Керчь — греческая по своему населению и обычаям, то Тамань — казацкая.

Отсюда и контраст, который голландец смог заметить лишь мельком.

Направляясь неизменно по самым коротким дорогам, карета в течение часа следовала по южному побережью таманской бухты. Этого времени путешественникам хватило, чтобы понять: местность чрезвычайно благоприятна для охоты, возможно, как нигде на планете.

Пеликаны[218], бакланы, гагары[219], не считая дроф, прятались в этих болотах в количестве поистине невероятном.

— Я никогда не видел столько водоплавающей дичи! — заметил ван Миттен. — На этих болотах можно выстрелить наудачу, и ни крупицы свинца не будет потеряно зря!

Это замечание голландца не вызвало никаких споров. Господин Керабан охотником не был, а Ахмет думал совсем о другом.

Спор начался только по поводу стаи уток, которую упряжка вспугнула, когда она оставила побережье слева, чтобы двигаться по диагонали на восток.

— Да их целая рота! — воскликнул ван Миттен. — И даже целый полк!

— Полк? Вы хотите сказать, армия? — ухмыльнулся Керабан, пожимая плечами.

— Честное слово, вы правы! — продолжал ван Миттен. — Здесь сто тысяч уток.

— Сто тысяч уток, — передразнил Керабан. — Скажите, двести тысяч!

— О! Двести тысяч!

— Я сказал бы, даже триста тысяч, ван Миттен, и все еще был бы далек от истины.

— Вы правы, друг Керабан, — благоразумно ответил голландец, не желая вынуждать своего спутника дойти до миллиона.

Но в общем прав был все-таки он. Сто тысяч уток — это грандиозная вереница. Но в том фантастическом облаке из птиц, которое отбрасывало огромную тень на бухту, развертываясь против солнца, их было никак не меньше.

Погода радовала, дорога оказалась вполне проходимой. Упряжка быстро продвигалась, и лошади на станциях не заставляли себя ждать. Не было больше господина Саффара, досаждавшего нашим путешественникам столь долго.

Само собой разумеется, что всю надвигавшуюся ночь они собирались мчаться к первым отрогам Кавказа, громада которого смутно обрисовывалась на горизонте. Поскольку путники переночевали в керченской гостинице, то никто и не помышлял о том, чтобы покинуть карету раньше, чем через тридцать шесть часов.

Однако к вечеру, в час ужина, путешественники остановились перед станцией, которая одновременно была и гостиницей. Они не слишком хорошо представляли себе, как обстоит дело с провизией на кавказском берегу и легко ли будет там найти пищу. Поэтому

осторожность требовала экономить запасы, сделанные в Керчи.

Гостиница была посредственной, но еды в ней хватало. На это нельзя было жаловаться.

Одна только характерная деталь; хозяин то ли по природной недоверчивости, то ли в силу местного обычая хотел, чтобы все оплачивалось по мере потребления.

Так, когда он принес хлеб, то сказал:

— Это десять копеек.

И Ахмет дал ему десять копеек.

А когда были поданы яйца:

— Это двадцать четыре копейки.

И Ахмет должен был заплатить запрошенные двадцать четыре копейки.

За квас — столько-то! За уток — столько! За соль — да, за соль! — столько!

И Ахмет опять покорялся.

Лишь за скатерть, салфетки да скамейки нужно было платить отдельно и заранее. И так со всем: даже с ножами, стаканами, ложками, вилками, тарелками.

Понятно, что это быстро привело господина Керабана в раздражение. Кончилось тем, что он купил для ужина оптом разную необходимую утварь и не удержался при этом от упреков, которые, впрочем, хозяин гостиницы принял с бесстрастностью, сделавшей бы честь и ван Миттену.

Затем, когда с едой было покончено, Керабан сам превратился в торговца, а хозяин — в покупателя собственной утвари, но за полцены.

— Счастье еще, что он не заставляет платить за пищеварение! — съязвил господин Керабан. — Что за человек! Он достоин быть министром финансов Оттоманской империи! Такой сумел бы обложить налогом каждый взмах веслом на каиках Босфора!

Поужинали, однако, вполне прилично, и это было самым важным, как заметил Бруно. В дорогу путешественники отправились уже в наступившей ночи, темной и безлунной.

Это очень своеобразное впечатление, не лишенное, впрочем, очарования — чувствовать себя уносимым непрерывно рысью упряжки в глубокую темноту. Посреди неизвестной страны, где деревни очень удалены друг от друга, редкие хутора разбросаны по степи на больших расстояниях, вскоре теряется представление о времени. Бубенчики лошадей, неровный стук копыт по земле, скрип колес на песчаной почве, их дребезжание по колеям, изрытым частыми дождями, щелканье бича ямщика… Добавьте к этому свет фонарей, теряющийся во мраке, когда дорога ровная, или цепляющийся за деревья, каменные глыбы и указательные столбы на насыпях у дороги, — и все это вместе составит ансамбль из разных шумов и быстрых видений, к которым лишь немногие путешественники равнодушны. Ты слышишь шумы, видишь ряд мимолетных картин — но все это несколько нереально.

Господин Керабан и его спутники тоже не могли избежать этого ощущения, интенсивность которого временами очень сильна. Сквозь стекла передней кабины они видели, сквозь полудрему, большие тени от упряжки, причудливые, несоразмерные, движущиеся вперед по неясно освещенной дороге.

Было около одиннадцати часов вечера, когда странный звук вывел их из полусонного состояния. Это было нечто вроде свиста, сравнимого с тем, который издает сельтерская вода, вырываясь из бутылки, но в десять раз сильнее. Можно было подумать, что из какого-то котла рвется по трубе сжатый пар.

Упряжка остановилась. Ямщик с трудом удерживал лошадей. Желая узнать, в чем дело, Ахмет быстро опустил стекла и выглянул наружу.

— Что происходит? Почему мы не едем? — спросил он. — Откуда этот шум?

— Это — грязевые вулканы, — ответил ямщик.

— Грязевые вулканы? — переспросил Керабан. — Кто когда-либо слышал о грязевых вулканах? Воистину, странную дорогу ты заставил нас выбрать, племянник Ахмет.

— Господин Керабан, вам и вашим спутникам лучше выйти, — сказал ямщик.

— Выйти? Выйти?

— Да! Предлагаю вам следовать за каретой пешком, пока мы не переберемся через эту территорию, поскольку я уже не справляюсь с лошадьми, и они могут понести.

— Да, — сказал Ахмет, — этот человек прав. Нужно выйти.

— Это пять или шесть верст пути, — прибавил ямщик. — Может быть, восемь, но не больше.

— Вы решились, дядя? — спросил Ахмет.

— Выйдем, друг Керабан, — сказал ван Миттен. — Грязевые вулканы? Нужно посмотреть, что это такое.

Господин Керабан решился, но не без возражений. Все вышли и, двигаясь позади кареты, ехавшей очень медленно, последовали дальше при свете фонарей.

Ночь была чрезвычайно темной. Если голландец надеялся хоть немного разглядеть названные ямщиком творения природы, то он ошибался. Что же до странного свиста, иногда превращавшегося в оглушительный шум, то его нельзя было не слышать.

А случись это днем, вот что можно было бы увидеть: степь на огромном протяжении как бы вздувалась небольшими конусами извержений, схожими с огромными муравейниками, встречающимися в некоторых частях Экваториальной Африки. Из этих конусов, правильно обозначаемых научным названием «грязевые вулканы» (хотя вулканическая активность никаким образом не участвует в данном феномене), вырывались вода, газ и битум. Под давлением водорода, смешанного с углеродом, смесь ила, гипса, известняка, пирита, даже нефти с силой вырывается наружу. Эти вздутия понемногу увеличиваются, разрываются и извергают содержимое, а затем оседают.

Водород, образующийся при таких условиях, обязан своим происхождением медленному, но непрерывному разложению горючего газа, смешанного с этими разными субстанциями. Каменные стены, в которых он содержится, в конце концов разрушаются под действием дождевой или родниковой воды. Тогда и происходит извержение. Как уже говорилось, земля уподобляется бутылке, наполненной шипучей жидкостью, которую упругость газа полностью опорожняет.

Эти извергающиеся конусы в большом количестве покрывают поверхность Таманского полуострова. Встречаются они и на схожих территориях Керченского полуострова, но не в соседстве с дорогой, по которой следовала почтовая карета, почему наши путешественники и не видели их раньше.

— Э, — сказал ван Миттен, почувствовав присутствие светильного газа, — эта дорога небезопасна. Только бы не произошло какого-либо взрыва.

— Вы правы, — ответил Ахмет. — Осторожности ради нужно было бы выключить…

Мысль, которую высказывал Ахмет, без сомнения, пришла в голову и ямщику, привыкшему пересекать эту местность, так как фонари кареты внезапно погасли.

— Внимание, курить нельзя! — сказал Ахмет, обращаясь к Бруно и Низибу.

— Будьте спокойны, господин Ахмет, — ответил Бруно. — Мы вовсе не хотим взорваться.

— Как, — вскричал Керабан, — теперь здесь нельзя и курить?

— Нет, дядя, — живо ответил Ахмет, — нет… По крайней мере, на протяжении нескольких верст.

— Даже сигарету? — продолжал упрямец, с ловкостью старого курильщика уже вертевший в пальцах порядочную щепоть табака.

— Позже, друг Керабан, позже… В интересах всех нас, — сказал ван Миттен. — Курить в этой степи так же опасно, как в пороховом погребе.

— Милая страна, — пробормотал Керабан. — Я очень бы удивился, если бы торговцы табаком могли получать здесь доход. Ну, Ахмет, даже с риском опоздать на несколько дней лучше было бы обогнуть Азовское море.

Ахмет ничего не ответил. Ему вовсе не хотелось возобновлять спор на эту тему. Его дядя, все еще ворча, отправил щепоть табака обратно в карман, и путники продолжали следовать за каретой, бесформенная масса которой едва обрисовывалась в кромешной темноте.

Важно было идти с крайней осторожностью, чтобы избежать падения. Дорога, местами сильно изрытая, была небезопасна для путников. По направлению к востоку она слегка поднималась. По счастью, в этой туманной атмосфере не было ветра. Поэтому испарения поднимались вертикально вверх, а не обволакивали своим ядовитым шлейфом идущих.

Таким образом они прошли примерно полчаса очень медленным шагом. Лошади ржали и постоянно вставали на дыбы. Ямщик удерживал их с трудом. Оси кареты скрипели, когда колеса соскальзывали в какие-нибудь рытвины, но она была прочной и уже прошла испытания в болотах нижнего Дуная. Еще четверть часа — и область извергающихся конусов была бы пройдена.

Внезапно яркий свет возник на левой стороне дороги. Один из конусов только что воспламенился и полыхал ярким пламенем. Степь осветилась на целую версту.

— Кто-то все же курит! — воскликнул Ахмет, шедший немного впереди спутников и поспешно отступивший.

Никто, однако, не курил.

Вдруг впереди послышались крики ямщика. К ним присоединилось хлопанье бича. Возница не мог больше сдерживать упряжку. Испуганные лошади понесли, карета помчалась с огромной скоростью.

Все остановились. Посреди этой темной ночи степь являла собой вид, способный ужаснуть. Пламя, возникшее на одном конусе, перекинулось на соседние. Они стали взрываться один за другим так же сильно, как батареи фейерверка с перекрещивающимися огненными струями.

Теперь равнина была ярко освещена. В этом свете стали видны сотни толстых огнедышащих кочек, пылающих газом и извергающих жидкое содержимое — одни со зловещим блеском нефти, другие — с разнообразной расцветкой из-за присутствия белой серы, пирита или карбоната железа.

Одновременно прокатились глухие раскаты. Не собиралась ли земля разверзнуться и превратиться в единый кратер под давлением излишка взрывчатого материала? Опасность была неминуемой. Инстинктивно господин Керабан и его спутники отодвинулись Друг от друга, чтобы уменьшить возможность провалиться в расщелину всем сразу. Но останавливаться было нельзя. Как можно скорее пересечь эту опасную зону! Благо, дорога была хорошо освещена. Извиваясь среди конусов, она пересекла воспламененную степь.

— Вперед, вперед! — кричал Ахмет.

Ему не отвечали, но повиновались. Каждый устремился по направлению к почтовой карете, которая уже скрылась из виду. Казалось, за горизонтом — вновь темнота. Нужно было миновать зону конусов.

Но что это? Еще более мощный взрыв раздался на самой дороге. Сноп огня брызнул из огромной кочки, за один миг вздувшейся в земле.

Керабан упал, и было видно, как он отбивается от пламени. Если ему не удастся подняться, он погиб!

Одним прыжком Ахмет устремился на помощь своему дяде. Он схватил его раньше, чем до того добрался горящий газ, и оттащил торговца, наполовину задохнувшегося от испарений сероводорода.

— Дядя! Дядя! — кричал он.

Ван Миттен, Бруно, Низиб и Ахмет отнесли Керабана на край склона и попытались заставить его легкие заработать.

Наконец послышались вздохи. Это обнадеживало! Мощная грудь Керабана стала быстро опускаться и подниматься, изгоняя наполнивший ее смертоносный газ. Затем он вернулся к чувствам и жизни. Первыми его словами было:

— Осмелишься ты еще настаивать, Ахмет, что был прав, отказавшись поехать вокруг Азовского моря?

— Нет, конечно. Это вы были правы, дядя!

— Как всегда, племянник, как всегда!

Едва господин Керабан закончил свою фразу, как наступила глубокая темнота, сменившая яркий свет, освещавший всю степь. Конусы внезапно и одновременно погасли. Можно было подумать, что рука рабочего сцены выключила театральный рубильник. Все стало черным и тем более черным, что глаза сохраняли еще на сетчатке впечатление света, источник которого мгновенно иссяк.

Что же произошло? Почему конусы загорелись, раз никакой огонь не приближался к их кратерам?

Вероятное объяснение таково: под влиянием газа, самого по себе загорающегося от контакта с воздухом, произошло то же, что и в 1840 году, когда выгорели окрестности Тамани. Этот газ, фтористый водород, образуется при разложении трупов морских животных, погребенных в глинистых слоях. Он загорается и воспламеняет углеводород, представляющий из себя не что иное, как светильный газ. Так что в любой момент под воздействием ряда климатических условий могут произойти явления самопроизвольного возгорания, причем их невозможно предвидеть.

С этой точки зрения, дороги Керченского и Таманского полуостровов представляют серьезные опасности, которых трудно избежать, поскольку они могут быть внезапными.

Так что господин Керабан был недалек от истины, когда говорил, что любая другая дорога была бы предпочтительнее той, которую выбрал Ахмет.

Но, в конце концов, все избежали опасности — дядя и племянник слегка опаленные, а их спутники — даже без малейшего ожога.

В трех верстах впереди ямщик сдержал лошадей и остановил карету. Как только пламя погасло, он снова зажег фонари. Ведомые этим светом, путешественники, хотя и усталые, благополучно добрались до упряжки. Каждый занял свое место, и карета поехала. Ночь закончилась спокойно, но ван Миттен наверняка надолго запомнил волнующее зрелище. Вот

так приключение! Такое можно увидеть разве что в Новой Зеландии, в тот момент, когда там зажигаются источники, расположенные этажами на амфитеатре вулканических холмов.

На следующий день, 6 сентября, в восемнадцати лье от Тамани, обогнув бухту Кизилташ, карета проезжала через городок Анапу, а вечером к восьми часам она остановилась в станице Раевской на границе кавказского района.

Глава шестнадцатая,

в которой речь идет о прекрасных качествах табаков Персии и Малой Азии.

Кавказ представляет собой часть южной России, образуемую высокими горами и огромными плато, вытянувшимися с запада на восток на триста пятьдесят километров[220]. На севере располагается область донских казаков и Ставропольская губерния с калмыцкими и ногайскими степями. На юге — губернии Тифлисская (Тифлис — столица Грузии), Кутаисская, Бакинская, Елисаветпольская[221], Ереванская, затем — провинции Мегрелия, Имеретия, Абхазия, Гурия. С запада от Кавказа — Черное море, с востока — Каспийское.

Вся эта область, расположенная к югу от главного Кавказского хребта, называется также Закавказьем и граничит с Турцией и Персией; все границы сходятся близ горы Арарат, где, согласно Библии, приземлился после потопа ковчег Ноя[222].

Самые разнообразные племена, оседлые и кочевые, населяют эту область. Они принадлежат к картвельской, армянской, черкесской, чеченской, лезгинской группам. На севере обитают калмыки, ногайцы и татары монгольского происхождения, на юге — татары тюркского происхождения, курды и казаки.

Если верить наиболее компетентным ученым, именно из этой полуевропейской-полуазиатской области вышла белая раса, которая населяет ныне Азию и Европу. Поэтому ей и дали название — «кавказская раса».

Три большие русские дороги пересекают этот огромный барьер, над которым господствуют вершины Шат-Эльбруса[223] в четыре тысячи метров, Казбека[224] в четыре тысячи восемьсот метров — высота Монблана — и Эльбруса в пять тысяч шестьсот метров.

Первая из этих дорог — с двойной стратегической и коммерческой значимостью — тянется из Тамани в Поти вдоль побережья Черного моря. Вторая, из Моздока в Тифлис, проходит по Дарьяльскому ущелью. Третья, из Кизляра в Баку, пролегает через Дербент.

Само собой разумеется, что в согласии с Ахметом господин Керабан из этих трех дорог должен был выбрать первую. И действительно, зачем было углубляться в кавказский лабиринт[225], подвергать себя трудностям и, следовательно, задержкам? Первая дорога доходит до порта Поти, а на восточном берегу Черного моря деревень и поселков вполне достаточно.

Существовали, конечно, железные дороги из Ростова во Владикавказ и из Тифлиса в Поти. Ими можно было последовательно воспользоваться, поскольку их разделяет не более ста верст, но Ахмет мудро воздержался предлагать способ передвижения, встретивший слишком плохой прием у его дяди, когда поднимался вопрос о железных дорогах Тавриды и Херсонеса.

Все было условлено, и несокрушимая почтовая карета, которой сделали лишь незначительную починку, утром 7 сентября покинула станицу Раевская и выехала на прибрежную дорогу.

Ахмет решил двигаться с максимальной скоростью. Ему оставалось двадцать четыре дня, чтобы закончить путешествие и добраться до Скутари к назначенной дате. И в этом пункте дядя был с ним в полном согласии. Ван Миттен предпочел бы путешествовать без спешки, наслаждаться обилием впечатлений и не быть связанным точной датой. Но он был

не более чем сотрапезником, приглашенным обедать у своего друга Керабана. Теперь его везли в Скутари. Что мог ван Миттен желать еще?

Однако Бруно перед тем, как направиться в Кавказскую Россию, счел нужным для очистки совести сделать ему несколько замечаний, а заодно и предложений.

— Почему бы нам, хозяин, — сказал Бруно, — не предоставить господину Керабану и господину Ахмету мчаться обоим без отдыха и без передышки вдоль этого Черного моря?

— Бросить их, Бруно? — удивился ван Миттен.

— Да, бросить, хозяин, бросить, пожелав им доброго пути.

— И остаться здесь?

— Да, остаться здесь, чтобы спокойно осмотреть Кавказ, раз уж наша злосчастная звезда привела нас сюда. В конце концов, здесь мы найдем такое же хорошее убежище, как и в Константинополе, от притязаний госпожи ван…

— Не произноси это имя, Бруно!

— Я не произнесу его, хозяин, чтобы вам не было неприятно. Но ведь это из-за нее мы должны впутываться в подобную авантюру. Мчаться день и ночь в почтовой карете, рисковать увязнуть в болоте или поджариться на огне в провинции! Искренне: это слишком! Очень даже слишком! Итак, я предлагаю не спорить с господином Керабаном — вы не возьмете верх, — но предоставить ему ехать дальше, предупредив коротко и любезно, что снова встретитесь с ним в Константинополе, когда вам будет угодно туда вернуться.

— Это было бы неприлично, — возразил ван Миттен.

— Это было бы благоразумно, — сказал Бруно.

— Ты считаешь, что есть основания жаловаться?

— Очень даже есть, и к тому же, не знаю, заметили ли вы, но я начинаю худеть.

— Не слишком, Бруно, не слишком!

— А я чувствую это, и если подобный режим продолжится, то скоро я дойду до состояния скелета.

— Ты взвешивался, Бруно?

— Я хотел взвеситься в Керчи, — ответил слуга, — но нашел только весы для писем.

— И этого не хватило?.. — спросил, смеясь, ван Миттен.

— Нет, хозяин, — сказал Бруно серьезным тоном. — Но еще немного, и этого хватит, чтобы взвесить вашего слугу. Ну так что, предоставим господину Керабану следовать своим путем?

Ясно, что их способ путешествовать не мог нравиться ван Миттену, человеку степенного темперамента, никогда и ни в чем не торопящегося. Но мысль огорчить своего друга Керабана, покинув его, была столь неприятной, что он отказался даже обсуждать ее.

— Нет, Бруно, нет, — сказал он, — я — его приглашенный…

— Приглашенный, — вскричал Бруно, — гость, которого обязывают сделать семьсот лье вместо одного!

— Не важно!

— Разрешите мне сказать, что вы не правы, хозяин! — горячо заговорил Бруно. — Я это повторяю в десятый раз! Наши беды еще не закончились, и у меня предчувствие, что вам достанется, может быть, даже больше, чем остальным.

Исполнятся ли предчувствия Бруно? Будущее должно показать это. Как бы там ни было, но, предупредив хозяина, он выполнил свой долг преданного слуги, и раз ван Миттен решил продолжать путешествие, столь же абсурдное, сколь и утомительное, то ему ничего не

оставалось, кроме как следовать за ним.

Дорога вдоль побережья почти неуклонно повторяла очертания береговой линии Черного моря. Если иногда она и отклонялась, чтобы обойти препятствие или обслужить какой-либо поселок, то не больше, чем на несколько верст. Последние отроги Кавказского хребта, проходящего здесь почти параллельно берегу, сходят тут на нет. На горизонте, на востоке, обрисовывается, как рыбья челюсть с неровными зубами, кусающими небо, вечно заснеженная вершина.

В час после полудня путники начали огибать маленькую Цемесскую бухту в семи лье от Раевской, намереваясь еще через восемь лье добраться до городка Геленджик. Как видим, эти селения находятся довольно близко друг от друга.

На побережье черноморских районов на таком приблизительно расстоянии встречается в среднем по одному поселку, но за пределами этих жилых островков, иногда не более значительных, чем деревня или деревушка, страна почти пустынна. Торговля осуществляется только каботажниками[226] побережья.

Эта полоса земли между подножием хребта и морем имеет приятный вид. Почва здесь лесистая. Буйно растут дубы, липы, орехи, каштаны и платаны. Их переплетают дикие виноградные лозы, подобно лианам[227] тропических лесов. Повсюду соловьи и славки, чвиркая, взлетают с полей азалеи[228], взращенной из семян самой природой на этой плодородной земле.

К полудню путешественники встретили целое племя кочевых калмыков, делящееся на улусы, а те, в свою очередь, — на хотоны. Эти хотоны — настоящие бродячие деревни, состоящие из определенного числа кибиток или палаток, которые ставятся то в степи, то в зеленой долине, то на краю водного потока — по воле вождя.

Известно, что калмыки — народ монгольского происхождения. Некогда их было очень много в кавказском регионе, но строгости, если не сказать притеснение, со стороны русской администрации вызвала их значительную эмиграцию в Азию[229].

Калмыки сохранили свои обычаи и особую одежду. Ван Миттен отметил в своих записях, что мужчины носят широкие брюки, сапоги из сафьяна, халат, нечто вроде просторной душегрейки и квадратный колпак, который окружает матерчатая полоса с подкладкой из бараньей кожи. У женщин почти такая же одежда да еще пояс и колпак, из-под которого спадают косы, украшенные цветными лентами. Что касается детей, то они ходят почти голыми; зимой, чтобы согреться, свертываются клубком в постепенно остывающем очаге кибитки и спят там под теплым пеплом.

Маленькие ростом, но сильные, прекрасные наездники, живые, ловкие, проворные, довольствующиеся небольшим количеством похлебки, сваренной на воде из муки с кусками конины, но закоренелые пьяницы, знаменитые воры, невежественные до неумения читать, крайне суеверные, неисправимые азартные игроки — таковы эти кочевники, постоянно передвигающиеся по северокавказским степям. Почтовая карета проехала через один из их хотонов, почти не обратив на себя внимания. Калмыки лишь равнодушно посмотрели на путешественников, один из которых, напротив, взирал на них с интересом. Возможно, кочевники с завистью смотрели на быструю упряжку, галопировавшую по дороге. Но, к счастью для господина Керабана, они этим и ограничились. Так что лошади смогли прибыть на следующую станцию, не поменяв места в своей конюшне на колышек для привязи в калмыцком стойбище.

Обогнув Цемесскую бухту, карета оказалась в узкой щели между первыми отрогами

хребта и побережьем. Но дальше дорога расширялась заметным образом и становилась легкопроходимой.

В восемь часов вечера приехали в городок Геленджик. Там сменили лошадей, наскоро поужинали и в девять часов поехали дальше. Всю ночь карста двигалась то под облачным, то под звездным небом при шуме морского прибоя, вызванного плохой погодой периода равноденствия. На следующий день в семь часов утра добрались до станицы Береговой, в полдень — до станицы Джубской. В шесть часов вечера проехали Тенгинский, в полночь прибыли в Небугскую. Еще через день в восемь часов достигли станицы Лазаревской и, через два часа, — поселка Душа[230].

Ахмет не мог бы пожаловаться. Путешествие осуществлялось без неприятностей — что ему очень нравилось — и без происшествий — что не нравилось ван Миттену. Записки последнего не заполнялись ничем, кроме скучных географических названий. Ни одного нового наблюдения, ни одного впечатления, достойного быть сохраненным в памяти!

В поселке Душа карета задержалась на два часа, пока начальник почты посылал за лошадьми, отправленными на пастбище.

— Хорошо, — сказал Керабан, — пообедаем так комфортабельно, как позволяют обстоятельства.

— Да, пообедаем, — согласился ван Миттен.

— И притом основательно, — пробормотал Бруно, поглядывая на свой похудевший живот.

— Возможно, эта остановка, — продолжал его хозяин, — явит нам нечто неожиданное, чего так не хватает нашему путешествию. Я думаю, что мой юный друг Ахмет даст нам перевести дух.

— До прибытия лошадей, — ответил Ахмет. — Сегодня уже девятое число!

— Вот ответ, который мне нравится, — отреагировал Керабан. — Давайте посмотрим, что здесь в заведении.

Это была посредственная гостиница Души, построенная на берегах маленькой речки Мзымта, низвергающейся с соседних отрогов.

Поселок очень похож на те казачьи поселения, называющиеся станицами с палисадом и воротами, над которыми возвышается квадратная башенка с день и ночь бодрствующим часовым. Под сенью великолепных деревьев, в домах с высокими соломенными крышами и глинобитными стенами, живет если не богатое, то и не бедное население.

Впрочем, казаки почти полностью потеряли свое природное своеобразие в результате постоянных контактов с сельским населением Восточной России[231]. Но они остались храбрыми, проворными, бдительными, прекрасными стражами военных линий, порученных им для присмотра, и справедливо слывут лучшими в мире всадниками — как в погонях за постоянно восстающими горцами, так и в состязаниях или турнирах, где проявляют себя достойными наездниками.

Эти туземцы принадлежат к красивой породе, узнаваемой по элегантности, изяществу форм. Но не по одежде — здесь они уподобляются кавказским горцам. И все-таки под высокими, подбитыми мехом колпаками легко узнаешь их энергичные лица, хотя и полускрытые густой бородой, доходящей до скул.

Когда господин Керабан, Ахмет и ван Миттен сели за стол в гостинице, им предложили еду из блюд, взятых в соседнем духане (нечто вроде лавки), где хозяин одновременно — и колбасник, и мясник, и бакалейщик. Путникам подали жареного индюка, пирог из

кукурузной муки с вкраплениями из буйволиного сыра, называемого хачапури — неизменное национальное блюдо[232], блины — разновидность оладий на кислом молоке; затем для питья — несколько бутылок густого пива и фляги с водкой, которую русские потребляют в невероятных количествах. Искренне говоря, лучшего и нельзя было требовать в гостинице маленького поселка, затерянного на окраине Черного моря. И сотрапезники отдали честь этой пище, внесшей разнообразие в их обычное дорожное меню.

Закончив обед, Ахмет поспешил из-за стола, предоставив Бруно с Низибом и далее обильно угощаться жареным индюком и оладьями. Как обычно, он отправился на почтовую станцию, чтобы ускорить подачу упряжки, твердо решив удесятерить, если надо, те пять копеек за версту и лошадь, полагавшиеся начальнику почты, не говоря уже о чаевых для ямщиков.

В ожидании его господин Керабан и ван Миттен водворились во что-то вроде зеленой беседки, мшистые сваи которой с журчанием омывала река.

Это была редкая возможность отдаться сладости безделья и восхитительной дремоты, на Востоке именуемой кайфом.

Да еще при том, что в их распоряжении имелись наргиле — прекрасное дополнение к еде, достойной приличного переваривания. Оба приспособления достали из кареты и принесли курильщикам.

Тотчас же наргиле были набиты табаком, но если господин Керабан по неизменной привычке употребил персидский томбеки[233], то ван Миттен остался верен обычному для него сорту латакие из Малой Азии.

Когда табак был зажжен, курильщики растянулись на скамье рядом друг с другом и гибкая трубка-дымовод, прошитая золотыми нитями и кончающаяся мундштуком из балтийского янтаря, оказалась у каждого между губами.

Ароматный дым попадал в рот, проходя через чистую воду в наргиле.

В течение нескольких минут господин Керабан и ван Миттен целиком отдались бесконечному наслаждению, которое доставляет наргиле, более предпочтительный, чем чубук, сигара или сигарета, и безмолвствовали с полузакрытыми глазами, как бы возлежа не только на скамье, но и на перине, созданной завитками табачного дыма.

— Вот это — чистое наслаждение, — сказал наконец торговец, — и я не знаю ничего лучше для времяпрепровождения, чем такое интимное собеседование со своим наргиле.

— Собеседование без спора, — заметил ван Миттен, — которое от этого только приятнее.

— Поэтому, — продолжал Керабан, — турецкое правительство, как всегда, поступило очень безрассудно, обложив табак налогом, который удесятерил его стоимость. Благодаря этой глупой идее использование наргиле становится все более редким и однажды совсем прекратится.

— Это в самом деле было бы печально, друг Керабан.

— О, друг ван Миттен, у меня к табаку такое пристрастие, что я предпочел бы умереть, но не отказаться от него. Да! Умереть! И если бы я жил во времена Мурада Четвертого[234], этого деспота, пожелавшего запретить его употребление под страхом смерти, то скорее увидели бы мою голову скатившейся с плеч, чем трубку — выпавшей из губ!

— Я думаю так же, как и вы, друг Керабан, — горячо откликнулся голландец, втянув в себя две или три добрые затяжки.

— Не так быстро, ван Миттен, пожалуйста, не вдыхайте так быстро! Вы не успеваете

распробовать этот вкусный дым и кажетесь мне обжорой, который проглатывает куски, не жуя их.

— Вы всегда правы, друг Керабан, — улыбнулся ван Миттен, ни за что в мире не пожелавший бы нарушить столь сладостное спокойствие ненужными препирательствами.

— Всегда прав, друг ван Миттен.

— Но что меня поистине удивляет, друг Керабан, так это то, что мы, торговцы табаком, испытываем такое удовольствие, употребляя свой собственный товар.

— Это почему же? — спросил Керабан, который не переставал держаться немного настороже.

— Если верно, что пирожники обычно испытывают неприязнь к пирожным, а кондитеры — к производимым ими сладостям, то, мне кажется, что торговец табаком должен ненавидеть…

— Одно замечание, ван Миттен, — перебил собеседника Керабан, — только одно, пожалуйста.

— Какое?

— Вы когда-нибудь слышали, что торговец вином испытывает неприязнь к продаваемым им напиткам?

— Нет, конечно.

— Ну вот, а торговцы вином и торговцы табаком — это совершенно одно и то же.

— Пусть так! — согласился голландец. — Ваше объяснение мне кажется превосходным.

— Но, — продолжал Керабан, — поскольку вы, кажется, ищете со мной ссоры на эту тему…

— Я не ищу с вами ссоры, друг Керабан! — живо отпарировал ван Миттен.

— Ищете!

— Нет, уверяю вас.

— Но поскольку вы делаете несколько агрессивное замечание о моих табачных пристрастиях…

— Поверьте…

— Нет, делаете! Нет, делаете! — настаивал на своем Керабан, начиная возбуждаться. — Я умею понимать намеки…

— Не было ни малейшего намека с моей стороны, — ответил ван Миттен, который, возможно, под влиянием хорошего обеда тоже начинал терять терпение из-за настойчивости негоцианта.

— Намек был, — упорствовал Керабан, — и я в свою очередь сделаю замечание.

— Пожалуйста!

— Не понимаю, нет, не понимаю, как вы позволяете себе курить латакие в наргиле. Это недостаток вкуса, недостойный уважающего себя курильщика.

— Но мне кажется, что я имею полное право на это, — ответил ван Миттен, — поскольку предпочитаю табак из Малой Азии…

— Малой Азии! Вот уж! Малая Азия далека от того, чтобы стоить Персии, когда речь идет о табаке.

— Это зависит…

— Томбеки даже после двойного промывания еще имеет активные свойства, бесконечно превосходящие аналогичные показатели латакие.

— Я думаю! — воскликнул голландец. — Слишком активные свойства, обязанные

своим присутствием белладонне[235]!

— Белладонна в соответствующих количествах может только улучшить качества табака.

— Для тех, кто просто хочет отравиться! — сказал ван Миттен.

— Это вовсе не яд!

— Яд, и один из сильнейших!

— Разве я от этого умер? — выкрикнул Керабан и, прибегнув к неоспоримо наглядному аргументу, проглотил целую затяжку.

— Нет, но умрете.

— Хорошо, но даже в час моей смерти, — проговорил Керабан чересчур громким голосом, — я буду настаивать, что томбеки более предпочтителен, чем эта высушенная трава, которую называют латакие!

— Подобное заблуждение без возражений оставить просто нельзя! — твердо сказал ван Миттен, в свою очередь закусивший удила.

— Тем не менее оно останется!

— И вы осмеливаетесь говорить это человеку, в течение двадцати лет закупающему табак!

— А вы беретесь доказать противоположное торговцу, продающему его в течение тридцати лет!

— Двадцать лет!

— Тридцать лет!

В этой новой фразе спора оба оппонента поднялись в один и тот же момент. Но пока они резко жестикулировали, мундштуки выпали из их губ, а трубки упали на землю. Оба тотчас же подняли их и продолжали спорить, дойдя уже почти до оскорбительных выражений.

— Решительно, ван Миттен, — заявил Керабан, — вы самый отъявленный упрямец, каких я знаю!

— После вас, Керабан, после вас!

— Меня?

— Вас! — воскликнул голландец, уже не владевший собой. — Посмотрите только на дым латакие, который я выдыхаю! Он прекрасен!

— А вы, — кричал Керабан, — взгляните на дым томбеки. Я его выпускаю, как ароматное облако!

И оба принялись так втягивать дым из своих янтарных мундштуков, что почти перестали дышать воздухом. При этом оба направляли выдыхаемый дым прямо в лицо друг другу.

— Принюхайтесь только, — говорил один, — к аромату моего табака!

— А вы принюхайтесь-ка, — отвечал другой, — к аромату моего!

— Я вас заставлю признать, — сказал наконец ван Миттен, — что в вопросе о табаке вы ничего не смыслите.

— А я вас… — кипятился Керабан. — Да вы хуже последнего из курильщиков.

В этот момент под влиянием гнева друзья почти кричали — их было слышно снаружи. Они дошли уже до того предела, за которым грубые оскорбления могли полететь туда и сюда, подобно снарядам на поле боя.

Тут, однако, появился Ахмет. За ним следовали привлеченные шумом Бруно и Низиб. Все трое остановились на пороге беседки.

— Посмотрите-ка, — воскликнул Ахмет, разражаясь смехом, — мой дядя Керабан курит наргиле господина ван Миттена, а господин ван Миттен курит наргиле моего дяди Керабана!

Его веселью вторили Бруно и Низиб.

В самом деле, подбирая мундштуки, оба спорщика ошиблись, и каждый взял трубку другого. Не замечая этого и продолжая возвещать о более высоких достоинствах своих излюбленных Табаков, Керабан курил латакие, а ван Миттен — томбеки.

Оба не смогли удержаться от смеха и в конце концов от чистого сердца обменялись рукопожатием, как два друга, чью взаимную привязанность не мог испортить никакой спор даже по такому важному вопросу.

— Лошади запряжены в карету, — сказал Ахмет, — и мы можем ехать.

— Поехали же! — скомандовал Керабан.

Затем он и ван Миттен передали Бруно и Низибу свои наргиле, которые чуть было не превратились в военные орудия, и все заняли места в экипаже.

Но, поднимаясь, Керабан не удержался от того, чтобы сказать тихо своему другу:

— Раз уж вы попробовали, ван Миттен, признайтесь теперь, что томбеки намного превосходит латакие!

— Предпочитаю признаться, — ответил голландец, сердившийся на себя за то, что оспаривал мнение своего друга.

— Спасибо, друг ван Миттен, — поблагодарил Керабан, взволнованный такой снисходительностью, — вот признание, которого я никогда не забуду!

И оба скрепили еще одним мощным рукопожатием новый пакт о дружбе, который никогда не должен был нарушиться.

Тем временем, уносимая галопом своей упряжки, карета быстро катилась по прибрежной дороге.

В восемь часов вечера была достигнута граница Абхазии; спутники остановились на почтовой станции и легли спать до следующего утра.

Глава семнадцатая,

в которой происходит серьезнейшее происшествие, на котором и заканчивается первая часть нашей истории.

Абхазия представляет собой отдельную кавказскую провинцию. Гражданский способ правления в ней не введен до сих пор, и здесь все подчинено военному режиму. На юге границей Абхазии служит река Ингури, чьи воды отделяют Абхазию от Мегрелии, Кутаисской губернии.

Абхазия — прекрасная область, одна из богатейших на Кавказе, однако система управления не способствует извлечению пользы из ее богатств. Жители Абхазии только-только начинают становиться собственниками земли, до того полностью принадлежавшей правившим князьям из персидской династии. Поэтому местные жители еще полудики, едва представляют себе идеи времени, не имеют письменного языка и разговаривают на диалекте, который соседи не понимают, так как он настолько беден, что в нем нет слов для выражения даже самых элементарных понятий.

Путешествуя, ван Миттен не мог не заметить большого контраста между этой областью и гораздо более цивилизованными районами, которые он только что пересек.

Сбоку от дороги был виден типично абхазский пейзаж: кукурузные и изредка хлебные поля; козы и бараны, за которыми тщательно присматривают; буйволы, лошади и коровы, свободно разгуливающие по пастбищам; прекрасные белые тополя, смоковницы, орехи, дубы, липы, платаны, высокие кусты самшита и падуба[236]. Как правильно заметила бесстрашная путешественница госпожа Карла Серена, «если сравнишь эти три смежные провинции — Мегрелию, Самурзакан[237] и Абхазию, то можно сказать, что их уровень цивилизации находится на той же ступени развития, что и окультуривание окружающих их гор: в Мегрелии, социально наиболее развитой, вершины покрыты лесом и приносят хозяйственную пользу; значительно отстающая Самурзакан представляет собой полудикий ландшафт; наконец, Абхазия, остающаяся почти в первобытном состоянии, являет лишь скопище невозделанных гор, которых еще не коснулась рука человека. Именно Абхазия из всех кавказских областей будет последней приобщившейся к благам индивидуальной свободы».

После того как путешественники пересекли границу, их первой остановкой был поселок Гагры, красивое селение с очаровательной церковью Святой Ипатии, ризница которой служит в настоящее время подвалом; форт, являющийся одновременно и военным госпиталем; море — с одной стороны, а с другой — поле, засаженное фруктовыми деревьями, большими акациями и целыми зарослями благоухающих роз… Вдали, но не дальше, чем в пятидесяти верстах, возникал пограничный хребет, разделяющий Абхазию и Черкесию, жители которой потерпели поражение от русских в кровавой компании 1859 года[238] и покинули это чудесное побережье.

Прибыв сюда в девять часов вечера, карета задержалась на ночь. Господин Керабан и его спутники отдохнули в одном из духанов поселка и выехали из него утром следующего дня.

В полдень, через шесть лье пути, уже Пицунда предоставила им сменных лошадей. Там

ван Миттен получил возможность в течение получаса любоваться церковью, в которой была резиденция древних патриархов Западного Кавказа. Это строение с кирпичным куполом, некогда покрытым медью, расположением нефов[239] соответствующим очертаниям греческого креста[240], своими настенными фресками[241] и фасадом, затененным вековыми вязами, олицетворяет само совершенство. Несомненно, это один из самых интересных памятников византийского периода шестого века нашей эры.

В тот же день карета проехала через деревушки Гудаута и Гумиста, в ночью, стремительно преодолев восемнадцать лье, путешественники остановились на несколько часов отдохнуть в городе Сухум-Кале[242], построенном в обширной торговой бухте, простирающейся на юге до мыса Кодори.

Сухум-Кале — основной порт Абхазии, однако во время последней войны город был частично разрушен. Греков, армян, турок, русских в нем заметно больше, чем абхазов. Теперь здесь господствует военный элемент, и с пароходов из Одессы и Поти многочисленные посетители направляются в казармы, построенные возле старой крепости, возведенной в шестнадцатом веке, в царствование Мурада III, то есть в эпоху оттоманского господства.

Еда по чисто грузинскому меню (кислый суп с куриным бульоном, рагу из шпигованного мяса, кислое молоко с шафраном), которую два турка и один голландец могли оценить лишь как посредственную, предшествовала отъезду в девять часов утра.

Оставив позади себя симпатичный поселок Келасури, расположенный в тенистой долине одноименной речки, путешественники пересекли Кодори в двадцати семи верстах от Сухум-Кале. Карета поехала затем вдоль зарослей высокого строевого леса. Чем не настоящие девственные тропики — со спутанными лианами и густыми кустарниками, которые отступают только перед железом и огнем, где хватает змей, волков, медведей и шакалов, — словом, чем не дебри Америки, перенесенные на побережье Черного моря! Но топор предпринимателей уже прогуливается по вековым чащам, и через недолгое время эти прекрасные деревья исчезнут ради нужд промышленности, строительства домов и кораблей.

Промелькнули, друг за другом, Очамчира — главный населенный пункт района, включающего Кодор и Самурзакан; играющий важную роль приморский поселок Хори[243] расположенный на двух реках… Византийский храм последнего заслуживает осмотра, но из-за отсутствия времени так и остался непосещенным. Гагида и Анаклия тоже остались позади. Этот день оказался одним из самых длинных, считая по часам езды, и одним из самых быстрых, если судить по расстоянию, пройденному галопом упряжки. Вечером, к одиннадцати часам, путешественники прибыли к границе Абхазии, перешли вброд реку Ингури и через двадцать пять верст остановились в Редут-Кале[244], главном населенном пункте Мегрелии, одной из провинций Кутаисской губернии.

Остававшиеся несколько часов ночи были посвящены сну. Как ни устал ван Миттен, он, однако, поднялся ранним утром, чтобы успеть сделать хотя бы беглую ознакомительную экскурсию до отъезда из этого места. Благо, господин Керабан еще спал в достаточно приличной комнате лучшей гостиницы. А вот его племянник уже был на ногах и собирался выйти по делам.

Заметив Ахмета, ван Миттен спросил:

— Вы, мой юный друг, не разделите ли со мной утреннюю прогулку?

— Разве у меня есть на это время? — вопросом на вопрос ответил Ахмет. — Мне нужно заняться пополнением наших дорожных припасов. Очень скоро мы пересечем русско-

турецкую границу, и в пустынях Лазистана[245] и Анатолии раздобыть хоть что-то будет нелегко. Так что, как вы понимаете, я не могу терять ни мгновения.

— Но после этого, — продолжал голландец, — разве у вас не будет нескольких свободных часов?..

— После этого, господин ван Миттен, мне надо навестить нашу почтовую карету, договориться с каретником, чтобы он затянул гайки, смазал оси, посмотрел, не стерся ли тормоз, и сменил тормозную цепь. Нужно, чтобы после перехода границы нам не требовалась починка. Я собираюсь привести карету в отличное состояние и очень надеюсь, что она благополучно закончит эту удивительную поездку вместе с нами.

— Хорошо! Ну а после? — не отступал ван Миттен.

— После я займусь сменой лошадей и пойду на почту, чтобы уладить это.

— Отлично! А потом? — еще раз спросил ван Миттен, не отказавшийся от своей мысли.

— Потом, — ответил Ахмет, — пора будет отправляться и мы уедем. Так что я вас покидаю.

— Одну минуточку, мой юный друг, — удержал его голландец, — я хочу кое-что вам предложить.

— Предлагайте, господин ван Миттен, только быстро.

— Вы, без сомнения, знаете, что представляет собой провинция Мегрелия?

— Приблизительно.

— Это местность, орошаемая поэтическим Фасисом[246], золотые блестки из которого некогда украшали мраморные ступени дворца на его берегах.

— Действительно.

— Здесь расположена легендарная Колхида, куда Ясон и его аргонавты прибыли, чтобы при содействии волшебницы Медеи захватить драгоценное руно, которое сторожил ужасный дракон и страшные быки, изрыгавшие пламя[247].

— Не отрицаю.

— Наконец, именно здесь, в этих горах, прижимающихся к горизонту, на этой скале Хомли, возвышающейся над современным городом Кутаиси, Прометей, сын Иапета и Климены, дерзко похитив огонь с неба, был прикован к скале по приказу Зевса. И гриф вечно терзает его сердце[248].

— Совершенно верно, господин ван Миттен; но, повторяю, я очень тороплюсь! К чему клонится ваша речь?

— Вот к чему, мой юный друг, — ответил голландец, принимая самый любезный вид. — Несколько дней, проведенных в этой части Мегрелии и Кутаиси, могли бы быть хорошо употреблены с пользой для путешествия и…

— Таким образом, — догадался Ахмет, — вы предлагаете нам задержаться на некоторое время в Редут-Кале?

— О, четырех или пяти дней вполне хватит…

— Предложили бы вы это моему дяде Керабану? — спросил не без хитрости Ахмет.

— Я? Никогда, мой юный друг! — ответил голландец. — Это привело бы к спору. А после достойной сожаления сцены с наргиле я никогда больше не начну никакого спора с этим прекрасным человеком! Можете мне поверить.

— И вы поступите разумно.

— Но сейчас я обращаюсь вовсе не к грозному Керабану, а к своему молодому другу

Ахмету.

— Как раз здесь вы и ошибаетесь, господин ван Миттен, — улыбнулся Ахмет, беря его за руку. — Сейчас вы разговариваете вовсе не с молодым другом.

— А с кем же?

— С женихом Амазии, и вы хорошо знаете, что он-то не может терять ни часу.

После этого Ахмет убежал, чтобы заняться приготовлением к отъезду. Раздосадованный ван Миттен вынужден был ограничиться малопознавательной прогулкой к крепости Редут-Кале в сопровождении обескураженного Бруно.

В полдень путешественники были готовы к отбытию. Карета, тщательно осмотренная, обещала отлично служить еще длительное время. Ящик для провизии был наполнен, и в этом смысле нечего было опасаться еще много верст или, вернее, агачей[249] поскольку на втором этапе маршрута нужно было ехать по азиатской Турции. Так что Ахмет мог быть доволен собственной предусмотрительностью. Он все успел, обо всем позаботился!

Господин Керабан тоже был рад, видя, что поездка совершается без аварий и происшествий. Его самолюбие старотурка вскоре будет удовлетворено, когда он появится на левом берегу Босфора, смеясь над оттоманскими властями, вводящими несправедливые налоги! Редут-Кале находился не далее, чем в девяноста верстах от турецкой границы, так что через двадцать четыре часа самый упрямый из турок мог ступить ногой на турецкую территорию. Там он наконец будет у себя дома.

— В дорогу, племянник, и да поможет нам Аллах и дальше! — воскликнул он бодрым голосом.

— В дорогу, дядя! — отозвался Ахмет.

И оба они заняли место в кабине. За ними последовал ван Миттен, тщетно пытавшийся хотя бы рассмотреть мифологическую кавказскую вершину, на которой Прометей искупал свое святотатство.

Под щелканье бича и ржание мощной упряжки карета тронулась. Через час она пересекла границу Гурии, присоединенной к Мегрелии в 1801 году. Ее главный город — Поти, достаточно значительный черноморский порт, связанный железной дорогой с Тифлисом, столицей Грузии.

Дорога поднималась по плодородной местности. Повсюду встречались деревни, где дома отнюдь не лепились друг к другу, как ласточкины гнезда. Нет, — они были разбросаны посреди кукурузных полей. Нет ничего более странного, чем вид этих сооружений, похожих и впрямь больше не на дома, а на гнезда: они сплетены из соломы. Чем не произведения корзинщика! Ван Миттен не забывал заносить все эти особенности в свой путевой дневник. И все же отнюдь не такие незначительные детали хотел бы голландец записывать во время поездки по древней Колхиде. Но, может быть, ему больше повезет, когда он окажется на берегах Риони, реки, являющейся не чем иным, как знаменитым античным Фасисом, и, если верить некоторым именитым географам, одной из четырех рек рая!

Через час путешественники остановились перед железнодорожной линией Поти — Тифлис, в пункте, где дорога пересекается с ней за версту до станции Сакарио[250]. Там находился переезд, которым необходимо было воспользоваться, чтобы, сократив дорогу, добраться до Поти по левому берегу реки.

Итак, лошади остановились перед закрытым шлагбаумом. Ямщик стал звать дежурного по переезду, который, однако, не появлялся.

Керабан высунул голову в дверцу.

— Теперь еще и эта проклятая железнодорожная кампания будет заставлять нас терять время? — воскликнул он. — Почему шлагбаум закрыт для экипажей?

— Без сомнения, потому, что скоро приедет поезд, — хладнокровно заметил ван Миттен.

— Зачем он приедет? — спросил Керабан.

Ямщик продолжал звать, но безрезультатно. Никто не появлялся в дверях домика дежурного по переезду.

— Да свернет ему Аллах шею! — закричал Керабан. — Если он не появится, я сумею открыть сам.

— Немного спокойствия, дядя! — сказал Ахмет, удерживая Керабана, который собирался спуститься.

— Спокойствия?

— Да, вот и дежурный!

В самом деле, дежурный вышел из домика и неторопливо направился к упряжке.

— Мы можем проехать или нет? — спросил Керабан сухим тоном.

— Можете, — ответил дежурный. — Поезд из Поти придет не раньше, чем через десять минут.

— Тогда откройте ваш шлагбаум и не заставляйте нас напрасно терять время. Мы торопимся.

— Сейчас открою, — ответил дежурный. И, говоря это, он пошел поднять шлагбаум на другой стороне колеи. Затем вернулся, чтобы поднять и тот, перед которым стояла упряжка. Делал он все это степенно как человек, которому требования путешественников совершенно безразличны.

Господин Керабан уже кипел от нетерпения.

Наконец проход был свободен на все четыре стороны, и карета двинулась через колею.

В этот момент с противоположной стороны появилась группа путешественников. Некий турецкий господин на великолепной лошади в сопровождении четырех всадников вознамерился проехать через переезд.

Было ясно, что это важное лицо. Лет тридцати пяти, высокого роста, с благородной осанкой, свойственной кавказским народам. Лицо довольно красивое, с глазами, зажигающимися только от страсти, матового тона лоб, черная кудрявая борода до половины груди, губы, не умеющие улыбаться. В общем, физиономия властного человека, могущественного в силу положения и состояния, привыкшего осуществлять все свои желания и исполнять все свои прихоти. И уж конечно, было ясно, что противодействие могло бы толкнуть его на крайности. Было что-то первобытное в этом человеке, у которого турецкий тип смешивался с арабским.

Господин был одет в простой дорожный костюм, скроенный по моде богатых османов, то есть скорее азиатский, чем европейский. Без сомнения, под своим темного цвета кафтаном он старался скрыть исходящий от него блеск золота.

В момент, когда упряжка достигла середины железнодорожной колеи, группа всадников добралась до нее тоже. Поскольку узость переезда не позволяла карете и всадникам пройти одновременно, то требовалось, чтобы кто-то из них отступил.

Итак, упряжка остановилась, и всадники сделали то же. Однако новоприбывший господин, кажется, вовсе не был в настроении уступить проход господину Керабану. Турок против турка — это могло привести к осложнениям.

— Посторонитесь! — крикнул Керабан всадникам, чьи лошади противостояли его упряжке.

— Посторонитесь сами! — ответил оппонент, похоже, решивший не отступать ни на шаг.

— Я прибыл первым!

— Ну а проедете вторым!

— Я не уступлю!

— Я тоже.

Спор угрожал принять дурной оборот.

— Дядя, — сказал Ахмет, — какая нам разница…

— Большая разница, племянник!

— Друг мой… — вмешался ван Миттен.

— Оставьте меня в покое! — потребовал Керабан тоном, пригвоздившим голландца к месту в его углу.

В этот миг вмешался дежурный по переезду, крича:

— Торопитесь! Торопитесь! Поезд из Поти вот-вот появится! Торопитесь!

Но господин Керабан почти не слышал его. Открыв дверцу кареты, он вышел на рельсы вместе с Ахметом и ван Миттеном, Бруно и Низиб также устремились к ним.

Господин Керабан направился прямо к всаднику, схватил его лошадь за узду и крикнул с яростью, которую уже не мог сдержать:

— Вы освободите мне проезд?

— Никогда!

— Посмотрим!

— Посмотрим!

— Вы не знаете господина Керабана!

— А вы господина Саффара!

Действительно, это был тот самый господин Саффар, ехавший в Поти после недолгого пребывания в провинциях Южного Кавказа.

Имя Саффара, личности, захватившей лошадей на станции в Керчи, могло только еще больше возбудить гнев Керабана. Уступить человеку, которого он уже столько раз проклинал! Никогда! Он скорее дал бы раздавить себя копытами его лошади.

— А, это вы — господин Саффар? — воскликнул он. — Отлично! Назад, господин Саффар!

— Вперед, — сказал Саффар, делая знак всадникам своего эскорта взять переезд силой.

Ахмет и ван Миттен, понимая, что ничто не заставит Керабана уступить, приготовились прийти ему на помощь.

— Проезжайте, проезжайте же! — повторял дежурный. — Вот уже поезд!

И в самом деле уже слышался свисток локомотива, пока еще невидимого за поворотом железнодорожного полотна.

— Назад! — крикнул Керабан.

— Назад! — крикнул Саффар!

В этот момент шум от локомотива усилился. Потерявший голову дежурный махал своим флажком, чтобы остановить поезд. Но было слишком поздно. Состав уже появился из-за поворота…

Господин Саффар, видя, что времени на переезд уже нет, стремительно отступил. Бруно

и Низиб бросились в стороны. Ахмет и ван Миттен, схватив Керабана, быстро увели его, в то время как ямщик тащил свою упряжку с пути.

В этот миг поезд пронесся со скоростью экспресса. Он ударил заднюю ось кареты, которая не успела полностью сойти с его пути, и, разнеся ее на куски, исчез, так что пассажиры даже не почувствовали удара от столкновения.

Господин Керабан вне себя хотел броситься на своего противника, но тот тронул с места лошадь, надменно, даже не удостоив Керабана взглядом, переехал через путь и в сопровождении своих спутников умчался галопом.

— Подлец! Негодяй! — кричал Керабан, удерживаемый ван Миттеном. — Если я его еще раз когда-нибудь встречу!

— Да, но пока что у нас больше нет почтовой кареты! — заметил Ахмет, разглядывая бесформенные остатки экипажа, разбросанные у дороги.

— Пусть так, племянник, пусть так! Но я все же прошел, и прошел первым!

Заявление вполне в духе Керабана.

В этот момент приблизились несколько казаков — из тех, что в России заняты наблюдением за дорогами. Они видели все, что произошло на переезде. Первым их побуждением было подъехать и схватить господина Керабана за шиворот. Отсюда — протесты Керабана, бесполезное вмешательство его племянника и друга, сильнейшее сопротивление упрямейшего из людей, который, помимо нарушения полицейских железнодорожных правил, мог теперь ухудшить свое положение еще и бунтом против властей.

С казаками порассуждаешь не больше, чем с жандармами. Им также нельзя оказывать сопротивления. Как бы там ни было, но до предела разгневанный господин Керабан был уведен на станцию Сакарио, а ошеломленные Ахмет, ван Миттен, Бруно и Низиб остались перед своей разбитой каретой.

— В хорошенькую историю мы попали! — сказал голландец.

— Но мой дядя! — расстроился Ахмет. — Мы не можем его так покинуть!

Через двадцать минут перед ними прошел поезд из Тифлиса в Поти. Они посмотрели на него. В окне одного из купе появилась растрепанная голова господина Керабана, красного от ярости, с налитыми кровью глазами, как оттого, что он был арестован, так и оттого, что впервые в жизни эти свирепые казаки заставили его ехать по железной дороге!

Нельзя было оставлять негоцианта одного в этой ситуации. Требовалось как можно быстрее прекратить конфликт, в который вовлекло его одно только упрямство. Никак невозможно допустить, чтобы все это затянулось и привело к опозданию! Поэтому, оставив бесполезные теперь обломки кареты, Ахмет и его спутники взяли напрокат тележку. Ямщик запряг в нее своих лошадей, и так быстро, как было возможно, все устремились по дороге в Поти. Требовалось проехать шесть лье, и за два часа их преодолели. Добравшись до города, Ахмет и ван Миттен направились к полицейскому участку, чтобы потребовать освобождения злосчастного Керабана. То, что они там узнали, отнюдь не избавило их от беспокойства по поводу как судьбы правонарушителя, так и возможности новых задержек.

После того, как господин Керабан заплатил очень большой штраф сперва за нарушение, а затем за сопротивление властям, его передали в руки казаков и направили на границу. Так что теперь нужно было как можно быстрее догнать негоцианта, а для этого достать какое-либо средство передвижения.

Ахмет захотел узнать, что случилось с господином Саффаром. Выяснилось, что тот

покинул Поти. Он только что сел на пароход, заходящий в различные порты Малой Азии. Но Ахмету не удалось узнать, куда направлялась эта надменная личность, и он увидел на горизонте лишь облачко пара от корабля, который увозил Саффара к Трапезунду.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая,

в которой мы снова встречаемся с господином Керабаном, пребывающим в ярости оттого, что ему пришлось ехать по железной дороге.

Читатель, безусловно, помнит, что ван Миттен, огорченный тем, что не смог посетить руины древней Колхиды, пожелал вознаградить себя исследованием мифологического Фасиса, который под менее благозвучным названием Риони устремляется ныне в Поти, где в устье реки, на побережье Черного моря построен небольшой порт. Но достойному голландцу приходилось непрерывно отказываться от своих надежд. Ему хотелось самому последовать за Ясоном и аргонавтами, пройти по знаменитым местам, где этот дерзкий сын Эсона[251] боролся за золотое руно. Но нет! Приходилось вместо того как можно быстрее покидать Поти, чтобы двигаться по следам господина Керабана и присоединиться к нему на турецко-русской границе. Отсюда — очередное разочарование ван Миттена.

Было уже пять часов вечера. Отъезд же назначили на следующее утро, 13 сентября. Так что в Поти голландец смог увидеть только общественный парк, где возвышались развалины старинной крепости; дома, возведенные на свайном основании (в них обитает население в шесть-семь тысяч человек); широкие улицы, окаймленные канавами, из которых раздается непрерывный концерт лягушек; и достаточно оживленный порт, с первоклассным маяком. Утешением ему могло послужить лишь то рассуждение, что, проезжая так быстро через поселок, находящийся среди болот Риона и Пичоры, он, по крайней мере, не рисковал получить злокачественную лихорадку, опасаться которой были все основания на этом нездоровом побережье.

Пока голландец предавался этим разнообразным размышлениям, Ахмет искал замену для почтовой кареты, которая могла бы еще очень и очень долго служить, если бы не невероятная неосторожность ее владельца. Но искать в маленьком городке Поти другой экипаж, новый или подержанный, было, конечно, занятием безнадежным. Правда, здесь имелись русские «перекладные», или «арбы», — вполне по кошельку господина Керабана, сколько бы они ни стоили. Однако эти средства передвижения представляют собой лишь более или менее примитивные телеги, лишенные какого-либо комфорта и не имеющие ничего общего с дорожными «берлинами»[252]. Сколь бы мощными ни были запряженные в них лошади, они не смогли бы ехать со скоростью дорожной кареты. К каким только опозданиям не привели бы они наших путешественников!

Впрочем, Ахмету не пришлось ломать голову даже над столь бедным выбором: между арбой медленной и очень медленной. Ни экипажей, ни телег! Ничего в наличии на данный момент! Вот все, что он услышал… Тем не менее нужно было как можно быстрее найти дядю, чтобы помешать упрямцу угодить еще в какую-нибудь плачевную ситуацию. Поэтому Ахмет решил проехать на лошади те двадцать лье, которые отделяют Поти от турецко-русской границы. Он был хорошим наездником, а Низиб часто сопровождал его в прогулках. Что же до ван Миттена, то он получил от Ахмета некоторое представление о верховой езде и мог поручиться если не за ловкость Бруно, то, по крайней мере, за его послушание. Так что было решено: отъезд состоится утром следующего дня. Они надеялись в тот же вечер добраться до границы.

Ахмет написал длинное письмо, адресованное банкиру Селиму и, естественно, начинавшееся словами «Милая Амазия!». В письме жених рассказывал о подробностях поездки, неприятном приключении в Поти, о том, почему он разделился с дядей и как рассчитывал с ним встретиться. Добавил также, что происшедшее не задержит их возвращение: он сумеет заставить двигаться и животных и людей. Затем следовала настоятельная просьба вместе с отцом и Неджеб находиться на вилле в Скутари к назначенной дате и даже немного раньше, чтобы не пропустить встречу. Это письмо, полное нежнейших комплиментов молодой девушке, на следующий день увезет пакетбот, совершавший регулярные рейсы из Поти в Одессу. Так что через сорок восемь часов оно должно было прибыть по адресу, быть прочитанным вплоть до междустрочного содержания и, возможно, прижато к сердцу, чье биение, как казалось Ахмету, он слышал на другом конце Черного моря.

Пока жених таким образом старался ободрить и утешить Амазию, ван Миттен пообедал в гостинице и гулял по улицам Поти, под деревьями Центрального парка, вдоль набережных порта и возле дамбы, строительство которой заканчивалось. Но на этот раз прогуливался он в одиночестве. Слуга его не сопровождал. Почему же Бруно не находился рядом с хозяином и не делал ему уважительных, но справедливых замечаний по поводу нынешних и грядущих трудностей? Дело в том, что у слуги появилась идея. Если нет почтовой кареты, то, возможно, найдутся весы? Ну, а для похудевшего голландца это был единственный шанс взвеситься и сравнить свой теперешний вес с первоначальным.

Итак, Бруно вышел из гостиницы, унеся с собой втихомолку путеводитель хозяина, который должен был дать ему пересчет русских мер в голландские фунты.

На портовых набережных, где есть таможня, всегда — широкий выбор весов, на которых человек легко может взвеситься. Поэтому проблема поисков слугу не беспокоила. За несколько копеек служащие пошли навстречу его фантазии, на одну чашу весов поместили значительный груз, и Бруно, не без некоторого тайного беспокойства, взобрался на вторую чашу. К его крайнему неудовольствию, весы остались неподвижными. Бруно надулся, видимо надеясь утяжелить себя подобным способом. Но чаши не шелохнулись.

— Черт возьми, — расстроился он, — вот этого я и боялся!

На чашу поместили другой, немного облегченный, вес вместо предыдущего… Чаша не сдвинулась.

— Это невозможно! — воскликнул Бруно, чувствуя, как кровь отливает у него от сердца.

В этот момент его взгляд остановился на некоем лице с добрым и благожелательным выражением.

— Хозяин! — воскликнул он.

Это действительно был ван Миттен, которого случай привел на набережную, как раз к тому месту, где служащие занимались взвешиванием его слуги.

— Хозяин, — повторил Бруно, — вы здесь?

— Да, это я, — ответил ван Миттен. — Я с удовольствием вижу, что ты…

— Взвешиваюсь… да!

— И каков результат?

— Не знаю, есть ли достаточно легкие гири, чтобы выяснить, сколько я вешу сейчас.

Бруно сказал это с таким жалким выражением лица, что упрек проник в самое сердце ван Миттена.

— Что! — воскликнул он. — С тех пор, как мы выехали, ты до такой степени похудел, мой бедный Бруно?

— Судите сами, хозяин.

И действительно, на весы поместили третий груз, намного меньше двух предшествующих.

На этот раз чаша стала понемногу подниматься, пока не наступило равновесие.

— Наконец! — повеселел Бруно. — Но сколько весят гири?

— Да, сколько? — повторил ван Миттен.

В русских мерах вес слуги составлял четыре пуда[253]. Ван Миттен схватил путеводитель, протянутый ему Бруно, и впился глазами в сопоставительную таблицу разных мер.

— Ну, хозяин, — спросил Бруно с любопытством, смешанным с некоторой тревогой, — чему равен русский пуд?

— Приблизительно шестнадцать с половиной голландских пудов, — ответил ван Миттен, сделав небольшой подсчет в уме.

— Что составляет…

— Точно семьдесят пять с половиной килограммов, или сто пятьдесят один фунт.

Бруно издал крик отчаяния, соскочил с весов, вторая чаша которых сразу же ударилась о землю. Слуга упал на скамью в полубесчувственном состоянии.

— Сто пятьдесят один фунт! — повторял он, как если бы потерял девятую часть жизни.

Действительно, до отъезда в нем было сто шестьдесят восемь фунтов. И вот теперь он похудел на целых семнадцать! Всего-то за двадцать шесть дней относительно легкого путешествия, без настоящих лишений и большой усталости. И кто поручится, что конец его злоключений близок? Что станет с этим животиком, который Бруно себе отрастил и на округление которого потратил около двадцати лет, во славу гигиены? Насколько он похудеет еще? Особенно теперь, когда из-за отсутствия почтовой кареты абсурдная поездка проходила в районах без запасов продовольствия, среди опасностей, тягот и бесконечной смены условий, в которых — не до режима!

Вот что спрашивал у себя озабоченный слуга ван Миттена… Воображение рисовало ему нового Бруно, неузнаваемого, доведенного до состояния ходячего скелета!

Поэтому он без тени колебания принял решение. Слуга поднялся, увлек за собой голландца, не имевшего сил сопротивляться ему, и, остановившись на набережной, сказал:

— Хозяин, всему есть границы, даже человеческой глупости. Мы не поедем дальше!

Ван Миттен встретил это заявление с тем привычным спокойствием, которого ничто не могло поколебать.

— Как, Бруно, — удивился он, — ты предлагаешь мне остановиться здесь, в этом затерянном уголке Кавказа?

— Нет, хозяин, нет! Я вам просто предлагаю предоставить господину Керабану вернуться в Константинополь, как ему заблагорассудится. А мы спокойно доберемся туда на пакетботе из Поти. Море не оказывает на вас болезненного действия, на меня — тоже. И я не рискую похудеть на нем еще больше. Я не желаю стать скелетом!

— Это решение, может быть, и разумно с твоей точки зрения, Бруно, — заметил ван Миттен, — но с моей — другое дело. Бросить моего друга Керабана, когда три четверти пути уже пройдено, — тут есть над чем поразмыслить.

— Господин Керабан вовсе не друг ваш, — осмелел Бруно. — Он друг самого себя, вот

и все. Впрочем, мне он не друг и не может быть им. И я не пожертвую для удовлетворения его капризов и самолюбия тем, что мне остается от моей полноты. Три четверти пути пройдено, говорите вы. Это верно. Но четвертая четверть, как мне кажется, принесет еще больше трудностей, так как ехать придется через полудикий край. Пусть с вами лично пока еще и не случилось ничего неприятного, хозяин. Но я вам повторяю, если вы будете упорствовать, то берегитесь! С вами случится несчастье!

Настойчивость Бруно, предсказывавшего ему беду, из которой он не выйдет целым и невредимым, не переставала беспокоить ван Миттена, а советы верного слуги оказывали на него определенное влияние. В самом деле, это не шутка — путешествие за пределами русской границы через пустынные области трапезундского и североанатолийского пашалыков[254], почти полностью независимых от власти турецкого правительства! В силу подобных обстоятельств, а также по причине недостаточно твердого характера ван Миттен стал колебаться. Бруно заметил это и удвоил настойчивость. Он приводил множество аргументов, показывал свою болтающуюся одежду на худеющем животе. Вкрадчивый, логичный, Даже красноречивый по причине своей глубокой убежденности, слуга в конце концов заставил хозяина согласиться с его мыслями о необходимости следовать за господином Керабаном не иначе, как своим собственным путем.

Ван Миттен размышлял. Он слушал и кивал головой. Когда этот серьезный разговор закончился, голландец боялся уже только одного — обсуждать эту тему со своим неисправимым другом.

— Ну и что, — продолжал Бруно, имевший ответ на все, — обстоятельства благоприятствуют. Раз господина Керабана здесь нет, то расстанемся с ним не прощаясь и предоставим Ахмету присоединиться к нему на границе.

Ван Миттен отрицательно покачал головой.

— Есть одно препятствие, — сказал он.

— Какое? — спросил Бруно.

— Дело в том, что я выехал из Константинополя почти без денег и теперь мой кошелек пуст.

— А вы не можете, хозяин, перевести достаточную сумму из Константинопольского банка?

— Нет, Бруно, это невозможно! Срок хранения моих денег в Роттердаме еще не завершен…

— …и чтобы получить требующиеся для нашего возвращения деньги… — продолжил слуга.

— Нужно во всех случаях обращаться к моему другу Керабану! — заключил ван Миттен.

Это заявление никак не устраивало Бруно. Если его хозяин снова встретится с господином Керабаном и поделится с ним своими планами, то возникнет спор, и ван Миттен победителем в нем не будет. Но что делать? Обратиться непосредственно к молодому Ахмету? Нет! Это было бы бесполезно. Ахмет никогда не выделит ван Миттену средства, чтобы покинуть его дядю? Так что об этом не стоило и думать.

В конце концов, после долгих обсуждений, хозяин и слуга решили, что они вместе с Ахметом покинут Поти и присоединятся к господину Керабану на турецко-русской границе. Там ван Миттен под предлогом нездоровья и в связи с предстоящими тяготами заявит, что для него невозможно продолжать эту поездку. В таком случае его друг Керабан не сможет упорствовать и не откажется предоставить необходимые деньги для возвращения в

Константинополь морем.

«Это не самый лучший выход из положения, — подумал Бруно, — но разговор между моим хозяином и господином Керабаном все равно будет трудным».

Затем оба вернулись в гостиницу, где их ждал Ахмет. Ему они о своих планах ничего не сказали, так как, несомненно, не нашли бы у него поддержки. Поужинав, путешественники легли спать. Ван Миттену снилось, что Керабан порубил его на мелкие кусочки как начинку для пирога. Проснувшись рано утром, путники обнаружили у дверей четырех лошадей, готовых «поглощать пространство».

Любопытно было наблюдать выражение лица Бруно, когда от него потребовали сесть верхом. Новые претензии, записанные в счет господину Керабану. Но другой возможности продолжать поездку не было, и Бруно пришлось повиноваться. По счастью, ему досталась старая лошадь, неспособная закусить удила. С ней легко можно справиться. У ван Миттена и Низиба тоже не было особых хлопот. Лишь у Ахмета оказалась довольно резвая лошадь, но такому хорошему наезднику, как он, требовалось лишь умерять свою скорость, чтобы не обгонять других.

Из Поти выехали в пять утра. В восемь часов, через двадцать верст пути, в первый раз позавтракали в поселке Николая. Второй завтрак состоялся еще через пятнадцать верст, а к двум часам после полудня, проехав новые двадцать верст, Ахмет и его спутники остановились в Батуми — северной части Лазистана, принадлежащей Российской империи.

Некогда это был турецкий порт, очень удачно расположенный в устье Чороха — античного Батиса. Досадно для Турции, что она потеряла его, так как этот обширный порт с хорошей якорной стоянкой может принимать значительное количество кораблей и даже суда с большой осадкой. Что же до города, то это просто большой деревянный базар, через который проходит главная улица. Но рука России, жадно протягиваясь в закавказские области, схватила Батуми, как в дальнейшем она схватит и оставшиеся районы Лазистана.

Таким образом, Ахмет находился здесь еще не у себя дома, как было бы за несколько лет до этого. Ему потребовалось проехать через Гонио, близ устья Чороха, и поселок Макриялос в двадцати верстах от Батуми, чтобы добраться наконец до находящейся далее, в десяти верстах, границы.

Там, на краю дороги, под недобрыми взглядами казаков его ожидал некий человек, стоявший на турецкой территории в такой ярости, которую легче понять, чем описать. Вы, конечно, догадываетесь, что звали его господин Керабан.

Было шесть часов вечера, и с прошлой полуночи, когда он был выпущен на свободу за пределами русской границы, господин Керабан не переставал гневаться. Все это время убежищем или, скорее, укрытием ему служила довольно бедная хижина сбоку от Дороги, с дырявой крышей, плохо закрытая и еще хуже снабженная провизией.

Еще за полверсты, заметив один — своего дядю, другой — друга, Ахмет и голландец стали подгонять лошадей и теперь спешились в нескольких шагах от него. Однако господин Керабан не заметил их и продолжал расхаживать, жестикулировать и разговаривать, вернее, спорить с самим собой, поскольку рядом не было никого, чтобы возражать.

— Дядя! — воскликнул Ахмет, протягивая к нему руки, в то время как Бруно и Низиб удерживали лошадей. — Дядя!

— Друг мой! — присоединился к нему ван Миттен.

Керабан схватил их за руки и закричал, указывая на прогуливавшихся по краю дороги казаков:

— По железной дорою! Эти негодяи заставили меня ехать по железной дороге! Меня! Меня!

Было очевидно, что недостойный истинного турка способ передвижения больше всего раздражал господина Керабана. Он не мог переварить этого! Его встреча с господином Саффаром и ссора с ним, поломка кареты, трудности с продолжением пути — все было забыто перед такой чудовищностью: оказаться на железной дороге! Ему, истинно верующему!

— Да! Это недостойно! — согласился Ахмет, подумавший о том, что уж сейчас-то тем более не время возражать дяде.

— Да, недостойно! — подтвердил и ван Миттен. — Но все же с вами не случилось ничего серьезного, друг Керабан.

— О! Остерегайтесь своих слов, господин ван Миттен! — закричал Керабан. — Ничего серьезного, говорите вы?

Ахмет сделал голландцу знак, указывающий, что тот пошел по неверному пути. Старый друг назвал его «господин ван Миттен»!

— Вы не поясните, что подразумеваете под словами: «ничего серьезного»? — продолжал Керабан.

— Друг Керабан, я подразумеваю, что не было обычных железнодорожных неприятностей — схода с рельсов или столкновений.

— Лучше было бы схождение с рельсов, господин ван Миттен! — воскликнул Керабан. — Да! Ей-богу, лучше было бы сойти с рельсов, потерять руки, ноги и голову, слышите вы, чем подвергнуться подобному позору!

— Поверьте мне, друг Керабан! — продолжал ван Миттен, не знавший, как исправить свои неосторожные слова.

— Речь не о том, во что мне верить, — шумел Керабан, наступая на голландца, — а о том, во что верите вы! И как воспринимаете то, что случилось с человеком, который уже тридцать лет считает себя вашим другом!

Ахмет решил изменить ход разговора, самым очевидным результатом которого было бы ухудшение положения.

— Дядя, — сказал он, — я могу подтвердить, что вы плохо поняли господина ван Миттена…

— В самом деле?

— Или, вернее, господин ван Миттен неточно выразился. Он так же, как и я, испытывает глубокое возмущение тем, как эти проклятые казаки с вами обращались.

К счастью, все это говорилось по-турецки, и «проклятые казаки» ничего не могли понять.

— Но в общем, дядя, есть еще некто, кто был причиной всего. Есть ответственный за происшедшее с вами. Это — тот злополучный субъект, который помешал переезду через железнодорожный путь в Поти. Этот самый Саффар!

— Да, этот Саффар! — закричал Керабан, очень кстати наведенный племянником на новый след.

— Тысячу раз да, этот Саффар! — поспешил прибавить ван Миттен. — Именно это я и хотел сказать, друг Керабан.

— Подлый Саффар! — потрясал кулаками Керабан.

— Подлый Саффар! — повторил ван Миттен, вступая в дуэт со своим собеседником.

Он охотно употребил бы какой-нибудь еще более сильный эпитет, но не нашел его.

— Если мы только когда-нибудь вернемся… — сказал Ахмет.

— Не иметь возможности вернуться в Поти, — воскликнул Керабан, — чтобы заставить мерзавца заплатить за дерзость, вырвать ему душу из тела, отдать в руки палача!..

— Посадить на кол, — счел нужным добавить ван Миттен, проявивший свирепость, чтобы восстановить омраченные дружеские отношения.

Ответом на это чисто турецкое предложение ему послужило рукопожатие Керабана.

— Дядя, — сказал Ахмет, — сейчас было бы бесполезно разыскивать этого Саффара.

— А почему, племянник?

— Его уже нет в Поти, — ответил Ахмет. — Когда мы туда прибыли, подлец сел на пакетбот, курсирующий у малоазиатского побережья.

— Малоазиатского побережья! — воскликнул Керабан. — Но разве наш маршрут не следует по этому побережью?

— Действительно, дядя!

— Если этот подлый Саффар, — ответил Керабан, — встретится на моем пути, валлахи-биллахи тиллахи![255] Горе ему!

Произнеся эту клятву, господин Керабан уже не мог добавить ничего более ужасного и смолк.

Но как теперь ехать, если у путников нет больше почтовой кареты? Нельзя было серьезно предлагать господину Керабану езду на лошади. Его телосложение не подходило для этого. Поэтому условились отправиться в Хопу, самый близкий поселок. Это составляло всего несколько верст, и Керабан должен был проделать их пешком. Бруно — тоже, так как снова сесть в седло у него не было никаких сил.

— А эта просьба о деньгах, с которой вы должны обратиться? — спросил он хозяина, отведя его в сторону.

— В Хопе! — ответил ван Миттен. И не без некоторого беспокойства стал ждать приближения момента, когда ему придется затронуть столь деликатный вопрос.

Через несколько мгновений путешественники уже спускались по дороге, идущей наклонно вдоль побережья Лазистана.

В последний раз господин Керабан обернулся, чтобы показать кулак казакам, которые так нелюбезно посадили его — его! — в железнодорожный вагон, а затем, за изгибом берега, он потерял из виду границу Российской империи.

Глава вторая,

в которой ван Миттен решается уступить настояниям Бруно. Кроме того, говорится, к каким последствиям это приводит.

«Диковинная страна! — писал ван Миттен в своем путевом дневнике, отмечая некоторые мимолетные впечатления. — Женщины работают на поле, носят тяжести, в то время как мужчины прядут коноплю и вяжут шерсть».

И добрый голландец не ошибался. Именно так и поныне обстоят дела в удаленной провинции Лазистана, в которой начиналась вторая половина маршрута.

Это еще малоизвестная территория. Она начинается у кавказской границы и является частью турецкой Армении, расположенной между долинами Харшита и Чороха и побережьем Черного моря. Мало путешественников решалось со времени француза Т. Дейроля рискнуть отправиться в эти районы пашалыка Трапезунд между средневысотными горами, каменный лабиринт которых доходит до озера Ван и окружает столицу Армении — Эрзерум[256], главный населенный пункт вилайета, насчитывающий более двенадцати сотен тысяч жителей.

И тем не менее эта страна была свидетельницей многих великих исторических событий. Покидая ее горы, где берут начало оба истока Евфрата[257], Ксенофонт[258] и его десять тысяч воинов, отступая перед армиями Артаксеркса Мнемона, прибыли на берега Фасиса. Упомянутый Фасис — вовсе не Риони, текущая у Поти, это — Кура, вытекающая из этой кавказской области и убегающая из Лазистана, сквозь который господин Керабан и его спутники должны были теперь продвигаться.

Ах, если бы ван Миттен имел достаточно времени, какие ценные наблюдения он, без сомнения, сделал бы! Теперь они потеряны для эрудитов Голландии. И почему бы ему снова не обнаружить точное место, на котором Ксенофонт, генерал, историк, философ, дал бой при выходе из страны кардуков? И ту гору, с которой греки радостными криками приветствовали вожделенные волны Понта Эвксинского?

Но у ван Миттена не было времени ни для того, чтобы смотреть, ни для того, чтобы изучать. Вернее, ему не оставили времени. И тогда Бруно снова подступился к своему хозяину, чтобы тот занял у господина Керабана деньги, нужные для расставания с ним.

— В Хопе! — неизменно отвечал ван Миттен.

Итак, направились в Хопу. Но найдут ли они там какое-либо средство передвижения, чтобы заменить комфортабельную карету, разбитую на железной дороге в Поти?

Это была достаточно серьезная трудность. Предстояло проделать еще около двухсот пятидесяти лье, а до 30 числа оставалось всего семнадцать дней. Именно к этой дате и должен был вернуться господин Керабан. Тогда же Ахмет рассчитывал снова увидеть на вилле в Скутари молодую Амазию, ожидавшую его появления для свадьбы. Понятно поэтому, что и дядя и племянник были одинаково преисполнены нетерпения.

Нельзя было и думать о том, чтобы найти в этих маленьких и затерянных поселках Малой Азии почтовую карету или простой экипаж. Приходилось приспосабливаться к одному из местных видов транспорта, а это средство передвижения могло быть лишь самым примитивным. Поэтому все продвигались с озабоченным и задумчивым видом по

прибрежной дороге: господин Керабан пешком; Бруно нес две узды; его хозяин предпочел идти рядом со своим другом; Низиб на лошади — впереди маленького каравана. Что касается Ахмета, то он ускакал вперед, чтобы приготовить жилище в Хопе и приобрести какое-нибудь транспортное средство, тогда удалось бы выехать с восходом солнца.

Продвигались медленно и в тишине. Господин Керабан внутренне продолжал пребывать в гневе, проявлявшемся в часто повторяемых словах: «Казаки, железная дорога, вагон, Саффар!» Ван Миттен выжидал момента, чтобы заговорить о своем намерении расстаться, но пока не осмеливался, считая это несвоевременным. Было ясно, что его друг готов вспыхнуть из-за ничего.

В Хопу прибыли в девять часов вечера. Пеший переход требовал отдыха в течение всей ночи. Гостиница была посредственной, но усталому и камень мягок. Все благополучно проспали здесь свои десять часов, кроме Ахмета, который еще вечером отправился в деревню, чтобы найти средство передвижения.

На следующий день, 14 сентября, в семь часов перед дверями гостиницы стояла полностью запряженная арба. Ах, как жалко старой почтовой кареты! Вместо нее теперь путешественники обрели нечто вроде грубой телеги, поставленной на два колеса; три человека с большим трудом могли в ней разместиться! Пара лошадей еле передвигала этот увесистый агрегат. К счастью, Ахмет велел покрыть арбу непромокаемым навесом, натянутым на деревянные ободы так, чтобы защищать людей от ветра и дождя. Приходилось удовольствоваться тем, что есть, в ожидании лучшего. Однако было мало вероятно, что удастся отправиться в Трапезунд на более комфортабельном и быстром экипаже.

Легко понять, что при виде этой арбы ван Миттен, каким бы философом голандец ни считался, и Бруно, хоть он и был совершенно изнуренным, не могли скрыть гримасу, мгновенно исчезнувшую под взглядом господина Керабана.

— Вот все, что я смог найти, дядя! — сказал Ахмет, указывая на арбу.

— И это все, что нам требуется, — ответил Керабан, который ни за что в мире не хотел бы показать даже тени сожаления о своей прекрасной почтовой карете.

— Да, — продолжал Ахмет, — с хорошей соломенной подстилкой в этой арбе…

— Мы будем как принцы, племянник!

— Театральные принцы! — пробормотал Бруно.

— Что? — спросил Керабан.

— Впрочем, — добавил Ахмет, — мы не далее, как в ста шестидесяти агачах от Трапезунда. А там, я надеюсь, мы сможем достать лучший экипаж.

— Я повторяю, что и этот хорош! — твердил Керабан, наблюдая из-под нахмуренных бровей, не обнаружит ли он на лицах спутников хоть видимости несогласия.

Но все они под тяжестью этого грозного взгляда приняли бесстрастный вид.

Вот как было условлено: господин Керабан, ван Миттен и Бруно поместятся в арбе; на одну из лошадей упряжки сядет ямщик, на две свободные — Ахмет и Низиб, привычные к верховой езде. Таким образом можно было прибыть в Трапезунд, не опаздывая. Там, в этом крупном городе, необходимо предпринять меры, чтобы закончить путешествие комфортабельнее, чем сейчас.

Господин Керабан дал команду к отправлению, после чего на арбу погрузили провизию и некоторые инструменты, не считая двух наргиле, по счастью спасенных при катастрофе и переданных в распоряжение их владельцев. Впрочем, поселки этой части побережья находятся достаточно близко друг к другу. Их редко разделяет больше четырех-пяти лье. Так

что можно будет отдохнуть или запастись продовольствием без затруднений, особенно если нетерпеливый Ахмет согласится на несколько часов отдыха, а духаны[259] поселков будут достаточно снабжены продуктами.

— В дорогу! — повторил Ахмет вслед за дядей, уже занявшим место в арбе.

В этот момент Бруно подошел к ван Миттену и сказал ему серьезным, почти повелительным голосом:

— Хозяин, а предложение, которое вы должны сделать господину Керабану?

— Я еще не нашел случая, — ответил уклончиво ван Миттен. — Впрочем, мне кажется, что он не в лучшем настроении…

— Так что, мы заберемся туда? — продолжал Бруно, жестом глубокого презрения указывая на арбу.

— Да… временно.

— Но когда же вы решитесь попросить деньги, от которых зависит наша свобода?

— В ближайшем поселке, — ответил ван Миттен.

— В ближайшем поселке?

— Да! В Аршаве![260]

Бруно покачал головой в знак неодобрения и устроился позади хозяина в глубине арбы. Тяжелая тележка двинулась неожиданно резвой рысью по скатам дороги.

Погода оставляла желать лучшего. На западе скапливались грозовые облака, чувствовалось приближение шквального ветра. На этой части побережья, подверженной воздействию атмосферных потоков воздуха, следовало ожидать определенных трудностей при передвижении. Но погоде не указывают, а фаталистически настроенные приверженцы Мухаммада умеют лучше, чем кто-либо другой, принимать ее такой, какая она есть. Все же можно было опасаться, что Черное море через некоторое время будет оправдывать не греческое наименование Понт Эвксинский — «гостеприимное море», а скорее свое турецкое название Кара-Дениз[261], которое обещает гораздо меньше хорошего.

К счастью, принятый маршрут проходил не по возвышенной и гористой части Лазистана. Там дорог нет вообще, и нужно продираться сквозь леса, которые секира лесоруба не привела еще в порядок. Проезд по ней арбы был бы почти невозможен. Побережье же более проходимо, и поселков здесь немало. Дорога живописна — она пролегает посреди фруктовых деревьев, кустов лавра и альпийских роз. Приятно ехать, глядя на причудливо изогнутые лозы дикого винограда, под тенью орехов и каштанов.

Однако если этот край Лазистана дает путешественникам довольно легкую возможность для проезда, то в своих низинных частях он отличается нездоровым климатом. Там простираются заразные болота и с августа по май царствует тиф. К счастью для господина Керабана и его сотоварищей, был сентябрь, и их здоровье не подвергалось никакому риску. Они испытывали усталость, но болезни им не угрожали. Да и к тому же если не всегда можно выздороветь, то всегда есть возможность отдохнуть. А когда так рассуждал самый упрямый из турок, то его спутникам нечего было возразить ему.

К девяти часам утра арба остановилась в селении Аршава. Решили покинуть его через час, и, таким образом, ван Миттен не мог улучить подходящего момента, чтобы заговорить с Керабаном о займе некоторой суммы денег.

В связи с этим последовал вопрос Бруно:

— Ну, хозяин, дело сделано?

— Нет, Бруно, нет еще.

— Но ведь пора…

— В следующем поселке!

— В следующем поселке?..

— Да, в Вице[262].

И Бруно, который в денежном вопросе зависел от своего хозяина так же, как тот — от господина Керабана, скрыл на этот раз свое дурное настроение и снова занял место в арбе.

— Что с этим парнем? — спросил Керабан.

— Ничего, поспешил ответить ван Миттен. — Наверное, немного устал.

— Он? — удивился Керабан. — У него великолепный вид. Я нахожу даже, что он толстеет.

— Я! — вскричал Бруно, задетый за живое.

— Да! Он, похоже, собирается превратиться в прекрасного турка с дородным телосложением.

Ван Миттен схватил за руку Бруно, готового вспылить при столь неуместном комплименте, и тот промолчал.

Тем временем упряжка двигалась хорошим аллюром[263], и жаловаться было не на что, хотя из-за тряски внутри арбы случались маленькие контузии.

На дороге можно было увидеть нескольких лазов, спускающихся с Лазистанского хребта по хозяйственным или торговым надобностям. Если бы ван Миттен был меньше занят своими планами, то мог бы отметить в записях различие в одежде, которое существует между кавказцами и лазами. Нечто вроде фригийского колпака[264], завязки которого обвивают голову на манер прически, заменяет грузинскую тюбетейку. На груди у этих горцев, высоких, хорошо сложенных, красуются два патронташа, расположением и устройством подобные трубкам флейты Пана[265]. Короткоствольное ружье и кинжал с широким лезвием, вдетый в пояс, обшитый медью, составляют их обычное вооружение.

Несколько погонщиков ослов также двигались по дороге, перевозя в приморские поселки урожай разнообразных фруктов, собираемых в срединной зоне.

В общем, если бы погода была более надежной, а небо менее угрожающим, то пассажирам арбы незачем было бы жаловаться на путешествие, проходящее даже в таких примитивных условиях.

В одиннадцать часов утра наши друзья прибыли в Вице на древнем Пюкситесе, греческое название которого «самшит» достаточно оправдывается обилием этого растения в окрестностях. Там они наскоро, и даже, пожалуй, слишком наскоро, позавтракали — по прихоти господина Керабана, брюзжание которого свидетельствовало о плохом настроении.

Так что ван Миттен опять не счел случай подходящим, чтобы обратиться к нему со своей небольшой просьбой. В момент отъезда Бруно отвел его в сторону и спросил:

— Ну что, хозяин?

Ван Миттен ответил ему:

— Ну, Бруно, в следующем поселке.

— Как?

— Да, в Ардешене!

И Бруно, рассерженный таким проявлением хозяйской слабости, ворча, лег в глубине арбы, а ван Миттен стал растроганно рассматривать романтический пейзаж, в котором сочетались голландская опрятность с итальянской живописностью.

В Ардешене все было так же, как в Вице и Аршаве. В три часа вечера поменяли

лошадей и в четыре выехали, но в силу категорического требования Бруно, не желавшего медлить и дальше, ван Миттен согласился обратиться к Керабану еще до прибытия в поселок Атина[266], где было условлено провести ночь.

Чтобы добраться до этого поселка, нужно пройти пять лье, что увеличило бы расстояние, проделанное за этот день, до пятнадцати лье. Это было не так уж плохо для простой тележки, но дождь, который собирался, без сомнения, должен был задержать ее, сделав дорогу плохо проходимой.

Грозовые облака вдали все росли и росли. Тяжелая атмосфера затрудняла дыхание. Было ясно, что ночью или вечером над морем разразится гроза. После первых вспышек молнии пространство, глубоко потревоженное электрическими разрядами, стало продуваться шквальными порывами, а шквал не может разбушеваться без того, чтобы пар не обратился в дождь.

Три путешественника, и не больше, могла вместить арба. Ни Ахмет, ни Низиб не нашли бы убежища под ее полотном, которое, возможно, и не смогло бы защитить от порывов бури. Так что всадникам, как, впрочем, и остальным, нужно было быстрее добраться до следующего поселка.

Два или три раза господин Керабан высовывал голову из-под навеса и смотрел на небо, мрачневшее все больше и больше.

— Плохая погода, — качал он головой.

— Да, дядя, — соглашался Ахмет, — Успеть бы только добраться до сменной станции прежде, чем разразится гроза.

— Как только начнется дождь, — продолжал Керабан, — ты присоединишься к нам в тележке.

— А кто уступит мне место?

— Бруно! Этот добрый малый сядет на твою лошадь…

— Конечно, — живо подтвердил ван Миттен.

Но можно быть уверенным, что он не смотрел на Бруно в тот момент, когда давал согласие. Не осмелился. Бруно пришлось собрать все силы, чтобы не взорваться, и его хозяин хорошо это чувствовал.

— Самое лучшее — это поспешить, — сказал Ахмет. — Если шторм разразится, то полотнище будет пробито в один момент и арба уже не спасет.

— Поторопи упряжку, — сказал Керабан ямщику.

Возчик не меньше путешественников торопился прибыть в Атину и хлыста не жалел. Но бедные животные, изнывая от грозовой тяжести, не могли двигаться резвее, тем более по дороге, еще не выровненной макадамом[267].

Как же господин Керабан и его спутники должны были завидовать «чапару», экипаж которого пересек им путь к семи часам вечера! Это был английский курьер, который каждые две недели перевозил депеши из Европы в Тегеран. Ему требуется лишь двенадцать дней, чтобы добраться до Тегерана, столицы Персии, с двумя или тремя лошадьми, перевозящими его чемоданы, и несколькими «заптие»[268] эскорта. На почтовой станции ему оказывают предпочтение перед всеми другими путешественниками, и у Ахмета появилось опасение, что в Атине нельзя будет найти неизнуренных лошадей. К счастью, эта мысль не пришла в голову господину Керабану. Он получил бы удобный случай для излияния новых жалоб и, безусловно, воспользовался бы им. Может быть, негоциант даже искал такого случая. В конце концов он его и получил благодаря ван Миттену.

Голландец не мог более отступать от обещаний, данных Бруно, и наконец осмелился на дипломатическую беседу, соблюдая при этом всю возможную осторожность. Угроза плохой погоды показалась ему прекрасным вступлением к разговору.

— Друг Керабан, — сказал он сначала тоном человека, который не то чтобы хочет дать совет, а скорее просит его, — что вы думаете о состоянии атмосферы?

— Что я думаю?

— Да! Вы знаете, мы приближаемся к осеннему равноденствию, и следует опасаться, что наше путешествие не будет столь благополучным во второй части, как было в первой.

— Ну, мы будем в менее благоприятных обстоятельствах, вот и все, — заметил Керабан сухим тоном. — У меня нет власти менять по своему желанию атмосферные условия. Я не повелеваю стихиями, насколько мне известно, ван Миттен.

— Да… очевидно, — ответил голландец, которого такое начало не обнадеживало. — Но я не об этом говорю, мой достойный друг.

— Что же вы тогда хотите сказать?

— Что, может быть, грозы и не будет или она пройдет…

— Все грозы проходят, ван Миттен. Они продолжаются более или менее долго… как и споры, но они проходят. И за ними, естественно, следует хорошая погода.

— По крайней мере, — заметил ван Миттен, — если атмосфера не слишком сильно потревожена… и не период равноденствия…

— Когда человек попадает в такие условия, то с этим нужно смириться. Я не могу сделать так, чтобы мы были не в равноденствии! Можно подумать, ван Миттен, что вы упрекаете меня в этом?

— Нет! Уверяю вас… Упрекать вас… мне, друг Керабан! — пролепетал ван Миттен.

Было слишком очевидно, что дело оборачивается плохо. Если бы позади него не сидел Бруно, чье глухое подстрекательство он ощущал, то ван Миттен оставил бы этот опасный разговор до лучших времен. Но пути к отступлению не было, тем более что Керабан на этот раз прямо спросил его, нахмурив брови:

— Что с вами, ван Миттен? Можно подумать, что у вас есть какая-то задняя мысль?

— У меня?

— Да, у вас! Посмотрим. Объяснитесь откровенно! Мне не нравятся люди, которые строят вам кислую мину, не говоря почему.

— Я? Строю кислую мину?

— Можете вы меня в чем-нибудь упрекнуть! Пригласив вас пообедать в Скутари, разве я не везу вас туда? Разве моя вина, что карета разбилась на этой проклятой железной дороге?

— О да! Это была его, и только его, вина! Но голландец воздержался от того, чтобы упрекать торговца за это.

— И моя ли вина, что нам угрожает плохая погода, когда у нас только арба для передвижения? Посмотрим. Говорите!

Взволнованный ван Миттен уже не знал, что отвечать. Он ограничился поэтому лишь тем, что спросил у своего малотерпеливого спутника, не собирается ли он остаться в Атине или даже в Трапезунде в случае, если плохая погода сделает путешествие слишком трудным.

— Трудным не значит невозможным, не так ли? — сказал Керабан. И поскольку я намерен прибыть в Скутари к концу месяца, то мы продолжим путь, даже если все стихии вступят в заговор против нас!

Тогда ван Миттен призвал себе на помощь все мужество и не без явного колебания в

голосе сформулировал известное предложение.

— Хорошо, друг Керабан, — сказал он, — если это вас не слишком стеснит, то я попрошу у вас для Бруно и для себя разрешения… да… разрешения остаться в Атине.

— Вы просите у меня разрешения остаться в Атине?.. — удивился Керабан, скандируя каждый слог.

— Да… разрешения… дозволения… поскольку я ничего не хотел бы сделать без вашего признания… чтобы…

— Чтобы нам разделиться, не так ли?

— О! Временно! Лишь временно! — поспешил прибавить ван Миттен. — Мы очень устали, Бруно и я. Мы предпочли бы вернуться в Константинополь морем… да!.. морем…

— Морем?

— Да… дорогой Керабан… О! Я знаю, что вы не любите моря! И не говорю об этом, чтобы не стеснить своего друга. Очень хорошо понимаю: плыть по морю было бы для вас неприятно… Поэтому я нахожу вполне естественным, что вы продолжите следовать по прибрежной дороге! Но усталость начинает делать для меня это передвижение слишком тягостным… и… если хорошенько посмотреть, Бруно худеет!

— А! Бруно худеет! — ухмыльнулся Керабан, даже не оборачиваясь к злосчастному слуге, который неверной рукой лихорадочно показывал на одежду, болтающуюся на его исхудалом теле.

— Вот почему, друг Керабан, — продолжил ван Миттен, — я прошу вас не слишком на нас сердиться, если мы останемся в поселке Атина, откуда доберемся до Европы при более благоприятных условиях. Я вам повторяю, что мы снова встретимся в Константинополе… или, вернее, в Скутари, да… в Скутари. И я не заставлю ждать себя к свадьбе моего молодого друга Ахмета!

Ван Миттен сказал все что хотел и теперь ждал ответа господина Керабана. Будет ли он просто согласен на столь естественна просьбу или выразит гневный протест?

Голландец склонил голову, не осмеливаясь взглянуть в глаза своему страшному спутнику.

— Ван Миттен, — ответил Керабан тоном более спокойным, чем можно было ожидать. — Вы легко можете понять, что ваше предложение могло бы удивить меня и даже вызвать…

— Друг Керабан!.. — воскликнул ван Миттен, который при этих словах подумал о неминуемой буре.

— Дайте мне, пожалуйста, закончить! — сказал Керабан. — Вам легко догадаться, что я не могу без истинного огорчения посмотреть на такое расставание. Добавлю даже, что никак не ожидал подобного со стороны корреспондента, связанного со мной тридцатилетним сотрудничеством…

— Керабан! — заволновался ван Миттен.

— Во имя Аллаха! Дайте мне закончить! — воскликнул Керабан, который уже едва сдерживался. — Но вы свободны, ван Миттен! Вы ни мой родственник, ни мой слуга! Только мой друг, а друг может себе позволить все, даже порвать узы старой дружбы!

— Керабан!.. мой дорогой Керабан… — взмолился ван Миттен, очень взволнованный упреком.

— Так что вы останетесь в Атине, если вам угодно остаться в Атине, или даже в Трапезунде, если вам угодно остаться в Трапезунде!

После этого господин Керабан откинулся в своем углу, как человек, рядом с которым нет никого, кроме безразличных ему посторонних людей, лишь случайно ставших попутчиками в дороге.

В общем, если Бруно был восхищен оборотом, который приняло дело, то ван Миттен остался крайне расстроенным оттого, что причинил своему другу такое огорчение. Но в конце концов его план удался, и он не собирался брать назад свое предложение, хотя мысль об этом, возможно, у него и промелькнула. Впрочем, Бруно был рядом.

Оставался еще вопрос денег, необходимость занять нужную сумму, чтобы быть в состоянии прожить некоторое время в этой стране и закончить путешествие в других условиях. Но это уже не составляло трудности. Значительная часть состояния ван Миттена в Роттердаме в ближайшее время будет переведена в Константинопольский банк, и господин Керабан легко сможет возместить данную взаймы сумму по чеку, который ему выдал бы голландец.

— Друг Керабан! — обратился ван Миттен после нескольких минут молчания, никем не прерванное.

— Что еще, сударь? — спросил Керабан, как если бы он отвечал очень докучливому человеку.

— Прибыв в Атину… — продолжал ван Миттен, которого слово «сударь» поразило прямо в сердце.

— Прибыв в Атину, мы разделимся. Это уже условлено!

— Да, без сомнения… Керабан!

Он не осмелился сказать «друг мой Керабан».

— Да… без сомнения… Поэтому я попрошу вас предоставить мне некоторую сумму денег…

— Денег! Каких денег?

— Небольшую сумму… которую вы возместите себе… в Константинопольском банке.

— Небольшую сумму?

— Вы знаете, что я отправился почти без денег. И, поскольку вы великодушно взяли на себя расходы по этому путешествию…

— Эти расходы касаются только меня!

— Пусть так… Я не хочу спорить.

— Я не позволил бы вам израсходовать ни одной лиры, — отрубил Керабан, — ни одной!

— Я вам очень признателен за это, — сказал ван Миттен, — но сегодня у меня не остается ни одного пара, и я буду весьма признателен…

— У меня нет денег взаймы, — сухо ответил Керабан. — Едва хватит на то, чтобы закончить это путешествие.

— Все же… вы, конечно, дадите мне?

— Ничего, я вам говорю!

— Как? — воскликнул Бруно.

— Бруно позволяет себе говорить, мне кажется! — сказал Керабан голосом, полным угрозы.

— Несомненно, — ответил слуга.

— Молчи, Бруно, — сказал ван Миттен, который не хотел, чтобы это вмешательство ожесточило спор.

Слуга замолчал.

— Мой дорогой Керабан, — снова заговорил ван Миттен. — Речь, в конце концов, идет об относительно небольшой сумме, которая позволит мне прожить несколько дней в Трапезунде…

— Небольшой тоже нет, сударь, — прервал собеседника Керабан, — не ждите от меня абсолютно ничего!

— Тысячи пиастров хватило бы!

— Ни тысячи, ни ста, ни десяти, ни одною! — отвечал Керабан, все более закипая.

— Как? Ничего?

— Ничего!

— Но тогда…

— Тогда вам остается только продолжать поездку с нами, господин ван Миттен. Вы не будете испытывать недостатка ни в чем! Но предоставить вам пиастр, пара, полпара, чтобы дать возможность разгуливать, как вам понравится… никогда!

— Никогда?

— Никогда!

Тон, которым это «никогда» было произнесено, окончательно убедил ван Миттена и даже Бруно, что решение упрямца бесповоротно. Если он сказал «нет», значит, это десять раз «нет»!

Был ли ван Миттен особо огорчен этим отказом Керабана, некогда его корреспондента и совсем недавно — друга, трудно сказать, так как человеческое сердце, в частности сердце нашего голландца, флегматичного и сдержанного, полно тайн. Что касается Бруно, то он был вне себя. Как! Ему придется путешествовать в таких условиях и, может быть, в еще худших? Ему надо продолжать этот бессмысленный путь, безумный маршрут, на телеге, на лошади, пешком? И все это — чтобы ублажить упрямого османа, перед которым дрожит его хозяин! Ему придется терять то немногое, что у него осталось от былой дородности, пока господин Керабан наперекор препятствиям и усталости будет и дальше сохранять свою величественную полноту?

Да, но что здесь поделаешь? Поэтому, не имея других средств, кроме ворчания, Бруно и возмущался потихоньку в своем углу. На минуту ему пришла мысль покинуть хозяина и предоставить тому в одиночестве расхлебывать последствия подобной тирании. Но вопрос денег встал перед ним, как и перед ван Миттеном, который сейчас не смог бы даже заплатить жалованье слуге. Так что делать было нечего.

Пока шли все эти дебаты, арба с трудом продвигалась вперед. Мрачное, тяжелое небо казалось прижавшимся к морю. Глухой рев прибоя указывал, что волнение усиливается. Чувствовалось приближение шторма.

Ямщик как мог торопил лошадей, но бедные животные шли с трудом. Ахмет, спешивший в Атину не меньше, подгонял их со своей стороны, но уже не было никаких сомнений, что гроза их догонит.

Господин Керабан с закрытыми глазами не произносил ни слова. Это безмолвие угнетало ван Миттена, который предпочел бы получить взбучку от своего старого друга. Он чувствовал, сколько у того Должно было скопиться ругательств против него. Если когда-либо все они прорвутся, будет ужасно!

Наконец ван Миттен не выдержал и, наклонившись к уху Керабана так, чтобы Бруно не мог слышать, сказал ему:

— Друг Керабан!

— В чем дело? — спросил тот.

— Как я только мог поддаться этой мысли покинуть вас хоть на миг? — продолжил ван Миттен.

— Да! Как?

— Поистине, не понимаю!

— Я тоже! — ответил Керабан.

И это было все. Но рука ван Миттена нащупала руку негоцианта, принявшего это раскаяние великодушным пожатием, отметку от которого пальцы голландца сохранили надолго.

Было девять часов вечера. Только что разразилась сильнейшая гроза. По всему горизонту полыхали огромные белые молнии, хотя раскатов грома еще не было слышно. Шквальные порывы ветра стали столь сильными, что несколько раз арба чуть не перевернулась на дороге. Измученные, испуганные лошади всякий раз останавливались, вставали на дыбы, отступали, и ямщику едва удавалось их удержать.

Что можно было сделать в таких обстоятельствах? Не имея укрытия, на этом скалистом берегу, продуваемом западными ветрами, останавливаться было нельзя, а до ближайшего поселка оставалось еще не менее получаса езды.

Очень обеспокоенный Ахмет не знал, какое решение принять, когда у изгиба берега он заметил яркий свет на расстоянии ружейного выстрела. Это был маяк Атины, возвышавшийся на береговых скалах перед поселком и рассеивающий мрак. Ахмет подумал, что можно попросить гостеприимства на ночь у смотрителей маяка, которые должны быть на своем посту, и он постучал в дверь домика, построенного у подножия маяка.

Было самое время: еще несколько мгновений — и господин Керабан со своими спутниками уже не могли бы противостоять шторму.

Глава третья,

в которой Бруно разыгрывает со своим товарищем Низибом шутку, которую читатель, разумеется, простит ему.

Простой деревянный дом, разделенный на два помещения с окнами на море; пилон[269] из балок, поддерживающий фонарь с отражателем и возвышающийся на шестьдесят футов над крышей, — таков был маяк в Атине. Проще не придумаешь.

Но каким бы он ни был, его огонь оказывал большие услуги судоходству в этом прибрежном районе. Построен маяк был совсем недавно. Прежде чем осветились трудные подступы к маленькому атинскому порту, открытому на запад, не один корабль был выброшен на берег в этом тупике на окраине Азиатского континента. Под напором северных и западных ветров даже пароходу, несмотря на все усилия машины, приходится нелегко, не говоря уж о парусном судне, которое может бороться с бурей, лишь идя галсами против ветра.

Два смотрителя находились на своем посту в маленьком деревянном домике, расположенном у подножия маяка. Первая из двух комнат служила им общим помещением, во второй стояли две койки, которые никогда не бывали заняты одновременно: один из смотрителей каждую ночь дежурил как для поддержания огня, так и для подачи сигналов, если какое-либо судно решалось проникнуть без лоцмана в акваторию атинского порта.

На стук снаружи дверь домика отворилась. В нее под напором ураганного ветра стремительно вошел господин Керабан, за которым следовали Ахмет, ван Миттен, Бруно и Низиб.

— Что вы хотите? — спросил один из смотрителей, к которому почти тотчас присоединился его разбуженный шумом товарищ.

— Приюта на ночь, — ответил Ахмет.

— Приюта? Если вам нужно только укрытие, то дом в вашем распоряжении.

— Укрытие, чтобы дождаться дня, — заметил Керабан, — и что-либо для утоления голода.

— Хорошо, — сказал смотритель, — но вам лучше было бы остановиться в какой-нибудь гостинице поселка Атина.

— А на каком расстоянии поселок? — спросил ван Миттен.

— Приблизительно в полулье от маяка, позади береговых скал.

— Пройти пол-лье в такую ужасную погоду! — вскричал Керабан. — Нет, друзья, нет! Вот скамьи, на которых мы, с вашего разрешения, проведем ночь. Если наша арба и лошади могут укрыться позади вашего домика, то это все, что нам нужно! Завтра, с наступлением дня, мы попадем в поселок, и да поможет нам Аллах найти какое-либо более подходящее средство передвижения!

— Особенно более быстрое, — прибавил Ахмет.

— И менее примитивное! — пробормотал сквозь зубы Бруно.

— …чем эта арба, о которой, впрочем, не стоит дурно отзываться, — продолжал господин Керабан, бросив суровый взгляд на ворчливого слугу ван Миттена.

— Сударь, — сказал смотритель, — повторяю вам, что наше жилище в вашем распоряжении. Уже многие путешественники находили здесь убежище от ненастья и

удовольствовались…

— …тем, чем мы тоже сумеем удовольствоваться! — подхватил Керабан.

После этого путешественники стали готовиться провести ночь в этом домике. Во всяком случае, слыша бушующие снаружи ветер и дождь, они могли только поздравить себя с тем, что нашли такое укрытие, каким бы малокомфортабельным оно ни было.

Но ложиться спать хорошо при условии, что сну предшествует хоть какой-нибудь ужин. Естественно, это замечание сделал Бруно, напомнив также, что запасы продовольствия на арбе полностью исчерпаны.

— В самом деле, — заговорил Керабан, — что вы можете предложить нам, друзья? За деньги, разумеется.

— То, что есть, — ответил один из смотрителей маяка, — и все пиастры казны не помогут вам найти здесь что-либо другое, кроме той скудной провизии, которая у нас остается.

— Этого хватит! — ответил Ахмет.

— Да… если имеется достаточно, — пробормотал Бруно, чьи зубы как бы удлинились от возбуждения, вызванного сильным голодом.

— Пройдите в другую комнату, — пригласил смотритель. — Все, что на столе, — в вашем распоряжении.

— Бруно будет обслуживать нас, — распорядился Керабан, — а Низиб пойдет помочь ямщику поставить в укрытие от ветра наш экипаж.

По знаку хозяина Низиб тотчас вышел, чтобы выполнить поручение.

А господин Керабан, ван Миттен и Ахмет в сопровождении Бруно вошли во вторую комнату и заняли место за маленьким столиком перед горящим очагом. На тарелках лежали остатки холодного мяса, которому изголодавшиеся путники оказали честь. И даже слишком много чести, по мнению Бруно, наблюдавшего, как жадно они едят.

— Давайте не забывать о Бруно и Низибе, — заметил ван Миттен через четверть часа жевания, которое слуга достойного голландца находил нескончаемым.

— Да, конечно, — согласился господин Керабан, — нет причин, чтобы они умирали от голода раньше, чем их хозяева.

— Он, поистине, очень добр, — пробормотал Бруно.

— И не нужно обращаться с ними, как с казаками, — прибавил Керабан. — Ах, эти казаки! Нужно бы повесить сотню их…

— О! — протянул ван Миттен.

— Тысячу… десять тысяч… сто тысяч… — прибавил Керабан, тряся друга своей мощной рукой. — И то их останется слишком много!.. Кстати, время уже позднее. Пошли спать!

— Да, это лучше! — ответил ван Миттен, который своим несвоевременным «о!» чуть было не спровоцировал избиение большой части кочевых племен Российской империи.

Низиб присоединился к Бруно, чтобы поужинать вместе с ним, а господин Керабан, ван Миттен и Ахмет вернулись в первую комнату. Там, завернувшись в плащи и вытянувшись на скамейках, они постарались забыть во сне долгие часы ночного урагана. Но, разумеется, спать в таких условиях было непросто.

Тем временем Бруно и Низиб сели за стол друг против друга и приготовились добросовестно покончить с тем, что оставалось на блюдах и в кувшинах. Бруно продолжал главенствовать над Низибом, а тот ни на секунду не терял почтительности к приятелю из

Голландии.

— Низиб, — сказал Бруно, — по-моему, когда хозяева поужинали у слуг есть право съесть остатки, коль скоро хозяева их им оставили.

— Вы всегда голодны, господин Бруно? — спросил Низиб с одобрительным видом.

— Всегда голоден, Низиб. Особенно после того, как двенадцать часов ничего не ел.

— Непохоже.

— Непохоже? Но разве вы не видите, Низиб, что я похудел еще на десять фунтов за последние восемь дней? Теперь в мою одежду, ставшую слишком широкой, можно нарядить человека в два раза толще меня.

— Действительно странно то, что с вами происходит, господин Бруно. Вот я при таком режиме скорее толстею.

— А! Ты толстеешь, — пробормотал Бруно, косо поглядывая на товарища.

— Посмотрим-ка, что осталось на этом блюде, — сказал Низиб.

— Гм! — сказал Бруно. — Осталось немного… И если даже одному и хватит, то двум наверняка нет.

— В путешествии нужно уметь довольствоваться тем, что можно найти, господин Бруно.

«А! Ты философствуешь, — сказал про себя Бруно. — А! Ты позволяешь себе толстеть».

И, придвинув к себе тарелку Низиба, спросил:

— Что вы тут едите?

— Не знаю, но это очень похоже на баранину, — ответил Низиб, вернув тарелку на прежнее место.

— Баранину? — вскричал Бруно. — Э, Низиб, берегитесь! Мне кажется, что вы ошибаетесь.

— Посмотрим, — сказал Низиб, подцепив вилкой кусок и кладя его в рот.

— Нет! Нет! — воскликнул Бруно, останавливая его рукой. — Не торопитесь. Во имя Пророка, как вы говорите, я очень боюсь, что это мясо некоего нечистого животного. Разумеется, нечистого для турка, а не для христианина.

— Вы думаете, господин Бруно?

— Дайте мне удостовериться, Низиб.

И Бруно положил на свою тарелку кусок мяса, выбранного Низибом. Затем под предлогом изучения он за несколько мгновений проглотил его.

— Ну? — спросил Низиб, не без некоторого беспокойства.

— Конечно, — ответил Бруно, — я не ошибся. Это свинина. Ужасно! Вы собирались есть свинину?

— Свинину? — воскликнул Низиб. — Это запрещено…

— Абсолютно.

— Но мне показалось…

— Какого черта, Низиб! Вы можете положиться на человека, который разбирается в этом лучше вас.

— Тогда, господин Бруно…

— Тогда на вашем месте я довольствовался бы этим куском козьего сыра.

— Этого мало, — ответил Низиб.

— Да… но у него прекрасный вид.

И Бруно положил сыр перед своим товарищем. Низиб не без гримас стал есть, в то

время как Бруно быстро расправлялся с кушаньем более питательным, хотя и не имеющим ничего общего со свининой.

— За ваше здоровье, Низиб, — сказал он, наливая себе полный стакан содержимого кувшина, стоявшего на столе.

— Что это за питье? — спросил Низиб.

— Гм… — замялся голландец, — мне кажется…

— Что? — спросил турок, протягивая свой стакан.

— Что в нем есть немного спирта, — ответил Бруно, — и хороший мусульманин не может позволить себе…

— Но я не могу есть, не запивая.

— Не запивая? Нет! Вот в этом кувшине свежая вода, которой вам придется удовлетвориться, Низиб! Счастливые вы люди, турки, привыкшие к этому целительному напитку.

И пока Низиб пил, Бруно бормотал:

— Толстей, толстей, мой мальчик… толстей…

В этот момент Низиб повернул голову и увидел на камине еще одно блюдо, в котором оставался кусок мяса аппетитного вида.

— А! — воскликнул Низиб. — Сейчас я смогу поесть более основательно!

— На этот раз, — решил Бруно, — мы разделим его как добрые приятели. Мне действительно было бы жаль, если бы вы не поели ничего, кроме козьего сыра.

— Это, наверное, баранина, господин Бруно?

— Надеюсь, Низиб.

И голландец, придвинув к себе блюдо, стал резать кусок, который его приятель пожирал глазами.

— Ну? — спросил он.

— Да… баранина, — ответил Бруно, — это должна быть баранина. Впрочем, мы встречали на дороге столько стад этих любопытных четвероногих. Можно подумать, что в этой местности существуют только бараны.

— Итак… — начал Низиб, протягивая тарелку.

— Подождите, дружище, подождите! В ваших интересах, чтобы я убедился… Вы понимаете, здесь… только в нескольких лье от границы… Здесь еще почти русская кухня. А русские… Им нельзя доверять.

— Повторяю вам, господин Бруно, что на этот раз ошибка невозможна.

— Нет… — возразил сотрапезник, который только что попробовал новое кушанье, — это действительно баранина, но…

— Что же? — встревожился Низиб.

— Можно подумать… — размышлял голландец, проглатывая кусок за куском мясо со своей тарелки.

— Не так быстро, господин Бруно!

— Гм! Если это и баранина, то у нее странный вкус.

— Ничего. Я разберусь! — воскликнул Низиб, который при всем своем спокойствии уже начинал горячиться.

— Остерегитесь, Низиб, остерегитесь!

И, говоря это, хитрый европеец стремительно приканчивал последние куски мяса.

— Наконец, господин Бруно!

— Да, Низиб, наконец я подкрепился. Вы были совершенно правы на этот раз.

— Это была баранина?

— Настоящая баранина!

— Которую вы сожрали?

— Сожрал, Низиб? А! Вот слово, которого я не могу допустить! «Сожрал». Нет! Только попробовал.

— Хорошо же я поужинал! — воскликнул Низиб жалостным голосом. — Мне кажется, господин Бруно, вы могли бы оставить мою долю, а не съедать все, чтобы удостовериться, что это была…

— …баранина. Действительно, Низиб! Моя совесть обязывает меня…

— Скажите лучше, ваш желудок.

— …признать это! В конце концов, вам нечего жалеть о произошедшем, мой друг.

— Нет есть чего, господин Бруно.

— Нет! Вы не могли бы ее есть.

— Почему?

— Потому что эта баранина была нашпигована свиным салом, Низиб. Вы понимаете… нашпигована свиным салом…

После этого Бруно встал из-за стола, потирая живот, как человек, который хорошо поужинал. Затем он вернулся в общую комнату, сопровождаемый расстроенным Низибом.

Господин Керабан, Ахмет и ван Миттен, растянувшиеся на деревянных скамьях, так до сих пор и не заснули. Шторм в округе бушевал с удвоенной силой. Доски деревянного строения стонали под порывами ветра. Казалось, что маяк вот-вот сдвинется со своего места. Ураган расшатывал дверь и ставни окон с такой силой, как будто по ним бил какой-то гигантский таран. Их нужно прочно подпирать. По сотрясениям пилона, втиснутого в стену, можно было представить себе, какова сила шквала в пятидесяти футах над крышей. Сопротивлялся ли маяк этому приступу, продолжал ли он освещать подходы к порту в бушующем море? Это казалось весьма сомнительным. А между тем наступила половина двенадцатого ночи.

— Здесь невозможно спать! — сказал Керабан. Он поднялся и небольшими шагами прошелся по помещению.

— Нет, — согласился Ахмет. — И если ярость урагана еще усилится, то, боюсь, этот домик не уцелеет. Думаю, что нам надо быгть готовыми к любому происшествию.

— Вы спите, ван Миттен, вы можете спать? — спросил Керабан.

И он подошел, чтобы встряхнуть своего друга.

— Я дремал, — ответил ван Миттен.

— Вот на что способны невозмутимые натуры! Там, где никто не смог бы отдохнуть и мгновения, голландец находит время для дремоты!

— Я просто не помню подобной ночи! — сказал один из смотрителей маяка. — Ветер бьет по берегу, и, кто знает, не будут ли прибрежные скалы усеяны обломками кораблей!

— Не было ли в пределах видимости какого-нибудь судна? — спросил Ахмет.

— Нет, — ответил смотритель, — по крайней мере, до захода солнца. Когда я поднимался на верхушку маяка, чтобы зажечь фонарь, то ничего не заметил на море. И это счастье, потому что прибрежный район в бурю — просто погибель для судов. Даже с нашим огнем, светящим на пять миль от порта, причалить все равно трудно.

В этот миг порыв урагана отшвырнул дверь внутрь помещения, и казалось, что она

разлетелась вдребезги.

Но господин Керабан бросился к ней и, борясь с ветром, сумел с помощью смотрителя снова ее закрыть.

— Какая упрямица! — воскликнул он. — Но я был еще упрямее!

— Ужасный шторм! — отметил Ахмет.

— Действительно ужасный, — поддержал его ван Миттен. — Шторм, почти сравнимый с теми, которые налетают на наше голландское побережье после того, как пересекают Атлантику.

— О, — сказал Керабан, — почти сравнимые!

— Подумайте только, мой друг! Это штормы, приходящие к нам из Америки через весь океан!

— Разве ярость океана может сравниться с яростью Черного моря, ван Миттен?

— Друг Керабан, я не хотел бы вам противоречить, но…

— Но вы стараетесь это делать! — объявил торговец, у которого не было оснований пребывать в хорошем настроении.

— Нет! Я говорю только…

— …вы говорите?

— Я говорю, что в сравнении с океаном, с Атлантикой, Черное море, собственно говоря, не более чем озеро.

— Озеро! — воскликнул Керабан, качая головой. — Во имя Аллаха! Мне кажется, вы сказали «озеро»?

— Обширное озеро, если хотите… — ответил ван Миттен, стараясь смягчить выражения, — огромное озеро… но озеро!

— Почему не пруд?

— Я не сказал «пруд»!

— Почему не лужа?

— Я не сказал «лужа»!

— Почему не лоханка?

— Я не сказал «лоханка»!

— Нет, ван Миттен, но вы так думали.

— Уверяю вас…

— Хорошо! Пусть «лоханка»! Но если бы какой-нибудь катаклизм[270] бросил вашу Голландию в эту лоханку, то она целиком утонула бы в ней! Лоханка!

И, процедив все это сквозь зубы, господин Керабан начал шагать по комнате из угла в угол.

— Я все же уверен, что вовсе не говорил «лоханка», — бормотал абсолютно растерянный ван Миттен. — Поверьте, мой юный друг, — прибавил он, обращаясь к Ахмету, — что это выражение даже не приходило мне в голову! Атлантика.

— Конечно, господин ван Миттен, — ответил Ахмет, — но сейчас не место и не время спорить.

— Лоханка! — повторял сквозь зубы упрямый герой.

При этом он останавливался, чтобы посмотреть в лицо своему другу, который не осмеливался больше защищать Голландию, территорию которой господин Керабан угрожал утопить в волнах Понта Эвксинского.

В течение последующего часа сила урагана продолжала возрастать. Очень

обеспокоенные смотрители маяка время от времени выходили из домика через заднюю дверь, чтобы понаблюдать за деревянным пилоном, на конце которого раскачивался фонарь. Их гости, разбитые усталостью, снова легли на скамейки и пытались заснуть хоть ненадолго, но усилия их были тщетны.

Внезапно к двум часам утра хозяева и слуги были сброшены со своих мест. Окна, навесы которых оказались вырваны, разлетелись вдребезги. Затем наступило короткое затишье, после которого вдали прозвучал пушечный выстрел.

Глава четвертая,

в которой все происходит посреди ударов грома и вспышек молнии.

Все подскочили, устремились к зияющим окнам и стали смотреть на море, волны которого обрушивали на дом тучи брызг. Была глубокая темнота, и ничего нельзя было бы увидеть даже в нескольких шагах, если бы время от времени яркие разряды молнии не освещали горизонт. В один из таких моментов Ахмет указал на движущуюся точку, которая то появлялась, то исчезала на морском просторе.

— Неужели это корабль? — воскликнул он.

— И если это корабль, то не с него ли выстрелили из пушки? — прибавил Керабан.

— Я поднимусь на галерею маяка, — сказал один из смотрителей, направляясь к внутренней лестнице в углу помещения.

— Я пойду с вами, — сказал Ахмет.

Тем временем господин Керабан, ван Миттен, Бруно, Низиб и второй смотритель, несмотря на порывы ветра и водяные брызги, не отходили от разбитых окон.

Ахмет и его спутник быстро добрались до платформы. Находясь на уровне крыши, она служила основанием для пилона. Оттуда, в промежутке между балками, начиналась сквозная лестница, шестидесятая ступень которой соединялась с верхней частью маяка. Той самой, где был установлен осветительный аппарат — фонарь, заключенный в рефлектор.

Буря бушевала вовсю, и восхождение по лестнице было крайне затруднено. Прочные подпорки пилона раскачивались на своем основании. Временами Ахмет чувствовал себя так сильно прижатым к перилам лестницы, что начинал опасаться: сможет ли от них оторваться. Но, пользуясь моментами короткого затишья, он все же преодолевал еще две-три ступени. Наконец, следуя за испытывавшим такие же трудности смотрителем, молодой турок смог добраться до верхней галереи.

Оттуда открывался волнующий вид. Чудовищные волны, разбивающиеся о скалы; ливень брызг, разлетающихся в свете фонаря маяка; горы воды, сталкивающиеся в открытом море; их верхушки находили еще достаточно рассеянного в атмосфере света, чтобы явить свои белесые гребни; черное небо, обремененное низкими облаками, несущимися с огромной скоростью; в интервалах иногда можно было увидеть еще более высокие и густые скопления паров, из которых вылетали длинные синеватые молнии — безмолвная и бледная иллюминация, отражение какой-то более далекой грозы.

Ахмет и служитель уцепились за опору верхней галереи. Они смотрели вправо и влево от платформы, ища уже виденную мельком движущуюся точку или вспышку пушечного выстрела, которая обозначила бы его нахождение. Они не разговаривали, так как все равно не смогли бы услышать друг друга. Перед их глазами разворачивался достаточно широкий сектор обзора. Свет фонаря бросал на много миль перед ними светящийся пучок.

Но что, если фонарь неожиданно погаснет? Моментами порыв ветра добирался до огня, который сникал и терял почти всю яркость. А тут еще морские птицы, обезумевшие от шторма, устремлялись на аппарат подобно огромным насекомым, привлеченным лампой, и разбивали себе головы о защищавшую его железную решетку. Множество оглушительных криков добавлялось к грохоту бури. Неистовство ветра было столь сильно, что верхняя часть пилона колебалась со страшной амплитудой[271]. В этом, впрочем, нет ничего удивительного:

иногда башни европейских маяков испытывают такие колебания, что гири их часов перепутываются и перестают действовать. К тому же здешний большой деревянный каркас не обладает прочностью каменного. Будь сейчас здесь господин Керабан, которого даже волны Босфора могли сделать больным, наверняка он почувствовал бы все симптомы настоящей морской болезни.

Ахмет и смотритель старались во время вспышек молнии отыскать мелькнувшую было движущуюся точку. Тщетно! Неужели, если это впрямь судно, оно уже утонуло?

Внезапно Ахмет указал на горизонт. Зрение не подвело его: он первым заметил чудовищные световые столбы, которые только что появились на поверхности моря и протянулись до самых облаков.

Две колонны везикулярной формы[272], газообразные наверху и жидкие внизу, соединились друг с другом коническим мостом. Вращаясь с непостижимой быстротой, они открыли обширную выемку, в которую ворвался ветер. Перемещаясь, колонны взвихривали воду на своем пути. Во время затиший слышался резкий свист такой силы, что он должен был распространяться на огромное расстояние. Стремительные зигзагообразные взблески высвечивали огромные верхушки этих двух колонн, терявшиеся в тучах.

Два морских смерча! Всегда есть основания бояться этих феноменов. Причина возникновения их до сих пор хорошенько не выяснена.

Вдруг на небольшом расстоянии от одного из смерчей раздался глухой взрыв, которому предшествовала световая вспышка.

— На этот раз — пушечный выстрел! — закричал Ахмет.

Смотритель тут же сосредоточил на этой точке все внимание.

— Да! Там… там… — сказал он.

При свете молнии Ахмет заметил судно среднего тоннажа, боровшееся со штормом. Это была сильно поврежденная тартана, парус которой разорвало в клочья. Она неотвратимо неслась к берегу. Гибель была неизбежна: прямо перед ней по ветру высились скалы, а с другой стороны к тартане приближались два смерча. Будет ли она разбита на куски или утонет — вопрос мгновений!

Тем не менее корабль боролся со стихией. Если бы ему удалось избежать притяжения смерчей, то, возможно, какое-нибудь течение донесло бы его до порта. При ветре, дующем к берегу, даже без паруса тартана имела шанс войти в порт — ведь огонь на маяке не гас. Это была последняя надежда.

Поэтому на тартане решили обороняться от ближайшего из смерчей, угрожавшего увлечь судно в свою воронку. Отсюда и эти пушечные выстрелы: нужно было разорвать крутящуюся колонну, пробив ее снарядами. Это удалось, но не полностью. Ядро пронзило смерч на треть высоты, его части разделились и продолжали нестись в пространстве, как два обрубка какого-то фантастического животного. Затем они снова соединились и возобновили вращательное движение, втягивая по пути воздух и воду.

Было три часа ночи. Тартана по-прежнему дрейфовала к порту. В этот момент порыв урагана сотряс пилон до самого основания. Ахмет и смотритель стали опасаться, что его вырвет из земли. Балки трещали и угрожали оторваться от распорок, соединявших их с каркасом. Нужно было спуститься как можно быстрее и искать убежища в доме.

Ахмет и его сотоварищ так и поступили. Но удалось это не без труда, так как лестница сильно прогибалась под их ногами. Наконец спуск закончился, и они оказались на первых ступенях, от которых шел вход внутрь зала.

— Ну? — спросил Керабан.

— Это судно, — ответил Ахмет.

— Оно погибает?..

— Да, — ответил смотритель. — Разве что ему удастся войти прямо в акваторию порта.

— А это возможно?..

— Да, если капитан знает этот фарватер и огонь укажет ему направление.

— Можно чем-нибудь помочь?

— Нет!

Внезапно огромная молния вспыхнула над самым домиком. Тут же раздался удар грома. Керабан и его спутники были как бы парализованы электрическим шоком. Просто чудом они не были поражены на месте. Раздался страшный грохот. Какая-то тяжелая масса упала на крышу, сразу же обрушившуюся. Через образовавшееся широкое отверстие ворвался вихрь и разворотил все внутри помещения, деревянные стены которого повалились с такой легкостью, словно это был карточный домик. По невероятному счастью, никто из находившихся внутри не был ранен. Сорванная крыша соскользнула вправо, в то время как люди находились в левом углу возле двери.

— Наружу! Наружу! — закричал один из смотрителей, устремляясь к береговым скалам.

Все последовали за ним, и лишь внизу они поняли причину катастрофы. Маяк, пораженный электрическим разрядом, сломался у основания. Это вызвало обвал верхней части пилона, которая при своем падении пробила крышу. Затем ураган моментально закончил разрушение домика.

Теперь уже огонь не освещал подходы к маленькому порту. Если до сих пор тартана и не затонула, то что теперь помешало бы ей, в кромешном мраке, налететь прямо на скалы? Как раз сейчас ее неодолимо взметнуло вверх, а вокруг нее крутились столбы из воздуха и воды. Меньше полукабельтова отделяло тартану от огромной скалы, которая всего в пятидесяти футах к северо-западу выступала из воды. Было очевидно, что именно на нее налетит суденышко, разобьется и погибнет.

Керабан и его спутники бегали туда-сюда по берегу, с ужасом взирая на это душераздирающее зрелище, неспособные помочь попавшему в беду кораблю. Они и сами с трудом сопротивлялись Разбушевавшемуся ветру. Колючие брызги, в которых смешивались песок и морская вода, окатывали их с головой.

Прибежали несколько местных рыбаков, возможно, надеясь подивиться обломками тартаны, которые прибой вскоре должен был выбросить на скалы. Но господин Керабан, Ахмет и их спутники все еще надеялись на чудо. Путешественники стремились сделать все, чтобы помочь терпящим бедствие. Они хотели — и это было возможно — чтобы экипажу тартаны указали направление фарватера. Разве какое-либо течение не могло донести ее сюда, избегая рифов справа и слева?

— Факелы! Факелы! — закричал Керабан.

Тотчас же были зажжены смолистые ветки, обломанные с приморских сосен, которые росли по бокам разрушенного дома. Их коптящее пламя кое-как заменило погасший огонь маяка.

Тем временем тартану продолжало сносить. При вспышках молний было видно, как ее экипаж старается маневрировать. Капитан попытался поднять запасной парус, чтобы направиться к огням на берегу. Но под порывом урагана куски разорванного полотна, как стая буревестников, понеслись к береговым скалам. Временами суденышко поднималось на

огромную высоту и низвергалось в пропасть, где оно погибло бы, окажись там подводные скалы.

— Несчастные! — вскричал Керабан. — Друзья, неужели им ничем нельзя помочь?

— Ничем! — отвечали рыбаки.

— Ничем… Ничем… Тысяча пиастров! Десять тысяч! Сто тысяч… тому, кто поможет!

Но эти великодушные предложения ничего не могли изменить. Невозможно было броситься в бушующее море, чтобы доставить на тартану канат с берега. Вероятно, с помощью современных пушек, стреляющих спасательными ракетами[273], и можно было установить связь с судном, но в маленьком атинском порту не было даже спасательных шлюпок.

— Но мы не можем дать им погибнуть! — повторял Керабан, не владея собой при виде подобного зрелища.

Ахмет и остальные присутствующие были испуганы не меньше его и тоже не знали, что делать.

Внезапно с палубы тартаны раздался крик, заставивший Ахмета подпрыгнуть. Ему почудилось, что сквозь грохот волн и ветра до него донеслось его имя, да, его имя! И действительно, в момент короткого затишья крик повторился еще раз:

— Ахмет, ко мне! Ахмет!

Кто же мог звать его? Сердце Ахмета бешено забилось от внезапно возникшего и явственного предчувствия… Ему показалось, что он узнает, что он уже видел эту тартану. Но где? Не в Одессе ли перед виллой банкира Селима в день отъезда?

— Ахмет! Ахмет! — раздалось снова.

Керабан, ван Миттен, Бруно, Низиб приблизились к молодому человеку, неподвижно застывшему, с протянутыми к морю руками.

— Твое имя! Кажется, твое имя? — волновался Керабан.

— Да! Да, мое! — ответил Ахмет.

Внезапно длительная вспышка молнии от горизонта до горизонта озарила все пространство. Тартана высветилась с невероятной отчетливостью. Ее мачта была разбита молнией и полыхала, как факел, раздуваемый порывами шквала.

На корме тартаны две девушки плотно прижимались друг к другу и отчаянно звали:

— Ахмет! Ахмет!

— Она! Это она! Амазия! — кричал молодой человек, прыгая по скалам.

— Ахмет! Ахмет! — прогремел Керабан в свою очередь и побежал к племяннику, чтобы в случае необходимости прийти ему на помощь.

— Ахмет! Ахмет! — прозвучало еще раз над водным простором, и теперь уже не оставалось никаких сомнений.

— Амазия! Амазия! — закричал Ахмет и исчез, бросившись в пену прибоя.

В этот момент один из смерчей настиг тартану спереди, увлек ее в своем вращении и бросил прямо на скалу слева. Здесь маленькое суденышко разлетелось вдребезги с грохотом, заглушившим шум урагана. Обломки его затонули в одно мгновение. От удара смерчевой столб также распался, взорвавшись, как гигантская бомба. Его жидкое основание ушло в море, а пар, составлявший крутящуюся верхушку, улетел в облака.

Можно было думать, что погибли как те, кто был на тартане, так и храбрый молодой человек, устремившийся спасать девушек. Керабан попытался броситься ему на помощь, и его спутники вынуждены были бороться с ним, чтобы помешать его неизбежной гибели. В

этот момент в свете непрерывно освещавших пространство молний снова стал виден Ахмет. С нечеловеческим усилием он взбирался на скалу. Но что это? На руках его — одна из потерпевших кораблекрушение! Вторая девушка, вцепившись в его одежду, поднялась вместе с ним. И, кроме них, — на скале никого! Без сомнения, весь экипаж тартаны погиб. Только девушки спаслись от катастрофы.

Оказавшись вне досягаемости волн, Ахмет на секунду остановился и посмотрел на расстояние, отделявшее его от берега. Оно не превышало пятнадцати футов. Затем, воспользовавшись откатом большой волны, после которой воды осталось не более чем на несколько дюймов[274], наш герой устремился со своей ношей к береговым скалам и благополучно добрался до них. Вторая девушка не отставала ни на шаг.

Через минуту Ахмет оказался в окружении своих спутников. Здесь, разбитый волнением и усталостью, он упал, успев перед этим передать им спасенную девушку Керабану.

— Амазия! Амазия! — воскликнул Керабан.

Да! Это в самом деле была Амазия. Та самая Амазия, которую он оставил в Одессе, дочь его друга Селима! Но как она оказалась на этой, только что погибшей, тартане, в трех сотнях лье от Одессы, на другом краю Черного моря? А вместе с ней и ее горничная Неджеб? Что же случилось? Но ни Амазия, ни молодая цыганка не могли ответить хоть что-то на все эти вопросы: обе были без сознания.

Ахмет тем временем кое-как пришел в себя. Господин Керабан и смотритель маяка взяли девушек на руки. Затем они все вместе направились в поселок Атина, где один из рыбаков приютил их в своей хижине.

Амазию и Неджеб поместили перед очагом, в котором полыхали сухие виноградные лозы. Ахмет наклонился над девушкой, поддержал ей голову, позвал ее по имени и попытался заговорить с ней.

— Амазия! Милая Амазия! Она не слышит меня больше… не отвечает мне. Если она умерла, то я тоже умру!

— Нет, не умерла, — воскликнул Керабан. — Амазия дышит, Ахмет! Она жива!

В этот момент приподнялась Неджеб. Она бросилась к Амазии, крича:

— Хозяйка… моя любимая хозяйка! Да! Она жива!

И действительно, веки девушки дрогнули.

— Амазия! Амазия! — кричал Ахмет.

— Ахмет! Мой дорогой Ахмет! — прошептала девушка.

Керабан прижал их обоих к своей груди.

— Но что это была за тартана? — спросил Ахмет.

— Это та, которую мы должны были посетить перед вашим отъездом из Одессы, господин Ахмет, — ответила Неджеб.

— «Гидара» капитана Ярхуда?

— Да! Это он нас похитил.

— Но в чьих интересах он действовал?

— Мы не знаем.

— А куда направлялась эта тартана?

— Этого мы тоже не знаем, Ахмет, — это сказала уже Амазия. — Но вы здесь, и я уже все забыла!

— Но я не забуду! — вскричал господин Керабан.

Если бы в этот миг он обернулся, то увидел бы быстро удалявшегося человека, тайком наблюдавшего за ним через дверь хижины. Это был Ярхуд — единственный уцелевший из всего экипажа. Так и не будучи никем замеченным, он почти тотчас же исчез в направлении, противоположном от Атины.

Мальтийский капитан слышал все. Теперь он знал, что по какой-то непостижимой случайности Ахмет оказался на месте крушения «Гидары» как раз в тот момент, когда Амазия должна была погибнуть.

Миновав последние дома поселка, Ярхуд остановился.

— От Атины до Босфора долгая дорога, — сказал он, — и я успею исполнить приказания господина Саффара.

Глава пятая

О чем говорят и что видно на дороге из Атины в Трапезунд.

Нетрудно догадаться и не стоит лишний раз повторять, что жених и невеста были счастливы обрести друг друга. Они благодарили Аллаха за чудесный случай, приведший Ахмета на место, где буря выбросила тартану, и они испытали неизгладимое волнение. Понятно также, что Ахмет, как и его дядя Керабан, торопились узнать, что же произошло со времени их отъезда из Одессы. Амазии и Неджеб пришлось сразу же рассказать об этом во всех подробностях.

Само собой, что для девушек была найдена сухая одежда, а Ахмет надел местный костюм. Хозяева и слуги, сев на скамеечки перед потрескивающим пламенем очага, могли больше не беспокоиться о буре, последние порывы которой свирепствовали снаружи.

С каким волнением все узнали о том, что произошло на вилле Селима через несколько часов после того, как господин Керабан увез своих спутников по южнорусским дорогам!

Нет, вовсе не для того, чтобы продать девушкам дорогие ткани, бросил якорь Ярхуд в маленькой бухте у самого подножия жилища банкира Селима. Он сделал это, чтобы осуществить гнусное похищение, и все заставляло полагать, что он действовал по тщательно обдуманному плану.

Как только черное дело было сделано, тартана сразу же вышла в море. Откуда было узнать девушкам, что банкир Селим слышал их крики, что несчастный отец прибежал в момент, когда «Гидара» огибала последние скалы бухты, и был ранен выстрелом с палубы тартаны? Что касается пребывания обеих девушек на борту, то Амазия могла рассказать об этом лишь немногое. Видимо, по заранее отданному приказу капитан и экипаж оказывали уважение ей и Неджеб. Им была отведена самая комфортабельная на судне каюта. Там они ели и отдыхали. При желании девушки могли подниматься на палубу, но за ними постоянно наблюдали — как бы в порыве отчаяния пленницы не попытались предпочесть смерть ожидающей их участи…

Ахмет слушал этот рассказ со стесненным сердцем, спрашивая себя, действовал ли капитан по собственному почину, чтобы продать узниц на рынках Малой Азии — гнусная и еще нередкая торговля, — или преступление было совершено в интересах какого-нибудь богатого господина из Анатолии.

Но на этот вопрос ни Амазия, ни Неджеб не могли ничего ответить. Всякий раз, когда, плача от отчаяния, они спрашивали об этом Ярхуда, последний отказывался от каких-либо объяснений. Так что им не было известно, ни на кого работал капитан тартаны, ни куда он должен был их отвезти. Это больше всего и хотел узнать Ахмет.

Что же до самого плавания, то первоначально оно шло благополучно, но медленно из-за штиля[275], установившегося на несколько дней. Было очень заметно, что задержка раздражала капитана, отнюдь не склонного скрывать свое нетерпение. Отсюда девушки заключили, и Ахмет с господином Керабаном согласились с ними, что у Ярхуда было задание прибыть куда-то в назначенный срок. Но куда именно? Ясно было лишь одно — это должен был быть какой-то малоазиатский порт.

Наконец штиль прекратился, и тартана смогла продолжите свой путь на восток или, как сказала Амазия, в направлении восхода солнца. Так она плыла в течение двух недель без

каких-либо происшествий. Несколько раз ее путь пересекался как с парусными военными и торговыми судами, так и с быстроходными паровыми кораблями, регулярно бороздящими огромный простор Черного моря. В этих случаях капитан Ярхуд принуждал узниц спускаться в их каюту из опасения, что они подадут сигнал бедствия, который будет замечен.

Понемногу погода стала хмуриться, затем испортилась и, наконец, сделалась отвратительной. За два дня до крушения «Гидары» начался сильный шторм. Амазия и Неджеб по раздражению капитана поняли, что он вынужден изменить маршрут: буря заставляет его плыть туда, куда ему вовсе не хотелось. Девушки почувствовали себя несколько лучше, поскольку ураган относил их от той цели, которую «Гидара» хотела достичь.

— Да, дорогой Ахмет, — сказала Амазия, кончая рассказ, — когда я думала об ожидающей меня участи и увидела себя разлученной с вами и увозимой туда, где мы никогда не встретимся, то заранее приняла твердое решение. Неджеб знала об этом. Она не помешала бы мне осуществить его. Еще до того, как тартана Достигла бы этого проклятого берега, я бросилась бы в волны. Но пришел шторм, и то, что должно было погубить, спасло нас! Мой Ахмет, вы явились посреди бушующих волн!.. Нет! Я никогда этого не забуду!

— Милая Амазия, — ответил Ахмет. — Аллаху было угодно, чтобы вы были спасены мной! Но если бы я не бросился на помощь первым, то это сделал бы мой дядя!

— Конечно, клянусь Пророком! — воскликнул Керабан.

— И подумать только, что у такого упрямого господина доброе сердце, — не удержалась Неджеб.

— А! Это малышка, которая меня бранит! — засмеялся Керабан. — Признайтесь, однако, друзья мои, что мое упрямство бывает иногда к лучшему.

— Иногда? — спросил ван Миттен с недоверчивым видом. — Хотел бы я знать…

— Несомненно, друг ван Миттен. Если бы я уступил фантазиям Ахмета, если бы мы поехали по железным дорогам Крыма и Кавказа, вместо того чтобы следовать по побережью, оказался бы здесь Ахмет, чтобы спасти невесту при кораблекрушении?

— Нет, конечно, — ответил ван Миттен. — Но, друг Керабан, если бы вы не вынудили его покинуть Одессу, то и похищение, безусловно, не состоялось бы…

— А! Так-то вы рассуждаете, ван Миттен! Вы хотите поспорить на эту тему?

— Нет, нет! — ответил Ахмет, предвидевший, что в подобном споре голландец проиграет. — Уже поздно взвешивать все «за» и «против». Лучше немного отдохнуть.

— Чтобы уже завтра снова отправиться в путь, — сказал Керабан.

— Завтра, дядюшка, уже завтра? — воскликнул Ахмет. — А не нужно ли Амазии и Неджеб…

— О! Ахмет, я вполне в силах и завтра…

— Ага, племянник! — воскликнул Керабан. — Теперь, когда маленькая Амазия рядом с тобой, ты уже не торопишься! Однако конец месяца приближает… фатальную дату. И в ней есть определенный интерес, которым нельзя пренебрегать. Так что позволь уж старому негоцианту быть более практичным, чем ты. Пусть каждый выспится получше, и завтра отправимся в путь, как только найдем какое-нибудь средство передвижения.

После этого спутники расположились по возможности удобнее в доме рыбака. И, безусловно, устроились не хуже, чем в любой из гостиниц Атины. После стольких волнений все были счастливы отдохнуть в течение нескольких часов. Ван Миттену снилось, что он продолжает спорить со своим несносным другом, а тому — что он находится лицом к лицу с

господином Саффаром и призывает на него все проклятия Аллаха и его Пророка.

Лишь Ахмет ни на миг не мог закрыть глаз. Вопрос, с какой целью Амазия была похищена Ярхудом, беспокоил его не на щутку. Что, если у этой неприглядной истории еще будет продолжение? Жених спрашивал себя, исчезла ли опасность с крушением «Гидары»… Не зная, что Ярхуд уцелел и считая весь экипаж погибшим, Ахмет все же испытывал безотчетные опасения. Сейчас, возможно, им ничего пока не грозит. Но тот, для кого Ярхуд действовал — какой-нибудь богатый господин, а возможно, и какой-то паша из анатолийской провинции — скоро обо всем узнает. Без особого труда он снова выйдет на следы девушки, а в этой почти пустынной провинции между Трапезундом и Скутари так просто устроить засаду!

В общем, Ахмет пришел к выводу, что надо быть все время настороже. Он не отойдет от Амазии ни на шаг, будет направлять караван и, если потребуется, найдет надежного проводника, который сумеет провести путников по самым коротким дорогам побережья.

Одновременно жених решил уведомить банкира Селима, отца Амазии, о том, что произошло после похищения его дочери. Прежде всего было важно, чтобы Селим узнал: Амазия спасена и Ахмет постарается оказаться в Скутари к должному сроку, то есть через две недели. Но письмо из Атины или Трапезунда будет идти слишком долго, поэтому племянник негоцианта решил, ничего не говоря дяде, которого корчило от слова «телеграмма», отправить депешу из Трапезунда, а заодно и сообщить Селиму, что опасность еще не миновала и чтобы тот не колеблясь выходил навстречу маленькому каравану.

На следующий день, оказавшись рядом с Амазией, Ахмет поведал ей о части своих планов, воздержавшись, правда, от того, чтобы слишком пугать ее. Девушка считала: самое важное сейчас — как можно быстрее успокоить отца, а для этого надо скорее добраться до Трапезунда и оттуда без ведома дяди Керабана послать телеграмму.

После нескольких часов сна все были на ногах: Керабан — нетерпеливый, чем когда-либо, ван Миттен — покорный всем капризам своего друга, Бруно — ощупывающий то, что осталось от его живота в слишком просторной одежде, и отвечающий хозяину только односложными словами.

Прежде всего Ахмет обыскал всю Атину — небольшой поселок, который, как указывает его название, был некогда Афинами Понта Эвксинского. Поэтому здесь до сих пор еще видны колонны дорического ордера[276], оставшиеся от древнего храма. Но если эти развалины интересовали ван Миттена, то Ахмета они оставляли совершенно равнодушным. Его задачей было найти какое-либо средство передвижения — менее грубое и примитивное, чем тележка, взятая на турецко-русской границе. Но пришлось вновь довольствоваться арбой, которая была предоставлена в распоряжение обеих девушек. Отсюда — необходимость достать других верховых животных: лошадей, ослов, мулов, чтобы хозяевам и слугам было на чем добираться до Трапезунда.

Ах, как жалел господин Керабан, думая о своей почтовой карете, разбитой на железной дороге Поти! Сколько упреков с бранью и угрозами посылал он по адресу этого высокомерного Саффара, которого он считал ответственным за все зло!

Что касается Амазии и Неджеб, то ничто не могло быть им так же приятно, как путешествовать на арбе. Да! В этом было нечто новое, непредвиденное. Они не поменяли бы эту тележку на самую прекрасную карету падишаха[277]. Как удобно они чувствовали себя под непромокаемым навесом на свежей подстилке, которую легко сменить на любой станции. Время от времени девушки предлагали место возле себя господину Керабану,

Ахмету, ван Миттену. Кроме того, эти всадники, эскортировавшие их, как принцесс! Все было очаровательно.

Само собой разумеется, что эти рассуждения исходили от сумасбродной Неджеб, так склонной принимать события только с их хорошей стороны. Что же до Амазии, то как могла она жаловаться на пережитые испытания, если Ахмет теперь рядом, а поездка должна была завершиться при совершенно иных условиях и так скоро!

— Я уверена, — повторяла Неджеб, — что, встав на цыпочки, уже можно увидеть Скутари.

Во всем маленьком отряде было лишь два человека, которые могли жаловаться: господин Керабан, боявшийся опоздать из-за отсутствия более быстрого средства передвижения, и Бруно, которого отнюдь не приводил в восторг переход в тридцать пять лье на спине мула. Трапезунд казался ему недосягаемым! А ведь только там, как говорил ему Низиб, можно будет достать транспорт, более приспособленный к обширным анатолийским равнинам.

Итак, 15 сентября, к одиннадцати часам утра весь караван покинул поселок Атина. Вчерашняя буря казалась сейчас дурным сном. В атмосфере царило спокойствие. Разорванные ударами урагана облака, поднявшиеся в самые верхние слои воздуха, были почти недвижимы. Через просветы проникали лучи солнца, оживлявшие пейзаж. Лишь все еще не успокоившееся до конца море с грохотом билось о скалистое побережье.

Господин Керабан и его спутники двигались по дорогам западного Лазистана так быстро, как только могли, имея в виду еще до вечера пересечь границу трапезундского пашалыка. Эти дороги были отнюдь не пустынны. По ним шли караваны, в которых верблюды исчислялись сотнями. Путников оглушал звон бубенчиков, колокольчиков и даже колоколов, прикрепленных к верблюжьим шеям. Но если уши при этом и страдали, то глаза радовались веселому многоцветью помпонов и тесьмы, украшенной ракушками. Все эти караваны направлялись в Персию или возвращались оттуда.

Побережье было не менее оживленным, чем дороги. Здесь встречались целые толпы рыбаков и охотников. С наступлением ночи рыбаки на своих освещаемых горящей смолой лодках ловят здесь в большом количестве местных анчоусов — хамсу[278], — эта рыба пользуется огромным спросом на всем анатолийском побережье вплоть до провинций центральной Армении. Что до охотников, то им не из-за чего завидовать рыбакам — им тоже дичи хватает. Морские птицы из отряда гагар, кукаринас[279], так и кишат на берегах этой части Малой Азии. Поэтому охотники поставляют их на рынок сотнями тысяч, с лихвой возмещая потраченные время, усилия и порох.

К трем часам после полудня маленький караван остановился в поселке Мапавра в устье реки с тем же названием. В ее прозрачные воды вливаются маслянистые нефтяные потоки из соседних источников. Обедать в этот час было слишком рано, но, поскольку к вечерней стоянке предполагалось прибыть не скоро, то было Решено все же поесть. По крайней мере, таково было мнение Бруно, и оно восторжествовало.

Разумеется, в меню гостиницы, приютившей господина Керабана и его спутников, на все лады повторялось слово «хамса». Излюбленное блюдо в этих малоазиатских пашалыках! Анчоусы подавались здесь солеными или свежими, по вкусу. Но имелись и более солидные блюда. Кроме того, среди сотрапезников царило веселое и радостное настроение, а это — лучшая из приправ.

— Ну, ван Миттен, — сказал Керабан, — вы все еще сожалеете об упрямстве —

неотъемлемом качестве вашего друга и корреспондента? Сетуете, что оно вынудило вас принять участие в подобном путешествии?

— Нет, Керабан, нет! — ответил ван Миттен. — И я снова продолжу путь, когда вам будет угодно!

— Посмотрим, посмотрим, ван Миттен. А ты, моя маленькая Амазия, что думаешь о злом дяде, который похитил у тебя твоего Ахмета?

— Думаю, что он, как и всегда, — лучший из дядей, — засмеялась девушка.

— И самый покладистый! — прибавила Неджеб. — Мне даже кажется, что господин уже не такой упрямый, как раньше.

— Ну вот! Эта сумасбродка издевается надо мной, — воскликнул Керабан с добродушным смехом.

— Нет, господин, нет!

— Нет, да, малышка! Но ты все же права! Я больше не упрямлюсь. Даже мой друг ван Миттен не сможет теперь спровоцировать меня.

— О, хотел бы я на это посмотреть! — заметил голландец, недоверчиво качая головой.

— Все уже увидено, ван Миттен.

— А если речь зайдет на определенные темы?

— Вы ошибаетесь, клянусь…

— Не клянитесь.

— Нет, буду! — повысил голос Керабан, который уже начинал немного раздражаться. Почему бы мне не клясться?

— Потому что часто трудно сдержать обещанное.

— Во всяком случае, не так трудно, как сдерживать язык, ван Миттен, потому что сейчас, только чтобы противоречить мне, вы опять норовите затеять спор.

— Я, друг Керабан?

— Вы! И если я говорю, что решил более не упрямиться ни по какому поводу, то прошу не упорствовать, утверждая обратное!

— Ну, вы не правы, господин ван Миттен, — вмешался Ахмет, — очень не правы на этот раз.

— Совершенно не правы! — сказала улыбаясь Амазия.

— Целиком не правы, — прибавила Неджеб.

Видя, что большинство против него, достойный голландец счел за благо промолчать.

Действительно ли господин Керабан исправился в той мере, в какой изображал под влиянием всего происшедшего и уроков, полученных в этом путешествии, неосторожно начатом и могущем плохо кончиться? В дальнейшем это выяснится. Но основания для сомнений оставались. Между тем трапеза была закончена.

— В дорогу, — сказал Керабан. — Обед был неплох, но я знаю, какой будет лучшим.

— И какой же? — спросил ван Миттен.

— Тот, который нас ждет в Скутари!

После четырех часов езды путешественники без каких-либо неприятных происшествий к вечеру прибыли в маленький городок Ризе, прибрежные воды которого были усеяны скалами. Предстояло провести ночь в некоем подобии хана, столь мало удобном, что обе девушки предпочли остаться под навесом арбы. Важно было, чтобы лошади и мулы смогли отдохнуть от усталости. К счастью, в яслях оказалось достаточно соломы и ячменя. Господин Керабан и его спутники имели в своем распоряжении лишь одну подстилку, но

сухую и свежую. Этим они и удовольствовались. К тому же разве следующую ночь не предстояло им провести в Трапезунде со всем комфортом, который предложит им этот город в своей лучшей гостинице?

Что до Ахмета, то его мало волновало, достаточно ли удобным будет его ложе. Одержимый смутной тревогой, жених все равно не смог бы заснуть. Он продолжал беспокоиться за девушку и говорил себе, что с крушением «Гидары» опасность, возможно, еще не миновала. Поэтому, основательно вооружившись, молодой турок бодрствовал возле хана.

И он правильно поступил, так как Ярхуд тоже не дремал.

Мальтиец не терял из виду маленький караван в течение всего дня. Он следовал за ним по пятам, но так, чтобы не быть замеченным, поскольку и Ахмет, и обе девушки хорошо его знали. Шпионя, капитан одновременно обдумывал, как бы снова заполучить ускользнувшую добычу. Кроме того, он на всякий случай отправил Письмо Скарпанту, который, как было условлено на свидании в Константинополе, должен был уже некоторое время находиться в Трапезунде. Поэтому Ярхуд предупреждал его заранее о своем прибытии в город и назначал встречу на завтра в караван-сарае[280] Рисара, не сообщив, правда, ничего о крушении тартаны и роковых последствиях этого.

Итак, у Ахмета были веские основания бодрствовать и его предчувствия не обманывали его. Ночью Ярхуд подкрался достаточно близко к хану, чтобы удостовериться: девушки спят в арбе. По счастью для себя, он вовремя увидел находящегося на страже Ахмета и сумел удалиться, не будучи замеченным.

После этого мальтийский капитан, вместо того чтобы следовать за караваном, устремился на запад по дороге в Трапезунд. Нужно было опередить господина Керабана с его спутниками и поговорить со Скарпантом до их приезда в город. Поэтому, сделав крюк, мальтиец быстро поскакал к караван-сараю Рисара.

Аллах, конечно, велик, но поистине ему следовало бы вершить великие дела более основательно и не допустить, чтобы капитан Ярхуд пережил экипаж мошенников, погибших при крушении «Гидары»!

На заре следующего дня, 16 сентября, все были на ногах и в прекрасном настроении. Все, кроме Бруно, спрашивавшего у себя, сколько фунтов он потеряет еще до прибытия в Скутари.

— Моя маленькая Амазия, — сказал господин Керабан, потирая руки, — подойди, чтобы я обнял тебя!

— Охотно, дядя, — сказала девушка, — если, конечно, я могу уже, с вашего разрешения, называть вас так.

— С моего разрешения, моя дорогая дочь! Вот уж в чем не сомневайся. Ты можешь даже называть меня отцом. Разве Ахмет мне не сын?

— Несомненно, дядя Керабан, — вмешался Ахмет, — и сейчас я хочу воспользоваться своим сыновним правом, чтобы отдать одно распоряжение.

— И какое же?

— Отправляться немедленно. Лошади готовы, и этим вечером мы должны быть в Трапезунде.

— Да, мы там будем! — воскликнул Керабан. — А завтра на рассвете оттуда выедем. Отлично, друг ван Миттен, самой судьбой было предназначено, что однажды вы увидите Трапезунд.

— О, Трапезунд! Какое прекрасное название города! — оживился голландец. — Трапезунд и его холм, где десять тысяч гимнастов проводили свои игры под руководством Драконтия, если верить моему путеводителю. Действительно, друг Керабан, мне приятно увидеть этот город.

— Признайтесь, друг ван Миттен, что от нашего путешествия у вас останутся прекрасные воспоминания.

— Они могли бы быть более полными!

— В общем, вам не придется жаловаться.

— Дело еще не кончено, — прошептал Бруно на ухо хозяину как зловещий прорицатель, призванный напоминать людям о неустойчивости человеческого существования.

В семь часов утра караван выехал из хана. Погода становилась все лучше. На небе осталась лишь слабая утренняя дымка, которую солнце вот-вот должно было рассеять.

В полдень путники остановились в небольшом поселке Оф, на Офисе древних, откуда происходят великие роды Греции. Здесь они позавтракали в скромной гостинице провизией, которая еще нашлась у них в арбе. Отчего же не нашлось еды в самой гостинице?

Дело в том, что хозяин этого заведения был в сильном расстройстве и совсем не занимался клиентами. Его жена серьезно болела, а каких-либо врачей поблизости не было. Приглашать же доктора из Трапезунда было слишком дорого для бедного трактирщика.

Вследствие этого господин Керабан с помощью ван Миттена взялся сыграть роль «хакима», или врача, и предписал довольно простое лекарство, которое было легко найти в Трапезунде.

— Да поможет вам Аллах, господин! — сказал муж трактирщицы. — Но во что мне обойдется это лекарство?

— Пиастров двадцать понадобится, — ответил Керабан.

— Двадцать пиастров! — воскликнул трактирщик. — Ну! За такие деньги я мог бы купить себе другую жену.

И он ушел, поблагодарив своих постояльцев за их добрые советы, которыми отнюдь не намеревался воспользоваться.

— Вот практичный муж! — заметил Керабан. — Вам нужно было бы жениться в этой стране, друг ван Миттен.

— Возможно, — согласился голландец.

В пять часов вечера путники сделали остановку, чтобы пообедать в поселке Сюрмене. Через час они из него выехали, намереваясь прибыть в Трапезунд еще до окончания сумерек. Но произошла задержка: одно из колес арбы сломалось за два лье до города. А было уже девять часов вечера. Поневоле пришлось отправиться на ночь в караван-сарай, построенный на дороге и хорошо известный путешественникам, посещающим эту часть Малой Азии.

Глава шестая,

в которой речь идет о новых действующих лицах, встреченных господином Керабаном в караван-сарае Рисара.

Караван-сарай Рисара, как и все строения подобного рода, прекрасно приспособлен для путешественников, останавливающихся в нем прежде, чем войти в Трапезунд. Его управляющий, или, если угодно, надзиратель, — некий турок по имени Кидрос, проныра, более тонкий, чем обычно бывают люди этой категории, — управлял заведением с редким умением. Он всегда соглашался с мнением своих постояльцев в их, разумеется, интересах, которые он прекрасно понимал. Чтобы согласовать, например, счет за услуги, управляющий заранее раздувал его, а затем из чистого снисхождения к достойным гостям снижал так, что в итоге все еще оставался в выигрыше.

Караван-сарай Рисара был устроен таким образом. Просторный двор окружался четырьмя стенами с широкими воротами. С обеих сторон ворот возвышались два караульных помещения, украшенные турецким флагом. С их верхушек можно было, в случае чего, обозревать окрестности и контролировать дорогу. Внутри двора находились отдельные комнаты, в которых путешественники проводили ночь. Днем чаще всего эти комнаты пустовали. Несколько сикомор отбрасывали на песчаную почву слабую тень. Здесь же был глубокий колодец с бесконечной цепочкой подъемника; бадейки опоражнивались в полукруглый бассейн. Что еще? Ряд стойл под навесом, в которых всегда заготавливалось достаточно пищи и подстилок для лошадей. Наконец, имелись колышки для привязывания мулов и верблюдов, менее приученных, чем лошади, к удобным конюшням.

В тот вечер в караван-сарае, хотя и не полностью занятом, все же остановилось некоторое число путешественников, ехавших либо в Трапезунд, либо в восточные провинции: Армению, Курдистан или в Персию. Гости занимали комнат двадцать и по большей части уже поужинали.

Во дворе прогуливались двое. Они оживленно разговаривали и прерывали беседу лишь для того, чтобы иногда выйти за ворота и бросить нетерпеливый взгляд на дорогу.

Этими двумя, одетыми в очень простую одежду, чтобы не привлекать внимания, были господин Саффар и его интендант Скарпант.

— Повторяю вам, господин Саффар, — говорил последний, — что это и есть караван-сарай Рисара. И именно здесь и сегодня Ярхуд в своем письме назначил нам встречу.

— Собака! — воскликнул Саффар. — Как может быть, что он до сих пор не прибыл? И откуда эта идея — привезти сюда молодую Амазию, вместо того чтобы доставить ее прямо в Трапезунд?

Безусловно, Саффар и Скарпант не знали о крушении «Гидары» и его последствиях.

— Адресованное мне письмо Ярхуда прибыло из порта Атины, — продолжал Скарпант. — Оно ничего не сообщает о похищенной девушке и содержит только просьбу приехать этим вечером в караван-сарай Рисара.

— И его все еще нет здесь! — вскричал господин Саффар, снова делая два-три шага к воротам. — Пусть он поостережется испытывать мое терпение. Я предчувствую, что какая-нибудь катастрофа…

— Почему, господин Саффар? Просто погода на Черном море была очень плохой.

Вероятно, тартана не могла добраться до Трапезунда и была отнесена к атинскому порту.

— А откуда мы знаем, Скарпант, что Ярхуду с самого начала удалась попытка похитить девушку в Одессе?

— Капитан не только смелый моряк, господин Саффар, — ответил Скарпант. — Он очень ловок вообще.

— Ловкости не всегда достаточно! — прозвучал в ответ спокойный голос мальтийского капитана, который уже несколько мгновений неподвижно стоял на пороге караван-сарая.

Господин Саффар и Скарпант сразу же обернулись, и интендант вскричал:

— Ярхуд!

— Вот он наконец! — довольно грубо сказал господин Саффар, направляясь к мальтийцу.

— Да, господин, — ответил капитан, почтительно кланяясь, — Да, вот и я наконец.

— А дочь банкира Селима? — спросил Саффар. — Ты что, провалился в Одессе?

— Дочь банкира Селима, — доложил Ярхуд, — была мной похищена около шести недель назад, почти сразу же после отъезда ее жениха Ахмета, вынужденного следовать за дядей в поездке вокруг Черного моря. Я немедленно направился к Трапезунду, но из-за плохой погоды в равноденствие мою тартану отнесло на восток и, несмотря на все усилия, она была выброшена на прибрежные скалы Атины. И весь мой экипаж погиб.

— Весь твой экипаж! — воскликнул Скарпант.

— Да!

— А Амазия?.. — быстро спросил Саффар, которого гибель «Гидары», казалось, мало тронула.

— Она была спасена, — ответил Ярхуд, — спасена вместе с молодой служанкой, которую я вынужден был похитить вместе с ней.

— Но если она спаслась… — заговорил Скарпант.

— Где она? — закричал Саффар.

— Господин, — ответил мальтийский капитан, — судьба — против нас или, вернее, против вас!

— Да говори же! — приказал Саффар тоном, полным угрозы.

— Дочь банкира Селима, — ответил Ярхуд, — была спасена своим женихом Ахметом, который по досадной случайности оказался на месте кораблекрушения.

— Спасена… им? — вскричал Скарпант.

— И в данное время?.. — спросил Саффар.

— В данное время девушка, находясь под защитой Ахмета, его дяди и их нескольких спутников, направляется в Трапезунд. Оттуда они отправятся в Скутари, чтобы до конца месяца отпраздновать свадьбу.

— Негодник! — закричал господин Саффар. — Упустить Амазию, вместо того чтобы самому спасти ее!

— Я сделал бы это, даже рискуя своей жизнью, мой господин, и сейчас она была бы в вашем дворце в Трапезунде, если бы Ахмет не оказался там, когда «Гидара» тонула.

— Ты недостоин поручений, которые тебе дают, — вспылил Саффар, не в силах сдержать гнев.

— Выслушайте меня, господин, — сказал Скарпант. — Если вы немного успокоитесь, то признаете, что Ярхуд сделал все, что мог.

— Все! — подтвердил мальтийский капитан.

— Все — это еще недостаточно, — кипятился Саффар, — когда речь идет об исполнении любого моего приказа.

— Что случилось, то случилось, — продолжал Скарпант. — Давайте посмотрим, что мы имеем сейчас и каковы наши шансы. Дочь банкира Селима могла и не быть похищенной в Одессе, но… была похищена! Она чуть не погибла при крушении «Гидары»… но осталась жива! Сейчас должна вот-вот стать женой этого Ахмета… но ею пока не стала! Так что ничего еще не потеряно.

— Да… ничего, — подтвердил Ярхуд. — После крушения я следовал за Ахметом и его спутниками, следил за ними со времени их отъезда из Атины. Они путешествуют без предосторожностей, а дорога еще долга и идет через всю Анатолию от Трапезунда до берегов Босфора. Ну а ни Амазия, ни ее камеристка не знают, куда шла «Гидара». Кроме того, никто ничего не слышал ни о господине Саффаре, ни о Скарпанте. Можно завлечь этот маленький караван в какую-нибудь ловушку и…

— Скарпант, — холодно сказал Саффар, — мне нужна эта девушка! Если судьба ополчилась против меня, то я сумею бороться с ней. Нельзя допустить, чтобы хоть одно из моих желаний не было удовлетворено!

— И оно будет удовлетворено, — ответил интендант. — Да! Между Трапезундом и Скутари, посреди этих пустынных краев, и впрямь легко завлечь этот караван в ловушку. Возможно, при помощи проводника, который сумеет сбить его с пути и подставить под удар отряда нанятых вами людей. Но это значит — действовать силой. Если бы удалась хитрость, было бы лучше.

— А как ее применить? — спросил Саффар.

— Ты говоришь, — продолжал Скарпант, обращаясь к мальтийскому капитану, — ты говоришь, что Ахмет и его спутники небольшими переходами направляются сейчас к Трапезунду?

— Да, Скарпант, — ответил Ярхуд, — и могу добавить, что они несомненно проведут эту ночь в караван-сарае Рисара.

— Отлично, нельзя ли придумать здесь какое-нибудь затруднение, какую-нибудь неприятность, которая задержала бы их… разлучила бы молодого Ахмета с его невестой?

— Я больше доверяю силе, — грубо вмешался Саффар.

— Хорошо, — сказал Скарпант, — мы пустим ее в ход, если хитрость не удастся. Но разрешите мне задержаться здесь и понаблюдать…

— Тише, Скарпант, — сказал Ярхуд, хватая интенданта за руку, — мы больше не одни!

И действительно, во двор только что вошли два человека. Один из них был Кидросом, надзирателем караван-сарая, а что касается второго, судя по всему важной личности, то его следует представить особо.

Господин Саффар, Скарпант и Ярхуд скрылись в темном углу Двора, где было все слышно, тем более что второй из двух пришедших, не стесняясь, говорил громким надменным голосом.

Это был некий курдский господин по имени Янар.

То, что в современной географии называется Курдистаном, Представляет собой гористый район Азии, включающий в себя территории древних Ассирии и Мидии. Он делится на турецкий Курдистан и персидский Курдистан в зависимости от того, входит ли он в пределы Персии или Турции. Турецкий Курдистан, образующий пашалыки Шехрезур и Мосул, а также часть пашалыков Вана и Багдада, насчитывает несколько сотен тысяч

жителей. Одним из них и был господин Янар, приехавший накануне в караван-сарай Рисара вместе со своей сестрой, благородной Сарабул.

Господин Янар и его сестра покинули Мосул два месяца назад и путешествовали для собственного удовольствия. Теперь они направлялись в Трапезунд, где рассчитывали пробыть несколько недель. Благородной Сарабул — так ее именовали в родном пашалыке — было тридцать-тридцать два года, и она уже овдовела после трех мужей-курдов. Эти мужья посвятили своей супруге уж очень короткие жизни, и теперь их вдова, еще очень привлекательная, охотно утешилась бы с четвертым мужем, чтобы забыть потерю трех первых. Осуществить это было непросто, поскольку, несмотря на богатство и хорошее происхождение, бурность манер вдовы и порывистость курдского темперамента могли устрашить любого претендента на ее руку, если бы такой появился. Брат Сарабул, Янар, выступавший в роли ее покровителя и телохранителя, советовал больше путешествовать, так как это давало дополнительные шансы. Вот по этой причине оба они уехали из Курдистана и оказались теперь на дороге в Трапезунд.

Господин Янар был человеком сорока пяти лет, высокого роста, раздражительного нрава, со свирепым выражением лица. В общем — одна из тех личностей, которые рождаются с нахмуренными бровями. Со своим орлиным носом, глубоко посаженными глазами, бритой головой и огромными усами он походил скорее на армянина, чем на турка. На его голове красовался высокий фетровый колпак, обернутый ярко-красным куском шелка. Наряд его составляли рубаха с открытыми рукавами под расшитой золотом курткой и широкие панталоны, ниспадавшие до лодыжек. Обутый в кожаные ботинки, отделанные галуном, опоясанный шерстяной шалью, к которой был подвешен целый арсенал[281] кинжалов, пистолетов и ятаганов[282], курд имел поистине устрашающий вид. Поэтому метр[283] Кидрос разговаривал с ним с крайней почтительностью, подобно человеку, вынужденному делать реверансы перед жерлом заряженной пушки.

— Да, господин Янар, — говорил в этот момент Кидрос, подчеркивая каждое свое слово утвердительным жестом, — я повторяю вам, что судья прибудет сегодня же вечером. И завтра утром на рассвете он приступит к расследованию.

— Метр Кидрос, — заметил курд, — вы хозяин этого караван-сарая, и да покарает вас Аллах, если вы не позаботитесь, чтобы путешественники были здесь в безопасности.

— Конечно, господин Янар, конечно!

— Итак, прошлой ночью злодеи, воры, назовите как хотите, проникли… имели дерзость проникнуть в комнату моей сестры, благородной Сарабул!

И курд указал на открытые двери в стене с правой стороны двора.

— Мерзавцы! — воскликнул Кидрос.

— И мы не уедем из караван-сарая, — продолжал Янар, — пока они не будут обнаружены, арестованы, судимы и повешены!

Была ли на самом деле попытка воровства прошлой ночью в этом метр Кидрос не был полностью убежден. Достоверно было лишь то, что безутешная вдова, проснувшись по той или иной причине, в смятении покинула свою комнату и стала громко кричать, призывая своего брата. Это взбудоражило весь караван-сарай, а злодеи, если таковые вообще были, ускользнули, не оставив и следа.

Как бы то ни было, а Скарпант, который не упустил ни слова из разговора, уже спрашивал себя, какую пользу можно извлечь из этого происшествия.

— Мы — курды! — продолжал между тем господин Янар, выпячивая грудь, чтобы

лучше подчеркнуть всю значительность этого слова, — мы — мосулские курды, патриоты великой курдистанской столицы, и никогда не допустим, чтобы какой-либо ущерб причинили курдам и не было бы получено справедливое возмещение за него!

— Но, господин, какой ущерб? — осмелился сказать метр Кидрос, из осторожности отступая на несколько шагов.

— Какой ущерб? — вскричал Янар.

— Да… господин! Несомненно, что прошлой ночью злодеи пытались проникнуть в комнату вашей благородной сестры, но они же ничего не похитили…

— Ничего, — согласился курд, — ничего… действительно, но это благодаря храбрости моей сестры, ее энергичности! Разве она не столь же ловко владеет пистолетом, как и ятаганом?

— Потому, — продолжал метр Кидрос, — злодеи, кем бы они ни были, и сбежали.

— И хорошо сделали, метр Кидрос! Благородная, отважная Сарабул уничтожила бы их всех! Поэтому-то сегодня ночью она останется при оружии, как и я, и горе тому, кто осмелится приблизиться к ее комнате!

— Ну, господин Янар, — улыбнулся метр Кидрос, — больше опасаться нечего. Эти воры, если, конечно, они воры, больше не рискнут…

— Как! «Если они воры»! — закричал господин Янар громовым голосом. — А кем еще могут быть эти бандиты?

— Может быть… какие-нибудь самонадеянные… какие-либо сумасшедшие… — юлил Кидрос, желая защитить достоинство своего заведения. — Да! Почему бы и нет… какой-нибудь влюбленный, привлеченный… завлеченный… прелестями благородной Сарабул!

— Клянусь Пророком, — кипятился курд, поднося руку к своему арсеналу, — я бы показал ему! Задеть честь курдчанки? Покуситься на ее честь! Тогда недостаточно ареста, тюрьмы, кола! Самой страшной казни недостаточно, если, конечно, у злоумышленника нет положения и состояния, позволяющих загладить вину!

— Помилосердствуйте, успокойтесь, господин Янар! — уговаривал гостя метр Кидрос. — Проявите терпение. Следствие укажет нам на того или тех, кто совершил покушение. Повторяю вам, что за судьей уже послали. Я сам ездил за ним в Трапезунд, и, когда рассказал ему о происшедшем, он уверил меня, что имеет надежное средство обнаружить злоумышленников, кем бы они ни были.

— И что это за средство? — спросил господин Янар довольно ироническим тоном.

— Я не знаю, — ответил метр Кидрос, — но судья утверждает, что оно безошибочно!

— Хорошо, — сказал важный гость, — завтра мы это увидим. Я возвращаюсь в свою комнату, но буду на страже… и с оружием!

Сказав это, страшный персонаж направился к своей комнате, соседней с той, которую занимала его сестра. Там он еще раз остановился на пороге и, угрожающе вытянув руку в сторону двора караван-сарая, воскликнул грозным голосом:

— С честью курдчанки не шутят!

Затем он исчез.

Метр Кидрос глубоко и с облегчением вздохнул.

— Посмотрим, — сказал он, — чем все это кончится. Что же касается воров, если таковые были, то лучше бы им убежать подальше.

В это время Скарпант тихим голосом говорил господину Саффару и Ярхуду:

— Вот благоприятный для нас случай. Можно кое-что придумать.

— Ты полагаешь? — спросил Саффар.

— Я полагаю, что нужно здесь подстроить Ахмету какое-нибудь неприятное происшествие, которое задержало бы его на несколько дней в Трапезунде, а может быть, и разлучило бы с невестой.

— Хорошо, но если хитрость не удастся…

— Тогда пустим в ход силу, — ответил Скарпант.

В это время метр Кидрос заметил Саффара, Скарпанта и Ярхуда, которых до того еще не видел. Он подошел к ним и самым любезным тоном спросил:

— Вам что-либо нужно, господа?

— Нам нужны путешественники, которые с минуты на минуту должны прибыть сюда, чтобы провести ночь в караван-сарае, — ответил Скарпант.

В этот момент снаружи раздался шум каравана, лошади и мулы которого остановились у ворот.

— Это они, без сомнения? — спросил метр Кидрос и направился навстречу новоприбывшим. — Да, — продолжал он, останавливаясь у ворот. — Вот путешественники, прибывшие на лошадях. Наверное, богатые люди, судя по виду. Прежде всего — надо пойти к ним и предложить свои услуги.

И он вышел.

Одновременно с ним к входу во двор подошел и Скарпант. Выглянув наружу, он спросил у Ярхуда:

— Эти путешественники, наверное, Ахмет и его спутники?

— Это они! — подтвердил Ярхуд и быстро отступил назад, чтобы не быть узнанным.

— Они, — обрадовался господин Саффар, в свою очередь приблизившись, но не выходя за стены караван-сарая.

— Да! — оживился и Ярхуд. — Вот Ахмет, а это его невеста, ее служанка… двое слуг…

— Давайте поостережемся, — сказал Скарпант, делая Ярхуду знак спрятаться.

— Вот уже слышен голос и господина Керабана, — продолжал мальтийский капитан.

— Керабана? — живо откликнулся Саффар и тут же бросился к воротам.

— Но что с вами, господин Саффар? — спросил очень удивленный Скарпант. — Почему имя Керабан вызывает у вам такое волнение?

— Он! Это он самый! — ответил Саффар. — Тот путешественник, с которым я уже встречался на кавказской железной дороге. Этот грубиян хотел помешать проехать моим лошадям.

— Он вас знает?

— Да… И мне было бы нетрудно возобновить здесь ссору и задержать его.

— Но с ним его племянник! — заметил Скарпант.

— Я сумел бы избавиться от племянника так же, как и от дяди.

— Нет, нет! Никаких ссор! Никакого шума! — продолжал настаивать Скарпант. — Поверьте мне, господин Саффар: этот Керабан не должен даже заподозрить, что вы здесь. Пусть он не знает, что это для вас Ярхуд похитил дочь банкира Селима. Иначе мы рискуем потерять все!

— Хорошо, — сказал Саффар, — я ухожу и вверяю дело твоей ловкости, Скарпант. Ты должен его выиграть.

— Я выиграю, господин, если вы предоставите мне свободу действия. Возвращайтесь в Трапезунд сегодня же вечером.

— Хорошо, я вернусь туда.

— Ты тоже, Ярхуд, сейчас же покинешь караван-сарай. Тебя не должны опознать!

— Вот они, — сказал моряк.

— Уходи, уходи! — закричал Скарпант, толкая капитана «Гидары».

— Но как исчезнуть незаметно? — спросил Саффар.

— Проходите здесь, — сказал Скарпант, открывая дверь слева.

Господин Саффар и мальтийский капитан, не медля, так и сделали.

— Самое время! — сказал Скарпант. — А теперь будем держать глаза и уши открытыми!

Глава седьмая,

в которой судья из Трапезунда приступает к расследованию достаточно остроумным образом.

Господин Керабан и его спутники оставили арбу и лошадей в конюшне и вошли в караван-сарай. Сопровождавший их и не жалевший любезностей метр Кидрос зажег в углу фонарь. Двор слабо осветился.

— Да, господин, — повторял Кидрос, кланяясь, — входите! Входите, пожалуйста! Да, это и есть караван-сарай Рисара.

— И мы находимся только в двух лье от Трапезунда? — спросил господин Керабан.

— В двух лье, всего-навсего.

— Хорошо! Пусть позаботятся о наших лошадях. Они понадобятся нам завтра на рассвете.

Затем негоциант повернулся к Ахмету. Тот подвел Амазию к скамье, на которую она села вместе с Неджеб.

— Ну вот, — благодушно сказал дядя. — С тех пор как мой племянник встретил эту малышку, он занят только ею, а все дорожные хлопоты на мне.

— Это естественно, господин Керабан. Зачем тогда нужны дяди? — ответила Неджеб.

— Не стоит на меня сердиться за это, — сказал улыбаясь Ахмет.

— И на меня, — добавила Амазия.

— О, я ни на кого не сержусь, даже на ван Миттена, который заимел непростительную мысль покинуть меня по дороге.

— Не будем больше об этом говорить, — предложил ван Миттен, — ни сейчас, ни когда-либо еще.

— Клянусь Мухаммадом, — воскликнул господин Керабан, — почему бы и не поговорить? Небольшой спор об этом или о чем-нибудь еще взбодрил бы вам кровь.

— Мне кажется, дядюшка, — заметил Ахмет, — что вы решили больше не спорить.

— Верно! Ты прав, племянник. И если когда-либо меня поймают на этом, даже если я буду прав…

— Посмотрим, — пробормотала Неджеб.

— К тому же, — сказал ван Миттен, — самое лучшее сейчас — хорошенько поспать несколько часов.

— Если, конечно, здесь можно спать, — проворчал Бруно, бывший как всегда в неважном настроении.

— У вас есть комнаты, чтобы переночевать? — спросил Керабан у метра Кидроса.

— Да, господин, — ответил тот. — И столько, сколько вам нужно.

— Хорошо! Очень хорошо! — воскликнул Керабан. — Завтра мы будем в Трапезунде, а затем, дней через десять, — и в Скутари… где у нас будет хороший обед… Обед, на который я вас пригласил, ван Миттен.

— Да, друг Керабан, вы должны нам этот обед.

— Обед… в Скутари? — прошептал Бруно на ухо хозяину. — Да, если мы вообще туда доберемся.

— Ну же, Бруно, — ответил ван Миттен, — немного храбрости, какого черта! Уж хотя

бы во имя чести нашей Голландии!

— Да, я сейчас сам похож на Голландию! — ответил Бруно, ощупывая себя под слишком широкой одеждой. — Как и от нее, от меня одна тень осталась.

В это время Скарпант, стоя в отдалении, слушал все эти разговоры и выжидал подходящего момента для вмешательства.

— Итак, — спросил Керабан, — какую комнату вы предлагаете этим девушкам?

— Вот эту, — ответил метр Кидрос, указывая на дверь в стене слева.

— Тогда спокойной ночи, моя маленькая Амазия, — сказал Керабан. — И пусть Аллах пошлет тебе приятные сны.

— Как и вам, дядя, — ответила девушка. — До завтра, дорогой Ахмет.

— До завтра, милая Амазия, — улыбнулся молодой человек, обняв ее.

Обе девушки прошли через указанную им дверь, любезно распахнутую Кидросом.

— А где будут спать эти бравые парни? — спросил Керабан, указывая на Бруно и Низиба.

— В наружной комнате, в которую я их сейчас провожу, — ответил метр Кидрос.

И, направляясь к двери в глубине двора, он сделал Низибу и Бруно знак следовать за ним. Они, изнуренный долгой дневной ездой, охотно повиновались, пожелав спокойной ночи хозяевам.

— За дело! Сейчас или никогда! — сказал себе Скарпант.

В ожидании Кидроса господин Керабан, ван Миттен и Ахмет прогуливались во дворе караван-сарая. Дядюшка находился в отличном настроении. Все шло в соответствии с его желаниями, и в назначенный срок они должны были приехать на берега Босфора. Керабан уже заранее радовался, представляя, какие физиономии будут у оттоманских служак, когда они увидят его прибытие. Ахмету же возвращение в Скутари виделось столь желанным празднованием его свадьбы. Ну а для ван Миттена возвращение… было всего только возвращением.

— Ну что там? Нас забыли? А наши комнаты? — спросил господин Керабан.

Обернувшись, он заметил Скарпанта, медленно подходившего к нему.

— Вы спрашиваете о комнате, предназначенной господину Керабану и его спутникам? — сказал тот, кланяясь, как если бы он был одним из служащих каран-сарая.

— Да!

— Сюда пожалуйте.

И Скарпант указал на дверь справа. Коридор за ней вел прямехонько в покои курдской путешественницы, которую сторожил господин Янар.

— Пойдемте, друзья, пойдемте! — сказал Керабан, не подозревающий о ловушке.

Все трое вошли в коридор. Но еще до того, как они успели закрыть дверь, разразилась буря женских криков, к которым примешивался и мужской голос.

Не понимая, что происходит, господин Керабан, ван Миттен и Ахмет выскочили обратно во двор караван-сарая.

Со всех сторон пораскрывались двери, и из них стали появляться путешественники. На шум прибежали и Амазия с Неджеб, а затем и Бруно с Низибом. В полумраке просматривался силуэт свирепого Янара. Наконец из коридора, в который так неосторожно проникли господин Керабан и его спутники, выбежала женщина.

— Воры! Грабеж! Убийство! — вопила она.

Это была благородная Сарабул — властная, сильная, энергичная, со сверкающими

глазами и красным лицом, одним словом, венская ипостась[284] господина Янара.

По-видимому, до вторжения посторонних, она еще не спала своей комнате, потому что не успела снять одежду — «минтан»[285] из сукна, с обшитыми золотом рукавами и корсажем; «энтари» из яркого шелка, туго затянутый шалью, к которой были прицеплены и пистолет из дамасской стали, и ятаган в ножнах из зеленого сафьяна. На голове у Сарабул красовалась расширяющаяся феска, обернутая платками яркой расцветки, и с нее свисал длинный «пюскюл»[286] подобный кисточке от звонка. На ногах — сапожки из красной кожи, в которые были заправлены «шальвары» — панталоны женщин Востока. Некоторые путешественники утверждали, что одетая подобным образом курдчанка походит на осу. Возможно! Благородная Сарабул своим видом отнюдь не опровергала этого сравнения, и, наверное, жало этой «осы» должно было быть ужасным!

— Какая женщина! — сказал ван Миттен вполголоса.

— И какой мужчина! — добавил господин Керабан, указывая на Янара.

А тот кричал что есть мочи:

— Еще одно покушение! Пусть арестуют всех!

— Давайте приготовимся, — прошептал Ахмет на ухо дяде, — так как я опасаюсь, что мы — причина всей этой шумихи.

— Ба! Кто нас видел? — ответил Керабан. — И сам Пророк нас не опознал бы!

— В чем дело, Ахмет? — спросила девушка, только что подбежавшая к своему жениху.

— Ни в чем, милая Амазия, ни в чем!

В этот момент на пороге большой двери в глубине двора появился метр Кидрос и воскликнул:

— Да, вы прибыли вовремя, господин судья!

И в самом деле, судья, вызванный из Трапезунда, только что приехал в караван-сарай, где он должен был провести ночь, а утром начать расследование, требуемое курдской парой. За судьей следовал его секретарь.

— Как, — вскричал судья, — эти мошенники повторили свою попытку?

— Кажется, да, господин судья, — ответил метр Кидрос.

— Пусть закроют двери караван-сарая, — сказал чиновник важным голосом. — Запрещаю кому бы то ни было выходить отсюда без моего разрешения.

Эти приказы были тотчас осуществлены, и все путешественники оказались на положении узников, которым караван-сарай должен был теперь послужить тюрьмой.

— А сейчас, судья, — сказала благородная Сарабул, — я требую правосудия против злодеев, не побоявшихся вторично напасть на беззащитную женщину.

— И не просто на женщину, но на курдчанку! — прибавил господин Янар с угрожающим жестом.

Как легко понять, Скарпант, наблюдая эту сцену, старался ничего не упустить.

Судья имел внешность истинно судейскую: хитрое лицо, глубоко посаженные глазки, заостренный нос, сжатый рот, клочковатая бородка… Он прямо-таки впивался своими глазами-буравчиками в лица людей, оказавшихся в караван-сарае. Но разглядеть что-либо было довольно трудно, так как единственный фонарь в углу двора давал слишком мало света. Произведя свой беглый осмотр, судья обратился к благородной путешественнице:

— Вы утверждаете, что прошлой ночью злоумышленники пытались проникнуть в вашу комнату?

— Да, утверждаю!

— И что они только что повторили свою преступную попытку?

— Они или кто-то другой.

— Минуту назад?

— Минуту назад!

— Вы узнали бы их?

— Нет… В моей комнате темно, в этом дворе — тоже, и я не могла видеть их лиц.

— Их было много?

— Не знаю.

— Мы узнаем это, сестра, — воскликнул господин Янар, — мы узнаем. И горе мошенникам!

В этот момент господин Керабан прошептал на ухо ван Миттену:

— Опасаться нечего. Нас никто не видел.

— К счастью, — ответил голландец, не совсем уверенный, что все обойдется благополучно. — Иначе с этими дьяволами, курдами, мы бы не распутались!

Тем временем судья расхаживал взад и вперед. Казалось, к большому неудовольствию жалобщиков, что он не знает, какое решение принять.

— Судья, — сказала благородная Сарабул, скрещивая руки на груди, — неужели правосудие бессильно? Разве мы не подданные султана, имеющие право на защиту? Женщина моего происхождения стала жертвой подобного покушения, и еще не убежавшие виновники избегнут наказания?

— Она воистину великолепна, эта курдчанка! — справедливо заметил господин Керабан.

— Великолепна… но и пугающа! — заметил ван Миттен.

— Что вы решаете, судья? — спросил господин Янар.

— Пусть принесут факелы, — вскричала благородная Сарабул. — Я посмотрю… буду искать… Может быть, узнаю злодеев, осмелившихся…

— Не нужно, — ответил судья. — Я сам займусь тем, чтобы обнаружить виновных.

— Без света?

— Без света!

После этого судья сделал знак своему секретарю, который, утвердительно кивнув, вышел через дверь в глубине двора.

Пока это происходило, голландец не удержался, чтобы не сказать тихо господину Керабану:

— Не знаю почему, но меня беспокоит исход этого дела.

— Во имя Аллаха! Вы всегда боитесь, — ответил Керабан.

Затем наступило молчание, во время которого присутствующие не без естественного любопытства ждали возвращения секретаря.

— Итак, судья, — спросил господин Янар, — вы собираетесь в этой темноте обнаружить…

— Я? Нет! — ответил судья. — Я хочу возложить эту задачу на умное животное, которое уже не раз умело приходило мне на помощь в расследованиях.

— Животное? — вскричала путешественница.

— Да… коза… хитрое и лукавое животное, которое сумеет изобличить виновного, если он еще здесь. Ну а он должен быть здесь, потому что никто не мог покинуть двор караван-сарая с того момента, как было совершено покушение.

— Он сумасшедший, этот судья! — пробормотал господин Керабан.

Появился секретарь, таща за недоуздок козу, которую он вывел на середину двора.

Это было изящное животное породы эгагр, чей кишечник иногда содержит каменистые образования безоар, столь ценимые на Востоке за свои предполагаемые гигиенические свойства. Приведенная секретарем коза, со своей проницательной мордочкой, вьющейся бородкой, умным взглядом — одним словом, со своей «одухотворенной физиономией», казалась вполне достойной роли угадывателя, которую ей предназначил хозяин. Стада таких коз в большом количестве встречаются во всей Малой Азии, Анатолии, Армении и Персии. Они замечательны тонкостью своего зрения, слуха, обоняния и удивительной проворностью.

Коза, чей ум судья так ценил, была среднего размера, снизу — беленькая, зато сверху — черная. Она грациозно улеглась на песке и, поводя своей коронованной рогатой головкой, с хитрым видом стала рассматривать «общество».

— Какое милое животное! — воскликнула Неджеб.

— Но что же этот судья собирается делать? — спросила Амазия.

— Без сомнения, тут какое-то колдовство, — ответил Ахмет, — на которое попадутся эти невежды.

Так же думал и господин Керабан, который не стесняясь пожимал плечами, в то время как ван Миттен поглядывал на эти приготовления с некоторым беспокойством.

— Как, судья, — спросила благородная Сарабул, — вы хотите, чтобы эта коза опознала виновных?

— Она самая, — ответил судья.

— И она сумеет?

— Сумеет!

— Каким образом? — спросил господин Янар, как всякий курд, не чуждый суеверия.

— Нет ничего проще, — ответил судья. — Каждый из присутствующих путешественников подойдет и погладит рукой спину этой козы. Почувствовав руку виновного, это умное животное укажет на него своим блеянием.

— Этот добряк — просто ярмарочный фигляр, — пробормотал Керабан.

— Но, судья, никогда… — заметила благородная Сарабул, — никогда простое животное…

— Вы сами сейчас увидите!

— А почему бы и нет? — сказал господин Янар. — Поэтому, раз я не могу быть обвинен в покушении, то покажу пример и начну испытание.

Говоря так, господин Янар подошел к козе, остававшейся неподвижной, и провел рукой но ее спине, от шеи до хвоста.

Коза продолжала безмолвствовать..

— Теперь другие, — сказал судья.

И все собравшиеся во дворе караван-сарая путешественники один за другим последовали примеру господина Янара и стали гладить спину животного. Без сомнения, все они были невиновны, Потому что коза не издавала никакого обвиняющего блеяния.

Глава восьмая,

которая заканчивается очень неожиданно, особенно для ван Миттена.

Пока происходило испытание, господин Керабан отвел в сторону своего друга ван Миттена и племянника Ахмета. И вот чем закончился состоявшийся между ними разговор, в котором неисправимый герой, позабыв свои добрые намерения больше ни в чем не упрямиться, собрался еще и другим навязать свой образ видения и действия.

— Друзья мои, — сказал он, — этот колдун, по-моему, последний дурак.

— Почему? — спросил голландец.

— Потому что ничто не мешает виновному или виновным, например нам, сделать вид, что он гладит козу, а на самом деле не дотрагиваться до ее спины. По крайней мере, этот судья должен был бы действовать на ярком свету, чтобы помешать обману… Но в темноте это абсурдно!

— Действительно, — согласился ван Миттен.

— Так я и сделаю, — продолжал Керабан, — и предлагаю вам последовать моему примеру.

— Э, дядя, — сказал Ахмет, — гладь или не гладь ему спину, вы хорошо знаете, животное не будет блеять ни на невиновных, ни на виновных.

— Очевидно, Ахмет. Но коль этот добряк судья достаточно прост, чтобы так действовать, то я хочу быть менее простым, чем он. И не дотронусь до животного. И вас я тоже прошу сделать так же.

— Но, дядя…

— А, никаких споров об этом, — проворчал Керабан, начиная горячиться.

— Однако… — сказал голландец.

— Ван Миттен, если будете столь наивны, чтобы тереть спину этой козе, то я вам этого не прощу!

— Хорошо! Не буду, чтобы не огорчать вас, друг Керабан. Это, впрочем, несущественно, поскольку в темноте нас не будет видно.

К тому моменту большинство путешественников уже выдержали испытание и коза еще никого не обвинила.

— Наша очередь, Бруно, — сказал Низиб.

— Бог мой, до чего эти восточные люди глупы, раз полагаются на это животное! — проворчал Бруно.

И оба слуги подошли погладить спину козе, которая не стала блеять, как и в предыдущих случаях.

— Но оно ничего не говорит, ваше животное! — закричала благородная Сарабул, взывая к судье.

— Это что, шутка? — добавил господин Янар. — Шутки с курдами плохо кончаются!

— Терпение! — ответил судья, качая головой с хитрым видом. — Если коза не заблеяла, значит, виновный до нее еще не дотрагивался.

— Дьявол, теперь наш черед, — пробормотал ван Миттен, который испытывал неясное беспокойство, сам не зная почему.

— Наша очередь, — сказал Ахмет.

— Да… сперва я, — ответил Керабан.

И, проходя мимо своего друга и племянника, он повторил тихим голосом:

— Ни в коем случае не касайтесь!

Затем он протянул над козой руку и сделал вид, что медленно гладит ей спину, хотя не дотронулся ни до одной ее шерстинки.

Коза не заблеяла.

— Вот это успокаивает, — сказал Ахмет.

И, подобно дяде, он даже не дотронулся до спины козы.

Коза не заблеяла.

Теперь очередь была за голландцем. Ван Миттену предстояло пройти испытание последним из всех. Он подошел к животному, которое, казалось, исподтишка смотрело на него, и, чтобы не огорчать своего друга Керабана, удовольствовался тем, что только провел рукой над спиной козы.

Коза не заблеяла.

У всех присутствующих вырвались восклицания удивления и удовлетворения.

— Решительно, ваша коза — это только скотина! — закричал Янар громовым голосом.

— Она не признала виновного, — закричала в свою очередь благородная курдчанка, — и все же виновный — здесь, потому что никто не мог выйти из этого двора!

— Гм! — сказал Керабан. — Этот судья со своей такой хитрой козой достаточно забавен, правда, ван Миттен?

— В самом деле! — ответил ван Миттен, полностью успокоившийся по поводу исхода испытания.

— Бедная козочка, — сказала Неджеб хозяйке, — ей не причинят зла за то, что она ничего не сказала?

Все посмотрели на судью, чьи глаза, блестя от лукавства, сверкали в темноте как карбункулы[287].

— Теперь, господин судья, — сказал Керабан немного саркастическим[288] тоном, — теперь, когда ваше расследование закончено, ничто, я думаю, не препятствует тому, чтобы мы удалились в наши комнаты…

— Так не будет! — закричала раздраженная путешественница. — Нет! Так не будет! Преступление было совершено…

— Э, госпожа курдчанка, — ответил не без язвительности господин Керабан, — не намерены же вы мешать порядочным людям пойти спать, если им хочется?

— Ах, вы так заговорили, господин турок! — закричал господин Янар.

— Так, как следует, господин курд! — ответствовал господин Керабан.

Скарпант, считавший, что его уловка не удалась, поскольку виновные не были узнаны, с удовлетворением наблюдал за этой ссорой, могущей столкнуть господина Керабана и господина Янара друг с другом. Всякое недоразумение только способствовало бы его планам.

И действительно, спор обострялся, а Керабан скорее позволил бы себя арестовать и приговорить, чем не сказать последнего слова. Даже Ахмет собрался вмешаться, чтобы поддержать дядю, когда судья сказал:

— Успокойтесь вы все, и пусть принесут огня!

Метр Кидрос, к которому относился этот приказ, поспешил исполнить его. Через мгновение вошли четверо служителей караван-сарая с факелами, и двор сразу же осветился.

— Пусть каждый поднимет правую руку! — сказал судья.

Следуя этому предписанию, все подняли свои правые руки.

У всех ладони и пальцы были черными; у всех, кроме господина Керабана, Ахмета и ван Миттена.

Судья тут же указал на них троих.

— Злоумышленники… вот они, — сказал он.

— Гм! — промычал Керабан.

— Мы? — вскричал голландец, ничего не понимая в этом неожиданном заявлении.

— Да! Они! — продолжал судья. — Не важно, боялись они или нет быть разоблаченными козой. Достоверно то, что, зная о своей виновности, эти люди, вместо того чтобы погладить спину животного, покрытую слоем сажи, только провели над ней рукой и сами себя обвинили!

Гомон одобрения изобретательности судьи раздался со всех сторон, в то время как господин Керабан и его спутники, очень расстроенные, стояли с опущенными головами.

— Итак, — сказал господин Янар, — эти трое — те самые злодеи, которые прошлой ночью осмелились…

— Э! Прошлой ночью, — воскликнул Ахмет, — мы были в десяти лье от караван-сарая Рисара!

— А кто это подтвердит? — ответил судья. — Во всяком случае, некоторое время назад это вы пытались проникнуть в комнату благородной путешественницы.

— Хорошо, это правда, — вскричал Керабан, взбешенный тем, что так неловко позволил поймать себя в ловушку. — Да, это мы вошли в коридор! Но это только недоразумение… или, скорее, ошибка одного из служителей караван-сарая.

— В самом деле? — иронично спросил господин Янар.

— Безусловно! Нам указали комнату этой госпожи вместо нашей!

— Расскажите кому-нибудь еще! — воскликнул судья.

— Ну вот, попались, — сказал себе Бруно. — И дядюшка, и племянник, и мой хозяин вместе с ними!

Несмотря на свой обычный апломб[289], господин Керабан чувствовал себя совершенно смущенным. Он еще больше расстроился, когда услышал, как судья сказал, повернувшись к нему, ван Миттену и Ахмету:

— Пусть их отведут в тюрьму!

— Да! В тюрьму! — повторил господин Янар.

Вслед за ним это подхватили и остальные обитатели караван-сарая, закричавшие:

— В тюрьму! В тюрьму!

В общем, видя, какой оборот принимают дела, Скарпант мог только поздравить себя со своей выдумкой. Если бы господин Керабан, ван Миттен и Ахмет оказались под запором, то одним махом это означало и задержку в пути, и опоздание со свадьбой, а особенно немедленную разлуку Амазии с ее женихом и возможность для Скарпанта действовать в более выгодных условиях. Уж он-то Доведет неудавшуюся попытку мальтийского капитана до конца!

Подумав о последствиях этого приключения и разлуке с Амазией, Ахмет стал проникаться раздражением против своего дяди. Ведь это господин Керабан своим упрямством вверг их в затруднительное положение. Ведь это он запретил им погладить козу, чтобы подшутить над этим простаком судьей, который в конечном итоге показал себя более

сообразительным, чем казалось. Кто виноват, что они попали в ловушку и теперь им не избежать хоть нескольких дней тюрьмы?

Со своей стороны, господин Керабан пребывал в глухой ярости, думая о том, что добраться до Скутари к назначенному сроку, пожалуй что, и не удастся. Еще одно проявление упрямства — столь же ненужное, сколь и абсурдное — могло стоить его племяннику целого состояния.

Что касается ван Миттена, то он смотрел в разные стороны и переминался с ноги на ногу, не зная, что делать, и боясь поднять глаза на Бруно, помня его слова:

«Разве я вас не предупреждал, сударь, что рано или поздно с вами случится несчастье?»

И, обращаясь к негоцианту с вполне заслуженным упреком, голландец сказал:

— Зачем было мешать нам погладить это безобидное животное!

Впервые в жизни господин Керабан не смог ничего ответить.

Тем временем крики «в тюрьму» стали раздаваться все громче, и Скарпант, само собой разумеется, кричал громче других.

— Да, в тюрьму злодеев! — повторил мстительный Янар, готовый самолично помочь властям, если потребуется. — Пусть их отведут в тюрьму! В тюрьму всех троих!

— Всех троих? Но ведь только один из них признает свою вину, — заметила благородная Сарабул, не желавшая, чтобы двое невинных страдали за одного.

— Это вполне справедливо! — прибавил судья. — Итак, который из вас пытался проникнуть в эту комнату?

Какой-то момент все трое обвиняемых испытывали нерешительность, но это продолжалось недолго.

Господин Керабан попросил у судьи разрешения переговорить со своими спутниками, и оно было дано. Затем Керабан отвел Ахмета и ван Миттена в сторону и сказал тоном не допускающим возражений:

— Друзья, можно сделать только одно! Нужно, чтобы один из нас приписал себе все происшедшее, в котором к тому же нет ничего серьезного.

Сам еще не понимая почему, голландец насторожился.

— Ну, — продолжал Керабан, — а выбор не оставляет сомнений. Присутствие Ахмета в Скутари необходимо для совершения бракосочетания.

— Да, дядя, да! — кивнул Ахмет.

— Мое присутствие также необходимо, поскольку я должен быть там в качестве опекуна.

— Гм? — хмыкнул голландец.

— Итак, друг Миттен, — продолжил Керабан, — возразить нечего. Нужно пожертвовать вами!

— Мной… что?..

— Нужно обвинить вас!.. Чем вы рискуете? Несколькими днями тюрьмы? Пустяк! Мы сумеем вытащить вас оттуда!

— Но… — опешил ван Миттен, которому показалось, что его личностью распоряжаются несколько бесцеремонно.

— Дорогой господин ван Миттен, — начал Ахмет, — так нужно! Во имя Амазии я умоляю вас! Разве вы хотите, чтобы все ее будущее было погублено из-за опоздания в Скутари…

— О! Господин ван Миттен, — сказала подошедшая и все слышавшая девушка.

— Как… вы хотели бы? — повторил ван Миттен.

— Гм… — проворчал Бруно, понимавший, что происходит. — Еще одна новая глупость, которую они заставят совершить моего хозяина.

— Господин ван Миттен! — еще раз обратился Ахмет.

— Это хороший поступок! — сказал Керабан, до боли сжимая руку ван Миттена.

Тем временем крики «в тюрьму», «в тюрьму» становились все более настойчивыми.

Несчастный голландец не знал больше, что делать и кого слушать. Он то кивал, соглашаясь, то говорил «нет».

И когда служащие караван-сарая уже подходили, чтобы по знаку судьи схватить всех троих, ван Миттен сказал неуверенным голосом:

— Остановитесь! Остановитесь! Мне кажется, что это я…

— Ну вот и все, — сказал Бруно.

«Опять неудача!» — подумал Скарпант, даже дернувшись от Досады.

— Это вы? — спросил судья у голландца.

— Я… да… я!

— Добрый господин ван Миттен, — прошептала девушка ему на ухо.

— О да! — прибавила Неджеб.

А что делала в это время благородная Сарабул? В этот момент она не без интереса рассматривала того, кто имел дерзость напасть на нее.

— Итак, — спросил господин Янар, — это вы осмелились проникнуть в комнату благородной курдчанки?

— Да, — ответил ван Миттен.

— Вы, однако, не похожи на вора.

— Вор? Я?.. Я — торговец, голландец из Роттердама. О! — вскричал ван Миттен, который перед подобным обвинением не мог удержать крик вполне естественного негодования.

— Но тогда… — сказал господин Янар.

— Тогда… — сказала Сарабул. — Тогда… значит, вы покушались на мою честь?

— Честь курдчанки! — вскричал господин Янар, поднося руку к своему ятагану.

— А он неплох, этот голландец, — заметила благородная путешественница, немного жеманясь.

— Всей вашей крови не хватит, чтобы заплатить за подобное оскорбление, — продолжал Янар.

— Брат мой… брат мой!

— Если вы откажетесь возместить ущерб…

— Гм, — вырвалось у Ахмета.

— Вы женитесь на моей сестре, или…

«Ей-богу, — подумал Керабан, — опять затруднение».

— Жениться? Мне?.. Жениться? — повторял ван Миттен, воздевая руки к небу.

— Вы отказываетесь? — вскричал господин Янар.

— Отказываюсь ли я?.. Отказываюсь ли я?.. — переспрашивал ван Миттен в крайнем испуге. — Но я уже…

Он не успел докончить фразу, так как господин Керабан схватил его за руку.

— Ни слова больше! — сказал он ему. — Соглашайтесь! Так нужно! Никаких колебаний!

— Соглашаться? Мне… уже женатому?.. Мне… — лепетал ван Миттен. — Двоеженство…

— В Турции двоеженство, троеженство, четырехженство полностью разрешено! Скажите «да».

— Но…

— Женитесь, ван Миттен, женитесь! Таким образом вы не окажетесь в тюрьме даже на час. Мы продолжим поездку все вместе. Оказавшись в Скутари, вы распрощаетесь с новой госпожой ван Миттен.

— На этот раз, друг Керабан, вы требуете от меня невозможного, — ответил голландец.

— Так нужно, или все погибло!

В этот момент господин Янар схватил ван Миттена за правую руку, говоря:

— Так нужно!

— Так нужно! — повторила Сарабул, в свою очередь ухватив его за левую руку.

— Ну, раз так нужно… — колебался ван Миттен, которого больше не держали ноги.

— Что? Хозяин, вы собираетесь подчиниться? — спросил, подойдя, Бруно.

— А как поступить иначе, Бруно? — пробормотал ван Миттен таким слабым голосом, что его едва можно было расслышать.

— Ну же, стойте прямо! — воскликнул господин Янар, приподнимая своего будущего зятя.

— И твердо, — добавила благородная Сарабул, в свою очередь выпрямляя будущего супруга.

— Как должен стоять зять…

— И муж курдчанки!

Под двойным напором ван Миттен быстро выпрямился, но голова у него продолжала качаться, как будто наполовину уже отделенная от плеч.

— Курдчанки… — шептал он… — Я… гражданин Роттердама… Жениться на курдчанке?

— Не бойтесь! Свадьба в шутку! — тихо сказал ему на ухо господин Керабан.

— Никогда не нужно шутить такими вещами, — ответил ван Миттен столь жалобным голосом, что его спутники едва удержались от смеха.

Указывая своей хозяйке на сияющее лицо путешественницы, Неджеб тихонько сказала:

— Если не ошибаюсь, это — вдова, искавшая себе нового мужа.

— Бедный господин ван Миттен, — расстроилась Амазия.

— Я предпочел бы восемь месяцев тюрьмы, — сказал Бруно, качая головой, — чем восемь дней такого брака.

Тем временем господин Янар обернулся к присутствующим и громко сказал:

— Завтра в Трапезунде мы пышно отпразднуем обручение господина ван Миттена и благородной Сарабул.

При слове «обручение» господин Керабан, его спутники и прежде всего ван Миттен подумали, что дело складывается не так страшно, как можно было опасаться.

Правда, здесь нужно заметить, что по обычаям Курдистана именно помолвка делает брак неизбежным. Эта церемония подобна гражданскому браку некоторых европейских народов. В Курдистане после помолвки жених остается еще только женихом, но он уже абсолютно связан с той, которую избрал, или с той, которая избрала его, как в нашем случае.

Все это господин Янар недвусмысленно объяснил ван Миттену и прибавил:

— Итак, жених в Трапезунде!

— И муж в Мосуле! — нежно закончила благородная курдчанка.

Что касается Скарпанта, то, покидая караван-сарай, ворота которого только что открыли, он произнес с угрозой:

— Хитрость не удалась. Теперь в ход пойдет сила!

Затем он исчез, не будучи замечен ни господином Керабаном, ни его товарищами.

— Бедный господин ван Миттен! — сказал Ахмет, видя совершенно расстроенное лицо голландца.

— Ладно! — утешал Керабан. — Над всем этим можно посмеяться. Недействительная помолвка! Через десять дней об этом не будет и речи. Все это несерьезно.

— Возможно, дядя. Но пока что быть женихом этой властной курдчанки в течение десяти дней — это серьезно.

Через пять минут двор караван-сарая опустел. Все путники ушли на ночь в свои комнаты. Ван Миттен остался под наблюдением своего страшного шурина, и тишина воцарилась на сцене этой трагикомедии, разыгравшейся на горе злополучного голландца.

Глава девятая,

в которой ван Миттен, становясь женихом благородной Сарабул, имеет честь сделаться зятем господина Янара.

Город, основанный в 4790 году от сотворения мира[290] жителями милетской колонии[291], завоеванный Митридатом, попавший в руки Помпея[292], переживший господство персов и скифов… Он был христианским при Константине Великом и снова стал языческим вплоть до шестого века. Велизарий[293] освободил его, Юстиниан[294] обогатил. Город, принадлежавший Комнинам[295], от которых считал себя происходящим Наполеон I[296], и затем, к середине пятнадцатого века, ставший собственностью султана Мехмеда II. Исчезла Трапезундская империя[297] после двухсот пятидесяти шести лет существования, но Трапезунд остался — и такой город имеет некоторое право фигурировать в мировой истории. Поэтому неудивительно, что до случившегося в караван-сарае ван Миттен тешился мыслью посетить столь знаменитое место, служившее к тому же еще и полем деятельности для героев рыцарских романов.

Однако, питая эти надежды, ван Миттен был еще свободен от каких-либо забот. Ему нужно было только следовать за своим другом Керабаном по дороге, огибающей Понт Эвксинский. Теперь же, будучи пусть даже сугубо временным женихом этой благородной курдчанки, державшей его на поводке, он был больше не в настроении оценивать историческое великолепие Трапезунда.

К девяти часам утра, 17 сентября, через два часа после отъезда из караван-сарая Рисара, вся компания — господин Керабан, его спутники, господин Янар, его сестра и их слуги — величественно вошла в столицу современного пашалыка. Сельская местность, в которой она была построена, своими долинами, горами и причудливыми потоками очень напоминала некоторые пейзажи Центральной Европы. Можно было даже подумать, что целые куски Швейцарии и Тироля были перенесены на эту часть черноморского побережья.

Трапезунд, находящийся в трехстах двадцати пяти километрах от столицы Армении — Эрзерума, ныне имеет прямую связь с Персией посредством дороги, открытой турецким правительством через Гюмюшхане, Байбурт и Эрзерум, и это, возможно, вернет ему древнюю торговую значимость.

По сути, говорить надо фактически о двух городах, о двух Трапезундах, расположенных амфитеатром на холме. Один из них — турецкий город, окруженный стенами с большими башнями и некогда защищенный со стороны моря своим замком. Здесь не менее сорока мечетей. Минареты их высятся над апельсиновыми, оливковыми рощами, и трудно сказать, что стройнее — минареты или эти чарующие своим видом деревья. Второй — это христианский город, в основном торговый. Здесь находится базар с огромным выбором ковров, тканей, украшений, оружия, древних монет, драгоценных камней и т. д. Что касается порта, то он ежедневно обслуживается паровыми судами, которые напрямую связывают Трапезунд с важнейшими пунктами черноморского побережья.

В городе бурлят или прозябают, в зависимости от положения, сорок тысяч жителей — турок, персов, христиан армянского и латинского толков, ортодоксальных[298] греков, курдов и европейцев. Однако в этот день оно было в пять раз больше за счет верующих, прибывших

со всех концов Малой Азии, чтобы присутствовать на пышных празднествах в честь Пророка Мухаммада. Поэтому наши путешественники не без труда нашли подходящее жилище на те двадцать четыре часа, которые должны были провести в Трапезунде. На следующий день, по решению господина Керабана, предстоял отъезд в Скутари. И действительно, если они хотели добраться туда до конца месяца, то нельзя было терять ни одного дня.

Господин Керабан и его спутники смогли остановиться лишь во франко-итальянской гостинице, находившейся в центре квартала караван-сараев, ханов и постоялых дворов, до отказа забитых путешественниками. Рядом была площадь Гяур-Мейдан, и все это место представляло собой самую оживленную торговую часть христианского города. Гостиница оказалась достаточно комфортабельной, чтобы в ней можно было провести следующие сутки. Поэтому у дядюшки Ахмета не нашлось даже малейшего повода, чтобы разгневаться на хозяина заведения.

Но напрасно господин Керабан и его спутники считали, что, добравшись сюда, они избавились если не от тягот пути, то хотя бы от опасностей. В турецкой части города, где находился их самый смертельный враг, против них составлялся настоящий заговор.

Происходило это во дворце господина Саффара, построенном на первых отрогах горы Бостепе, склоны которой плавно спускаются к морю. Сюда за час до этого прибыл Скарпант, покинувший караван-сарай Рисара.

Прежде всего он рассказал ожидавшим его Саффару и Ярхуду обо всем происшедшем прошлой ночью. О том, как Керабан и Ахмет освободились от тюремного заключения, которое должно было разлучить их с беззащитной Амазией. По словам крайне раздосадованного Скарпанта, спаслись они благодаря глупой преданности ван Миттена. Затем на совещании трех, поистине темных, личностей были приняты планы, прямо угрожающие путешественникам на пути в двести двадцать пять лье между Скутари и Трапезундом. В тот же день принялись за дело: Саффар и Ярхуд, не принимая во внимание никакие праздники, покинули Трапезунд и направились на запад по анатолийской дороге, ведущей к устью Босфора. Скарпант остался в городе и мог действовать с полной свободой, поскольку ни господин Керабан, ни Ахмет, ни обе девушки его не знали. Именно ему предстояло сыграть важнейшую роль в драме, в которой сила должна была прийти теперь на смену хитрости.

Интендант мог смело разгуливать по площади Гяур-Мейдан среди толпы, не опасаясь быть узнанным. Как вы помните, в караван-сарае Рисара обратился с несколькими словами к господину Керабану и его племяннику в темноте — следовательно, вывести его на свет им было не так-то просто! Он же, напротив, мог легко следить за их шагами и действиями.

Такова была ситуация, когда через некоторое время после прибытия в Трапезунд Скарпант увидел Ахмета, направляющегося в порт. Путь его лежал по достаточно запущенным улицам. Сандалы[299], каботажные суда и разнообразные барки после того, как их разгрузили, образовали пестрый хаос на берегу. Торговые же корабли из-за недостаточной глубины акватории порта держались в открытом море.

Некий носильщик показал Ахмету, где находится телеграф, а затем Скарпант мог увидеть, как жених Амазии отправляет довольно длинную телеграмму банкиру Селиму в Одессу.

— Ба! — сказал интендант себе. — Вот депеша, которая никогда не прибудет к своему адресату. Ярхуд тогда не промахнулся, и, надо думать, мертвый Селим больше не доставит нам хлопот.

Затем Ахмет вернулся в гостиницу на Гяур-Мейдан. Здесь он был встречен с нетерпением ожидавшими его Амазией и Неджеб и мог уверить девушку, что через несколько часов на вилле Селима станет известно о ее судьбе.

— Письмо шло бы слишком долго, — добавил Ахмет. — И все же я беспокоюсь…

Здесь он запнулся.

— Вы беспокоитесь, мой милый Ахмет? Что вы хотите сказать? — спросила немного удивленная девушка.

— Ничего, дорогая Амазия, — ответил жених, — ничего! Я хотел напомнить вашему отцу, чтобы он постарался быть в Скутари к нашему приезду или даже раньше и сделать все нужное для праздника.

На самом деле Ахмет все еще опасался новых попыток похищения со стороны сообщников Ярхуда, которые могли узнать о том, что произошло после крушения «Гидары». Он сообщал Селиму, что опасность еще не миновала. Однако не желая волновать Амазию на последнем этапе пути, племянник Керабана воздержался от того, чтобы поведать ей о своих опасениях, основывавшихся к тому же только на предчувствиях.

Невеста поблагодарила жениха за ту заботу, которую он проявил, чтобы успокоить ее отца телеграммой, хотя и рисковал навлечь на себя проклятия дяди за использование телеграфа.

А что делал в это время ван Миттен?

Вопреки себе, он понемногу становился счастливым женихом благородной Сарабул и несчастным зятем господина Янара!

Как мог он сопротивляться? С одной стороны, Керабан твердил ему, что жертвование нужно довести до конца, иначе судья мог отправить их всех троих в тюрьму, и тогда — прощайте все замыслы! Что до самого злосчастного брака, объяснял он, то, имея силу в Турции, где допускается полигамия, этот брак окажется недействительным в Голландии, где у ван Миттена уже была одна жена. Следовательно, голландец мог по своему выбору быть одноженцем в своей стране или двоеженцем в государстве падишаха. Но ван Миттен уже сделал выбор: он предпочитал нигде не быть «женцем». О, как он мечтал о свободе! Но мечты мечтами — а реально существовали брат и сестра, неспособные выпустить из рук свою добычу. Было вполне разумно ублажать их сейчас, а потом, по другую сторону Босфора, тайком покинуть, отняв у них таким образом возможность настаивать на своих мнимых правах шурина и супруги.

Поэтому ван Миттен счел за лучшее покориться судьбе. Будь что будет!

К счастью, господин Керабан добился того, что, прежде чем направиться в Мосул для завершения брака, господин Янар и его сестра будут сопровождать наших героев в Скутари и присутствовать на свадьбе Амазии и Ахмета. А также того, что курдская невеста уедет на родину со своим голландским женихом лишь через два-три дня после этого.

Бруно продолжал считать: хозяин получил то, что заслужил своей невероятной слабостью. И все же слуга жалел его, видя поверженным этой ужасной женщиной. Однако следует также сказать, что он не удержался от бешеного смеха, как, впрочем, и Керабан, Ахмет и обе девушки, когда они узрели ван Миттена в момент завершения помолвки вырядившимся в экстравагантный[300] курдский костюм.

— Что? Это вы, ван Миттен? — вскричал Керабан. — Это вы, одетый по-восточному?

— Это я, друг Керабан.

— По-курдски?

— По-курдски.

— Действительно, это вам идет. И я уверен, что когда привыкнете, то найдете эту одежду более удобной, чем ваш куцый европейский костюм.

— Вы очень добры, друг Керабан.

— Знаете, ван Миттен, оставьте свой озабоченный вид! Представьте себе, что сегодня карнавал и вы переоделись для шуточной женитьбы.

— Не переодевание беспокоит меня больше всего… — ответил Ван Миттен.

— Тогда что же?

— Сам брак.

— Ба! Временный брак, друг ван Миттен, — утешал Керабан, — и госпожа Сарабул дорого заплатит за свои фантазии неутешившейся вдовы! Да, хотел бы я присутствовать, когда вы сообщите ей, что помолвка ни к чему не обязывает, поскольку в Роттердаме у вас уже есть жена, и когда по всей форме курдчанка получит отставку. Нельзя вступать с людьми в брак против их воли!

Учитывая все эти доводы, достойный голландец в конце концов слегка приободрился. Самым лучшим было, в интересах всех, видеть в событиях лишь их смешную сторону. Смирение, смирение и еще раз смирение! А там посмотрим…

Впрочем, в этот день у ван Миттена почти не было времени, чтобы прийти в себя. Господин Янар и его сестра решительно не любили медлить. «Как только пойман — тут же и повешен», а она была уже готова, эта виселица женитьбы, на которой они собирались вздернуть флегматичное дитя Голландии.

Но не нужно думать, что в Курдистане пренебрегали обычными формальностями. Совсем нет! Шурин с чрезвычайной тщательностью подготовился к церемонии, благо, в этом городе хватало всего, чтобы придать свадьбе подобающую торжественность.

В Трапезунде живет некоторое количество курдов. Среди них Янар и Сарабул обнаружили знакомых и друзей из Мосула. Эти люди сочли долгом помочь землячке в открывшейся для нее возможности в четвертый раз посвятить себя счастью супруга. Так что со стороны невесты был целый клан[301] приглашенных на церемонию. В свою очередь, Керабан, Ахмет и их спутники поспешили расположиться рядом с женихом. Нужно также заметить, что, будучи строго охраняемым, ван Миттен никогда не оставался наедине с друзьями с момента, когда он появился одетым в традиционный костюм господ из Мосула и Шехрезура.

Только на один миг Бруно смог проскользнуть к нему и повторить зловещим голосом:

— Остерегитесь, хозяин, остерегитесь! Вся эта глупая игра может плохо кончиться.

— Разве у меня есть возможность действовать иначе, Бруно? — ответил ван Миттен, вздыхая. — Во всяком случае, если это глупость, то она выводит из затруднения моих друзей, а последствия не будут серьезными.

— Гм! — сказал Бруно, качая головой. — Жениться, хозяин, это значит жениться и…

Но поскольку в эту минуту голландца позвали, то никто никогда не узнает, как закончил бы верный слуга свою угрожающую фразу.

Был полдень, когда господин Янар и другие курды величественного вида пришли за женихом, при котором они должны были находиться до конца церемонии.

И тогда с великой пышностью стали завязываться брачные узы. Внешний вид брачующихся был безупречен. Ван Миттен никак не проявлял снедавшего его беспокойства, а благородная Сарабул была горда тем, что заполучила жителя Северной Европы, можно

сказать, в сердце Северной Азии. Действительно, какая слава — сочетать Голландию и Курдистан!

Невеста была прекрасна в своем свадебном костюме, который она, видимо, захватила с собой в поездку на всякий случай. Ничего нет великолепнее «митанов» из расшитого золотом сукна с рукавами и корсажем, покрытыми вышивкой и филигранным галуном! Ничего нет богаче этой шали, обвязанной вокруг талии, этого «энтари» с чередующимися линиями цветочков и испещренного тысячью складок бурсского муслина, называемого «чемберс»! Ничего нет величественнее шальвар из салоникского газа, уходящих в сапожки из сафьяна, расшитого жемчугом! А эта расширяющаяся феска, обернутая «йемени»[302] с яркими цветочками, с которой до середины туловища ниспадал длинный «пюскюл», отороченный кружевом! А украшения, подвески из золота, от лба до самых бровей; эти серьги в форме розеток, от которых расходились цепочки, поддерживающие маленький золотой полумесяц, а эти аграфы[303] пояса из позолоченного серебра и булавки из лазурной филиграни, изображающие индийскую пальму! А эти лучащиеся двойные колье, «гердамлики», составленные из агатов, оправленных как когти с выгравированным именем имама[304]! Нет! Никогда еще на улицах Трапезунда не видели более прекрасной невесты, и по этому случаю их надо было бы устлать пурпурными коврами, как это было при рождении Константина Порфирородного![305]

Но если благородная Сарабул выглядела блестяще, то и ван Миттен был великолепен, а Керабан осыпал его комплиментами, которые не могли не быть серьезными со стороны религиозного человека, оставшегося верным восточной одежде.

Нужно признать, что костюм придавал ван Миттену воинственную осанку, надменный вид, авантажное[306] выражение лица, нечто свирепое, наконец, — и мало соответствующее характеру роттердамского негоцианта. Да и как могло быть иначе при этом легком манто из муслина с аппликациями из хлопчатобумажной ткани, с этими широкими панталонами из красного сатина, упрятанными в кожаные сапоги со шпорами из золота под тысячью складок голенища, с этим открытым кафтаном, рукава которого спадали до земли, этой феской, украшенной «йемени», с этим «пюскюлом», невероятная величина которого указывала на положение, подобающее в Курдистане супругу благородной Сарабул.

Большой трапезундский базар поставил все эти вещи, и, снимай, с него хоть сто мерок, — ничто не смогло бы сделать ван Миттена еще элегантнее. Было приобретено также прекрасное оружие, которое свисало с вышитой шали, обшитой сутажом и позументом и обтягивавшей его вокруг пояса: кинжалы с насечкой и рукоятками из зеленого нефрита[307] и обоюдоострым лезвием из дамасской стали; пистолеты с рукоятками из гравированного серебра; сабля с коротким лезвием, зазубренным как пила, с черной рукояткой, украшенной серебром и с головкой в виде шайбы; наконец, стальное копье с позолоченной гравировкой, оканчивающееся волнистым лезвием.

О! Курдистан без боязни может объявить войну Турции! Таких воителей армия падишаха никогда не победит! Бедный ван Миттен, кто бы мог подумать, что однажды ты так вырядишься!

К счастью, как сказал господин Керабан, а за ним повторяли Ахмет, Амазия, Неджеб и все прочие, кроме Бруно:

— Ба! Это в шутку!

Во время церемонии все проходило самым пристойным образом. Если не считать, что жених показался немного холодноватым своему страшному шурину и не менее страшной

невесте, то все шло прекрасно.

В Трапезунде достаточно судей, выполняющих роль чиновников, которые жаждали чести зарегистрировать подобный контракт, тем более что это было выгодно. Но выбрали того самого судью, чья мудрость проявилась в караван-сарае Рисара.

После подписания контракта жених и невеста, а также сопровождающие их прошествовали через огромную толпу и направились в мечеть. Некогда она была византийской церковью, и стены ее украшала любопытная мозаика. Гам раздавались курдские песни, более выразительные и мелодичные, чем турецкие или армянские. Несколько инструментов, звучание которых напоминало металлические щелчки, перекрываемые пронзительным плачем двух или трех маленьких флейт, присоединили свои странные аккорды к ансамблю довольно приятных голосов. Затем имам прочитал простую молитву, и ван Миттен был помолвлен, «хорошо помолвлен», как сказал не без задней мысли господин Керабан благородной Сарабул, когда обращался к ней с поздравлениями.

В дальнейшем брак должен был завершиться в Курдистане, где новые празднества продолжались бы несколько недель. Там ван Миттену следовало усвоить курдские обычаи или, по крайней мере, попытаться усвоить. Так, когда супруга подходит к супружескому дому, то супруг неожиданно появляется перед ней, обнимает, поднимает на плечи и несет в предназначенную ей комнату. Таким образом оберегается ее стыдливость: она не должна казаться входящей в чужое жилище по собственному желанию. Когда наступит этот знаменательный момент, ван Миттен позаботится о том, чтобы никак не задеть обычаев страны. Но, по счастью, до этого было еще далеко.

Затем праздник помолвки был естественно дополнен торжествами по случаю ночи вознесения Пророка, которые обычно происходят 29 числа месяца раджаба[308]. В силу разных политико-религиозных обстоятельств указ главы имамов назначил их на этот день.

В тот же вечер в самом просторном дворце города тысячи и тысячи верующих собрались на церемонию, привлекшую их в Трапезунд со всех концов мусульманской Азии.

Благородная Сарабул не могла упустить возможности показать всем своего жениха. Что же до господина Керабана, его племянника, обеих девушек и их слуг, то лучшего времяпровождения, чем присутствие на этом чудесном зрелище, им нечего было и придумывать.

Действительно чудесном! Да и как могло быть иначе в восточной стране, где все грезы этого мира преобразуются в реальности мира иного! Каким должен был быть праздник в честь Пророка, легче всего изобразить кистью художника, во всю мощь палитры, чем пытаться описать пером, даже если использовать для этого ритмы и образы всех величайших поэтов мира.

«Богатство — в Индии, — говорит поговорка, — ум — в Европе, пышность — у османов».

И действительно, с невероятной пышностью проходили перипетии вечной поэтической фабулы. Самые грациозные девушки Малой Азии раскрыли при этом очарование своих танцев и своей красоты.

Действие основывалось на легенде, подражающей христианской, по которой до смерти Мухаммада в десятом году хиджры[309] — шестьсот тридцать втором году нашей эры — рай был закрыт для всех верующих, заснувших в беспредельности пространства и ожидающих пришествия Пророка. В тот день он появился на коне по кличке Бурак — крылатом коне, который поджидал его у входа в иерусалимский храм.

Затем его чудесная гробница покинула землю, поднялась сквозь небеса и осталась подвешенной между зенитом[310] и надиром[311], посреди великолепия мусульманского рая. Тогда все пробудились для оказания почестей Пророку, и период вечного счастья, обещанный верующим, наконец начался, а Мухаммад поднимался в ослепительном апофеозе[312], пока созвездия аравийского неба в виде бесчисленных гурий[313] вращались вокруг блистательного лика Аллаха.

Одним словом, этот праздник был как бы осуществлением грезы поэта, лучше всего почувствовавшего пышную сказочность восточных стран, когда он сказал о экстатических[314] лицах дервишей[315], увлеченных своими хороводами со странным ритмом:

«Что видели они в убаюкивавших их видениях? Изумрудные леса с рубиновыми плодами, горы из амбры[316] и мирры[317], беседки из алмазов и палатки из жемчуга мусульманского рая!»

Глава десятая,

в которой герои этой истории не теряют ни дня, ни часа.

На следующий день, 18 сентября, когда солнце уже начинало золотить своими первыми лучами самые высокие минареты города, маленький караван прошел через ворота крепостного пояса и посылал последнее «прости» поэтическому Трапезунду.

Этот караван двигался к берегам Босфора по прибрежным дорогам, и вел его проводник, чьи услуги были охотно приняты господином Керабаном.

Проводник, видимо, в совершенстве знал Северную Анатолию: это был один из тех кочевников, которых именуют «шишечник». Так называют разновидность дровосеков, расхаживающих по лесам этой части Анатолии и Малой Азии, где обильно растет дикий орех. На деревьях возникают естественные наросты или утолщения замечательной твердости, и по этой причине их древесина — клад для столяров.

Этот шишечник, узнав, что иностранцы собираются покинуть Трапезунд и отправиться в Скутари, пришел накануне и предложил свои услуги. Он показался умным, разбирающимся в дорогах, бесчисленные сплетения которых были ему прекрасно известны. Поэтому после четких ответов на заданные господином Керабаном вопросы шишечник был нанят за хорошую плату, которая должна была удвоиться, если бы караван добрался до Босфора за двенадцать дней.

Ахмет порасспрашивал проводника и, хотя в его холодном лице и осторожном поведении было нечто не располагающее к нему, все же не счел возможным отказать тому в доверии. Впрочем, трудно было найти человека полезнее — шишечник, как мы уже сказали, обошел весь этот край и знал его досконально.

Итак, он стал проводником господина Керабана и его спутников. Ему предстояло выбирать направление, подыскивать места стоянок, организовывать лагерь. Шишечник должен был заботиться о безопасности, и, когда ему пообещали удвоить вознаграждение при условии прибытия в Скутари в нужный срок, он ответил:

— Господин Керабан может быть уверен в моем рвении, и поскольку мне обещают двойную плату за услуги, то я обязуюсь ничего не требовать, если за двенадцать дней мы не доберемся до виллы в Скутари.

— Клянусь Мухаммадом, — сказал Керабан, передавая эти слова племяннику, — вот человек, который мне подходит.

— Да, — ответил Ахмет, — но каким бы хорошим проводником он ни был, не будем забывать, что не стоит без нужды рисковать на этих анатолийских дорогах.

— А, вечно твои опасения!

— Дядя Керабан, я буду считать нас в безопасности только когда мы будем в Скутари.

— И ты будешь женат! Хорошо! — ответил Керабан, пожимая руку Ахмета. — Через двенадцать дней — обещаю тебе — Амазия станет женой самого недоверчивого из племянников.

— И племянницей…

— Лучшего из дядей! — воскликнул Керабан, заканчивая фразу взрывом смеха.

Транспортные средства каравана состояли из двух «талик» — нечто вроде довольно комфортабельной коляски, которая при плохой погоде может закрываться, и четырех

лошадей, запряженных по две в каждую талику, а также еще двух лошадей под седлом. Ахмет был счастлив, пусть за высокую цену, найти транспорт в Трапезунде, так как это позволяло закончить поездку в хороших условиях.

Господин Керабан, Амазия и Неджеб заняли место в первой талике, а Низиб устроился сзади. В глубине второй благородная Сарабул воссела рядом с женихом, а напротив поместился ее брат. Бруно играл роль выездного лакея.

На одну из оседланных лошадей сел Ахмет, а на вторую — проводник, который попеременно либо галопировал рядом с колясками, либо освещал дорогу, находясь впереди каравана.

Поскольку на дорогах могло быть неспокойно, путешественники запаслись ружьями и револьверами, не считая постоянного вооружения, подвешенного к поясу господина Янара и его сестры, а также знаменито ненадежных пистолетов господина Керабана. Хотя проводник и уверял, что на дорогах опасаться нечего, Ахмет счел нужным принять меры предосторожности против возможного нападения.

В общем, с такими средствами передвижения не представляло особых трудностей преодолеть около двухсот лье за двенадцать дней, даже без смены лошадей в районе, в котором почтовые станции были редки. Итак, если не будет непредвиденных и маловероятных неприятностей, то это путешествие по окружности должно будет закончиться в нужный срок.

Страну, простирающуюся от Трапезунда до Синопа, турки называют Джаник[318]. А по ту сторону начинается уже собственно Анатолия, древняя Вифиния[319], ставшая одним из самых обширных пашалыков азиатской Турции, охватывающим западную часть древней Малой Азии со столицей в Кутее[320] и с такими важными городами, как Бурса, Смирна и Анкара.

В шесть часов утра караван выехал из Трапезунда и в девять часов, через пять лье пути, прибыл в Платану[321].

Платана — это античная Гермонсса. Чтобы добраться до нее, нужно пересечь нечто вроде долины, где растут ячмень, хлебные злаки и где разводят великолепные плантации табака. Господин Керабан не мог не полюбоваться на эти произрастающие в Азии растения семейства пасленовых, листья которых, будучи высушенными без какой-либо дополнительной обработки, становятся золотисто-желтыми. Очень вероятно, что его корреспондент и друг ван Миттен тоже не стал бы сдерживать своих восторгов, если бы ему не было запрещено восхищаться чем бы то ни было, кроме благородной Сарабул.

Во всем этом краю высятся прекрасные деревья — ели, сосны, буки, вполне сравнимые с самыми величественными деревьями Гольштейна[322] и Дании; рядом с лесным орехом, смородиной, дикой малиной. Не без некоторого чувства зависти Бруно мог заметить, что коренные жители этого района даже в детском возрасте уже успевали обзавестись внушительным животиком, что было очень обидно для голландца, доведенного до состояния скелета.

В полдень путники проехали через деревушку Фол, оставляя слева от себя первые отроги Понтийских Альп. По дорогам сновали, направляясь в Трапезунд или из него, крестьяне, одетые в ткань из грубой коричневой шерсти. На головах у них были фески или колпаки из бараньей шкуры. Их сопровождали жены, закутанные в полосатую хлопчатобумажную ткань. Полоски эти четко выделялись на фоне юбок из красной шерсти.

Колоритная страна! Она, несомненно, имела нечто общее с той, которую описывал

Ксенофонт в «Отступлении десяти тысяч». Но злополучный ван Миттен проезжал по ней под грозным взглядом Янара и не имел права даже порыться в своем путеводителе.

Поэтому он дал Бруно указание сделать это вместо него, а также записать кое-какие беглые наблюдения. Бруно, однако, думал совсем о другом, а вовсе не о подвигах греческого полководца. Поэтому при выезде из Трапезунда он позабыл показать хозяину возвышающийся над побережьем холм, с вершины которого десять тысяч воинов, возвращавшиеся из провинций Макронии, приветствовали криками волны Черного моря. Это, конечно, не подобало верному слуге.

Вечером, проехав еще двадцать лье, караван остановился для ночевки в Тиреболу. Там проголодавшиеся путники отдали должное обильной еде. Хватало всего, в том числе баранины, и на сей раз Низиб мог вволю угоститься, не опасаясь нарушить мусульманский закон и вызвать неудовольствие Бруно.

Этот небольшой поселок, а точнее — деревушка, был покинут утром 19 сентября. В течение следующего дня проехали Зеп с его тесным портом, в котором могут укрыться лишь три или четыре торговых судна среднего водоизмещения. Затем, проделав еще двадцать пять лье, поздним вечером под руководством проводника, бесспорно прекрасно знавшего дороги, едва просматриваемые на равнинах, путешественники добрались до Гиресуна.

Гиресун построен у подножия холма рядом с крутым побережьем. Эта античная Фармасея, в которой на отдых останавливались десять тысяч воинов, представляет собой живописные развалины крепости, господствующей над входом в порт.

В Гиресуне господин Керабан смог запастись большим количеством курительных трубок из вишни, являющихся здесь важным предметом торговли. Действительно, в этой части пашалыка очень много вишневых деревьев, и ван Миттен счел нужным сообщить своей невесте тот исторический факт, что именно из Гиресуна проконсул[323] Лукулл[324] послал первые вишни, прижившиеся в Европе.

Сарабул о знаменитом гурмане[325] никогда не слышала и, кажется, проявила к ученым рассуждениям ван Миттена лишь очень слабый интерес. Голландец, окончательно порабощенный спесивой невестой, являл собой самое жалкое подобие курда, какое можно только вообразить. Тем не менее его друг Керабан не переставал — неясно, в шутку или нет — приносить ему свои поздравления на предмет того, как ловко он носит курдский костюм. Слыша это, Бруно лишь пожимал плечами.

— Да, ван Миттен, да, — повторял Керабан, — все это вам чрезвычайно идет: кафтан, шальвары, тюрбан. Чтобы полностью стать курдом, вам не хватает только больших грозных усов, таких, как у господина Янара.

— Я никогда не носил усов, — отвечал ван Миттен.

— У вас нет усов? — вскричала Сарабул.

— У него нет усов? — повторил господин Янар самым презрительным тоном.

— Они будут у вас, — продолжала властная курдчанка, — и я сама позабочусь, чтобы вы их отрастили.

— Бедный господин ван Миттен, — прошептала Амазия, вознаграждая его добрым взглядом.

— Все это кончится диким смехом, — повторяла Неджеб, в то время как Бруно качал головой, подобно вестнику зла.

На следующий день, 20 сентября, двинувшись по римской дороге, которую, как говорят, Лукулл построил, чтобы соединить Анатолию с армянскими провинциями, маленький отряд

оставил позади себя деревню Аптар, затем, к полудню, поселок Орду. Путь здесь пролегал невдалеке от великолепных рощ — по склонам холмов в изобилии виднелись разные породы дуба, граба, вяза, платана, сливы, оливы, можжевельника, ольхи, серебристого тополя, граната, белой и черной шелковицы, ореха и сикомор. Виноградные лозы, столь же часто встречающиеся здесь, как плющ в умеренных странах, обвивали деревья до самых верхушек. И ко всему этому еще и боярышник, барбарис, орешник, калина, бузина, мушмула, жасмин, тамариск, шафран с голубыми цветами, ирисы, рододендроны, скабиозы, желтые нарциссы, асклепиады, мальвы, кентавры, левкои, восточные ломоносы и т. д. И дикие тюльпаны, да, тюльпаны, при взгляде на которые в ван Миттене пробуждались все инстинкты садовода-любителя, хотя, казалось бы, вид этих растений должен был навести его на неприятные воспоминания о первом браке. Правда, теперь существование первой госпожи ван Миттен служило гарантией против брачных притязаний второй. Какое счастье, что он был женат уже раньше!

После того как миновали мыс Ясун Бурун, проводник направил караван мимо развалин города Полемониума к поселку Фатса, где путники и лошади проспали сладким сном целую ночь.

Ахмет, постоянно находившийся настороже, не обнаружил до этого момента ничего подозрительного. За время прохождения пятидесяти с небольшим лье после выезда из Трапезунда господину Керабану и его спутникам вроде бы ничего не угрожало. В течение всего пути малоразговорчивый проводник не давал повода для подозрений. И все же Ахмет испытывал к этому человеку определенное недоверие, которое не мог подавить в себе. Поэтому племянник Керабана не пренебрегал ничем, что могло обеспечить безопасность, и старался ничего не упускать из виду.

На следующий день на заре путники покинули Фатсу. К полудню они оставили справа от себя порт Унье и его судостроительные верфи в устье древнего Ойнуса. Затем дорога шла по огромным, завоеванным коноплей равнинам до самой Чаршамбы, где легенда помещает племя амазонок[326] и огибала прибрежные отроги и мысы, покрытые развалинами. После полудня проехали поселок Терме, а вечером остановились для ночевки в Самсуне, древней афинской колонии.

Самсун — важный пункт восточного Черноморья, хотя его рейд не очень надежен, а порт в устье Ешиль-Ирмака[327] недостаточно глубок. Тем не менее торговля здесь ведется оживленная. Отсюда в Константинополь отправляют арбузы, обильно произрастающие в окрестностях. Старый форт[328], живописно расположившийся на побережье, был бы мало полезен в случае нападения с моря. Исхудавший Бруно все же решил, что водянистые арбузы, которыми угощались господин Керабан и его спутники, не смогут подкрепить его, и отказался есть их. Таким образом, добрый малый, уже потерявший в своей дородности, нашел способ похудеть еще больше. Даже Керабан вынужден был признать это.

— Ничего, — утешительно говорил он ему, — мы приближаемся к Египту, и там Бруно, если пожелает, сможет выгодно запродать себя.

— Это как же? — спросил Бруно.

— Продав себя в качестве мумии.

Ясно, что подобные высказывания не могли понравиться злосчастному слуге и он желал господину Керабану какого-нибудь происшествия, еще более прискорбного, чем вторичная женитьба его хозяина.

— Но вот увидите, — бормотал он, — что с этим турком ничего не случится и все

несчастья падут только на нас, христиан.

И действительно, господин Керабан чувствовал себя отлично, а его хорошее настроение не пропадало с тех пор, как он увидел, что все его планы осуществляются в наилучших условиях.

Ни деревня Милич, ни Кизил, пересеченный по понтонному мосту 22 сентября, ни Герзе, куда прибыли на следующий день к полудню, ни Чобанлар не остановили упряжку, не считая небольшого времени, необходимого для отдыха. Господин Керабан не отказался хотя бы на несколько часов посетить расположенную немного в стороне Бафру, где осуществляется широкая торговля тем самым табаком, «тайсы», или пачки, которого, упакованные между длинными деревянными планками, заполняли его магазины в Константинополе. Но для этого пришлось бы сделать крюк в десяток лье, и Керабан счел более разумным не удлинять и без того еще долгий путь.

Вечером 23 сентября маленький караван без помех остановился в Синопе, у границы собственно Анатолии.

Синоп! Еще один важный пункт Понта Эвксинского, расположенный на перешейке, это тот самый город Страбона[329] и Полибия[330]. Рейд его превосходен, и здесь строят корабли из прекрасной древесины с гор Святого Антония, возвышающихся вокруг. Крепость окружена двойным поясом стен, но домов здесь самое большее пять сотен и едва ли пять-шесть тысяч жителей.

Ах, почему ван Миттен не родился на две-три тысячи лет раньше! Как бы он любовался этим знаменитым городом! По легендам, его основали аргонавты. Этот город был не простой милетской колонией — он заслужил право именоваться Карфагеном[331] Понта Эвксинского, и его суда бороздили Черное море во времена римлян. В конце концов Синоп был уступлен Мехмеду II, потому что он очень нравился этому повелителю верующих! Но теперь поздно обращаться к его разрушившемуся великолепию, от которого остались лишь фрагменты карнизов, фронтонов и капителей разных стилей. Следует кстати заметить, что если название Синоп происходит от имени нимфы[332], дочери Асона и Метоны, похищенной Аполлоном[333] и привезенной сюда, то теперь, применительно к компании наших путешественников, объект своей нежности похищала сама нимфа, и называлась она Сарабул! Это невольно напрашивающееся сравнение было отмечено ван Миттеном не без некоторого содрогания.

Приблизительно сто двадцать пять лье отделяют Синоп от Скутари. На то, чтобы преодолеть их, господину Керабану оставалось только семь дней. Он пока не опаздывал, но и не опережал время. Поэтому нельзя было терять ни минуты.

24 сентября с наступлением дня путники покинули Синоп и стали продвигаться вдоль изгибов анатолийского берега.

К десяти часам отряд добрался до Истифана, в полдень — до поселка Абана, вечером, проделав за день пятнадцать лье, путешественники остановились в Инеболу, открытый рейд которого, продуваемый всеми ветрами, мало надежен для торговых судов.

Ахмет предложил отдохнуть только два часа, а остаток ночи провести в пути. Двенадцать выигранных часов вполне стоили некоторой усталости. Господин Керабан принял это предложение, другие тоже не стали возражать, даже Бруно. Впрочем, Янар и Сарабул в свою очередь спешили прибыть на берега Босфора, чтобы далее проследовать в Курдистан. А ван Миттен не менее их торопился… убежать как можно дальше от этого Курдистана, одно название которого внушало ему неприязнь.

Наконец, не возражал против этого плана и проводник, заявивший, что готов ехать когда угодно. Ни ночью, ни днем дороги не представляли для него никаких трудностей. Этот шишечник мог бы бродить по густым лесам с закрытыми глазами!

Итак, в восемь часов вечера путешественники выехали при полной сверкающей луне, поднимавшейся над морским горизонтом почти сразу же после захода солнца. Амазия, Неджеб, господин Керабан, благородная Сарабул, Янар и ван Миттен скоро задремали, растянувшись в своих колясках под размеренную рысь лошадей. Поэтому они так и не увидели мыса Керемпе, вокруг которого вихрем носились морские птицы, наполняя воздух оглушительными криками. Утром проехали без каких-либо происшествий через Тимле, затем добрались до Кидроса, а вечером остановились на ночь в Амасре. После более чем шестидесяти лье, пройденных за тридцать шесть часов, можно было позволить себе короткий отдых.

Возможно, ван Миттен и предпринял бы в порту Амасры археологические изыскания с целью найти некий предмет, историческую ценность которого не стал бы отрицать ни один антиквар, но для этого требовались свобода действия, время и деньги.

В самом деле, всем известно, что за двести девяносто лет до рождества Христова царица Амастрис, жена Лисимаха[334] — одного из полководцев Александра[335], знаменитая основательница города, была помещена в кожаный мешок и брошена своими братьями в воду как раз в этом порту, который ею же и был основан. Какая слава пришла бы к ван Миттену, если бы, руководствуясь путеводителем, он вытащил этот знаменитый мешок! Но, как уже говорилось, для этого нужны были отсутствующие у него время и деньги. Так, никому ничего и не сказав, даже благородной Сарабул, он вынужден был сдержать свои археологические вожделения.

На следующее утро, 26 сентября, путники выехали из этой старой генуэзской колонии, являющейся ныне лишь довольно жалкой деревней, где изготовляют детские игрушки. Через три или четыре лье был пройден городок Бартын, затем в полдень — поселок Филиас. С наступлением вечера проехали через Озину[336], а к полуночи — и городок Эрегли.

Здесь остановились на отдых до рассвета. В общем этого было мало, потому что лошади, не говоря уже о людях, начинали испытывать сильную усталость — на длинном пути от Трапезунда путешественники почти не делали остановок. Но до конца маршрута оставалось лишь четыре дня — 27, 28, 29 и 30 сентября. Кроме того, последний день надо было вычесть, так как он был нужен для особых целей. Если 30 сентября в первые утренние часы господин Керабан и его спутники не появятся на берегах Босфора, то дело плохо! Так что нельзя было терять ни минуты, и господин Керабан ускорил отъезд, состоявшийся с восходом солнца.

Эрегли — это древняя греческая Гераклея. Некогда она была большим столичным городом, и по разрушенным стенам, соседствующим с огромными смоковницами, все еще можно угадать ее древние очертания. Порт, некогда значительный и хорошо защищенный поясом укреплений, ныне пришел в упадок, как и город, насчитывающий теперь не более шести-семи тысяч жителей. После римлян, греков и генуэзцев он попал в руки Мехмеда II, и процветавший город превратился в простой поселок, мертвый для промышленности и торговли.

Счастливый жених Сарабул мог бы увидеть там еще много любопытного. Ведь рядом расположен полуостров Ахерисия, где в мифической пещере находится один из входов в ад. Разве Диодор Сицилийский[337] не рассказывает, что через это отверстие Геракл[338] привел

Кербера, возвращаясь из мрачного царства? Но ван Миттену пришлось снова запрятать свои желания поглубже в сердце. К тому же разве сторoживший его шурин Янар не был точной копией Кербера? Конечно, у этого курдского господина не было трех голов, но ему хватало и одной. И когда он поднимал ее со свирепым видом, казалось, что его зубы, виднеющиеся под густыми усами, ничем не уступают зубам трехголовой собаки, которую Плутон держал на цепи.

27 сентября маленький караван проехал поселок Сакария[339], а к вечеру добрался до мыса Керпе[340] в том самом месте, где шестнадцать веков назад был убит император Аврелиан[341]. Здесь остановились для ночевки и собрались на совет о том, как немного сократить маршрут, чтобы приехать в Скутари через сорок восемь часов, то есть утром последнего дня, назначенного для возвращения.

Глава одиннадцатая,

в которой господин Керабан присоединяется к мнению проводника при некотором несогласии своего племянника Ахмета.

Вполне уместное и заслуживающее внимания предложение проводника состояло в следующем.

Какое расстояние отделяло путешественников от холмов Скутари? Приблизительно шестьдесят лье. Сколько времени оставалось для его преодоления? Сорок восемь часов. Этого мало, если упряжки откажутся передвигаться ночью. Но маршрут можно сократить на добрую дюжину лье, если свернуть с извилистой прибрежной дороги и двигаться напрямик через ту часть Анатолии, что заключена между берегами Черного и Мраморного морей.

— Таков план, господин Керабан, который я вам предлагаю, — сказал проводник своим характерным холодным тоном, — и советую принять его побыстрее.

— Но разве прибрежные дороги не надежнее внутренних? — спросил дядя Ахмета.

— На внутренних дорогах не больше опасностей, чем на прибрежных, — ответил проводник.

— А вы хорошо знаете те, которые предлагаете нам? — продолжал спрашивать Керабан.

— Я двадцать раз проходил по ним, когда рубил деревья в анатолийских лесах, — сообщил проводник.

— По-моему, колебаться не стоит, — решил Керабан, — и, чтобы сэкономить дюжину лье, вполне можно изменить маршрут.

Ахмет молчал, и господин Керабан обратился к нему:

— А ты что об этом думаешь, племянник?

Но Ахмет продолжал безмолвствовать. У него были свои предубеждения против проводника, тем более усиливавшиеся, чем ближе путешественники приближались к цели. Лукавые манеры этого человека, его необъяснимые отлучки, при которых он опережал караван, старания постоянно держаться в стороне во время стоянок, якобы с целью подготовки лагеря, странные и даже подозрительные взгляды, бросаемые им на Амазию, повышенный присмотр за девушкой — все это отнюдь не успокаивало Ахмета. Поэтому он старался не терять из виду этого проводника, нанятого в Трапезунде без того, чтобы хорошенько выяснить, кто он и откуда взялся. Однако Керабан едва ли разделил бы эти опасения. Его трудно было убедить в реальности того, что не выходило за пределы простых предчувствий.

— Ну так как же, Ахмет? — повторил свой вопрос господин Керабан. — Прежде чем принять решение по поводу нового предложения нашего проводника, я жду твоего ответа. Что ты думаешь об этом маршруте?

— Думаю, дядюшка, что до сих пор нам было очень удобно следовать по берегу Черного моря и отклониться от него было бы неосторожно.

— А почему? Ведь наш проводник прекрасно знает внутренние дороги, по которым он предлагает следовать. К тому же экономия времени что-нибудь да значит!

— Но, дядя, если мы не слишком будем жалеть упряжку, то легко сможем выиграть…

— Ладно, Ахмет, ты говоришь так, потому что Амазия нас сопровождает, — воскликнул Керабан. — Но если бы она сейчас была в Скутари, то ты первым торопил бы караван.

— Возможно, дядюшка.

— Ну вот, а я, защищая твои интересы, Ахмет, думаю, что чем раньше мы прибудем, тем лучше. Мы постоянно зависим от задержки, и коль скоро можно выиграть двенадцать лье, изменив маршрут, то колебаться нечего.

— Хорошо, дядя, — уступил Ахмет. — Раз вы этого хотите, я не буду спорить.

— Не потому, что я этого хочу, а из-за отсутствия у тебя доводов, племянник. И я легко возьму верх над тобой!

Ахмет промолчал. Но проводник легко мог заметить, что молодой человек относится к его предложению не без некоторого подозрения. Их взгляды встретились лишь на миг, но этого хватило, чтобы «прощупать друг друга», как говорят на жаргоне фехтовальщиков. Поэтому Ахмет решил не просто остерегаться, но быть «в полной готовности». Для него проводник был врагом, только и ждущим случая для предательского нападения.

Впрочем, решение сократить поездку могло лишь понравиться нашим путешественникам. Ван Миттен и Бруно торопились прибыть в Скутари, чтобы выйти из своего затруднительного положения; господин Янар и благородная Сарабул стремились оттуда вернуться в Курдистан со своим зятем и женихом на прибрежном пакетботе; Амазия — мечтала наконец соединиться с Ахметом; а Неджеб не терпелось присутствовать на свадебном торжестве.

Так что предложение было благосклонно принято. Решили также как следует отдохнуть ночью и набраться сил, чтобы на следующий день проделать как можно большее расстояние. Кроме того, осуществили некоторые меры предосторожности, подсказанные проводником. В частности, пришлось позаботиться о провизии на двадцать четыре часа, поскольку по пути невозможно было встретить ни поселков, ни селений, а следовательно, и ханов, духанов, гостиниц. По счастью, все необходимое удалось достать на мысе Керпе. За хорошую цену, разумеется. Кроме того, был приобретен осел для перевозки этого дополнительного груза. Нужно заметить, что господин Керабан вообще питал к ослам слабость — безусловная симпатия одного упрямца к другому, — а тот, которого он купил на мысе Керпе, понравился ему особенно.

Это было животное небольшого роста, но сильное и способное нести груз лошади — около девяноста «оков», или более ста килограммов. Такие ослы встречаются тысячами в Анатолии, они перевозят зерно в различные порты побережья. У этого верткого и веселого ослика были преднамеренно разрезаны ноздри, что легко позволяло ему избавляться от мух. Это обстоятельство придавало ему веселое и жизнерадостное выражение; он вполне мог именоваться «осел, который смеется»! Сильно отличаясь от бедных жалких животных с дряблыми ушами, худыми, окровавленными хребтами, о которых рассказывает Т. Готье, купленный осел был, вероятно, столь же упрям, как и господин Керабан, и, как сказал про себя Бруно, нашел вполне соответствующего хозяина.

Что касается провизии, то зажаренная на месте четверть туши барана, а также «бургуль» — разновидность пшеничного хлеба, предварительно высушенного в печи с добавлением масла, — это было все, что требовалось для не слишком продолжительной поездки. Двухколесная тележка с запряженным в нее ослом вполне могла все это перевезти.

На следующее утро, 28 сентября, незадолго до восхода все уже были на ногах. Тотчас запрягли лошадей в талики, в которых каждый занял свое привычное место. Ахмет и проводник сели верхом и расположились во главе каравана. Впереди всех шествовал осел. И путешествие началось. Через час обширный простор Черного моря скрылся за высокими

скалами и перед путниками открылась довольно-таки изрезанная равнина.

День прошел без особых тягот, хотя состояние дорог и оставляло Желать лучшего. Это снова вызвало у господина Керабана поток жалоб на нерадивость оттоманских властей.

— Очень даже заметно, — повторял он, — что мы приближаемся к их современному Константинополю!

— Дороги Курдистана неизмеримо лучше, — заметил господин Янар.

— Охотно верю, — отозвался Керабан, — и в этом смысле моему другу ван Миттену не придется жалеть о Голландии!

— Во всех смыслах! — резко ответил благородный курд, чей властный характер во всем блеске проявлялся при любом обстоятельстве.

Ван Миттен с радостью послал бы к черту своего друга Керабана, который, вероятно, получал удовольствие, дразня его. Но через сорок восемь часов ему предстояло вновь обрести полную свободу, и он простил другу эти шуточки.

Вечером караван остановился перед полуразрушенной деревушкой — скоплением хижин, пригодных скорее для вьючных животных, а не для людей. Там прозябали несколько сотен бедняков, питавшихся небольшим количеством молока, плохого мяса и хлеба, в котором отрубей было больше, чем муки. Воздух был пронизан тошнотворным запахом от tezek'a — искусственного торфа из смеси навоза и грязи, — единственного топлива в таких деревушках. Из него иногда строят даже стены лачуг.

То, что по совету проводника провиантом запаслись заранее, оказалось весьма кстати: действительно, в этом месте жители были ближе к тому, чтобы просить благодеяния, а не предоставлять его.

Ночь прошла без приключений. Ахмет бодрствовал с еще большей, «чем раньше, настороженностью. И не зря: посреди ночи проводник покинул деревню и удалился на несколько сот шагов вперед.

Ахмет незримо следовал за ним и вернулся в лагерь только вслед за проводником.

Что нужно было этому человеку? Ахмет терялся в догадках. Никто к проводнику не подходил. Криков слышно не было. Ни единого сигнала…

«Ни единого сигнала? — снова подумал Ахмет, вернувшись в сарай. — А не был ли условленным сигналом тот огонек, который на миг промелькнул на горизонте с западной стороны?»

Мысль Ахмета настойчиво возвращалась к одному обстоятельству, которому он первоначально не придал значения. Он очень четко вспомнил, что в момент, когда проводник стоял на небольшом возвышении, вдали заблестел огонь и, прежде чем погаснуть, три раза мигнул с небольшими интервалами. Первоначально Ахмет решил, что это огонь пастуха.

Теперь же, сидя в одиноком, ничем не нарушаемом раздумье, племянник Керабана все больше и больше стал проникаться даже не подозрением, но настойчивой уверенностью, что этот огонь был сигналом.

— Да, — сказал он себе, — проводник предает нас, это ясно. И действует в интересах какой-то могущественной личности…

Какой? Этого Ахмет, разумеется, не знал. Но он чувствовал, что измена проводника должна быть связана с похищением Амазии. Вырванная из рук похитителей, она подвергалась теперь новым опасностям, и чем ближе подходило к концу путешествие, тем больше за нее следовало опасаться.

Остаток ночи Ахмет провел в крайнем беспокойстве, не зная, какое принять решение. Раскрыть немедля предательство проводника, в измене которого Ахмет не сомневался, или подождать, пока тот начнет действовать?

Наступивший день принес Ахмету некоторое успокоение. Он решил потерпеть еще сутки, чтобы лучше проникнуть в замыслы проводника, и не терять его ни на миг из виду ни в пути, ни во время стоянок. Впрочем, Ахмет и его спутники были хорошо вооружены, и если бы речь не шла об Амазии, то можно было бы не обращать внимания на опасность нападения.

В конце концов Ахмет полностью овладел собой. По его лицу ни о чем не могли догадаться ни его спутники, ни нежно-проницательные глаза Амазии, ни даже проводник, который довольно настойчиво наблюдал за ним. Единственное, что Ахмет решил пока сделать — посвятить дядю Керабана в свои новые подозрения, даже если из-за этого придется вступить с ним в жестокий спор.

Ранним утром путники покинули жалкую деревушку. Если не учитывать возможного предательства или еще чего-либо неожиданного, то этот день должен был стать последним в путешествии, предпринятом для удовлетворения самолюбия самого упрямого из османов. Трудности, конечно, предстояли в любом случае. Упряжкам требовались большие усилия для преодоления гористой местности, относившейся к массиву Элкен. Несколько раз приходилось высаживаться и идти пешком, чтобы облегчить повозки. Амазия и Неджеб во время этих трудных переходов проявляли большую энергию. Благородная курдчанка не уступала им. Что же до притихшего ван Миттена — милого жениха, — то со времени отъезда из Трапезунда он был под ее неослабным контролем.

Было ясно, что проводник безусловно хорошо знал каждый уголок в данной местности. Досконально знал — по мнению Керала, слишком знал — по определению Ахмета. Отсюда следовали комплименты проводнику со стороны дяди, к которым никак не мог присоединиться племянник. Впрочем, нужно заметить, что в этот день проводник не отлучался ни на мгновение и постоянно находился во главе маленького каравана.

В общем, все шло должным образом, если не считать неприятностей, неизбежных при плохом состоянии дорог, размытых дождями, и возникавших при прохождении рядом с какой-либо горой, когда передвигаться приходилось в слишком тесном пространстве. Однако лошади со всем этим справлялись, а кроме того, их можно было подбадривать больше, чем обычно, учитывая, что это — последний перегон и впереди достаточно времени для отдыха.

Все безропотно несли свой груз, включая и маленького ослика. Поэтому господин Керабан проникся к нему особой симпатией.

— Ей-богу! Он мне нравится, — повторял Керабан, — и, чтобы лучше досадить оттоманским властям, хотелось бы появиться на берегах Босфора верхом на этом животном.

Нужно признать, что это была идея, вполне в духе Керабана! Никто не стал с ним спорить, дабы не вводить его во искушение осуществить ее на самом деле.

К девяти часам вечера после действительно трудного дня небольшой отряд остановился и, по совету проводника, занялся организацией лагеря.

— На каком мы сейчас расстоянии от холмов Скутари? — спросил Ахмет.

— В пяти или шести лье, — ответил проводник.

— Тогда почему бы не двигаться дальше? — продолжал Ахмет. — Через несколько часов мы смогли бы добраться…

— Господин Ахмет, — ответил проводник, — я не стал бы рисковать ночью в этой области, где легко можно заблудиться. Напротив, завтра с наступлением дня нечего будет опасаться, и еще до полудня мы достигнем цели.

— Этот человек прав, — сказал господин Керабан. — Не стоит все портить поспешностью. Давайте расположимся здесь лагере последний раз поужинаем, а завтра еще до шести часов мы уже сможем приветствовать воды Босфора.

Все, кроме Ахмета, согласились с этим и постарались расположиться на отдых как можно удобнее.

Впрочем, место стоянки было выбрано проводником очень удачно. Оно представляло собой узкое ущелье между горами или, вернее, холмами, и называлось «Теснины Нерисы». В глубине его высокие скалы соединялись первыми пластами массива, полукруглые уступы которого громоздились с левой стороны. Справа открывалась глубокая пещера. В ней целиком мог уместиться весь маленький отряд.

Не менее удобным, чем для путников, было это место и для упряжки, столь же голодной, сколь и уставшей. Неподалеку от ущелья находился луг, богатый водой и травами. Туда-то и отвел лошадей Низиб, назначенный, как обычно, для их охраны ночью.

Итак, Низиб направился к лугу, а вместе с ним и Ахмет — с целью лучше узнать место и убедиться, безопасно ли оно.

И действительно, Ахмет не обнаружил ничего подозрительного. Лужайка, закрывавшаяся с востока несколькими неровными холмами, оказалась совершенно пустынной. Ночь была спокойной, и луна, которая к одиннадцати часам должна была появиться, достаточно осветит все пространство. Среди облаков сверкало несколько неподвижных, как бы заснувших звезд. Ни одно дуновение не колебало воздух, вокруг не было слышно ни малейшего шума.

Ахмет с предельным вниманием осмотрел горизонт. Не появится ли и этим вечером какой-либо огонь на гребне окрестных холмов? Не будет ли какого-нибудь сигнала для проводника?

Но ни одного огонька не появилось на краю луга и никакой сигнал не был подан из глубины долины.

Ахмет велел Низибу бдительно стеречь лошадей и сразу же вернуться, если что-либо произойдет. После этого со всей поспешностью он направился к месту ночевки.

Глава двенадцатая,

в которой приводятся некоторые подробности разговора между благородной Сарабул и ее новым женихом.

Когда Ахмет присоединился к своим спутникам, последние приготовления к ужину и сну были уже сделаны. Спальней служила пещера, высокая, просторная, с углами и закоулками, в которых каждый мог прикорнуть с максимальным для себя удобством. В качестве же столовой использовали ровную площадку, на которой некогда обвалившиеся камни могли послужить стульями и столами.

Провизию достали из тележки маленького ослика. Он, кстати, был также приглашен к трапезе лично своим другом господином Керабаном. Небольшое количество собранного фуража составило его долю в пиршестве, и он громким ревом выражал свой восторг.

— Давайте ужинать, друзья, — воскликнул господин Керабан веселым голосом, — давайте ужинать! Будем есть и пить в свое удовольствие! Тем меньший груз придется тащить до Скутари этому милому ослику.

Само собой разумеется, что для этой трапезы на открытом воздухе, при свете смолистых факелов, каждый расположился по собственному усмотрению. Господин Керабан в глубине возвышался на обломке скалы, как на троне. Амазия и Неджеб сидели на более скромных камнях рядом друг с другом — не как хозяйка и служанка, а как две подруги. Рядом с ними устроился Ахмет.

Что до ван Миттена, то справа от него часовым застыл неизбежный Янар, а слева неотступно находилась неразлучная Сарабул. Все трое располагались перед большим обломком утеса, и вздохи новоявленного жениха, казалось, вполне могли бы этот утес размягчить.

Бруно, более худой, чем когда-либо, занимался обслуживанием, при этом жевал и морщился. Господин Керабан не только находился в хорошем настроении сам, но еще и изливал свою радость в шутках, относившихся, как обычно, к его другу ван Миттену. Брачное приключение, случившееся с этим беднягой из-за его преданности друзьям, продолжало подстрекать язвительное остроумие негоцианта. Правда, через двенадцать часов эта история закончится, и голландец навсегда забудет о сестре и брате, а также обо всем Курдистане. А пока — почему бы не отпустить шуточку-другую по адресу своего союзника по путешествию?

— Ну как, ван Миттен, дела? В порядке? — спросил Керабан, потирая руки. — Вот вы и на вершине своих желаний в сопровождении добрых друзей. С вами милая женщина, счастливо повстречавшаяся в пути. Аллах не сделал бы большего, даже если бы вы были одним из самых ревностных верующих в него.

Голландец посмотрел на своего друга, слегка оттопырив губы, но ничего не ответил.

— Что же вы молчите? — спросил Янар.

— Нет… Я говорю… говорю внутренне.

— С кем же? — повелительно спросила благородная курдчанка, живо взяв его за руку.

— С вами, милая Сарабул… с вами, — неуверенно ответил смущенный ван Миттен.

Затем он поднялся, произнеся: «Уф!» — и вознамерился удалиться.

Господин Янар и его сестра встали в тот же момент и последовали за ним.

— Если вам угодно, — сказала Сарабул слащавым тоном, не допускающим, однако, ни малейшего противоречия, — если вам угодно, то мы проведем в Скутари лишь несколько часов.

— Если мне угодно?

— Разве вы не мой хозяин, господин ван Миттен? — продолжала вкрадчивая особа.

— Да, — пробормотал Бруно, — он ее хозяин… в такой же мере, как бывают хозяином бульдога, который может в любой момент вцепиться вам в горло!

«По счастью, — сказал про себя ван Миттен, — завтра… в Скутари… разрыв и расставание. Но какая сцена из-за этого будет!»

Амазия смотрела на него с чувством истинного сострадания и, не осмеливаясь пожалеть его вслух, несколько раз откровенно говорила об этом с его верным слугой:

— Бедный господин ван Миттен! Вот куда его завела преданность нам.

— И его пресмыкательство перед господином Керабаном, — добавлял Бруно, который не мог простить хозяину его снисходительности, доведенной до слабости.

— Ну, — говорила Неджеб, — это, по крайней мере, доказывает, что у господина ван Миттена доброе и великодушное сердце.

— Слишком великодушное! Впрочем, после того, как хозяин согласился разделить с господином Керабаном подобное путешествие, я не переставал повторять, что с ним рано или поздно случится несчастье. Но такое несчастье! Стать, пусть даже на несколько дней, женихом этой дьявольской курдчанки! Я никогда не вообразил бы себе этого. Нет! Никогда! Первая госпожа ван Миттен была голубкой в сравнении со второй!

Тем временем голландец сел в другом месте, но все так же — с обоими телохранителями по бокам, когда Бруно подошел предложить ему что-нибудь из еды. Однако ван Миттен не испытывал аппетита.

— Вы не будете есть, господин? — спросила Сарабул, пристально смотря на него.

— Я не голоден.

— Да? Вы не голодны? — вмешался господин Янар. — В Курдистане люди всегда голодны… даже после еды.

— А! В Курдистане? — уточнил ван Миттен, проглатывая двойной кусок в знак повиновения.

— И пейте! — добавила благородная Сарабул.

— Но я пью… пью нектар ваших слов.

При этом он не осмелился договорить: «Не знаю только, полезно ли это для желудка!»

— Пейте, раз вам говорят! — сказал господин Янар.

— Я не испытываю жажды.

— В Курдистане всегда испытывают жажду… даже после еды!

Все это время Ахмет настороженно наблюдал за проводником.

Сидя в отдалении, тот принимал участие в трапезе, но с трудом скрывал свое нетерпение. По крайней мере, так показалось Ахмету. Да и как могло быть иначе? Ведь в его глазах этот человек был предателем. Он наверняка должен с нетерпением ожидать, когда путешественники укроются в пещере, где сон сделает их беззащитными перед заранее намеченным нападением. А может, проводник торопился удалиться для каких-нибудь тайных козней, но не осмеливался сделать это при Ахмете, о недоверии которого к себе знал.

— Вот хороший ужин на свежем воздухе, друзья, — воскликнул Керабан. — Мы хорошо

восстановили силы перед последним переходом. Не так ли, моя маленькая Амазия?

— Да, господин Керабан, — ответила девушка. — Впрочем, у меня достаточно сил и, если бы путешествие нужно было начать снова…

— Ты снова начала бы?

— Чтобы следовать за вами.

— И особенно после некоей остановки в Скутари, — произнес Керабан с громким добрым смехом, — такой же остановки, какую наш друг ван Миттен сделал в Трапезунде!

— Он ко всему еще и подшучивает надо мной, — пробормотал голландец.

В глубине сердца он был сильно разгневан, но не решился ответить в присутствии нервозной Сарабул.

— Да! — продолжал Керабан. — Возможно, свадьба Ахмета и Амазии не будет такой прекрасной, как обручение нашего друга ван Миттена с благородной Сарабул! Я, конечно, не смогу предложить празднество, как в раю Магомета, но мы все сделаем как следует. Рассчитывайте на меня. Я хочу, чтобы все в Скутари были приглашены на торжество, и наши константинопольские друзья заполнили бы сады виллы.

— О, нам не нужно столько! — ответила девушка.

— Нужно, нужно… милая хозяйка! — закричала Неджеб.

— И если я так хочу, да… я так хочу… — прибавил господин Керабан. — Разве моя маленькая Амазия решится мне противоречить?

— О, господин Керабан!

— Ну, — сказал дядюшка, поднимая свой стакан, — за счастье этих молодых людей, вполне заслуживающих быть счастливыми!

— За господина Ахмета!.. За молодую Амазию! — с радостью повторили в один голос все присутствующие.

— И за союз, — добавил Керабан, — да… за союз Курдистана и Голландии!

После этого тоста, произнесенного веселым голосом, перед всеми руками, тянувшимися к нему, господин ван Миттен вынужден был волей-неволей благодарно поклониться и выпить за собственное счастье.

Наконец примитивная, но веселая трапеза закончилась. Еще несколько часов отдыха — и можно будет закончить путешествие, не особенно устав при этом.

— Идемте спать до завтра, — распорядился Керабан. — Я поручаю проводнику разбудить нас всех, когда наступит время.

— Хорошо, господин Керабан, — отозвался проводник, — а сейчас, может быть, мне стоит пойти и подменить вашего слугу Низиба по охране упряжки?

— Нет, останьтесь, — живо сказал Ахмет. — Низиб вполне на своем месте, и я предпочитаю, чтобы вы остались здесь. Мы будем сторожить вместе.

— Сторожить? — переспросил проводник, плохо скрывая недовольство. — Нет ни малейшей опасности в этом отдаленном уголке Анатолии.

— Возможно, — сказал Ахмет, — но лишняя предосторожность не повредит… Я сам заменю Низиба у лошадей. Так что оставайтесь.

— Как вам угодно, господин Ахмет, — ответил проводник. — Давайте тогда подготовим пещеру, чтобы было удобнее ночевать в ней.

— Давайте, — согласился Ахмет. — И если не возражает господин ван Миттен, Бруно вам поможет.

— Иди, Бруно, иди, — приказал голландец.

Проводник и Бруно вошли в пещеру, неся с собой разные постельные принадлежности, плащи и кафтаны.

Пока заканчивались последние приготовления, Амазия подошла к Ахмету, взяла его за руку и сказала:

— Итак, милый Ахмет, вы опять собираетесь провести всю ночь без отдыха?

— Да, — ответил молодой человек, не желая обнаруживать свое беспокойство. — Разве я не обязан оберегать всех, кто мне дорог?

— Но это в последний раз?

— В последний! Завтра все тяготы путешествия закончатся.

— Завтра, — повторила Амазия, поднимая на молодого человека свои прекрасные глаза, — это «завтра», которое, казалось, никогда не наступит.

— И которое теперь будет длиться вечно! — сказал Ахмет.

— Вечно, — прошептала девушка.

Благородная Сарабул тоже взяла своего жениха за руку и, вздохнув, сказала, указывая на Амазию и Ахмета:

— Посмотрите на них, посмотрите на них обоих.

— На кого? — спросил голландец, чьи мысли были далеки от каких-либо сентиментальностей.

— На кого? — едко ухмыльнулась Сарабул. — Да на этих молодых помолвленных. Я нахожу вас чересчур сдержанным.

— Вы знаете голландцев? — ответил ван Миттен. — Голландия — страна плотин[342]! Они там повсюду[343].

— А в Курдистане нет плотин! — вскричала благородная Сарабул, задетая такой холодностью.

— Да, нет! — подтвердил господин Янар, сжав руку бедного зятя так, что раздавил ее в своих живых тисках.

— К счастью, — не удержался Керабан, — завтра наш друг ван Миттен будет свободен.

Затем, повернувшись к своим спутникам, он сказал:

— Ну, комната, наверное, уже готова. Комната друзей, в которой хватит места для всех. Вот уже одиннадцать часов. Луна взошла. Пошли спать.

— Пошли, Неджеб, — позвала Амазия молодую цыганку.

— Следую за вами, дорогая хозяйка!

— Спокойной ночи, Ахмет!

— До завтра, милая Амазия, до завтра, — поклонился Ахмет, провожая девушку до входа в пещеру.

— Вы идете за мной, господин ван Миттен? — спросила Сарабул голосом, в котором не было ничего приветливого.

— Конечно, — отозвался голландец. — Однако, если нужно, я мог бы составить компанию моему юному другу Ахмету.

— Что? — сурово воскликнула курдчанка.

— Что? — повторил господин Янар.

— Я говорю, — ответил ван Миттен, — я говорю, милая Сарабул, что долг обязывает меня сторожить вас… и что…

— Хорошо! Вы будете сторожить… но там!

И она указала рукой на пещеру, в то время как Янар толкал зятя в плечо, говоря:

— Есть одна вещь, о которой вы, господин ван Миттен, несомненно не догадываетесь.

— Вещь, о которой я не догадываюсь, господин Янар?.. И что же это?

— То, что, женясь на моей сестре, вы оказались на вулкане!

Под воздействием мощной руки, толкнувшей его, ван Миттен влетел в пещеру, в которую уже вошла невеста. Гуда за ним тотчас же последовал господин Янар.

Когда, в свою очередь, в пещеру вздумал проникнуть и Керабан, Ахмет удержал его, говоря:

— Одно слово, дядя.

— Только одно, Ахмет! — ответил Керабан. — Я устал и хочу спать.

— Хорошо, но я прошу вас выслушать меня.

— Что ты хочешь сказать?

— Вы знаете, в каком месте мы находимся?

— Да… в ущелье «Теснины Нерисы».

— На каком расстоянии от Скутари?

— Едва в пяти или шести лье.

— Кто вам это сказал?

— Ну… наш проводник.

— А вы доверяете этому человеку?

— А почему бы и нет?

— Потому что его повадки, за которыми я наблюдаю уже несколько дней, становятся все более и более подозрительными. Разве вы его знаете, дядя? Нет! В Трапезунде он просто пришел и предложил провести нас до Босфора. Вы приняли его услуги, даже не зная, кто он такой! Мы отправились под его руководством…

— Ну, Ахмет, мне кажется, что он достаточно доказал, что знает дороги Анатолии.

— Несомненно, дядюшка.

— Тебе хочется спорить, племянник? — спросил господин Керабан, чей лоб уже начал морщиться.

— Нет, дядюшка, нет. И прошу не усматривать никакого намерения причинить вам неприятность… Но что вы хотите! Я неспокоен и боюсь за тех, кого люблю.

Волнение Ахмета было столь заметно, что дядя не мог остаться равнодушным.

— Ахмет, дитя мое, что с тобой? — продолжал он. — Откуда эти опасения в момент, когда все наши испытания вот-вот кончатся? Могу признаться тебе… но только тебе одному, что, предпринимая эту безумную поездку, я совершил необдуманный поступок. Соглашусь также, что, если бы не мое упрямство, заставившее тебя покинуть Одессу, то, вероятно, похищение Амазии не состоялось бы… Да! Во всем этом моя вина! Но вот мы почти уже закончили путешествие. Твоя свадьба не будет отложена ни на один день. Завтра мы будем в Скутари…

— А если завтра мы не будем в Скутари, дядюшка? Если мы гораздо дальше от цели, чем утверждает проводник? Если он преднамеренно сбил нас с пути, посоветовав оставить прибрежные дороги? Наконец, если этот человек — предатель?

— Предатель? — вскричал Керабан.

— Да! И если этот предатель служит интересам тех, кто похитил Амазию?

— Во имя Аллаха, племянник! Откуда могла прийти тебе эта идея и на чем она основана? На простых предчувствиях?

— Нет! На фактах, дядя. Послушайте меня. Вот уже несколько дней этот человек часто

покидал нас во время стоянок под предлогом разведывания пути. При этом он несколько раз вел себя как человек, не желающий быть замеченным. Прошлой ночью, например, на целый час покинул лагерь. Я украдкой последовал за ним и утверждаю, что на горизонте ему подавали сигнал при помощи огня. Сигнал, которого он ждал!

— В самом деле, это серьезно, Ахмет, — заговорил Керабан. — Но почему ты связываешь его козни с обстоятельствами, приведшими к похищению Амазии на «Гидаре»?

— Но, дядя, куда шла эта тартана? Не в маленький же атинский порт, в котором она погибла? Нет, очевидно! Разве «Гидара» не была отброшена штормом со своего пути? По моему мнению, ее целью был Трапезунд, в котором часто пополняются гаремы анатолийских богачей… Там могли узнать, что похищенная девушка спаслась от крушения, без особого труда напасть на ее след и подослать этого проводника, чтобы завести наш маленький караван в какую-нибудь ловушку.

— Да, Ахмет, — согласился Керабан. — Действительно! Возможно, ты и прав. Может быть, нам и угрожает опасность. Этой ночью я буду бодрствовать с тобой.

— Нет, дядя, нет. Отдыхайте… Я хорошо вооружен и при первой тревоге…

— Говорю тебе, что буду стеречь тоже. Пусть не будет сказано, что безумие такого упрямца, как я, могло привести к какой-либо новой катастрофе.

— Нет, не утомляйте себя напрасно. По моему приказу проводник проведет ночь в пещере. Возвращайтесь, дядя!

— Я не вернусь!

— Но, дядя…

— Ты спорить хочешь со мной? Берегись, Ахмет! Уже давно мне никто не противился.

— Хорошо, дядя, хорошо! Мы будем стеречь вместе.

— Да! И с оружием! И горе тому, кто приблизится к нашему лагерю.

После этого господин Керабан и Ахмет, прохаживаясь, непрерывно поглядывали вокруг. Прислушиваясь к малейшему шуму, который мог бы раздаться посреди такой спокойной ночи, они стали неусыпно сторожить вход в пещеру. Так прошли два часа. Затем еще час. Не происходило ничего, что могло бы оправдать подозрения господина Керабана и его племянника. Они уже начинали надеяться, что ночь пройдет без происшествий, когда около трех часов утра возле выхода из ущелья раздались испуганные крики.

Керабан и Ахмет тотчас же бросились к оружию, положенному у подножия скалы. На этот раз, не слишком доверяя своим пистолетам, дядя взял ружье. В тот же миг в ущелье появился запыхавшийся Низиб.

— О, хозяин!

— В чем дело, Низиб?

— Хозяин… там… там!

— Что там? — спросил Ахмет.

— Лошади!

— Наши лошади?..

— Да!

— Да говори же, глупая скотина! — вскричал Керабан, жестоко тряся парня. — Наши лошади?..

— Украдены!

— Украдены?

— Да! На пастбище ворвались два или три человека… и захватили их…

— Захватили наших лошадей, говоришь ты? — переспросил Ахмет. — И увели их?

— Да!

— По дороге в эту сторону? — продолжал спрашивать Ахмет, указывая на запад.

— В эту сторону!

— Нужно погнаться… погнаться за этими бандитами… и настичь их! — закричал Керабан.

— Останьтесь, дядя! — попросил Ахмет. — Догнать наших лошадей невозможно. Прежде всего надо подготовить к обороне наш лагерь!

— О… хозяин! — неожиданно сказал вполголоса Низиб. — Посмотрите! Посмотрите! Туда, туда!

И он указал рукой на гребень высокой скалы, возвышавшейся слева.

Глава тринадцатая,

в которой господин Керабан сперва противостоит своему ослу, а затем еще более смертельному врагу.

Господин Керабан и Ахмет обернулись и посмотрели в направлении, указанном Низибом. То, что они увидели, заставило их отступить и затаиться. По гребню этой скалы, возвышавшейся напротив пещеры, полз человек, стремившийся, несомненно, добраться до точки, с которой лучше всего можно было бы рассмотреть расположение лагеря. По всей видимости, это был сообщник проводника.

Нужно заметить, что Ахмет правильно понял все махинации вокруг Керабана и его спутников. Дяде не оставалось ничего, как признать это. Было очевидно, что во мраке ночи готовится неизбежное нападение. Их маленький караван завлечен в ловушку!

Первым бессознательным движением Керабана было вскинуть ружье и прицелиться в дерзкого шпиона. Через секунду раздался бы выстрел, возможно, роковой для незнакомца. Но не насторожит ли это других злоумышленников?

— Остановитесь, дядя, — сказал Ахмет тихим голосом, отводя ствол, уже направленный на верхушку скалы.

— Но, Ахмет…

— Нет… звук выстрела может стать сигналом к нападению. А что до этого человека, то лучше его взять живым. Нужно узнать, на кого эти негодяи работают.

— Но как захватить лазутчика?

— Предоставьте действовать мне, — ответил племянник.

И он исчез, двигаясь влево так, чтобы обогнуть скалу и подняться на нее сзади. В то же время Керабан и Низиб были наготове, чтобы вмешаться в случае необходимости.

Соглядатай дополз на животе до края скалы; над гребнем была видна только его голова. При свете луны он пытался рассмотреть вход в пещеру.

Через полминуты Ахмет появился на вершине. С крайней осторожностью он подполз к шпиону, который его не замечал.

К несчастью, произошло нечто неожиданное. Из пещеры вышла Амазия. Глубокое безотчетное беспокойство не давало ей сомкнуть глаз.

Как только Керабан заметил девушку, он сразу же сделал ей знак остановиться. Но Амазия не поняла его. Подняв голову, она увидела Ахмета как раз в тот момент, когда он появился на вершине. От испуга у нее вырвался крик. Соглядатай быстро обернулся, поднялся и, увидев притаившегося Ахмета, бросился на него.

Амазия, застывшая от ужаса на месте, нашла все же силы крикнуть:

— Ахмет! Ахмет!

Шпион уже готов был ударить своего противника ножом, но Керабан вскинул ружье и выстрелил. Получив смертельное ранение в грудь, злоумышленник выронил кинжал и покатился на землю.

Через мгновение Амазия уже оказалась в объятиях жениха, соскользнувшего со скалы.

При звуке выстрела из пещеры вышли все остававшиеся в ней путешественники. Все, кроме проводника. Господин Керабан закричал, размахивая своим оружием:

— Клянусь Аллахом, мастерский был выстрел!

— Опять опасности, — пробормотал Бруно.

— Не покидайте меня, ван Миттен, — взмолилась энергичная Сарабул, хватая своего жениха за руку.

— Он не покинет вас, сестра! — решительно заверил господин Янар.

Тем временем Ахмет подошел к телу шпиона.

— Этот человек мертв, — сообщил он, — хотя был бы нужен нам живым.

Подошла Неджеб и сразу же закричала:

— Но… этот человек… это…

Амазия приблизилась в свою очередь.

— Да! Это он! Это Ярхуд! — сказала она. — Это капитан «Гидары».

— Ярхуд? — вскричал Керабан.

— А, я был прав, — заметил Ахмет.

— Да! — продолжала Амазия. — Именно этот человек похитил нас из дома моего отца.

— Я узнаю его, — добавил Ахмет. — Это он приходил на виллу со своими товарами перед моим отъездом. Но Ярхуд не может быть один. По нашим следам идет целая банда злоумышленников. И чтобы не дать нам возможности продолжать путь, они только что похитили наших лошадей.

— Наши лошади похищены! — вскричала Сарабул.

— Ничего подобного с нами не случилось бы, если мы поехали бы в Курдистан! — угрюмо заявил господин Янар. При этом его тяжелый взгляд на ван Миттена, казалось, возлагал на беднягу ответственность за все эти затруднения.

— Но в чьих, в конце концов, интересах действовал этот Ярхуд? — спросил Керабан.

— Если бы он был жив, то мы сумели бы вырвать у него его секрет! — воскликнул Ахмет.

— Может быть, при нем есть какая-нибудь бумага… — размышляла Амазия.

— Да… нужно обыскать труп, — поддержал девушку Керабан.

Ахмет нагнулся над телом Ярхуда, а Низиб приблизил к нему зажженный фонарь, который он только что взял в пещере.

— Письмо! Вот письмо! — сказал племянник Керабана, вынимая руку из кармана мальтийского капитана.

Письмо было адресовано некоему Скарпанту.

— Читай, читай же, Ахмет! — закричал Керабан, который не мог больше сдерживать своего нетерпения.

Молодой турок, распечатав письмо, прочитал следующее:

— «После того, как будут похищены лошади и Керабан со своими спутниками заснут в пещере, куда их завлечет Скарпант…»

— Скарпант! — воскликнул Керабан. — Таково, значит, имя нашего проводника, имя этого предателя?

— Да… Я не ошибался на его счет! — вздохнул Ахмет.

Затем он продолжил чтение:

— «…пусть он подаст сигнал, махая факелом, и наши люди ворвутся в «Теснины Нерисы».

— И кем это подписано? — спросил Керабан.

— Подпись… «Саффар».

— Саффар! Саффар! Неужели?

— Да, — ответил Ахмет. — Очевидно, это та самая дерзкая личность, с которой мы столкнулись на железной дороге Поти! Это он тогда через несколько часов отплыл в Трапезунд… Да, это тот Самый Саффар, по чьему приказу была похищена Амазия и который любой ценой хочет снова ее захватить.

— А, господин Саффар! — воскликнул Керабан, подняв сжатый кулак и опуская его на воображаемую голову. — Если я когда-нибудь окажусь с тобой лицом к лицу!

— Но этот Скарпант, — огляделся Ахмет, — где он?

Бруно устремился в пещеру и почти тотчас же вышел, говоря:

— Исчез… очевидно, через какой-то другой выход.

Так на самом деле и произошло. После того, как его предательство было раскрыто, Скарпант бежал через выход в глубине пещеры.

Итак, бдительность и особенно проницательность Ахмета расстроили все его преступные замыслы. Предатель был разоблачен. Имя замыслившего похищение Амазии стало известно, и теперь этому Саффару господин Керабан угрожал самыми страшными карами.

Но, по правде говоря, опасность от этого не становилась меньшей, так как путешественники с минуты на минуту могли подвергнуться нападению.

Поэтому мужественный Ахмет быстро принял единственно правильное решение.

— Друзья, — сказал он, — нужно сейчас же покинуть это ущелье. Если на нас нападут в этой теснине, то мы не выйдем отсюда живыми.

— Идем, — согласился Керабан. — Бруно, Низиб и господин Янар, пусть ваше оружие будет наготове.

— Рассчитывайте на нас, господин Керабан, — ответил Янар, — и вы увидите, на что мы способны, моя сестра и я!

— Конечно! — подтвердила храбрая курдчанка, помахивая своим ятаганом с великолепной ловкостью. — Мне ли забыть, что у меня теперь есть жених, которого я должна защищать!

Если когда-либо ван Миттен испытывал глубокое унижение, то это было сейчас: слышать, как отважная женщина говорит такое… Разве он не мужчина? И голландец, в свою очередь, схватил револьвер.

Все уже двинулись было по проходу, чтобы добраться до окрестной равнины. Но тут Бруно, — мог ли он даже в такую минуту забыть о провизии! — заметил:

— Постойте, нельзя же оставлять здесь этого осла.

— Действительно, — подхватил Ахмет. — Возможно, что Скарпант сбил нас с пути в этой отдаленной области Анатолии. Может быть, мы дальше от Скутари, чем думаем… А в тележке вся наша провизия.

Увы, все это было похоже на правду! Как знать, далеко или близко берега вожделенного Босфора…

Впрочем, гадать не приходилось; нужно было действовать, не теряя ни мгновения.

— Хорошо, — сказал Керабан, — осел последует за нами. Почему бы ему и не последовать?

И, говоря это, он взял осла за повод и попытался притянуть к себе.

— Пошли, — сказал он. Осел не пошевелился.

— Ты пойдешь добровольно? — спросил негоциант, сильно толкая его.

Осел, несомненно очень упрямый по природе, остался недвижим.

— Толкни его, Низиб, — сказал Керабан.

Низиб с помощью Бруно попытался подтолкнуть осла сзади… Но тот вместо того, чтобы двигаться вперед, стал пятиться назад.

— А, ты упрямишься, — закричал торговец, раздражаясь уже всерьез.

— Вот хорошо, — пробормотал Бруно. — Упрямец против упрямца.

— Ты противишься мне… Мне? — спросил Керабан.

— Ваш хозяин нашел своего, — заметил Бруно Низибу, стараясь говорить тихо.

— Удивительно… — ответил Низиб еще тише. Тем временем Ахмет повторял с нетерпением:

— Нужно же отправляться! Мы не можем задерживаться ни на минуту… даже рискуя потерять этого осла.

— Мне! Уступить ему! Никогда! — выкрикивал Керабан. И, схватив осла за уши, стал дергать их, как будто старался вырвать. — Ты пойдешь? — кипятился он.

Осел не пошевелился.

— А, ты не хочешь повиноваться силе! — кричал Керабан. — Отлично, я все же добьюсь своего хитростью!

Негоциант подбежал к входу в пещеру, собрал несколько пучков травы, сделал из нее небольшую связку и предложил ослу. Тот сделал шаг вперед.

— А, — воскликнул Керабан, — вот что нужно, чтобы побудить тебя двигаться.

Через миг связка была привязана к концу оглобли тележки на таком расстоянии, чтобы осел, даже вытягивая голову, не смог достать ее. Это привело к тому, что завлекаемый приманкой, которая все время перемещалась перед ним, осел стал двигаться в сторону выхода из ущелья.

— Очень изобретательно, — похвалил ван Миттен.

— Отлично, подражайте ему! — воскликнула благородная Сарабул, увлекая голландца вслед за тележкой.

Она тоже была перемещающейся приманкой, но такой, какая ван Миттена, в отличие от осла, совсем не вызывала аппетита.

Все путники, собравшись в тесную группу, тотчас же покинули лагерь, который невозможно было оборонять.

— Итак, Ахмет, — сказал Керабан, — ты считаешь, что этот Саффар — та же самая наглая личность, из-за бессмысленного упрямства которой разбилась моя почтовая карета на железной дороге Поти?

— Да, дядя, но важнее всего то, что это негодяй, похитивший Амазию! Позволь, я сам с ним сквитаюсь! Он — мой!

— Поделим на двоих, племянник Ахмет, поделим на двоих, — ответил Керабан, — и да поможет нам Аллах!

Едва господин Керабан, Ахмет и их спутники поднялись по пятидесятифутовому проходу в ущелье, как увидели — вершины скал черны от нападающих. Послышались угрожающие крики, и со всех сторон стали раздаваться выстрелы.

— Назад, назад! — закричал Ахмет, заставляя свой отряд отступить к границе лагеря. Было уже слишком поздно выходить из «Теснин Нерисы», чтобы занять более подходящую оборонительную позицию.

Наемники Саффара в количестве двенадцати человек, подстрекаемые главарем, начали свое преступное нападение. Все преимущества были у них, и судьба господина Керабана и

его спутников полностью в руках бандитов.

— Сюда, сюда! — командовал Ахмет, и его голос перекрыл все шумы.

— Женщин в середину! — потребовал Керабан.

Амазия, Сарабул и Неджеб образовали группу, вокруг которой расположились Керабан, Ахмет, ван Миттен, Янар, Низиб и Бруно. Таким образом, отряду Саффара противостояли шесть человек один против двоих, да еще в неудобной позиции.

Бандиты, издавая ужасающие вопли, хлынули, как лавина, через проход и ворвались в центр лагеря.

— Друзья! — воззвал Ахмет. — Будем защищаться насмерть!

Разгорелся бой. Почти тут же Низиб и Бруно получили легкие ранения, но продолжали сражаться, и не менее храбро, чем отважная курдчанка, чей пистолет неустанно отвечал на выстрелы нападавших.

Было очевидно, что эти последние имели приказ захватить Амазию живой и старались драться по преимуществу холодным оружием, чтобы не задеть девушку каким-нибудь случайным выстрелом. Поэтому в первые моменты преимущество было не на их стороне. Несколько нападавших упали тяжело раненными. И тут на поле битвы появились еще два наиболее опасных врага. Это были Саффар и Скарпант.

— А, негодяй! — закричал Керабан. — Это он. Тот самый, с железной дороги!

Несколько раз негоциант пытался прицелиться в него, но безуспешно, так как его отвлекали другие противники.

Тем временем Ахмет и его спутники отважно сопротивлялись. У всех была только одна мысль: любой ценой спасти Амазию, любой ценой расстроить замыслы Саффара. Однако, несмотря на всю преданность и храбрость, скоро им пришлось уступить численности. Постепенно Керабан и его друзья стали отступать и оказались разъединенными, прижатыми к скалам.

Появился Саффар и, указывая на девушку, крикнул Скарпанту:

— Действуй, действуй!

— Да, господин Саффар, — ответил Скарпант. — На этот раз она от вас не ускользнет!

Воспользовавшись замешательством путешественников, Скарпант бросился на Амазию, схватил ее и попытался вытащить из лагеря.

— Амазия, Амазия! — закричал Ахмет. Он рванулся к невесте.

Несколько бандитов сразу преградили ему путь и вынудили сражаться с ними.

Янар тоже попробовал вырвать девушку из объятий Скарпанта. Тщетно! Бандит, унося Амазию на руках, устремился к выходу из ущелья. Но Керабан прицелился в него, и предатель упал, пораженный насмерть, выронив девушку.

— Скарпант… погиб! Отомстим за него! — закричал предводитель бандитов. — Отомстим!

Нападавшие бросились на Керабана и его друзей с яростью, перед которой невозможно было устоять. Зажатые со всех сторон, путешественники почти не могли пользоваться оружием.

— Амазия, Амазия! — закричал Ахмет, пытаясь прийти на помощь девушке, которую Саффар сумел схватить и теперь уносил из лагеря.

— Смелей! Смелей! — не переставал кричать Керабан, хотя уже хорошо понимал, что он и его товарищи на волосок от гибели.

В этот миг выстрел, раздавшийся с вершины скалы, уложил одного из бандитов.

Последовали другие выстрелы, поразившие еще нескольких злоумышленников. И это вызвало панику среди остальных.

Саффар на секунду остановился, стараясь понять, что происходит и откуда к господину Керабану пришла поддержка. Это позволило Амазии вырваться из его рук.

— Отец! Отец! — закричала девушка.

Это действительно был Селим, который с двадцатью хорошо вооруженными людьми пришел на помощь маленькому каравану в самый последний момент.

— Спасайся кто может! — закричал главарь банды, подавая пример к бегству. Он и оставшиеся в живых злоумышленники бросились в пещеру, у которой, как уже известно, был и второй выход.

— Трусы! — закричал Саффар, видя, как они исчезают. — Хорошо же, живой она не останется!

И он устремился к Амазии как раз в момент, когда на него, в свою очередь, бросился Ахмет.

Саффар выпустил в молодого человека последний заряд своего револьвера и промахнулся.

Но не промахнулся Керабан, сохранивший хладнокровие. Он обрушился на Саффара, схватил его за горло и нанес удар кинжалом в сердце. Раздался рев, и все было кончено. Саффар в своих последних конвульсиях не мог даже услышать, как его противник воскликнул:

— Это тебе урок за мою разбитую карету!

Господин Керабан и его спутники были спасены, отделавшись лишь несколькими легкими ранениями. Все показали себя с наилучшей стороны, все: Бруно и Низиб, чья храбрость была подтверждена; господин Янар, мужественно сражавшийся; ван Миттен, отличившийся в рукопашной схватке; энергичная курдчанка, чей пистолет не знал отдыха в самый разгар битвы.

И все же если бы не появился с отрядом Селим, то с Амазией и ее защитниками было бы покончено. Все они погибли бы, так как решили драться за девушку до конца.

— Отец, отец!.. — кричала дочь, бросаясь в объятия Селима.

— Мой старый друг, — сказал Керабан, — вы… вы… здесь?

— Да, это я! — улыбнулся Селим.

Какой случай привел вас сюда? — спросил Ахмет.

— Это не случай! — ответил Селим. — Я уже давно отправился бы на поиски дочери, если бы не был ранен при ее похищении.

— Ранен, отец?

— Да! Выстрелом с тартаны. Из-за этой раны я не мог покинуть Одессу в течение месяца. Но несколько дней назад депеша Ахмета…

— Депеша? — воскликнул Керабан, которого это неприличное слово внезапно насторожило.

— Да, депеша, отправленная из Трапезунда.

— Так это была…

— Да, дядюшка, — подхватил Ахмет, бросаясь на шею Керабану, — и признайтесь, что, впервые послав телеграмму без вашего ведома, я хорошо сделал!

— Да… не очень хорошо! — скривился дядя, качая головой. — Но я не буду тебя за это упрекать.

— Тогда, — продолжал Селим, — узнав из этой депеши об опасностях, угрожающих вашему маленькому каравану, я собрал этих храбрых слуг, прибыл в Скутари и отправился на прибрежную дорогу.

— Ей-богу, друг Селим, — воскликнул Керабан, — вы прибыли вовремя! Без вас все погибли бы. И все же мы хорошо сражались!

— Да, — прибавил господин Янар, — и моя сестра показала, что, если нужно, она умеет стрелять.

— Какая женщина, — пробормотал ван Миттен.

В это время проблески зари осветили горизонт, и в первых лучах дня стали вырисовываться неподвижно застывшие в небе облака.

— Но где мы находимся, друг Селим? — спросил господин Керабан. — И как вы попали в это место, куда завлек нас предатель?

— И далеко ли от нашего пути?

— Нет, друзья, нет! — ответил Селим. — Вы как раз на пути в Скутари, только в нескольких лье от моря.

— Да… — промычал Керабан.

— Берега Босфора вон там! — добавил Селим, указывая на северо-запад.

— Берега Босфора? — удивился Ахмет.

Путники стали подниматься по скалам на плато, простиравшееся над ущельем.

— Посмотрите… посмотрите! — сказал Селим.

И действительно, в этот момент имело место любопытное природное явление — в результате простого преломления лучей вдали обрисовывались столь вожделенные берега. По мере наступления дня мираж мало-помалу показывал то, что находилось за горизонтом. Можно было подумать, что холмы, округлявшиеся по краям Равнины, начинали погружаться в землю.

— Море! Это море! — закричал Ахмет.

И все повторили вслед за ним:

— Море! Море!

И хотя это был только мираж[344], но море действительно находилось невдалеке, всего в нескольких лье.

— Море! Море! — не переставал повторять господин Керабан. — Но если это не Босфор, если это не Скутари, а сегодня последний день месяца…

— Это Босфор! Это Скутари! — выкрикнул Ахмет.

Мираж стал более четким, и теперь на дальнем плане горизонта обрисовывался весь силуэт города, построенного амфитеатром.

— Ей-богу, это Скутари! — повторил Керабан. — Вот его панорама, господствующая над проливом! А вот и мечеть Бююк-Джами!

Да, это действительно был Скутари, который Селим покинул три часа назад.

— В дорогу, в дорогу! — воскликнул Керабан.

И, как добропорядочный мусульманин, который во всем признает величие Аллаха, он прибавил, поворачиваясь к восходящему солнцу:

— Ля иляха илля-ллах!

Через минуту маленький караван уже устремился к дороге, ведущей вдоль левого берега пролива. Спустя четыре часа, 30 сентября, в последний день, назначенный для свадьбы Амазии и Ахмета, господин Керабан, его спутники и его осел, закончив объезд Черного

моря, появились на высотах Скутари и приветствовали своими криками берега Босфора.

Глава четырнадцатая,

в которой ван Миттен пытается разъяснить положение благородной Сарабул.

Вилла господина Керабана возвышалась в одном из самых благословенных мест, которые только можно вообразить.

Общеизвестно, что Скутари представляет собой азиатское предместье Константинополя — древний Хрисополис. Ничто не может дать представления о великолепии панорамы, единственной в мире, на которую открывались окна виллы богатого негоцианта: мечети с золотыми крышами, пестрота кварталов, где теснится население в пятьдесят тысяч, пристань, огромная завеса кипарисов кладбища Скутари — излюбленного места отдыха богатых мусульман, гора Булгурлу, расположенная в одном лье оттуда и господствующая над всем ансамблем. Он позволяет обозревать Мраморное море, залив Никомедии[345] и Босфор.

Всему этому внешнему великолепию, садам, расположенным террасами, прекрасным деревьям, платанам, букам и кипарисам, покрывавшим тенью обиталище, достойно соответствовала сама вилла. Воистину жаль было бы отказаться от такого райского уголка из-за неуплаты повседневных нескольких пара, которыми теперь облагались каики Босфора!

Был полдень. Уже приблизительно три часа хозяин дома и его гости находились на вилле. Приведя себя в порядок, они отдыхали от перенесенных дорожных тягот. Керабан, гордый своим успехом, насмехался над Муширом и его оскорбительными налогами. Амазия и Ахмет были счастливы, как и полагается невесте и жениху, которые вот-вот поженятся. Неджеб олицетворяла собой воплощение веселья. Бруно чувствовал себя на седьмом небе оттого, что уже начал толстеть. Правда, ему мешала тревога за хозяина. Низиб оставался, как всегда, спокойным. Господин Янар выглядел более диким, чем когда-либо, хотя и неясно почему. Благородная Сарабул исходила от ван Миттена — столь же властная, как и в столице Курдистана. Наконец, сам ван Миттен казался достаточно озабоченным, размышляя о финале этого приключения.

Радуясь прибавлению своего веса, Бруно отнюдь не выдавал желаемое за действительное. Он позавтракал столь же обильно, сколь и роскошно. Это еще не был тот знаменитый обед, на который господин Керабан шесть недель назад пригласил своего друга ван Миттена, но даже просто завтрак был великолепен! Теперь все гости, собравшись в самом очаровательном салоне виллы, широкие окна которой выходили на Босфор, оживленно разговаривали, поздравляя друг друга.

— Мой дорогой ван Миттен, — говорил господин Керабан, расхаживая по салону и пожимая руки своим гостям, — я пригласил вас на обед, но не нужно сердиться на меня, если время обязывает нас…

— Я не жалуюсь, друг Керабан, — ответил голландец. — Ваш повар превзошел всех известных мне поваров.

— Да, очень хорошая кухня, действительно очень хорошая! — прибавил господин Янар, который съел больше, чем следует даже курду с большим аппетитом.

— Лучше не приготовили бы и в Курдистане, — сказала Сарабул. — И если когда-нибудь вы, господин Керабан, посетите нас в Мосуле…

— Ну, как же! — воскликнул негоциант. — Я конечно же приеду, прекрасная Сарабул, повидать вас и моего друга ван Миттена!

— И мы постараемся, чтобы вы не тосковали по вашей вилле… как и вы о Голландии, — прибавила любезная женщина, поворачиваясь к своему жениху.

— Рядом с вами, благородная Сарабул… — начал ван Миттен, но не сумел закончить свою фразу.

Затем, когда любезная курдчанка направилась к окнам салона, выходящим на Босфор, он сказал Керабану:

— Думаю, что наступил момент сообщить ей, что эта свадьба недействительна.

— Столь же недействительна, ван Миттен, как если бы ее никогда не было!

— Вы, Керабан, конечно, поможете мне немного в этой задаче… которая достаточно трудна?

— Гм… друг ван Миттен, — сник негоциант. — Это очень личные дела… и заниматься ими нужно тет-а-тет[346].

— Черт возьми! — выругался голландец. Он уселся в углу, чтобы выбрать наилучший в его положении способ действия.

— Достойный ван Миттен! — сказал Керабан своему племяннику. — Какая сцена предстоит ему с его курдистанкой!

— Не нужно, однако, забывать, — ответил Ахмет, — что это из-за нас его преданность довела беднягу до женитьбы.

— Поэтому мы придем ему на помощь, племянник! Ба! Он ценился, когда под угрозой тюрьмы его принудили заключить новый брак. А для западного человека это — основание считать такое бракосочетание абсолютно недействительным. Так что ему нечего опасаться… нечего.

— Я знаю это, дядя, но когда госпожа Сарабул получит удар в солнечное сплетение, она будет прыгать, как обманутая пантера[347]. А шурин Янар взорвется, как пороховой погреб!

— Во имя Мухаммада! — воодушевился Керабан. — Мы призовем их к разумности. В конце концов, ван Миттен ни в чем не был виноват, и в караван-сарае Рисара честь благородной Сарабул никогда не подвергалась даже тени опасности.

— Никогда, дядя. Но ясно, что эта нежная вдова старалась любой ценой снова выйти замуж.

— Несомненно, Ахмет. Поэтому она не колеблясь заарканила доброго ван Миттена.

— Железной рукой, дядя Керабан.

— Стальной! — ответствовал торговец.

— Но, в конце концов, дядя, если речь идет о том, чтобы сейчас же расторгнуть этот ложный брак…

— То так же идет речь и о том, чтобы заключить настоящий, верно? — ответил Керабан, потирая руки так, как если бы он их намыливал.

— Да… мой! — сказал Ахмет.

— Наш! — поправила его девушка, которая только что подошла. — Мы ведь это заслужили?

— Вполне заслужили, — улыбнулся Селим.

— Да, моя маленькая Амазия, — подтвердил негоциант, — десять раз заслужили. Что там десять! Тысячу раз! Милый ребенок, когда я думаю, что по моей вине, из-за моего упрямства ты чуть было…

— Ну, не будем больше об этом говорить! — потребовал Ахмет.

— Нет, никогда, дядя Керабан! — подтвердила девушка, закрывая ему рот своей ручкой.

— Поэтому, — продолжал Керабан, — я дал зарок… Да! Я дал зарок больше не упрямиться в чем бы то ни было!

— Хотела бы я увидеть это, чтобы поверить! — воскликнула Неджеб, разражаясь смехом.

— Гм? Что она сказала, эта насмешница Неджеб?

— О, ничего, господин Керабан.

— Да, — продолжал тот, — я никогда больше не хочу быть упрямым… разве только в своей любви к вам обоим.

— Если господин Керабан перестанет быть самым упрямым из людей… — пробормотал Бруно.

— Это будет значить, что у него больше нет головы! — ответил Низиб.

— И еще чего-нибудь! — прибавил злопамятный слуга ван Миттена.

Тем временем благородная курдчанка подошла к своему жениху, который задумчиво сидел в углу и несомненно находил свою задачу тем более трудной, что ее осуществление возлагалось на него одного.

— Что с вами, господин ван Миттен? — спросила она. — Я вижу, вы озабочены.

— В самом деле, зятек! — прибавил господин Янар. — Что вы здесь делаете? Я думаю, вы не для того привезли нас в Скутари, чтобы мы ничего здесь не видели. Покажите-ка нам Босфор, как через несколько дней мы вам покажем Курдистан.

При этом страшном названии голландец вздрогнул, как если бы получил удар от электрической батареи.

— Пойдемте же, господин ван Миттен! — продолжала Сарабул, вынуждая его подняться.

— К вашим услугам… прекрасная Сарабул! Я полностью к вашим услугам! — ответил ван Миттен.

При этом в уме он непрерывно повторял фразу: «Как же мне растолковать ей, что к чему?»

В это время, отведя богатую драпировку от окна, молодая цыганка весело закричала:

— Посмотрите! Посмотрите! В Скутари большое оживление. Будет очень интересно погулять здесь сегодня.

Все гости виллы подошли взглянуть.

— В самом деле, — сказал хозяин виллы. — Босфор покрыт лодками, и все — украшены флагами. На площадях и улицах полно акробатов и жонглеров. А музыка, — слышите? На набережной — толпа! Уж, наверно, она собралась там не зря, есть на что поглядеть.

— Да, — отозвался Селим, — в городе праздник.

— Очень надеюсь, что это не помешает нашей свадьбе, — заметил Ахмет.

— Нет, конечно, — заверил господин Керабан. — Она состоится во время этого празднества, которое, кажется, дано в честь нашего друга ван Миттена!

— Он будет смеяться надо мной до бесконечности, — пробормотал голландец. — Но это у него в крови! Не стоит сердиться.

— Друзья мои, — оживился Селим, — займемся сейчас самым главным нашим делом! Сегодня последний день…

— Не будем забывать об этом! — подтвердил негоциант.

— Я сейчас пойду к судье Скутари, — продолжал Селим, — чтобы подготовить

контракт.

— И мы с вами! — вскочил Ахмет. — Вы знаете, дядя, что ваше присутствие необходимо?

— Почти так же, как и твое! — воскликнул Керабан, подкрепляя свой ответ громким добрым смехом.

— Да, дядя… даже еще более необходимо, если хотите… учитывая, что вы — опекун.

— Итак, — заключил Селим, — через час отправляемся к судье Скутари!

И он вышел из салона в тот момент, когда Ахмет прибавил, обращаясь к девушке:

— Затем, после подписания контракта у судьи, милая Амазия, — посещение имама. Он прочитает нам лучшую молитву… затем…

— Затем… мы поженимся! — воскликнула Неджеб, как если бы речь шла о ней.

— Милый Ахмет! — прошептала невеста.

Тем временем благородная Сарабул вторично подошла к ван Миттену, который, становясь все более и более задумчивым, сидел в другом углу салона.

— Почему бы нам не прогуляться до Босфора в ожидании этой церемонии? — спросила она.

— До Босфора?.. — ответил вопросом на вопрос ван Миттен с тупым видом. — Вы говорите о Босфоре?

— Да, о Босфоре, — вмешался господин Янар. — Можно подумать, что вы не понимаете.

— Нет… нет!.. Я готов, — сказал ван Миттен, ощутив мощную руку своего шурина.

— Да… о Босфоре! Но до этого я желал бы… я хотел бы…

— Вы хотели бы? — повторила Сарабул.

— Я был бы счастлив переговорить… частным образом… с вами… прекрасная Сарабул!

— Переговорить частным образом?

— Пусть так! Тогда я вас оставлю, — сказал Янар.

— Нет… оставайтесь, брат, — остановила его Сарабул, пристально смотря на своего жениха. — Останьтесь! Я предчувствую, что ваше присутствие не будет бесполезным.

— Интересно, как он вывернется, бедняга, — прошептал Керабан на ухо племяннику.

— Это будет трудно! — вздохнул Ахмет.

— Поэтому не будем уходить далеко отсюда, чтобы поддержать ван Миттена, если потребуется.

— Его наверняка растерзают, — пробормотал Бруно.

Господин Керабан, Ахмет, Амазия и Неджеб, Бруно и Низиб направились к двери, оставляя свободным пространство для боя.

— Смелее, ван Миттен! — сказал негоциант, проходя мимо своего друга и пожимая ему руку. — Я не уйду далеко и буду наблюдать за вами из соседней комнаты.

— Решайтесь, хозяин, — добавил Бруно, — или берегитесь Курдистана!

Через минуту благородная курдчанка, ван Миттен и господин Янар остались одни в салоне, и голландец, потирая свой указательный палец, меланхолично прошептал:

— Не знаю, как и начать.

— Что вы хотите сказать нам, господин ван Миттен? — спросила без околичностей Сарабул достаточно сдержанным тоном.

— Да, говорите, — произнес Янар несколько более суровым голосом.

— Не присесть ли нам? — предложил ван Миттен, чувствуя, как у него подгибаются ноги.

— Все, что можно сказать сидя, можно сказать и стоя! — ответила Сарабул. — Мы слушаем вас!

Ван Миттен призвал на помощь все свое мужество и начал следующей путаной фразой:

— Прекрасная Сарабул, будьте уверены, что… с самого начала… и даже вопреки себе… я сожалею…

— Вы сожалеете? — спросила властная женщина. — О чем вы сожалеете?.. Не о вашем ли браке? Но он, в конце концов, является справедливым возмещением…

— О! Возмещение… возмещение! — отважился вполголоса сказать ван Миттен.

— И я тоже сожалею… — с иронией ответила Сарабул, — да, конечно.

— А! Вы сожалеете?

— Я сожалею, что тот дерзкий, кто проник в мою комнату в караван-сарае Рисара, не был ни господином Ахметом…

Она, разумеется, сказала правду, и ее сожаления вполне понятны.

— …ни даже господином Керабаном! — прибавила она. — По крайней мере, я вышла бы замуж за мужчину…

— Хорошо сказано, сестра! — вмешался господин Янар.

— Вместо…

— Еще лучше сказано, сестра!

— Но, позвольте… — вспыхнул ван Миттен, задетый этими замечаниями в свой адрес.

— Кто бы мог подумать, — продолжала Сарабул, — что покушение совершит замороженный голландец!

— Ну, знаете, я восстаю против этого! — вскричал сын Голландии, вконец оскорбленный таким эпитетом. — И прежде всего, госпожа Сарабул, не было никакого покушения!

— В самом деле? — сказал Янар.

— Да, — продолжал ван Миттен. — Была ошибка. Нас неправильно осведомили. Возможно, даже в силу коварства! Я ошибся комнатой!

— Да ну, — удивилась Сарабул.

— Простое недоразумение, которое под страхом тюрьмы мне пришлось уладить женитьбой… да еще столь поспешной!

— Поспешной или нет, — стояла на своем курдчанка, — но вы от этого не перестаете быть моим мужем! И поверьте, сударь, то, что началось в Трапезунде, закончится в Курдистане!

— Да… поговорим о Курдистане, — предложил ван Миттен, начиная сердиться.

— И, раз я замечаю, что общество друзей делает вас нелюбезным ко мне, то уже сегодня мы покинем Скутари и отправимся в Мосул, где я сумею влить вам в жилы немного курдской крови!

— Я протестую! — закричал ван Миттен.

— Еще одно слово и мы отправимся сию минуту!

— Вы отправитесь, госпожа Сарабул! — поправил невесту голландец, чей голос принял ироническую окраску. — Вы отправитесь, если вам нужно, и никто не подумает вас удерживать! А я не поеду!

— Вы не поедете? — закричала Сарабул, выведенная из себя этим неожиданным

сопротивлением барана двум тиграм.

— Нет!

— Вы собираетесь противиться? — спросил Янар, скрещивая руки.

— Да, собираюсь!

— Мне… ей, курдчанке?

— Да хоть бы она в десять раз более была курдчанкой!

— Так знайте, господин голландец, — сказала благородная Сарабул, наступая на своего жениха, — так знайте, что я за женщина! Уже в пятнадцать лет я была вдовой.

— Да… уже, — повторил Янар, — а когда к этому привыкают так рано…

— Пусть так, сударыня! — перебил ван Миттен. — Но узнайте также, в свою очередь, кем я никогда не позволю вам стать, при всей вашей привычке!

— Кем же?

— Моей вдовой!

— Господин ван Миттен, — закричал Янар, кладя руку на свой ятаган, — для этого хватит одного удара!

— Вот в этом-то вы и ошибаетесь, господин Янар, и даже ваша сабля никогда не сделает госпожу Сарабул вдовой… по той милой причине, что я никогда не мог быть ее мужем!

— Да?

— И наш брак недействителен!

— Недействителен?

— Потому что, если госпожа Сарабул имеет честь быть вдовой после своих первых мужей, то я не имею чести быть вдовцом после моей первой жены!

— Женатый! Он женат! — закричала благородная курдчанка, выйдя из себя от этого уничтожающего признания.

— Да! — ответил ван Миттен, увлекшись спором. — Да, женат! И я принес себя в жертву лишь для того, чтобы спасти своих друзей и не дать арестовать их в караван-сарае Рисара…

— В жертву! — повторила Сарабул, падая на диван.

— …хорошо зная, что этот брак не будет действительным, — продолжал голландец, — поскольку первая госпожа ван Миттен более мертва, чем я вдовец… И она ждет меня в Голландии!

Поддельная супруга уже встала и в ярости обернулась к господину Янару:

— Вы слышите, брат!

— Слышу!

— Вашу сестру обманули!

— И оскорбили!

— И этот предатель еще жив?

— У него осталось лишь несколько мгновений!

— Да они взбесились! — закричал ван Миттен, сильно обеспокоенный угрожающим поведением курдской пары.

— Я отомщу за вас, сестра! — закричал господин Янар, двинувшись к голландцу с поднятой рукой.

— Я сама за себя отомщу!

И, говоря это, благородная Сарабул устремилась к ван Миттену, издавая яростные

крики, которые, к счастью, были услышаны снаружи.

Глава пятнадцатая,

в которой читатель увидит господина Керабана еще более упрямым, чем когда-либо.

Дверь салона тотчас же открылась, и господин Керабан, Ахмет, Амазия, Неджеб и Бруно появились на пороге.

Керабан сразу же освободил ван Миттена от мертвой хватки Сарабул.

— Сударыня, — сказал Ахмет, — людей вот так не душат из-за недоразумения!

— Черт, — пробормотал Бруно, — мы пришли вовремя.

— Бедный господин ван Миттен! — сказала Амазия, испытывавшая искреннее сострадание к своему спутнику по путешествию.

— Решительно ему не жена нужна! — добавила Неджеб, качая головой.

Между тем ван Миттен понемногу пришел в себя.

— Ну как, тяжело было? — спросил Керабан.

— Еще бы немного, и мне — конец! — вздохнул ван Миттен.

В этот момент благородная Сарабул, обратив внимание на господина Керабана, вовлекла в дело и его:

— Это вы пошли на… эту…

— Мистификацию[348], — подсказал торговец любезным голосом. — Это как раз точное слово — мистификация!

— Я отомщу за себя! В Константинополе есть судьи!

— Прекрасная Сарабул! — горячо заговорил господин Керабан. — Вам надо обвинять только себя. Из-за мнимого покушения вы хотели, чтобы нас арестовали, а это помешало бы нашей поездке. Во имя Аллаха! Каждый выпутывается как может. Мы выпутались благодаря мнимому браку и были, разумеется, по-своему правы.

После этого ответа Сарабул вторично упала на диван из-за нервного припадка, — это свойственно женщинам даже в Курдистане.

Неджеб и Амазия поспешили ей на помощь.

— Я уеду! Я уеду! — кричала она в истерике.

— Доброго пути! — отвечал Бруно.

В этот момент на пороге появился Низиб.

— В чем дело? — спросил Керабан.

— Телеграмма! Ее только что принесли из галатской конторы, — ответил Низиб.

— Для кого?

— Для господина ван Миттена, хозяин. Она прибыла только сегодня.

— Давайте! — сказал ван Миттен.

Он взял телеграмму, распечатал ее и посмотрел на подпись.

— Это от моего старшего приказчика в Роттердаме. Затем он прочитал первые слова:

— Госпожа ван Миттен… скончалась пять недель назад…

Со смятой в руках телеграммой потрясенный ван Миттен замер в неподвижности, и — не будем скрывать этого — глаза его наполнились слезами.

При последних словах Сарабул неожиданно и резко встала.

— Пять недель! — закричала она в восторге. — Он сказал «пять недель»!

— Неосторожный, — пробормотал Ахмет, — зачем надо было ему называть дату?

— Итак, — продолжала торжествующая Сарабул, — итак, десять дней назад, когда я оказала честь обручиться с вами…

— Покарай ее, Пророк! — воскликнул Керабан, возможно, немного громче, чем хотел.

— …вы были вдовцом, господин мой муж! — продолжала Сарабул с торжеством в голосе.

— Совершеннейшим вдовцом, господин мой зятек! — добавил Янар.

— И наш брак действителен.

Сокрушенный этой логикой, ван Миттен в свою очередь упал на диван.

— Бедняга, — сказал Ахмет дяде, — ему ничего не остается, как броситься в Босфор.

— Да, — согласился Керабан, — а она бросилась бы и туда спасать его… из мести.

Благородная Сарабул ухватила за руку того, кто на этот раз был ее законной собственностью.

— Вставайте! — приказала она.

— Да, дорогая Сарабул, — ответил ван Миттен, опуская голову. — Я готов.

— И следуйте за нами! — добавил Янар.

— Да, дорогой шурин, — ответил ван Миттен, совершенно Укрощенный и побежденный. — Готов следовать за вами, куда вам угодно.

— В Константинополь, где мы сядем на первый же пакетбот! — пояснила Сарабул.

— Отправляющийся?

— Отправляющийся в Курдистан! — уточнил Янар.

— В Кур… Ты будешь сопровождать меня, Бруно!.. Там без конца устраивают пиры! Это вознаградит тебя за все.

Бруно мог лишь утвердительно кивнуть. И благородная Сарабул с господином Янаром увели несчастного голландца. Друзья напрасно пытались его удержать, а верный слуга шептал про себя: «Я же говорил ему, что с ним случится несчастье», — но ни на шаг не отставал от хозяина.

Спутники ван Миттена и даже сам Керабан были как громом поражены.

— Вот он и женат! — чуть не заплакала Амазия.

— Из преданности нам, — страдальчески нахмурился Ахмет.

— И на этот раз — взаправду! — добавила Неджеб.

— У него в Курдистане будет только одно средство, — сказал Керабан самым серьезным тоном.

— Какое, дядя?

— Жениться на дюжине таких, чтобы они уравновесили друг друга!

В этот момент дверь открылась, и появился Селим с обеспокоенным лицом. Он запыхался, как если бы бежал сломя голову.

— Отец, что с вами? — встревожилась Амазия.

— Что случилось? — воскликнул Ахмет.

— Друзья мои, отпраздновать свадьбу Амазии и Ахмета невозможно…

— Что?

— По крайней мере, в Скутари, — докончил Селим.

— В Скутари?

— Это возможно только в Константинополе.

— В Константинополе?.. — насторожился Керабан. — А почему?

Потому, что судья Скутари наотрез отказывается зарегистрировать контракт.

— Отказывается? — побледнел Ахмет.

— Да… под предлогом того, что местожительство Керабана, а следовательно, и Ахмета, — не в Скутари, а в Константинополе.

— В Константинополе, — машинально повторил Керабан, нахмурив брови.

— Ну а сегодня — последний день срока, назначенного моей дочери, чтобы она получила завещанное ей состояние. Так что нужно не теряя ни минуты отправиться к судье в Константинополь.

— Поехали! — сказал Ахмет, направляясь к двери.

— Поехали! — прибавила Амазия, следуя за ним.

— Господин Керабан, вы против того, чтобы сопровождать нас? — спросила девушка.

— Ну же, дядя! — попросил, возвращаясь, племянник.

— Вы не идете? — спросил Селим.

— Неужели мне нужно применять силу? — добавила Амазия, нежно беря Керабана за руку.

— Я приказал приготовить каик, — сообщил Селим, — и нам остается лишь пересечь Босфор.

— Босфор? — вскричал Керабан. Затем он продолжил сухим тоном: — Одну минуту! Селим, этот налог в десять пара с человека все еще взимается с тех, кто пересекает Босфор?

— Да, без сомнения, друг Керабан, — сказал Селим. — Но теперь, когда вы сыграли шутку с оттоманскими властями, приехав из Константинополя в Скутари и не заплатив ничего, я надеюсь, вы не откажетесь…

— Я откажусь! — резко ответил негоциант.

— Тогда вас не пропустят на каик.

— Пусть так! Я не поеду!

— А наша свадьба, — вскинулся Ахмет, — наша свадьба, которая должна состояться сегодня?

— Вы поженитесь без меня.

— Это невозможно. Вы мой опекун, дядя Керабан, и хорошо знаете, что ваше присутствие необходимо.

— Ну что ж, Ахмет, подожди, пока я не обоснуюсь в Скутари… и тогда ты женишься здесь.

Все эти ответы были даны повелительным тоном, оставлявшим мало надежды на то, чтобы уговорить упрямую личность.

— Друг Керабан, — начал Селим, — сегодня последний день… вы понимаете, и все состояние, которое должна получить моя дочь, будет потеряно, если…

Керабан отрицательно покачал головой и добавил к этому еще более выразительный жест.

— Дядя, — воскликнул Ахмет, — не хотите же вы…

— Если меня хотят заставить заплатить десять пара, — ответил Керабан, — то никогда, нет, никогда я не переправлюсь через Босфор! Во имя Аллаха! Скорее я снова объеду Черное море, чтобы вернуться в Константинополь!

И действительно, упрямец вполне был способен на это.

— Дядя, — заговорил Ахмет снова, — то, что вы делаете, — плохо. Позвольте вам заметить, что при подобных обстоятельствах упрямство у такого человека, как вы, необъяснимо… Вы собираетесь причинить зло людям, которые всегда испытывали к вам

живейшую симпатию. Это дурно!

— Ахмет, выбирай выражения! — отпарировал Керабан глухим голосом, указывавшим на зарождавшийся гнев.

— Нет, дядя, нет! Мое сердце переполнено, и ничто не помешает мне говорить… Вы поступаете как плохой человек!

— Дорогой Ахмет, — вмешалась Амазия, — успокойтесь! Не говорите так о вашем дяде. Раз вы потеряете состояние, на которое имели право рассчитывать… то откажитесь от брака.

— Отказаться от вас? — вскричал Ахмет, прижимая девушку к сердцу. — Нет! Ни за что! Пойдемте! Оставим этот город, чтобы никогда больше сюда не возвращаться. Мы еще в состоянии заплатить десять пара, чтобы переправиться в Константинополь!

И Ахмет, уже не владея собой, увлек девушку к двери.

— Керабан!.. — обратился Селим, решив в последний раз попытаться изменить решение своего друга.

— Оставьте меня, Селим, оставьте!

— Увы! Пойдемте, отец! — сказала Амазия, глядя на Керабана глазами, полными слез. Она уже собиралась выйти вместе с Ахметом, когда последний остановился.

— В последний раз, дядя, — спросил он, — вы отказываетесь сопровождать нас к судье в Константинополь, где ваше присутствие необходимо для нашего брака?

— От чего я отказываюсь, — прогремел негоциант, с такой силой топнув ногой по паркету, что, казалось, мог пробить его, — так это от того, чтобы когда-либо подчиниться и заплатить этот налог!

— Керабан! — обратился Селим.

— Нет, во имя Аллаха! Нет!

— Хорошо, прощайте, дядя! — сказал Ахмет. — Ваше упрямство будет стоить нам состояния! Вы разорите ту, которая должна стать вашей племянницей! Пусть так! Я не о состоянии жалею! Но вы — причина задержки нашего счастья! Мы больше не увидимся.

И, увлекая Амазию, молодой человек покинул салон и виллу, а за ним последовали Селим, Неджеб и Низиб. Через несколько мгновений все они уже садились в каик, чтобы вернуться в Константинополь.

Оставшись один, Керабан принялся расхаживать в мучительном возбуждении.

— Нет! Клянусь Аллахом! Нет! Клянусь Пророком! — говорил он. — Это было бы недостойно меня. Объехать вокруг Черного моря, чтобы не платить этот налог, а при возвращении вынуть из кармана те же десять пара! Нет! Скорее ноги моей никогда не будет в Константинополе! Я продам свой дом в Галате! Прекращу все дела! Отдам все мое состояние Ахмету взамен потерянного Амазией! Он будет богат… а я… я буду беден… но не уступлю! Я не уступлю!

Пока он так разговаривал сам с собой, буря в его душе все более усиливалась.

— Уступить! Заплатить! — повторял он. — Мне! Керабану! Появиться перед начальником полиции, бросившим мне вызов, видевшим, как я уезжаю, ожидавшим моего возвращения! Он будет издеваться надо мной при всех и потребует этот ненавистный налог! Никогда!

Было очевидно, что господин Керабан сражается с собственной совестью и хорошо чувствует, что последствия его абсурдного упрямства падут на других.

— Да! — продолжал он. — Но Ахмет, примет ли он? Он уехал в отчаянии и ярости из-

за моего упрямства! Это так!.. Он горд! И теперь ничего от меня не примет! Посмотрим! Я — порядочный человек! Могу ли я из-за глупого решения помешать счастью этих детей? А, пусть Пророк покарает Диван целиком, а вместе с ними всех сторонников нового режима!

Господин Керабан лихорадочно расхаживал по салону. Кресла и подушки так и летели в разные стороны. Что бы такое сломать и таким образом успокоить свою ярость? Наконец две вазы разлетелись вдребезги.

— Амазия… Ахмет… нет! Я не могу быть причиной их несчастья своею самолюбия! Отсрочить свадьбу, значит, возможно, вообще помешать ей… Но… уступить! Уступить! Мне! Да поможет мне Аллах!

После этого последнего призыва, под влиянием столь сильного гнева, что он не может быть передан ни жестами, ни словами, господин Керабан устремился вон из салона.

Глава шестнадцатая,

в которой еще раз наглядно показывается, что ничто не может так хорошо уладить дело, как случай.

Не только Скутари был празднично оживлен. В Константинополе, на набережной Галаты от первого понтонного моста до казарм, на площади Топ-Хане толпа была не менее густой. Как пресные воды Золотого Рога, так и горькие — Босфора были скрыты под флотилией каиков, украшенных флагами лодок, паровых баркасов с турками, албанцами, греками, европейцами и азиатами, которые непрерывно сновали между берегами обоих континентов.

Несомненно, что такое стечение народа могло привлечь только какое-то необычное и завлекательное зрелище.

Так что когда Ахмет, Селим, Амазия и Неджеб, заплатив новый налог, высаживались у лестницы Топ-Хане, то они оказались вовлеченными в радостный гомон, мало соответствовавший их настроению.

Но поскольку зрелище, чем бы оно ни было, сумело привлечь такую толпу, то естественно, что господин ван Миттен, — а он теперь стал курдским господином! — его невеста, благородная Сарабул, шурин, господин Янар, и покорно следовавший за ними Бруно оказались в числе любопытных.

Поэтому Ахмет и столкнулся на набережной со своими старыми спутниками по путешествию. Прогуливал ли ван Миттен свою новую родню, или она прогуливала его? Последнее представлялось значительно более вероятным.

Как бы то ни было, но, когда Ахмет встретил их, Сарабул говорила своему жениху:

— Да, господин ван Миттен, у нас в Курдистане праздники еще прекраснее.

А ван Миттен отвечал покорным тоном:

— Готов поверить, прекрасная Сарабул.

На что последовала сухая реплика Янара:

— И хорошо делаете!

Тем временем в толпе стали слышаться какие-то крики, похожие на проявления нетерпения. Однако ни Ахмет, ни Амазия не обратили на них внимания.

— Нет, милая Амазия, — говорил Ахмет, — я очень хорошо знал дядю, но никогда не подумал бы, что его упрямство может дойти до такой жестокосердности.

— Значит, — вмешалась Неджеб, — пока взимают этот налог, он не вернется в Константинополь?

— Если я и жалею о состоянии, которое мы потеряем благодаря господину Керабану, — сказала Амазия, — то это не из-за себя, а из-за вас, мой милый Ахмет. Из-за вас одного.

— Забудем обо всем этом… — махнул рукой Ахмет. — И чтобы быстрее забыть, чтобы порвать с этим непереносимым дядей, в котором до сих пор я видел отца, давайте уедем из Константинополя и вернемся в Одессу.

— О, этот Керабан! — вскричал вне себя Селим. — Он заслуживает самого сурового наказания!

— Да, — поддержала Неджеб. — Такого, например, как стать мужем этой курдчанки! Почему не он женился на ней!

Само собой, что Сарабул, целиком поглощенная вниманием к вновь завоеванному жениху, не слышала ни этого обидного рассуждения служанки, ни ответа Селима, заметившего:

— Он? Он в конце концов укротил бы ее своим упрямством, как и любых диких животных!

— Очень может быть, — меланхолично прошептал Бруно. — Но пока что в клетку вошел не он, а мой хозяин.

Ахмет и его спутники проявляли лишь слабый интерес к тому, что происходило на набережных Золотого Рога. В том расположении духа, в каком они находились, им было не до этого. Поэтому они едва ли слышали, как один турок говорил другому:

— Этот Сторши действительно отважный человек! Осмелиться пересечь Босфор… таким способом…

— Да, — ответил другой смеясь, — таким способом, который вовсе не предусмотрели сборщики налога на каики.

Ахмет не успел даже осознать, что говорили эти турки, потому что как раз в этот момент ему пришлось отвечать на обращенные к нему слова:

— А, вот и господин Ахмет!

Это произнес начальник полиции, тот самый, чье поведение заставило господина Керабана объезжать вокруг Черного моря.

— А, это вы, сударь? — слегка поклонился Ахмет.

— Да… и примите наши комплименты! Я только что узнал, что господину Керабану удалось выполнить свое обещание. Он добрался до Скутари, не пересекая Босфора.

— Да, действительно, — сказал Ахмет довольно холодно.

— Это же подвиг! Чтобы не платить десяти пара, ему пришлось выложить несколько тысяч пиастров.

— Это уж как есть.

— Но он недалеко продвинулся, этот господин Керабан, — заметил с иронией начальник полиции. — Налог все еще существует, и если он будет продолжать упрямиться, то ему придется проделать тот же путь, чтобы вернуться в Константинополь.

— Если ему будет угодно, то он так и сделает, — ответил Ахмет, который, при всем своем раздражении против дяди, вовсе не собирался оставлять без ответа издевательские замечания начальника полиции.

— Ба! Он уступит в конце концов, — продолжал тот, — и пересечет Босфор! Служащие следят за каиками и поджидают его! Если он не вздумает переправляться вплавь или по воздуху…

— Почему бы и нет, если это ему подойдет?.. — еще холоднее спросил Ахмет.

В этот момент по толпе пробежало возбуждение. Послышался рокот приглушенных голосов. Все руки протянулись в сторону Босфора, по направлению к Скутари.

— Вот он! Сторши! Сторши!

Со всех концов стали раздаваться крики. Ахмет и Амазия, Селим и Неджеб, Сарабул, ван Миттен и Янар, Бруно и Низиб находились в это время на набережной Золотого Рога возле лестницы Топ-Хане. Они могли увидеть, какое волнующее зрелище предстало перед любопытствующими зрителями.

Со стороны Скутари, приблизительно в шести сотнях футов от берега, возвышается башня, неверно именуемая башней Леандра. В самом деле, знаменитый античный пловец,

отправляясь на свидание к Геро, очаровательной жрице Венеры, переправлялся через Геллеспонт, то есть современный Дарданелльский пролив, между Сестосом и Абидосом[349]. Заметим кстати, что этот подвиг шестьдесят лет назад был повторен лордом Байроном[350], как и подобает англичанину, гордившемуся тем, что он сумел преодолеть за час десять минут тысячу двести метров, разделяющих оба берега.

Так вот сейчас длинный канат был протянут между берегом Скутари и башней Леандра, ныне называемой Кез-Кулесси, что значит Башня Девственницы. Канат пересекал пролив на высоте трехсот футов и был привязан к деревянному пилону, возвышавшемуся у схождения набережной Галаты и площади Топ-Хане.

По этому канату и собирался знаменитый акробат Сторши, соперник не менее знаменитого Блондина, пересечь Босфор. Ясно, что если Блондин, переправляясь через Ниагару[351], рисковал жизнью при падении со ста пятидесяти футов в непреодолимую стремнину реки, то здесь, в спокойных водах, в случае неудачи Сторши отделался бы только купанием без большого вреда.

Подобно Блондину, пересекшему Ниагару с верным другом на плечах, Сторши тоже готовился проследовать по своему воздушному пути с одним из собратьев по ремеслу. Только он собирался переправлять его не на своей спине, а в тачке, обод колеса которой был выдолблен в форме желоба, что обеспечивало прочное сцепление с канатом.

Читатель согласится, что это было любопытное зрелище: тринадцать сотен метров вместо девяти сотен футов Ниагары! Путь длинный и грозящий падением на каждом шагу!

Тем временем Сторши появился у начала каната, соединявшего азиатский берег и Башню Девственницы. Везя своего товарища в тачке, он без помех добрался до маяка, находящегося на вершине Кез-Кулесси.

Громкие крики зрителей приветствовали этот первый успех.

Затем все увидели, как гимнаст ловко спускается по канату, который, несмотря на то, что был туго натянут, провисал в середине и почти касался вод Босфора.

Твердо ступая и сохраняя равновесие, с невозмутимой ловкостью он продолжал везти в тачке своего коллегу. Зрелище было великолепным!

Когда Сторши добрался до середины пути, трудности увеличились, поскольку теперь нужно было подниматься вверх. Но у акробата были крепкие мускулы, его руки и ноги отлично работали, и он по-прежнему перемещал вперед тачку, в которой неподвижно находился его товарищ, невозмутимый и столь же смелый. Этот последний не позволял себе ни одного движения, могущего нарушить равновесие.

И вот наконец раздались крики восхищения и облегчения.

Целым и невредимым Сторши добрался до верхней части пилона и теперь вместе с товарищем спускался с него по лестнице, оканчивающейся возле угла набережной, там, где как раз находился Ахмет со своими спутниками.

Так что смелое предприятие закончилось успехом, и можно согласиться, что напарник Сторши вполне имел право на половину тех криков одобрения, которые неслись из Азии в Европу.

Но каким был крик, изданный Ахметом! Мог ли он верить своим глазам? Пожав руку Сторши, сотоварищ знаменитого акробата стоял теперь перед Ахметом и, улыбаясь, смотрел на него.

— Керабан, дядя Керабан!.. — вскричал племянник посреди стеснившихся возле него девушек, Сарабул, ван Миттена, Янара, Селима и Бруно.

Это был действительно господин Керабан собственной персоной!

— Я самый, друзья мои, — ответил он торжествующим голосом, — я, который разыскал этого храброго гимнаста перед самым его отправлением. Товарищ акробата уступил мне место в тачке, и я переправился через Босфор! Нет! Над Босфором! Чтобы прибыть для подписания твоего контракта, племянник Ахмет!

— О господин Керабан! Дядюшка! — воскликнула Амазия. — Я знала, что вы нас не покинете!

— Это великолепно! — повторила Неджеб, хлопая в ладоши.

— Какой человек! — сказал ван Миттен. — Во всей Голландии не найдется равного ему!

— Таково же и мое мнение! — достаточно сухо заметила Сарабул.

— Да, и я переправился, не платя, — продолжал Керабан, обращаясь на этот раз к начальнику полиции. — Да, не платя… если не считать двух тысяч пиастров, которых мне стоило место в тачке, и восьми тысяч, потраченных во время путешествия.

— Примите мои поздравления, — ответил начальник полиции, которому не оставалось ничего другого, как склониться перед подобным упорством.

Со всех сторон стали раздаваться приветственные крики в честь господина Керабана, в то время как этот упрямец от всего сердца обнимал свою дочь Амазию и своего сына Ахмета.

Но Керабан был не из тех, кто теряет время, даже в опьянении торжеством…

— Теперь, друзья, идемте к судье Константинополя, — сказал он.

— Да, дядя, к судье, — поддержал его Ахмет. — Вы — самый лучший из дядей!

— И, что бы вы ни говорили, — ответил негоциант, — вовсе не упрямый… если, конечно, мне не противоречат!

Вполне понятно, что происходило дальше. В тот же день после полудня судья подписал контракт, затем имам прочитал молитву в мечети, потом все вернулись домой в Галату, и, прежде чем наступила полночь 30 числа этого месяца, Ахмет уже был женат. Женат на своей милой Амазии, богатейшей дочери банкира Селима.

В тот же вечер поверженный ван Миттен готовился отправиться в Курдистан в компании господина Янара, своего шурина, и благородной Сарабул, которую последняя церемония в этой отдаленной стране должна была окончательно сделать его женой.

В момент прощания в присутствии Ахмета, Амазии, Неджеб и Бруно он не смог удержаться от дружеского упрека своему другу:

— Когда подумаю, Керабан, что я женился… женился во второй раз… чтобы не противоречить вам…

— Бедный ван Миттен, — ответил торговец, — если эта женитьба станет чем-либо иным, кроме простого сновидения, то я никогда не прощу себе этого.

— Сновидение!.. — продолжал ван Миттен. — Разве это похоже на сновидение! Ах, если бы не эта телеграмма!

Говоря это, он достал из кармана смятую телеграмму и машинально пробежал ее.

— Да! Эта телеграмма… «Госпожа ван Миттен пять недель назад скончалась… присоединиться…»

— Скончалась присоединиться? — вскричал Керабан. — Что это значит?

Затем, выхватив телеграмму из рук ван Миттена, он прочитал:

— «Госпожа ван Миттен пять недель назад решила присоединиться к мужу и

отправилась в Константинополь»[352]. Решила… а не скончалась!

— Он не вдовец!

Эти слова сорвались со всех уст, в то время как Керабан воскликнул, и на этот раз — не без основания:

— Еще одна ошибка этого глупого телеграфа! Он иначе и не действует!

— Нет! Не вдовец! Не вдовец! — повторял ван Миттен, слишком обрадовавшийся возможности возвращения к первой жене… из страха перед второй.

Когда господин Янар и благородная Сарабул узнали о случившемся, последовал страшный взрыв гнева. Но в конце концов пришлось уступить. Ван Миттен был уже женат и в тот же день встретился со своей первой и единственной женой, которая в знак примирения привезла ему великолепную луковицу «Valentia».

— У нас есть нечто лучшее, сестра, — сказал Янар, чтобы утешить безутешную вдову, — лучшее, чем…

— Чем эта голландская ледышка!.. — ответила благородная Сарабул. — Потеря невелика!

И оба они выехали в Курдистан. При этом, вероятно, щедрая компенсация за переезд, предложенная богатым другом ван Миттена, сделала их возвращение в эту отдаленную страну менее тягостным.

Господин Керабан не мог постоянно иметь наготове канат, протянутый из Константинополя в Скутари, чтобы переправляться через Босфор. Отказался ли он навсегда от переезда через него?

Нет! Некоторое время он стойко держался. Но однажды он все же отправился к властям и просто предложил им выкупить этот налог на каики. Предложение было принято. Это, без сомнения, дорого ему стоило, но он стал еще более популярен, а иностранцы никогда не упускали случая посетить Упрямца Керабана как одну из самых удивительных достопримечательностей столицы Османской империи.

Конец

---

notes

Примечания

1

Константинополь (у славян Царьград, у турок Стамбул) — город и порт на берегу пролива Босфор. Основан в 324–330 годах на месте древнего города Византий императором Константином (см. далее). В 1453 году, будучи столицей Римской империи, завоеван турками и переименован в Стамбул.

2

Босфор — пролив между Европой и Азией, в Турции (разделяет ее на две неравные части), соединяет Черное и Мраморное море. Длина около 30 км, ширина от 750 м до 3,7 км.

3

Мечеть — храм у мусульман.

4

Минарет — отдельно стоящая башня у мечети, с балкона которой духовное лицо, муэдзин, созывает верующих к молитве.

5

Смирна — древнегреческое название города Измир в азиатской части Турции, при бухте Эгейского моря, порт. Основан во 2-м тысячелетии до н. э.

6

Скутари (ныны — Ускюдар) — здесь: азиатский район г. Стамбула.

7

Каик — лодка. (Примеч. перев.)

8

Каиджи — гребец каика, лодочник. (Примеч. перев.)

9

Золотой Рог — бухта у европейского берега южного входа в пролив Босфор. На обеих берегах расположен Стамбул. Длина бухты 12,2 км.

10

Фустанелла — короткая сборчатая юбка — часть греческого национального костюма. (Примеч. перев.)

11

Арнауты — так называли турки албанцев, основное население нынешней Албании, находившееся под властью Османской (Оттоманской) империи с XV века по 1912 год, когда она обрела самостоятельность.

12

Византий — древний город, основанный в 658 году до н. э. На его месте сооружен впоследствии Константинополь.

13

Серай (тур., фр.; по-русски встречается также устарелое «сераль») — дворец султана, визиря или крупного сановника.

14

Амфитеатр — здесь: расположение городских сооружений на уступах холмов (наподобие рядов кресел в современном театре).

15

Хаджи — мусульманин, совершивший хадж, или паломничество, в священный город Мекку.

16

Константин I Великий (около 285–337) — римский император с 306 года. Основатель города Константинополя. Сделал христианство господствующей религией в империи.

17

Мехмед II (1430–1481) — турецкий султан (правитель с 1451 года). В 1453 году завоевал Константинополь, а затем Сербию, Грецию, Трапезунд, острова между Балканами и Малой Азией, Крым, положив начало созданию Османской (по-европейски — Оттоманской) империи.

18

Лье — устаревшая французская мера длины, равная примерно 4,5 км.

19

Фунт — единица веса, в свое время принятая в различных странах.

Консигнатор — грузополучатель. (Примеч. перев.)

21

Негоциант — оптовый купец, ведущий крупные торговые дела, главным образом с чужими странами.

Амир-ал-муминин — повелитель правоверных (араб.). (Примеч. перев.)

23

Фланировать — бродить без цели, праздно прохаживаться.

24

Рамадан — месяц поста в мусульманском календаре.

25

Чубук — часть курительной трубки, через которую тянут дым (более позднее название — мундштук; чубуком стали называть ту чашечку, в которую помещается табак). Чубуком называют и всю большую, опирающуюся на пол курительную трубку особого устройства — кальян.

26

Среда — первый день пасхального поста в католической церкви. (Примеч. перев.)

27

Баклава — пирог с медом и миндалем. (Примеч. перев.)

28

Пиастр — в Турции — разменная монета, равная 1/100 основной денежной единицы — лиры.

29

Латакие — сорт табака. (Примеч. перев.)

30

Коран — священная книга ислама (мусульманской, магометанской религии), содержит основополагающие принципы веры, правила нравственности, а также бытовые и юридические нормы. Составлена по преданиям и записям преемником Пророка Мухаммада — Абу-Бекром (573–634).

31

Улемы — знатоки теологии и религиозного права. (Примеч. перев.)

32

Галата — торговый район Константинополя.

33

Одалиски — невольницы в восточных гаремах (женской половине дома); обычно одалиски являются и наложницами (постоянными любовницами, содержанками) или женами султана.

34

Рахат-лукум — здесь: густой, наподобие сиропа, сладкий фруктовый напиток.

35

Мока — правильно: мокко, сорт кофе.

36

Шербет — прохладительный напиток из сока и сахара.

37

Дилижанс — многоместная карета, запряженная лошадьми, для перевозки почты, пассажиров и их багажа.

38

Тартана — небольшое одномачтовое судно с треугольным парусом. (Примеч. перев.)

39

Феска — головной убор в виде усеченного конуса (обычно красного цвета), с кисточкой.

40

Тюрбан — феска, обмотанная легкой материей. Другое название — чалма.

41

Наргиле — восточный курительный прибор, состоит из металлической чашки, в которую кладется табак, сосуда, наполненного водой, длинного рукава (шланга) с мундштуком на конце; дым пропускается через воду и таким образом очищается.

42

Сен-Готард — перевал в горах Альпы, в Швейцарии. Высота 2108 м. Шоссе на высоте 1100 м. Туннель длиною около 15 км.

43

Бриндизи — город и порт в Южной Италии, на берегу Адриатического моря.

44

Пакетбот — почтово-пассажирское морское судно.

45

Интендант — здесь: торговый агент, представитель фирмы.

46

Муэдзин — глашатай, призывающий с вершины минарета верующих к молитве. (Примеч. перев.)

47

Трапезунд — турецкий вилайет (область) и город на северо-востоке Малой Азии. Ныне называется Трабзон.

48

Мальтийский — относящийся к острову Мальта, в центральной части Средиземного моря, принадлежавшего с 1800 года Великобритании. С 1964 года — независимое государство.

49

Адрианополь — старинный греческий город в низовьях р. Марицы; современный Эдирне.

50

Мухаммад (около 570–632) — родился в Мекке (ныне город в Саудовской Аравии); основатель религии ислама (мусульманской, магометанской), которая наряду с христианской и иудейской считается одной из трех мировых религий. Почитается как Пророк. В 630–631 годах — глава первого мусульманского теократического (возглавляемого религиозным правителем) государства.

51

В коммерческом смысле. (Примеч. перев.)

52

Венгерка — здесь: верхняя одежда в виде курточки или жилета.

53

Парча — шелковая ткань, на которой вытканы и вышиты узоры золотой, серебряной нитью, блестками, канителью (тонкой проволокой).

54

Позументы — ткани в виде ленты или тесьмы, на шерстяной или шелковой основе, с поперечными металлическими нитями.

55

Янычары — привилегированная пехота в султанской Турции, набранная из детей, отобранных у родителей-христиан; играли большую роль в качестве орудия для укрепления абсолютной власти. Упразднены в 1826 году.

56

Сафьяновые пабуджи — сапожки из сафьяна — тонкой, мягкой, ярко окрашенной кожи из козлиных или бараньих шкур.

57

Фасетка — грань драгоценного камня.

58

Имеется в виду султан Махмуд II (1808–1839).

59

Аллах — единый, единственный и всемогущий бог мусульман.

60

Редингот — длинный сюртук своеобразного покроя (верхняя мужская одежда, заменяющая пиджак в особых случаях). Часто используется для верховой езды.

61

Амфора — сосуд (для вина, масла и т. д.) яйцеобразной формы с двумя вертикальными ручками.

62

Турецкая лира — золотая монета стоимостью в 23,55 франка, или около 100 пиастров, каждый по 22 сантима. (Примеч. авт.)

63

Фут — мера длины, равная 12 дюймам, или 30,479 см.

Пара — мелкая турецкая монета. (Примеч. перев.)

65

Херсонес — довольно распространенное в античной Греции название полуостровов; в древности относилось и к Крымскому полуострову. То же название носил и крупнейший греческий город на полуострове, располагавшийся на окраине современного Севастополя.

66

Анатолия — название центральной части полуострова Малая Азия.

67

Маг — чародей, фокусник, волшебник, колдун.

68

Йогурт — сбитое кислое молоко (простокваша).

69

Каймак — сливки.

70

Кебаб — шашлык (у турок).

71

Трактат 1878 года в Берлине подписан на специальном конгрессе, пересмотревшем условия Сан-Стефанского мира, который подвел итоги Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

72

Нови-Пазар — город на юге-западе Сербии, в исторической области, называвшейся Санджаком; автор ошибается: эта часть сербской территории не принадлежала Боснии.

73

Таврида (также — Таврика, Таврия) — древнее название горной и прибрежной частей Крыма по имени племени тавров, жившем в 1-м тысячелетии до н. э. в горном Крыму. После присоединения Крыма к России древнее название стало популярным в образованных кругах общества и употреблялось как неофициальное и поэтическое наименование полуострова.

74

Понт Эвксинский — древнегреческое название Черного моря (буквально: «Гостеприимное море»).

75

Оттоманская (европейское название), или Османская, империя — название султанской Турции. Сложилась в XV–XVI веках в результате завоеваний. В период наибольшего расширения (2-я половина XVI в. — середина 70-х годов XVII в.) включала, кроме самой Турции, весь Балканский полуостров, значительные территории на севере Африки, Месопотамию и др. Распалась после поражения в 1-й мировой войне.

Нахичевань — имеется в виду Нахичевань-Донская в низовьях Дона.

77

Шебек — мелкое трехмачтовое средиземноморское судно, с прямым и косым парусным вооружением; маневрировать могло также при помощи весел.

78

Кирпих — такого порта на южном берегу Турции нет.

79

Бриз — ветер, днем дующий с моря на сушу, а ночью — с суши на море (от неодинакового их нагревания).

80

Название экипажа выбрано автором или переводчиком неудачно: кабриолет — это легкий двухколесный экипаж на высоком ходу, а здесь речь идет скорее о дормезе — большой дорожной карете. Ошибочно поставлено здесь и слово кофр — оно означает дорожный сундук с несколькими отделениями, где никак не могут поместиться (да еще «очень уютно») двое слуг. Следует, видимо, говорить о ящике-багажнике. Неуместно и упоминание о почте: ее, как говорится выше в романе, перевозили в дилижансах.

81

Небесная (точнее Поднебесная) империя — литературно-поэтическое название Китая.

82

Рефрен — здесь: часто повторяемое в речи кого-либо одно и то же выражение, слово.

83

Фаталистический — проникнутый верой в предопределенную, неотвратимую судьбу, рок, Божью волю.

Калах — восточная зимняя меховая шапка. (Примеч. перев.)

85

Хаммаль — носильщик. (Примеч. перев.)

86

Готье Теофиль (1811–1872) — французский поэт и критик, теоретик литературы; много путешествовал по странам южной Европы и Ближнего Востока.

87

Префект — во Франции и некоторых других странах — высший правительственный чиновник в департаменте, провинции, округе.

88

Мутешшариф — управляющий.

89

Каймакан — представитель судебной власти.

90

Мэр — глава муниципального (местного) самоуправления, низшей ступени администрации в странах Запада.

91

Резиденция — место постоянного пребывания крупного официального лица.

92

Епископ — духовный чин в христианской церкви, обычно начальник основной и самостоятельной единицы церковного управления — епархии.

93

Современная Провадия (в Болгарии).

94

Современный город Шумен (в Болгарии).

95

Балканский хребет (Балканы) — здесь автор называет так горную систему Родоп, пересекающую Болгарию в широтном направлении.

96

Диван — здесь: совещательный орган в бывшей султанской Турции, состоящий из министров и высших сановников.

97

Фимиам — здесь: благовоние от курения хорошего табака.

Ныне Констанца. (Примеч. перев.)

99

Абдул-Меджид правил в 1839–1861 годах.

100

Измаил — город на реке Дунае, в 80 км от Черного моря. Известен с XII века. С XVI века — турецкая крепость. В 1790 году завоеван русскими.

101

Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.) — первый известный нам по имени древнегреческий поэт.

102

Цезарь Гай Юлий (102 или 100 — 44 до н. э.) — римский политический деятель, полководец, писатель. Убит в результате заговора республиканцев.

103

Фракийцы — группа древних индоевропейских племен, населявших восточную часть Балканского полуострова.

104

Кельтский язык (вернее, языки) — группа родственных наречий, на которых говорили племена кельтов, индоевропейских племен, занимавших во 2-й половине 1-го тысячелетия до н. э. территорию почти всей Западной, Центральной и частично Восточной Европы. К середине I века до н. э. покорены римлянами.

105

Санскрит — литературно обработанная разновидность древнеиндийского языка, известен с I века до н. э.; используется и ныне в Индии определенными группами населения, а также как язык гуманитарных наук и религиозного культа.

106

Зендский язык — устаревшее название авестийского (древнеперсидского) языка. (Примеч. перев.)

107

В настоящее время название реки возводят к индоевропейскому слову «дану» (вода; течение); близкое по значению слово есть и в санскрите.

108

Кортеж — торжественное шествие.

109

Голенастый — с длинными тонкими голенями, то есть частями ног между бедренной костью и ступней. (Примеч. перев.)

110

Конденсация — здесь: сгущение частиц пара в облаках до перехода в жидкое состояние.

111

Диптеры — насекомые, у которых развита лишь передняя пара крыльев (комары, москиты, мухи и т. д.).

Энтомологический — относящийся к изучению насекомых.

113

Батавия — здесь: историческая область, ставшая в 1795 году республикой, а с 1806–1810 годов — зависимым от Франции Голландским королевством.

114

Легион — здесь: громадное количество, множество.

115

Фосфоресценция — здесь: неточное и ненаучное использование термина, обозначающего нечто совсем иное, нежели свечение огоньков горящего болотного газа.

116

Сероводород — бесцветный газ, образуется, в частности, при разложении белковых веществ. Содержится в некоторых минеральных водах и лечебных грязях.

117

Ага — у турок: начальник, господин.

118

Неверные — здесь: обозначение людей, исповедующих определенную религию, иную, чем та, которой привержены другие люди; иноверцы.

119

Московиты — жители Московии, что есть Русского государства, в иностранных источниках и речи иностранцев XVI–XVII веков. Изредка употреблялось и позже.

120

Ришелье Арман Эмманюэль дю Плесси (1766–1822) — герцог, эмигрировал в Россию во время Великой французской революции. В 1805–1814 годах генерал-губернатор Новороссии, содействовал хозяйственному развитию края и Одессы, в которой его чтут и поныне, здесь воздвигнут сохранившийся до наших дней памятник. Вернувшись в 1814 году во Францию, был министром иностранных дел. Основателем Одессы не был.

121

Новороссия — историческая область на юге России и Украины (2-я половина XVIII — начало XX в.). Занимала территорию степей Северного Причерноморья.

122

«Город Одиссея» — на самом деле какая-либо связь названия города с именем мифического древнегреческого героя отсутствует.

123

Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) — русский государственный и военный деятель, светлейший князь, граф, генерал-фельдмаршал, приближенный императрицы Екатерины II. Был полновластным правителем всего юга России.

124

Екатерина II Алексеевна (1729–1796) — российская императрица с 1762 года. Настоящее имя — Софья Фредерика Августа, немецкая принцесса. Ее роль в истории России весьма значительна.

125

Троянская война — мифическое сражение за овладение городом Троя (на северо-западе Малой Азии, близ входа в пролив Дарданеллы); прославлена древнегреческим эпосом «Илиада», события, описанные в эпосе, обычно относят к XII веку до н. э. На самом деле на месте Трои (Илиона) последовательно сменяли друг друга несколько городов. Один из них обнаружен в XIX веке на холме Гиссарлык немецким любителем древностей Г. Шлиманом, объявившим, что найденные им развалины и есть знаменитая гомеровская Троя.

126

Автор неточен: город Одесса основан в 1794 году; при выборе его названия было использовано название греческой колонии Одесс (Одессос), располагавшейся на западном берегу Черного моря, в районе современной Варны.

127

Космополитический — здесь: многонациональный.

128

Моногамия — единобрачие, устойчивое сожительство одного мужчины с одной женщиной. Противоположное явление — полигамия — многобрачие, чаще всего многоженство.

129

Гинекея — обитательница гарема, относящаяся к низшему разряду наложниц (сожительниц) своего господина.

130

Муслин — легкая тонкая ткань, кисея.

131

Цехии — название золотой монеты, чеканившейся в XIII–XVIII веках на венецианском монетном дворе; у тюркских и некоторых других народов существовал обычай использовать золотые и (чаще) серебряные монеты в качестве женских украшений.

132

Ханум — здесь: сурьма, краска рыжего цвета, используемая для окраски волос и бровей.

133

Хол — род туши.

134

Хна — краска для волос желто-красного цвета, а у некоторых народов — и кожи тела, его отдельных частей.

135

Кермес — красно-розовая краска для губ, изготавливаемая из сока одноименного растения.

136

Фередже — широкое платье, ниспадающее свободными крупными складками.

137

Далматика — длинная белая одежда с рукавами.

138

Шальвары — шелковые женские штаны, надеваемые под платье, доходящие до щиколоток и украшенные понизу вышитой тесьмой, видной из-под края (подола) юбки.

139

Энтари — широкий шелковый пояс, охватывающий талию и удерживающий шлейф.

140

Сутаж — тонкий шнурок из цветных тканевых, золотых, серебряных нитей, служит для отделки одежды, обуви.

141

Гитов — снасть для уборки парусов подтягиванием их к мачте или рею.

142

Кабельтов — морская мера длины, равная 185,2 м.

143

Автор не слишком тщателен при определении происхождения драгоценных камней: жемчуг был привезен скорее всего из Ормуза, ибо именно у берегов Аравийского полуострова с древнейших времен добывают лучшие в мире жемчужины. Офир — древнее название страны, богатой драгоценными камнями и располагавшейся где-то на восточном побережье Африки. Хорошие по качеству сапфиры обнаружены на территории современных Танзании и Малави. Месторождений бирюзы в Македонии нет.

144

Шаровары — широкие и длинные штаны, мужские и женские, стянутые понизу, у щиколоток.

145

Сарык — кисточка на феске.

146

Мул — помесь осла с кобылой.

147

Левант — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция, Кипр, Израиль); в узком смысле — Сирии и Ливана.

148

Тырново — старинный город на юге Болгарии.

149

Яшмак (тур.) — одно из названий чадры, или паранджи.

150

Маяки — селение на левом берегу Днестра, близ его впадения в Днестровский лиман.

151

Ренегат — отступник, изменник, предатель.

Перипетии — здесь: осложнения, обстоятельства.

153

Балюстрада — ограждение балконов, лестницы и т. п., состоящее из ряда столбиков (балясин); перила.

154

Деспот — здесь: самовластный человек, принуждающий других подчиняться его воле.

155

Николаев — город, морской порт на Днепро-Бугском лимане (заливе, образованном при затоплении морем долин равнинных рек) Черного моря.

156

Александровск (ныне — Запорожье) — город тогдашней Екатеринославской губернии, на Днепре.

157

Мекка — в Саудовской Аравии, родина основателя ислама Мухаммада. С VII века — священный город мусульман и место их паломничества. Впервые упоминается во II веке, в современном виде относится к XVI–XVII векам.

158

Жаргон — речь какой-либо социальной группы, ответвление от общенародного языка с наличием специфических слов и выражений, в основном профессиональных.

159

Современные Новая Дофиновка и Южное.

160

Херсонская губерния — одна из южных новороссийских губерний на Черном море, простиралась от Кременчуга до Одессы и от Тирасполя до Кривого Рога.

161

Автор уменьшил протяженность реки; фактическая длина Днепра составляет 2280 км.

162

Алешки — в советское время переименованы в Цюрупинск.

163

Разведение и выращивание тюльпанов составляет в Голландии и национальное увлечение, и предмет гордости, и основательную статью доходов государства и населения.

164

Флорин — так называют в ряде случаев голландские денежные знаки — гульдены.

165

Гомер (время жизни неизвестно; по одной из правдоподобных версий — IX в. до н. э.) — древнегреческий легендарный поэт, автор поэм «Илиада» и «Одиссея», широко известных и ныне.

166

Около 50 000 франков. (Примеч. перев.)

167

Лессепс Фердинанд (1805–1894) — выдающийся французский инженер, предприниматель и дипломат, руководитель строительства Суэцкого канала.

168

Боспорское царство — рабовладельческое государство в северном Причерноморье, в V веке до н. э. — IV веке н. э.

169

Гераклиды — правители древнего города Гераклия (ныне Поликоро) в Южной Италии.

170

Митридат VI Евпатор (123 — 63 до н. э.) — понтийский царь, прозванный Великим, ведший упорные войны с Римом; известен также как знаток ядовитых растений; их силу испытывал на себе и так привык к действию растительных ядов, что мог не бояться отравы.

171

Аланы — ираноязычные племена, с I века жили в Приазовье и Предкавказье.

172

Готы — группа германских племен. С III века жили в северном Причерноморье.

173

Гунны — кочевой народ, сложился во II–IV веках в Приуралье. Подчинив другие племена, совершали опустошительные походы во многие страны. В середине V века союз племен распался.

174

Татары — имеются в виду крымские татары, отколовшиеся в конце XIII века от Золотой Орды.

175

Генуэзцы — от названия города Генуя в Италии, могущественной средневековой республики. Генуя владела многими колониями, в том числе в Крыму, вплоть до середины XV века.

176

Крым присоединен к России в 1783 году. В тексте — ошибка автора (или чья-то опечатка).

177

Сиваш (Гнилое море) — система мелких заливов у западного берега Азовского моря, в Крыму. Вода сильно минерализована (насыщена различными солями). Сиваш отделен от моря Арабатской стрелкой, выход в море через Генический пролив.

178

Атланты — здесь: народ, населявший легендарный остров в Атлантическом океане — Атлантиду, бесследно исчезнувший. Предположения о местонахождении высказывались самые разнообразные.

179

Кербер (Цербер) и греческой мифологии чудовищный трехглавый пес, охранявший вход в подземное царство.

180

Ифигения — в греческой мифологии дочь одного из воителей, была принесена в жертву богам, но спасена богиней Артемидой, перенесшей ее в Тавриду (Крым).

181

Чатырдаг (Шатер-гора) — платообразный массив в Крымских горах. Высота 1527 м.

182

Олимпийские боги — в греческой мифологии главные божества, предводительствуемые Зевсом, жили на вершинах горного массива Олимп (высота 2911 м).

183

Судя по содержанию, речь должна идти не о мысе Айя, нисколько не выглядящем «бараньим лбом», а об Аюдаге.

184

Кызыл-Таш — современная Краснокаменка.

185

Микрокосм — здесь означает как бы изображение Земли в миниатюре. Ошибка автора: со времен Древней Греции философы обозначают этим словом человека как подобие, отражение, зеркало, символ Вселенной — макрокосма.

186

Места отшельничества. (Примеч. перев.)

187

Караимы — немногочисленная народность, живущая в Крыму и Литве. Потомки древних тюрков, исповедуют иудейскую веру (с определенными отклонениями от нее).

188

Иосафатская (Иосафатова) долина — одна из долин в окрестностях города Иерусалима (в нынешнем государстве Израиль); также древнее караимское кладбище в Чуфут-Кале, близ города Бахчисарая в Крыму.

189

Кедронская долина — продолжение Иосафатской; в виде глубокого ущелья спускается в Мертвое море.

190

Страшный суд — в основных мировых религиях — последнее судилище, которое должно определить грешников и праведников. Перед концом света, последующим за вторым пришествием Христа на землю.

191

Ширина Азовского моря (с востока на запад, вдоль 46-й параллели) составляет около 750 км, максимальная протяженность — свыше 1000 км (от основания Арабатской стрелки до устья Дона).

192

Перекоп (Перекопский перешеек) — соединяет Крым с материком. Длина 30 км, ширина 8—23 км.

193

Керченский полуостров — восточная часть Крымского полуострова, омывается Азовским и Черным морями, Керченским проливом.

194

Керченский пролив — между Керченским и Таманским полуостровами. Соединяет Черное и Азовское моря. Длина около 41 км, ширина от 4 до 15 км. Крупный порт — Керчь. Турецкое название Керчи — Еникале (Новая Крепость — по построенному османами оборонительному сооружению).

195

Таманский полуостров (Тамань) — западная оконечность Кавказа между Азовским и Черным морями.

196

Асфальтовое озеро (в Библии — Соляное, у римлян — Мертвое море) — на юго-востоке Палестины; значительно ниже уровня моря (на 1300 футов, то есть около 400 м); удельный вес воды равен 1,166, насыщена различными веществами, что привело к отсутствию в нем живых существ и растений. Площадь около 200 кв. км.

197

Лагуна — мелководный залив или бухта, отделившаяся от моря вследствие образования песчаной косы.

Одногорбые верблюды. (Примеч. перев.)

199

Субстанция — здесь: неопределенный материальный объект.

200

Пророк — человек, наделенный божественным даром, проповедник возвышенных общечеловеческих идей. Здесь имеется в виду Мухаммад.

201

Чебак — местное название леща.

202

Поти — порт на реке Риони, при впадении ее в Черное море (ныне территория Грузии).

203

Аргин — современное село Виноградное.

204

Полиглот — знаток многих языков.

205

Галльский — галлы — римское название кельтов.

206

Пакгауз — закрытое складское помещение для хранения грузов в портах, на железнодорожных станциях, таможнях.

207

Акрополь — укрепленная часть древнегреческого города, расположенная обычно на холме.

208

Неточность автора: ширина Керченского пролива не превышает 15 км.

209

Кенотаф — могильный памятник, под которым нет праха умершего; воздвигается павшим в сражениях, утонувшим и т. д.

210

В античное время Керченский пролив назывался Босфором Киммерийским — в отличие от другого Босфора, пролива, соединяющего Черное и Мраморное моря.

211

Еще одна неточность автора: минимальная ширина Керченского пролива составляет 4 км.

212

Дрофы — семейство птиц отряда журавлеобразпых; живут в степях, полупустынях, в безлесных горах. Летать не могут.

213

Тюрбо (или калкан) — рыба отряда камбалообразных, длина до 1 м, вес до 10 кг. Водится в Черном и Адриатическом морях.

214

Еникале завоевана Россией у турок не в 1771 году, а в 1774 году. Ошибка автора.

215

Ван Миттен сознательно смешивает греческое слово «понт(ос)», означающее «море», с одинаково звучащим латинским словом, переводящимся «мост».

На самом деле эта коса носит на русских картах название Тузла («соль»).

217

Тмутаракань — один из самых южных городов восточных славян в XI–XII веках, основан — хазарами и перешедший к русским в 988 году; центр одноименного древнерусского княжества; располагался на восточном берегу Керченского пролива.

218

Пеликаны — большие водоплавающие птицы, водятся в устьях рек, на морских берегах, отлично летают. Ловят рыбу, пряча ее в кожистый мешок под клювом.

219

Гагары — водоплавающие птицы, обитают в северных широтах. Какая-то оплошность автора, «поселившего» их в Крыму.

220

Это утверждение автора неверно: Большой Кавказский хребет вытянут в длину почти на 1500 км.

221

Елисаветполь — так назывался в 1804–1918 годах азербайджанский город Гянджа (в советское время, в 1935–1991 гг., носил название Кировабаду.

222

Арарат — потухший вулкан на востоке Турции, близ границы с Арменией, состоит из двух конусов высотой в 5156 и 3925 м. По Библии, пророк Ной, получив весть о предстоящем всемирном потопе, построил корабль (ковчег), посадил на него свое семейство и по паре всех живых существ Земли, спасши тем самым жизнь на планете.

223

Шат-Эльбрус — здесь, видимо, автор подразумевает Большой Кавказский хребет, соединив местное и общепринятое название главной его вершины. Трудно объяснить, почему в соседних строках автором указаны две цифры, характеризующие высоту Эльбруса — 4000 и 5600 метров (последняя цифра правильна, а еще точнее высота равна 5633 м).

224

Казбек — гора в центральной части Большого Кавказа, высота 5047 м (у Жюля Верна цифра неправильна).

225

Лабиринт — сооружение или природный объект со сложным и запутанным планом.

226

Каботаж — прибрежное плавание судов.

227

Лианы — древесные и травянистые лазающие или вьющиеся растения, использующие в качестве опоры другие растения, скалы, стены зданий и т. д. Около Двух тысяч видов. К лианам относятся, например, виноград, хмель.

228

Азалея — горные кустарники семейства вересковых, растут в Малой Азии и Закавказье.

229

Калмыки появились в Предкавказье в первой половине XVII века; калмыки являлись частью монгольского племени ойратов и состояли из четырех колен: джунгаров, хошоутов, дурботов и тогоутов. Калмыки поселились в степях с разрешения царского правительства, но в 1771 году значительная их часть откочевала обратно в Азию. В конце XIX века в степях между Волгой и Доном жило около 190 тысяч калмыков.

230

Поселком Душа автор называет Даховский посад, располагавшийся в то время на территории современного города Сочи.

231

Это утверждение автора не соответствовало действительности.

232

Хачапури — грузинское национальное блюдо, тогда как автор описывает трапезу в русском казачьем селении.

233

Сорт табака. (Примеч. перев.)

234

Мурад IV (1623–1640) — турецкий султан, дозволивший, между прочим, своим подданным употребление вина, запрещенное Кораном.

235

Белладонна — многолетнее травянистое растение семейства пасленовых. Употребляется как болеутоляющее, снимающее спазмы средство, ядовито.

Падуб — вечнозеленые деревья и кустарники, используются в живых изгородях как декоративные. В некоторых местах листья используют вместо чая, а семена — как суррогат кофе.

237

Неясно, какой географический объект автор понимает под этим названием.

238

Кампания 1859 года — в ходе Кавказской войны 1817–1864 годов завоевание русским царизмом Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа. В данной кампании был взят в плен вождь горцев Шамиль (1797–1871), умерший в России.

239

Неф — часть здания, храма, внутри разгороженная одним или двумя рядами колонн или арок на продолговатые проходы.

240

Греческий крест — простой равносторонний крест, две перекладины которого пересекаются точно посередине.

241

Фреска — живопись по сырой штукатурке красками, разведенными на воде; настенная живопись.

242

Сухум-Кале — турецкое название города Сухуми, бывшее в употреблении и в дореволюционной России.

243

Хори — похоже, это современная Меоре-Гудава.

244

Редут-Кале — современное грузинское село Кулеви. Ж. Верн ошибается, называя это селение «главным населенным пунктом Мегрелии».

245

Лазистан — страна лазов, этнографической группы грузин, живущих в Аджарии и на северо-востоке Турции.

246

Фасис — античное название реки Риони.

247

Здесь кратко изложен древнегреческий миф. Драгоценное руно (или Золотое руно) — шкура золотого барана, похищенная греками в этом мифе. Аргонавты — участники данного похода, плывшие на корабле «Арго». Колхида — место, куда они прибыли (Западная Грузия).

248

Здесь кратко изложен известнейший древнегреческий миф, положенный в основу бесчисленных произведений искусства разных времен и народов.

249

Агач — турецкое обозначение версты (верста — единица измерения расстояния в России, равная 500 саженям, или 1,067 км).

250

Сакарио — современное грузинское селение Сабажо.

251

Эсон — царь Иолка, древнего города в Фессалии (Сев. Греция), у подножия г. Пелион; современный Волос.

«Берлина» — четырехколесная карета, со стеклянными окнами и съемной крышей.

253

Пуд — русская мера веса, равен 40 фунтам, или приблизительно 16,4 кг.

254

Пашалык — турецкое название области, подчиненной паше, — губерния. (Примеч. перев.)

255

Клянусь Аллахом! (ар.) — тройная формула клятвы, «усиливающая» заклинание; каждое из трех слов переводится одинаково.

256

Эрзерум (турецкое Эрзурум) — город и административный центр на северо-востоке Турции, в той части, где проживали армяне. Ж. Верн ошибается: Эрзерум никогда не был столицей Армении; возможно, автор имел в виду относительно близкий Ани, бывший столицей Армении в X–XIII веках.

257

Евфрат — река в Турции, Сирии, Ираке. Длина 3065 км. Берет начало в горах Армянского нагорья, в низовьях сливается с рекой Тигр и впадает в Персидский залив. Образуется слиянием рек Карасу и Тузлы.

258

Ксенофонт (ок. 430–355 или 354 до н. э.) — древнегреческий писатель и историк, почти все сочинения которого дошли до нашего времени. В одном из — «Анабасис» — рассказал о поражении десяти тысяч греков, которыми он командовал в битве при Кунаксе в 401 году против персов.

259

Духан — на Кавказе, в Турции — кабачок, закусочная, иногда и заезжий дом.

260

Аршава — современное прибрежное селение Мусазаде.

261

Черное море (тур.; примеч. перев.)

262

Вице — современное прибрежное селение Фындыклы.

263

Аллюр — вид движения лошади (шаг, рысь, галоп и т. д.).

264

Фригийский колпак — головной убор жителей Фригии (древнее государство в Малой Азии) — высокий конус с ниспадающим верхом. Во время революций служил символом свободы и единства (в том числе и в Великой Французской революции 1789–1794 гг.).

265

Флейта Пана — духовой инструмент в виде связанных вместе нескольких дудочек различной величины и настройки; эти дудочки составлены вертикально, причем самые длинные располагаются в середине.

266

Атина — хорошо защищенная от ветров якорная стоянка между Трабзоном и Риони; в береговом поселении когда-то существовал эллинистический храм богини Афины и крепость, разрушенные еще в древности. На итальянских морских картах XIV века упоминался как Сентина. Современное название — Пазар.

Макадам — щебеночное покрытие. (Примеч. перев.)

268

Заптие (тур.) — конный охранник.

269

Пилон — здесь: башнеобразное сооружение в виде усеченной пирамиды, служащее опорой чему-либо.

270

Катаклизм — крутой разрушительный переворот, катастрофа.

271

Амплитуда — размах колебаний, наибольшее отклонение колеблющегося (например, маятника) от положения равновесия.

272

Везикулярная форма — полушаровидная.

273

Спасательные ракеты — Выстрелом из специальной пушки с борта спасательного корабля перебрасывают канат на судно, терпящее бедствие. С помощью этого каната осуществляется либо буксировка тонущего корабля, либо переправа людей, перебирающихся по канату на руках или поодиночке вытягиваемых к спасателям.

274

Дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

275

Штиль — затишье, безветрие.

276

Колонна дорического ордера (стиля) — Колонна представляет собой круглый, иногда многогранный столб, состоящий из трех частей: ствола, капители (верхняя часть) и базы (нижняя часть). У колонн дорического ордера капитель делается без украшений, слегка закругленной снизу, ствол покрыт во всю длину продольными желобками, база отсутствует. Второй тип ордера в Древней Греции — ионический — характеризуется значительно большим разнообразием форм. Дорийцы и ионийцы, давшие название этим двум архитектурным ордерам, основные греческие племена конца 2-го тысячелетия до н. э.

277

Падишах — здесь: титул турецкого султана.

278

Анчоус (иначе хамса) — мелкая рыба, близкая к сельди. Ловится, в частности в Азовском и Черном морях.

279

На берегах Черного моря живут птицы из отряда поганкообразных, которых во времена Ж. Верна объединяли в одну классификационную единицу с гагарообразными; речь идет об одном из трех видов: серощекой, черношейной или же малой поганке.

280

Караван-сарай — постоялый двор в Азии, место отдыха, стоянки караванов (вьючных животных, перевозящих грузы — верблюдов, мулов, ослов, редко лошадей), с гостиницами и складскими помещениями.

281

Арсенал — здесь: большое количество оружия.

282

Ятаган — кривой турецкий кинжал.

283

Метр (фр.) — хозяин, владелец.

Ипостась — здесь: одно из обличий, принимаемых данной личностью, проявление разных совокупностей ее качеств (в данном случае женщина выявляет свойства, роднящие ее с конкретным мужчиной).

285

Минтан — подобие легкого кафтанчика.

Пюскюл — кисточка, украшающая феску.

287

Карбункул — полудрагоценный камень, красный гранат.

288

Саркастический — язвительно-насмешливый.

289

Апломб — излишняя самоуверенность в общении, разговоре.

290

«От сотворения мира» (как в европейских странах — от Рождества Христова) ведут летоисчисление во многих государствах мусульман.

291

Милетская колония — владение богатого и могущественною древнегреческого города Милета, располагавшегося на берегу Малой Азии.

292

Помпей Великий Гней (106 — 48 до н. э.) — римский полководец. В числе прочего, с 66 года воевал с Митридатом VIII, одержав победу.

293

Велизарий (490–565) — знаменитый византийский полководец.

294

Юстиниан I (482 или 483–565) — византийский император с 527 года. Осуществил крупные завоевания в Северной Африке и Западной Европе.

295

Комнины — династия византийских императоров в 1081–1185 годах.

296

Наполеон I (Наполеон Бонапарт, 1769–1821) — французский император в 1804–1815 годах, великий полководец.

297

Трапезундская империя — греческое государство на северо-востоке Малой Азии в 1204–1461 годах. Завоевана турками.

Ортодоксальный — здесь: правоверный.

299

Сандал — быстроходное арабское парусное судно.

300

Экстравагантный — сумасбродный, причудливый, необычайный, из ряда вон выходящий.

301

Клан — родовая община, своего рода большая разветвленная семья.

302

Йемени — широкая шелковая лента, лоскут.

303

Аграф — нарядная пряжка или застежка.

304

Имам — духовное лицо у мусульман.

305

Порфирородный — в Византийской империи наименование сыновей императоров, рождаемых во время царствования последних.

Авантажный — благовидный, красивый.

307

Нефрит («почечный камень») — плотный полупрозрачный минерал, который отличается большой вязкостью и хорошо полируется; считался средством против почечной болезни; цвет — разнообразный; чаще всего встречается зеленая разновидность. Используется для ювелирных и декоративно-художественных изделий.

308

Раджаб — седьмой месяц мусульманского лунного календаря; в XIX веке соответствовал ноябрю — декабрю европейского календаря.

309

Хиджра — переселение Мухаммада и его приверженцев из Мекки (место его рождения, Аравийский полуостров) в Медину (город там же; в ней Мухаммад и похоронен) — в сентябре 622 года. Год хиджры — начало мусульманского календарного летоисчисления.

310

Зенит — здесь: точка небесной сферы (воображаемой шаровой поверхности), точка, в которой проведенная вверх вертикальная линия пересекается с небесной сферой.

311

Надир — точка небесной сферы, находящаяся под горизонтом и противоположная зениту.

312

Апофеоз — торжественное завершение события.

313

Гурия — мифическая дева мусульманского рая.

314

Экстатический — восторженный до крайней степени.

315

Дервиш — нищенствующий мусульманский монах.

316

Амбра — здесь: ароматическое, благовонное вещество и его запах.

317

Мирра — благовонная смола некоторых африканских и аравийских деревьев.

318

Джаник — приморский хребет, занимающий только часть территории между Трапезундом (Трабзоном) и Синопом.

319

Вифиния — страна к западу от Синопа называлась Пафлагонией, и только за ней, западнее современного Зонгулдака, начиналась Вифиния.

320

Видимо, автор имеет в виду фригийский город Котией. Однако Малая Азия никогда не была единым государством (ни даже единой провинцией), поэтому говорить о какой-то «столице» ее не имеет смысла.

321

Имеется в виду современный Акчаабад.

322

Гольштейн — историческая область на севере Германии; часть земли Шлезвиг-Гольштейн.

323

Проконсул — должностное лицо в Древнем Риме (обычно — бывший консул), назначенный наместником провинции (завоеванной Римом страны вне Италии).

324

Лукулл (ок. 117 — ок. 56 до н. э.) — римский полководец. Славился также богатством, роскошью и пирами.

325

Гурман — знаток и любитель изысканных блюд, лакомка.

326

Амазонки — в древнегреческой мифологии — воинственное племя женщин, живших у берегов Черного моря и совершавших конные походы в другие страны.

327

Ошибка автора: Самсун расположен близ устья р. Мурат, в нескольких десятках километров западнее устья р. Ешиль-Ирмак.

328

Форт — долговременное мощное оборонительное укрепление.

329

Страбон (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.) — древнегреческий географ, историк, путешественник.

330

Полибий (ок. 200 — ок. 120 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Истории» в 40 томах, частично сохранившихся до наших дней.

331

Карфаген — древний город-государство в северной Африке. Основан в 825 году до н. э. В результате завоеваний захватил огромные территории, превратился в могучую рабовладельческую державу. После поражения в длительных войнах с римлянами (264–146 до н. э.) полностью разрушен.

332

Нимфы — в древнегреческой мифологии — второстепенные богини, олицетворявшие силы природы.

333

Аполлон — в древнегреческой мифологии и религии — бог-целитель и прорицатель, покровитель искусств. Изображался прекрасным юношей.

334

Лисимах (361–281 до н. э.) — полководец Александра Македонского, основатель государства на завоеванных им, Лисимахом, землях, которое распалось после его гибели.

335

Александр Македонский (356–323 до н. э.) — царь Македонии (государство на Балканском полуострове) с 336 года. Создал путем захвата крупнейшую мировую монархию древности, развалившуюся, когда он умер.

336

Очевидно, имеется в виду современный город Зонгулдак.

337

Диодор Сицилийский (ок. 90–21 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Исторической библиотеки» в 40 книгах, дошедшей до нашего времени не полностью.

338

Геракл (Геркулес) — герой греческой мифологии, наделенный необычайно силой, совершил множество подвигов, наиболее известны 12 из них.

339

Сакария — современный городок Карасу в устье р. Сакарья.

340

Современное название мыса — Кефкен.

341

Аврелиан (214 или 215–275) — римский император с 270 года.

Обыгрываются смыслы: плотина — преграда. (Примеч. перев.)

343

2/5 территории Голландии расположены ниже уровня моря и ограждены плотинами.

344

Мираж — оптическое явление, наблюдаемое в пустынях (и в морях, как рассказано здесь), состоящее в том, что предметы, скрытые за далеким горизонтом; становятся видимыми благодаря искривлению лучей света в неравномерно нагретых слоях воздуха.

345

Сейчас залив называется Измитским.

346

Наедине (фр.).

347

Пантера — хищник семейства кошачьих, водится в теплых краях.

348

Мистификация — обман, намеренное введение кого-либо в заблуждение, «розыгрыш».

349

Изложен древнегреческий миф.

350

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824) — английский поэт-романтик, аристократ, лорд (высший дворянский титул в Англии). Будучи хромым, тем не менее всерьез увлекался спортом.

351

Ниагарский водопад на реке Ниагара. Водопад разделяется островом на Канадскую часть (ширина около 800 м, высота 48 м) и американскую (ширина 300 м, высота 51 м). Данные, приведенные в романе округленно, — точны (фут равен 30,5 см).

352

Ошибка основана на созвучии слов decedee — «скончавшаяся» и decidee — вшившая». (Примеч. перев.)